

КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЧЕРНОМОРСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СЕРЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИШТИНА-ЛЕПОСАВИЧ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ МАХАТМЫ ГАНДИ
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
«ШКОЛА МОЛОДОГО ПОЛИТОЛОГА»

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО
МИРА»**

**Сборник научных трудов XLIV Международного
Харакского форума**

(Ялта-Симферополь, 21-25 ноября 2024 г.)

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2025

УДК 32 (31)
ББК 74.00
П 50

*Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Т.А. Сеньюшкина, доктор политических наук, профессор.

Научный редактор:

Е.А. Сеньюшкин, кандидат политических наук, доцент.

Рецензенты:

Драган Танчич, доктор политических наук, профессор;

Раджив Кумар, доктор политических наук, профессор;

Миодраг Гордич, доктор политических наук, профессор.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50 **Политическое пространство и социальное время:
геоэкономические модели формирования полицентричного мира.**
Сборник научных трудов XLIV Международного Харакского форума
21-25 ноября 2024 г., г. Ялта – Симферополь / Под общ. ред.
Т.А. Сеньюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сеньюшкин]. – Симферополь :
ИТ «АРИАЛ», 2025. – 376 с.
ISBN 978-5-907983-67-0

В сборнике размещены материалы XLIV Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: геоэкономические модели формирования полицентричного мира», состоявшегося в г. Ялта 21-25 ноября 2024 г. Обобщаются теоретические дискуссии, посвящённые осмыслению тенденций развития политического пространства и социального времени, раскрываются актуальные проблемы формирования полицентричного мира в контексте геополитического подхода к моделированию международных политических процессов. Книга будет полезна исследователям, занимающимся междисциплинарными исследованиями на стыке политологии, философии, правоведения, социологии и международных отношений.

УДК: 32 (31)

ББК: 74.00

ISBN 978-5-907983-67-0

© Сеньюшкина Т.А., 2025

© ИТ «АРИАЛ»,

макет, оформление, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое читателю издание содержит научные труды, которые нашли своё отражение в докладах, прозвучавших на площадках XLIV Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: геоэкономические модели формирования полицентричного мира», состоявшегося 21-25 ноября 2024 года в г. Ялта и г. Симферополь в смешанном формате (офлайн/онлайн).

Форум был организован Крымским федеральным университетом имени В.И. Вернадского, Севастопольским государственным университетом, Черноморским информационно-аналитическим центром, Институтом сербской культуры Приштина/Лепосавич, Сербия, Университетом имени Джавахарлала Неру, г. Дели, Индия, Университетом науки и технологий, г. Мегхалайя, Индия и Студенческим научным обществом «Школа молодого политолога».

В работе форума приняли участие 138 представителей научного сообщества России и зарубежных стран, таких как Беларусь, Индия, Сербия, Казахстан, Республика Кипр, Франция и Польша.

Традиционно основной площадкой форума стал Харакс – бывшее великокняжеское имение Георгия Михайловича Романова в Ялте (Гаспра), располагавшееся на месте древней Римской крепости Харакс, основанной в 1 веке н.э.

В рамках XLIV Международного Харакского форума были проведены: пленарная сессия, две секции (секция 1. «Отражение политического пространства и социального времени в современных теориях власти и общества»; секция 2. «Геоэкономические модели формирования полицентричного мира»); круглый стол памяти А. С. Панарина «Стратегическая нестабильность в XXI веке»; XVI Международный семинар «Религия и гражданское общество» и XXV Международный семинар «Этничность и власть», а также Школа молодого политолога», в рамках которой была проведена деловая игра «Модель БРИКС-2024».

Оргкомитет форума выражает благодарность Черноморскому информационно-аналитическому центру и лично его директору Андрею Владимировичу Мохову за финансовую поддержку данного издания.

Сенюшкина Т.А.

*Сопредседатель оргкомитета форума,
доктор политических наук, профессор*

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ОСВЕЩЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В ВЕДУЩИХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Аблеев С.С.

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, студент факультета иностранных
языков и регионоведения*
E-mail: ablevsimon@yandex.ru

Научный руководитель: Кузьминская С.И.,

*кандидат филологических наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, доцент Центра лингвистики и
профессиональной коммуникации*
Email: sk-teacher@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме политической поляризации в современном американском обществе, ярко проявляющейся в медиадискурсе, особенно в контексте обсуждения нелегальной миграции. Автор анализирует влияние политических предпочтений СМИ на их подход к освещению миграционного кризиса, разделяя их на два лагеря: поддерживающих Республиканскую партию и симпатизирующих Демократической партии. В статье рассмотрены коммуникативные стратегии, используемые медиа: стратегия вуалирования, характерная для либеральных изданий, и стратегия демонизации, свойственная консервативным СМИ. Автор приходит к выводу, что отношение к нелегальной миграции остается одним из ключевых факторов поляризации американского медиaprостранства, а рост напряженности в этой сфере усиливает раскол между различными политическими группами и медиа.*

***Ключевые слова:** нелегальная миграция, коммуникативная стратегия, медиадискурс, стратегия демонизации, стратегия вуалирования.*

COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS IN COVERING THE ISSUE OF ILLEGAL IMMIGRATION IN LEADING AMERICAN MEDIA

Ableev S.S.

*Lomonosov Moscow State University,
student of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies
E-mail: ableevsimon@yandex.ru*

Scientific advisor: Kuzminskaya S.I.

*Candidate of philology
Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, associate professor of the Centre of Linguistics and
Professional Communication
Email: sk-teacher@mail.ru*

Abstract. *The article addresses the issue of political polarization in contemporary American society, vividly reflected in media discourse, particularly regarding illegal immigration. The author examines how media outlets' political affiliations influence their approaches to covering the immigration crisis, dividing them into two groups: those supporting the Republican Party and those favoring the Democratic Party. The article explores communication strategies employed by the media: the veiling strategy, typical of liberal outlets, and the demonization strategy, characteristic of conservative media. The author concludes that attitudes toward illegal immigration remain a key factor in the polarization of American media discourse. Increasing tensions in this area further deepen the divide among political groups and media outlets.*

Keywords: *illegal immigration, communicative strategy, media discourse, demonization strategy, veiling strategy.*

В современном американском обществе нарастает процесс политической поляризации, который затрагивает различные общественные институты. Наиболее ярко данный процесс проявляется в СМИ, которые превращаются в рупоры пропаганды взглядов тех или иных политических группировок. Одной из ключевых проблем, порождающих острые противоречия как в американских правящих кругах, так и в медиадискурсе, является проблема нелегальной миграции в США.

Миграционная политика является важным вопросом не только в американском медиаполе, но и в отношениях местных и федеральных

властей в США. В ряде штатов существуют так называемые «города-убежища» (*sanctuary cities*), власти которых отказываются содействовать федеральным иммиграционным службам в поиске и депортации нелегальных мигрантов [7]. Подобная политика органов городского самоуправления де-факто саботирует применение федерального иммиграционного законодательства, что вызывает дополнительную напряженность в отношениях между местными властями и федеральным правительством.

Представитель Республиканской партии Дональд Трамп, бывший президентом США в 2016–2020 гг. и вновь избранный на этот пост в 2024 г., в ходе предвыборной кампании 2024 г. ставил в качестве одной из своих целей преодоление иммиграционного кризиса. Как отмечалось некоторыми исследователями, политика Трампа в ходе его пребывания на посту президента была направлена на противодействие как легальной, так и нелегальной иммиграции в США [1]. Во время своего первого срока на посту президента Трамп инициировал строительство стены на границе с Мексикой и массовые депортации нелегальных мигрантов. Уже в 2024 г. он обещал решительно бороться с мигрантами-нелегалами и усилить меры безопасности на американо-мексиканской границе.

Его оппонент на прошедших президентских выборах Камала Харрис, представляющая Демократическую партию, предлагала куда менее радикальные меры по контролю за миграционными процессами. Однако, ей так и не удалось представить последовательную программу решения миграционной проблемы, что отчасти стало причиной её поражения на президентских выборах 2024 г.

Большая часть американских СМИ имеет определенный политический уклон, который влияет на освещение тех или иных вопросов социального и политического устройства Америки, таких как распределение полномочий между федеральными и местными властями, аборт, однополые браки и др. Взгляды ведущих американских СМИ на проблему нелегальной миграции можно разделить на две категории. Издания, симпатизирующие Республиканской партии, поддерживают решительные меры по борьбе с нелегальной миграцией, предлагаемые Дональдом Трампом и его сторонниками. Поддерживающие Камалу Харрис и левые силы СМИ делают акцент на положительном влиянии иммиграции на американское общество и занимают более мягкую позицию по отношению к нелегальным мигрантам, а также критикуют Дональда Трампа за излишнюю жесткость по миграционному вопросу.

При освещении проблемы нелегальной миграции СМИ применяют ряд коммуникативных стратегий, в частности стратегии вуалирования и демонизации. Стратегией вуалирования называется попытка представить неприглядные факты или болезненно воспринимаемые обществом явления в более выгодном свете с целью уменьшения их влияния на сознание аудитории [2]. Стратегия демонизации используется для конструирования резко негативного образа какого-либо лица или социальной группы и оправдания направленных против них действий [3].

Стратегии вуалирования придерживается газета «The New York Times», занимающая умеренно-левую позицию. В публикации, затрагивающей миграционный кризис в Нью-Йорке, властями обществу предлагается рассматривать приток мигрантов не как бедствие, а как хорошую возможность для ускорения темпов городского развития» [5]. Размах же проблем, порожденных наплывом мигрантов, преуменьшается, а внимание аудитории фокусируется на пользе, которую иммигранты приносят Нью-Йорку.

Открыто поддерживавшая кандидатуру Харрис газета «The Washington Post», которую обычно относят к числу умеренно-левых изданий, стала активно отрицать связь миграционного кризиса и всплеска насильственных преступлений в США. По мнению автора статьи, посвященной проблеме преступности в иммигрантской среде, мигранты куда более законопослушны, чем рождённые в США американские граждане («*allimmigrants <...> are more law-abiding than native-born American citizens.*») [7]. При этом в статье признается, что за время пребывания Джо Байдена на посту президента США в страну въехало более 5 миллионов нелегальных мигрантов. Заявления газеты призваны создать у читателей положительный образ иммигрантов и разрушить укоренившееся в сознании многих американцев представление о том, что мигранты ответственны за увеличение количества преступлений в США.

Симпатизирующие республиканцам и консервативным силам издания резко критикуют действия американского правительства в сфере миграции и подчёркивают серьёзность стоящих перед США миграционных вызовов. Газета «The New York Post» называет миграционную политику Джо Байдена и предложения Камалы Харрис «противоречащими американским интересам» («*...their border policies are in direct opposition to American interests...*») [4]. В статье, освещающей ситуацию на границе с Мексикой, отмечается, что либеральная миграционная политика демократов привела к проникновению в США преступников и членов бандитских

группировок («*criminal sandgangbangers*») [4]. Кроме того, в приведенном выше примере можно отметить употребление оценочной и негативно окрашенной лексики, что является одной из тактик, способствующих достижению целей стратегии демонизации.

Правые издания также стараются подчеркнуть связь между нелегальной миграцией и ростом контрабанды наркотиков из Мексики. Онлайн-газета «The Federalist» утверждает, что недостаточное внимание к проблеме пограничного и иммиграционного контроля привело к созданию угрозы американским гражданам со стороны мексиканских наркокартелей («*unsecured border has left the American people to suffer at the will of Mexican drug cartels*») [8]. Обращая внимание своей аудитории на взаимосвязь миграционного кризиса и усиления влияния наркокартелей, автор данной статьи пытается убедить своих читателей в необходимости решительных мер по борьбе с наркокартелями и проникновением нелегальных мигрантов на территорию США.

Как видно из приведенных выше примеров, консервативные издания применяют стратегию демонизации для создания негативного образа мигрантов и внушают своей аудитории, что нелегальная миграция является угрозой национальной безопасности США. Сочувствующие республиканцам СМИ используют обвинения в создании миграционного кризиса в качестве инструмента политической борьбы против Камалы Харрис и Демократической партии.

Таким образом, отношение к легальной и нелегальной иммиграции в США остается одним из основных факторов поляризации американского медиадискурса. Леволлиберальные СМИ придерживаются стратегии вуалирования, создавая у своей аудитории положительный образ иммигрантов и умалчивая о негативных последствиях нелегальной миграции. Поддерживающие Дональда Трампа и Республиканскую партию издания, напротив, прибегают к стратегии демонизации, формируя негативный образ иммигрантов и обращая внимание своей аудитории на проблемы и вызовы, порождаемые бесконтрольной миграцией. Можно предположить, что в дальнейшем раскол в американском медиадискурсе будет только нарастать в связи с усугублением миграционного кризиса и неприятием либеральными СМИ миграционных инициатив Дональда Трампа.

Список литературы

1. Гарусова Л.Н. Эволюция иммиграционной политики США: фактор нелегальной миграции // Россия и АТР. 2020. №1 (107). С.104–117.
2. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
3. Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Манипуляции массовым сознанием: политическая мифология и стратегия демонизации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №5. С. 172–175.
4. Editorial board. Harris-Biden’s last-minute migrant moves are an attempt to hide their border mess // The New York Post [Электронный ресурс]: 2024. 23 октября. URL: <https://nypost.com/2024/10/23/opinion/harris-bidens-last-minute-migrant-moves-are-an-attempt-to-hide-their-border-mess/>(дата обращения: 23.10.24)
5. Bellafante G. The Migrant Crisis Did Not ‘Destroy’ New York. But Challenges Remain // The New York Times [Электронный ресурс]: 2024. 20 сентября. URL: <https://www.nytimes.com/2024/09/20/nyregion/mayor-adams-migrant-crisis-ny.html> (дата обращения: 25.10.24)
6. Lee J.C., Omri R., Preston J. What Are Sanctuary Cities? // The New York Times [Электронный ресурс]: 2017. 6 февраля. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2016/09/02/us/sanctuary-cities.html?ysclid=m31gdg1ufv682638389> (дата обращения: 24.10.24)
8. Kessler G. The truth about illegal immigration and crime // The Washington Post [Электронный ресурс]: 2024. 29 февраля. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2024/02/29/truth-about-illegal-immigration-crime/>(дата обращения: 27.10.24)
9. Rodriguez S. Fixing The Border Crisis Starts With Identifying Mexican Cartels As Terrorist Organizations // The Federalist [Электронный ресурс]: 2024. 18 октября. URL: <https://thefederalist.com/2024/10/18/fixing-the-border-crisis-starts-with-identifying-mexican-cartels-as-terrorist-organizations/>(дата обращения: 29.10.24)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ ТЕОРИИ – К ПРАКТИКЕ

Арап С.Л.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия», студент
E-mail: suvade_arap@mail.ru*

Научный руководитель: Сенюшкина Т.А.,

*доктор политических наук, профессор, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Институт «Таврическая
академия, профессор кафедры политических наук и международных
отношений
E-mail: tsenyushkina@cfuv.ru*

***Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные теоретические и практические вопросы современной российской национальной политики, которая представляет собой многомерную систему, включающую правовые, политические, культурные, экономические, социальные, языковые и идеологические аспекты. Подчёркивается, что от эффективности государственной национальной политики зависит характер дальнейшего развития российского государства, его стабильность и устойчивость. В современных условиях национальная политика РФ также играет ключевую роль в противодействии внутренним и внешним вызовам, связанным с сохранением суверенитета, территориальной целостности и культурного многообразия страны.*

***Ключевые слова:** национальная политика, суверенитет, территориальная целостность, национальная идентичность.*

NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: FROM THEORY TO PRACTICE

Arap S.L.

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Tavrida Academy
Institute, student
E-mail: suvade_arap@mail.ru*

Scientific supervisor: T.A. Senyushkina

Doctor of Political Sciences, Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy Institute, Professor of the Department of Political Sciences and International Relations

E-mail: tsenyushkina@cfuv.ru

Abstract. *The article examines current theoretical and practical issues of modern Russian national politics, which is a multidimensional system that includes legal, political, cultural, economic, social, linguistic and ideological aspects. It is emphasized that the nature of the further development of the Russian state, its stability and sustainability depend on the effectiveness of the state national policy. In modern conditions, the national policy of the Russian Federation also plays a key role in countering internal and external challenges related to the preservation of the sovereignty, territorial integrity and cultural diversity of the country.*

Keywords: *national policy, sovereignty, territorial integrity, national identity.*

Актуализация исследовательского интереса к теме национальной политики, как в теоретическом, так и в практическом смысле, связана с ролью государственного регулирования такого сложного общественного сегмента, как межнациональные отношения. В соответствии с Конституцией Российской Федерации, Россия является многонациональным государством, в котором проживает более 190 национальностей. Поэтому возникает необходимость поиска баланса между интересами различных этносов и регионов, страны в целом. Для анализа национальной политики РФ важно рассмотреть основные теоретические подходы, которые определяют её содержание и механизмы реализации.

Теме национальной политики посвящены исследования Тишкова В.А., Зорина В.Ю., Шабаяева Ю.П., Абдулатипова Р.Г., Ачкасова В.А., Попкова Ю.В., Вдовина А.И., Межуева В.М., Сенюшкиной Т.А. и др. Как показывает обзор литературы, в работах названных исследователей можно найти различные подходы к определению содержания понятия «национальная политика». Так, В.А.Тишков под национальной политикой России понимает политику «обеспечения общенациональных интересов российского народа, среди которых главными являются благополучие, безопасность и развитие страны на основе равноправного и солидарного взаимодействия и сотрудничества всех россиян независимо от их этнической принадлежности и религиозных убеждений» [1, с. 69].

Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г в работе «Национальная политика в России: XVI — начало XXI века» под национальной политикой понимают систему «законодательных, организационных и идеологических мер, осуществляемых государством и направленных на учет, сочетание и реализацию национальных интересов, на разрешение противоречий в сфере национальных отношений» [2, с. 304.]. Попков Ю.В. под национальной политикой понимает политику, касающуюся разных этнических (этносоциальных, этнокультурных) субъектов как носителей этнокультурного разнообразия [3].

Помимо работ исследователей в области национальной политики содержание данного понятия отражено и в справочной литературе. В частности, в словаре социолингвистических терминов приводится следующее определение национальной политики: это «деятельность государственной власти, партии или общественной группы по регулированию экономических, правовых, идеологических, культурных и языковых отношений между нациями, народностями и этническими группами» [4, с. 312]. Как видно из этого определения, национальная политика тесно связана с языковой политикой, поскольку язык является важнейшим средством национальной идентификации. Необходимо отметить, что это определение не раскрывает конкретные цели, которые преследует национальная политика, в частности, такие как обеспечение этнополитической стабильности, защита прав национальных меньшинств, сохранение культурного разнообразия или формирование гражданской идентичности.

В словаре лингвистических терминов под национальной политикой понимается «деятельность государственных ветвей власти, партий или общественных групп по регулированию экономических, правовых, идеологических, культурных и языковых отношений между нациями, народностями и этническими группами» [5, с. 486]. В словаре-справочнике «Этнология» дано следующее определение: «национальная политика - это система законодательных, организационных и идеологических мер, осуществляемых государством, направленных на учет, сочетание и реализацию национальных интересов, на разрешение противоречий в сфере национальных отношений» [6, с. 702].

Как показывает обзор литературы, наблюдаются схожие подходы к определению понятия «национальная политика», которая рассматривается в качестве системной деятельности, направленной на регулирование отношений между национальными группами, а также

подчеркивается роль государства в реализации данной деятельности. Различия проявляются в акцентах, в частности, в некоторых определениях особо выделяется языковая политика, или уточняются субъекты через ветви власти, а также делается упор на системности и конкретных механизмах реализации.

Теоретические основы национальной политики сформулированы в стратегических документах, таких как Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, в которой отражены задачи и приоритеты государственной национальной политики РФ. В данном документе дается следующее определение: «государственная национальная политика Российской Федерации - система стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленными на укрепление межнационального согласия, гражданского единства, обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также на профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве» [7]. Данное определение дано в широком смысле, что раскрывает в полной мере не только теоретические, но и практические элементы национальной политики, в частности, её субъективный компонент и целеполагание. В стратегии отмечается, что национальная политика основана на системном подходе и долгосрочных приоритетах, при этом подчёркивается, что государство играет ключевую роль в поддержании межнационального согласия и стабильности в обществе.

В контексте сказанного выше можно утверждать, что важную роль в теоретическом и практическом обосновании национальной политики в России играют исследования, связанные с изучением этнических конфликтов. В связи с этим Т.А.Сенюшкина подчёркивает, что «одна из проблем, которая приобретает особую актуальность как на теоретическом, так и на практическом уровне, связана с разработкой механизмов управления этническими конфликтами со стороны государства и гражданского общества с целью предупреждения этнических конфликтов, их урегулирования и минимизации разрушительных последствий» [8, с. 245].

При этом остаётся актуальной теоретическая проекция, связанная с применением разнообразных и взаимодополняющих методологических подходов. Например, вполне сочетающимися в рамках теоретических исследований этнических конфликтов можно

считать системный и сетевой подходы. При помощи использования системного подхода можно выявить взаимосвязь структурных элементов конфликта, а при помощи сетевого подхода проанализировать неформальные взаимодействия, формирующиеся в пространстве этнополитических конфликтов. В контексте сказанного выше можно согласиться с утверждением о том, что «в теоретическом направлении на первый план выходит вопрос о роли сетевого подхода в современной политической науке» [9, с. 34].

Выводы. Современная российская национальная политика представляет собой многоуровневую систему, включающую как теоретические, так и практические аспекты.

В теоретическом смысле национальная политика рассматривается в качестве системной деятельности, направленной на регулирование отношений между национальными группами, при определяющей роли государства в реализации данной деятельности.

В практическом смысле определяющее значение имеют правовые, политические, культурные, экономические, социальные и идеологические механизмы национальной политики. Её основная цель – укрепление единства многонационального общества и обеспечение гармоничного развития всех народов, проживающих в России.

В современных условиях национальная политика РФ также играет ключевую роль в противодействии внутренним и внешним вызовам, связанным с сохранением суверенитета, территориальной целостности и культурного многообразия страны. В связи с этим особое значение приобретают исследования, раскрывающие теоретические и практические аспекты проблемы управления этническими конфликтами.

Список литературы

1. Тишков В. А. Нация наций. О подходах к пониманию России – М.: ИЭА РАН, 2023. - 69 с.
2. Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г. Национальная политика в России: XVI - начало XXI века: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальностям 020700 "История", 020600 "Культурология" и 030623 "Этнология" – М.: Форум, 2014. - 303 с.
3. Попков Ю. В. Государственная национальная политика России: проблемы и концептуальные лакуны // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 23-44.
4. Словарь социолингвистических терминов / Биткеева А.Н., Михальченко В.Ю., Кожемякина В.А., Крючкова Т.Б. [и др.] ; отв.

- ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Издательство «Институт языкознания РАН», 2006. 312 с.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов - 5-е изд., испр. и доп. - Назрань: Пилигрим, 2010. - 485 с.
 6. Тавадов Г. Т. Этнология: современный словарь - справочник – М.: Диалог культур, 2007. – 702 с.
 7. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>.
 8. Сенюшкина Т. А. Управление этническим конфликтом как теоретическая проблема // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы: сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума: в 2 т., Симферополь, 05–07 ноября 2020 года. Том 2. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – С. 243-247.
 9. Сенюшкина Т. А., Сенюшкин Е.А. Управление международными конфликтами как сетевой процесс // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2021. – Т. 10, № 4(37). – С. 33-37.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ БАЗОВЫХ ФЕНОМЕНОВ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Асейкина А. К.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
студентка 2 курса магистратуры, направление подготовки
«Землеустройство и кадастр»*

Научный руководитель: Масаев М. В.,

*доктор философских наук,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
профессор кафедры культурологии и социокультурного
проектирования Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и
дизайна, академик Крымской академии наук
E-mail: masaev.mihail@yandex.ru*

Аннотация. В данной работе рассматривается феномен национальной идентичности и её влияние на политическую систему в контексте межкультурного взаимодействия. Подчёркивается, что в контексте межкультурного взаимодействия национальная идентичность играет существенную роль в формировании политической системы. Феномены, связанные с межкультурным взаимодействием, такие как миграция, глобализация и интернационализация, могут вызвать потерю идентичности и привести к конфликтам в политической сфере.

Ключевые слова: национальная идентичность, политическая система, межкультурное взаимодействие.

NATIONAL IDENTITY AND ITS INFLUENCE ON THE POLITICAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF UNDERSTANDING THE BASIC PHENOMENA OF INTERCULTURAL INTERACTION

Aseykina A.K.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
2nd year student of the master's program «Land management and
cadaster»*

Scientific Supervisor: Masayev M. V.

Doctor of Philosophy

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Professor of the Department of Culturology Studies and Socio-
Cultural Projecting of the Institute of Media communications, Media
technologies and Design. Academician of the Crimean Academy of Sciences
E-mail: masaev.mihail@yandex.ru*

***Abstract.** This paper examines the phenomenon of national identity and its impact on the political system in the context of intercultural interaction. It is emphasized that in the context of intercultural interaction, national identity plays a significant role in the formation of the political system. Phenomena associated with intercultural interaction, such as migration, globalization and internationalization, can cause a loss of identity and lead to conflicts in the political sphere.*

***Keywords:** national identity, political system, intercultural interaction.*

Национальная идентичность – это субъективное чувство принадлежности и идентификации с определенной этнической, культурной или национальной группой. Она формируется через

различные факторы, такие как язык, религия, история, традиции, обычаи и место проживания.

В контексте межкультурного взаимодействия национальная идентичность играет существенную роль в формировании политической системы. Феномены, связанные с межкультурным взаимодействием, такие как миграция, глобализация и интернационализация, могут вызвать потерю идентичности и привести к конфликтам в политической сфере. Вот почему культурологическое измерение в структуре парадигмального образа будущей цивилизации [6, с. 102; 104] (в том числе и межкультурное взаимодействие как его составная часть) становится таким важным и существенным атрибутом.

Однако национальная идентичность также может быть использована как мощный инструмент политической мобилизации и укрепления политической системы. Она может стать основой для создания национальных государств и развития национальной политической культуры. Национальные символы, обряды и традиции могут использоваться для укрепления единства и государственности.

Влияние национальной идентичности на политическую систему также может быть связано с процессами демократизации и развития гражданского общества. Люди, идентифицирующие себя как часть определенной нации, могут более активно участвовать в политической жизни и выражать свои интересы и взгляды на решение важных вопросов

Однако, слишком сильное подчеркивание национальной идентичности также может стать источником напряженности и конфликтов. Национализм и этнические противоречия могут привести к дискриминации, ксенофобии и насилию. Политическая система должна уметь балансировать между разными интересами и стремиться к национальной интеграции, учитывая разнообразие культур и идентичностей в обществе.

Таким образом, национальная идентичность играет важную роль в политической системе и межкультурном взаимодействии. Она может быть, как фактором укрепления и стабильности, так и источником конфликтов и нестабильности. Важно развивать политическую культуру, которая способствует уважению и взаимопониманию, а также находить баланс между национальными и общечеловеческими интересами.

Существует несколько мнений по этому поводу:

Национальная идентичность может быть сильным фактором формирования политических институтов и структур. Ученые

отмечают, что во многих странах национальная идентичность служит основой для формирования политической системы и установления национальных границ.

Национальная идентичность может влиять на политические предпочтения и симпатии, формируя политическую лояльность определенным партиям или идеологиям. Это может быть связано с коллективным чувством принадлежности и солидарности, которые влияют на выборы и политическое поведение.

Национальная идентичность может стать источником возникновения этнических и политических конфликтов. Ученые обращают внимание на рост этнического насилия и конфликтов, которые могут быть связаны с усилением национализма и подчеркиванием национальной идентичности.

Национальная идентичность может также быть использована политическими элитами в целях манипуляции и контроля обществом. Это может проявляться в формировании идеологии или политической риторики, которая подчеркивает значимость нации и национальной идентичности.

В то же время, некоторые ученые считают, что слишком сильное подчеркивание национальной идентичности может быть препятствием для развития демократии и гражданского общества. Они считают, что государства должны стремиться к национальной интеграции, учитывая при этом разнообразие культур и идентичностей.

В целом, мнение ученых относительно влияния национальной идентичности на политическую систему в контексте межкультурного взаимодействия неоднозначно. Однако большинство исследователей согласны в том, что национальная идентичность является важным фактором, который нужно учитывать при анализе политических процессов и взаимодействия между различными культурами и нациями.

Конкретные исследования, посвященные влиянию национальной идентичности на политическую систему в контексте межкультурного взаимодействия, представлены в работах, которые мы проанализируем ниже.

Бенедикт Андерсон в своей книге «Воображаемые сообщества: распределение» исследует формирование наций и национальных идентичностей, а также их связь с политической системой. Книга Бенедикта Андерсона является одним из ключевых произведений в изучении формирования наций и национальных идентичностей. Андерсон анализирует процессы, которые привели к возникновению национализма и объясняет, почему национальная идентичность имеет

такое важное значение в политической системе. Книга предлагает новый взгляд на формирование наций и понимание их роли в политическом контексте [1].

Эрик Хобсбаум в своей работе «Традиция целевого национализма» обсуждает роль национализма и национальных идентичностей в политической сфере. Это классическое исследование роли национализма и национальных идентичностей в политической системе, начиная с 1780 года. Хобсбаум анализирует исторические факторы, которые способствовали формированию наций, и объясняет, как эти нации влияют на политические системы. Он также касается вопросов национальных конфликтов и национального самоопределения [2].

Джон Хэлл в своей книге «Национальный штат и национальная политическая идентичность» исследует взаимосвязь между национальной идентичностью и политической системой. Это работа, которая исследует вопросы, связанные с возникновением и функционированием национальных государств и их взаимосвязи с национальной политической идентичностью. Хэлл анализирует влияние национальных идентичностей на политическую систему и обсуждает вопросы национальной интеграции и мультикультурализма [3].

Джеймс Мейерсон в своей работе «Национальная идея и политические системы» рассматривает вопросы формирования национальной идентичности и ее влияния на политическую систему. Это исследование, которое рассматривает связь между идеями нации и политическими системами. Мейерсон анализирует, как национальная идея формирует политические институты и структуры и как она влияет на политическое поведение и процессы в обществе [4].

Армин Лейшер в своей книге «Культурная идентичность и политическая система» анализирует взаимосвязь между культурной и национальной идентичностями и их влияние на политическую систему. Это книга, которая рассматривает связь между культурной и национальной идентичностями и их влиянием на политическую систему. Лейшер анализирует взаимосвязь между культурой и политикой, а также рассматривает вопросы национальной интеграции и многообразия [5].

Анализ этих книг помогает понять, как национальная идентичность влияет на политическую систему в контексте межкультурного взаимодействия. Авторы рассматривают различные аспекты этой связи, включая формирование наций, этнический национализм, политическую лояльность, этнические конфликты и

национальную интеграцию. Но необходимо помнить, что это всего лишь некоторые из работ и ученых, и вопрос о влиянии национальной идентичности на политическую систему требует более широкого и всестороннего изучения.

Национальная идентичность играет важную роль в политической системе и взаимодействии между различными культурами. Она определяет способы, которыми люди организуются и воспринимают политическую власть. Национальная идентичность часто связана с общими ценностями, традициями и языком, которые формируются в течение многих лет и поколений.

Политическая система, в свою очередь, отражает национальную идентичность через институты, законы и нормы, которые управляют обществом. Идеи и ценности нации могут быть привнесены в политическую систему при помощи разных способов, таких как конституционные реформы, законы о защите национальной культуры и языка, или через участие представителей этнических групп в политической жизни.

Международные отношения и межкультурное взаимодействие также зависят от национальной идентичности. Взаимодействие между различными культурами может быть осложнено из-за различий в идеях, ценностях и интересах разных наций. Однако, при правильном управлении и учете различий, межкультурное взаимодействие может привести к сотрудничеству, обмену и взаимопониманию.

Таким образом, национальная идентичность оказывает значительное влияние на политическую систему и межкультурное взаимодействие. Понимание и учет национальной идентичности является ключевым фактором для создания устойчивых политических и международных отношений, где различные культуры могут сосуществовать и сотрудничать.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288с.
2. Hobsbawm Eric. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge University Press, 1990. 211 p.
3. Hall John. National State and National Political Identity // Political Studies. vol. 52. No 1. 2004. pp. 109-128.
4. Meerson James. The National Idea and Political Systems. Routledge, 1997. – 341 p.

5. Leisher Armin. Cultural Identity and Political System. Cambridge University Press, 2010. 242 p.
6. Масаев М. В. Культурологическое (вертикальное) измерение структуры парадигмальных образов в качестве символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. 2007. № 108. С. 102-104.

«ГИБРИДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАПАДНЫЙ ПОДХОДЫ

Афонина А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия», студент
E-mail: afonina0603@mail.ru*

***Аннотация.** На фоне относительно исследованной классической и публичной дипломатии малоизученным представляется политико-дипломатический неологизм «гибридная дипломатия». В данной статье рассматриваются отечественные и западные подходы к теоретическому измерению «гибридных» инструментов в дипломатической практике в рамках парадигм реализма и либерализма. Выявлены структурные компоненты и механизмы различных моделей «гибридной дипломатии», а также ее устойчивые характеристики: нелинейность, двойственность, интегративность. Отмечается проблема объективной оценки «гибридной дипломатии» на данном этапе её исследования.*

***Ключевые слова:** дипломатия, «гибридная дипломатия», гибридная война, внешняя политика, публичная дипломатия, международные отношения.*

«HYBRID DIPLOMACY» AS AN INSTRUMENT OF INTERNATIONAL INFLUENCE: DOMESTIC AND WESTERN APPROACHES

Afonina A. A.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute «Taurida Academy», Student
E-mail: afonina0603@mail.ru*

Abstract. *Against the background of relatively researched classical and public diplomacy, the political and diplomatic neologism "hybrid diplomacy" seems to be poorly studied. This article examines domestic and Western approaches to the theoretical measurement of "hybrid" instruments in diplomatic practice within the framework of the paradigms of realism and liberalism. The structural components and mechanisms of various models of "hybrid diplomacy" are revealed, as well as its stable characteristics: nonlinearity, duality, integrativity. The problem of an objective assessment of "hybrid diplomacy" at this stage of its research is noted.*

Keywords: *diplomacy, «hybrid diplomacy», hybrid war, foreign policy, public diplomacy, international relations*

Для современного общественно-политического дискурса традиционным является вопрос о необходимости повышения эффективности инструментов публичной дипломатии в условиях беспрецедентной динамики трансформационных процессов в системе международных отношений и существенном изменении параметров миропорядка. В этой связи, нами отмечается появление новых акторов мировой политики с учетом многочисленных внутренних и внешних факторов, в том числе перестройки международной системы, глобализации, развития информационно-коммуникационных технологий и изменений дипломатической практики.

В ходе обозначенных преобразований «выкристаллизовался» новый вид дипломатии, качественно отличающийся от инструментов, применяемых в рамках традиционной дипломатии. Новизна исследуемого понятия обуславливает отсутствие в политико-дипломатическом тезаурусе его общепринятого определения. Однако само появление термина тесно связано с таким неконвенциональным типом войны, как «гибридная война».

В то время, как в отечественной военно-политической риторике все еще доминирует традиционная модель войны, так называемые «гибридные войны» уже довольно прочно укоренились в западной военной мысли и военно-стратегических доктринальных установках стран НАТО [1]. Если в Военной доктрине Российской Федерации утверждено применение «военных мер только после исчерпания возможностей применения политических, дипломатических, правовых, экономических, информационных и других инструментов ненасильственного характера» [2, с. 1], то само понятие гибридных войн и операций в западном варианте интегрирует в себя комбинирование и насильственных, и условно дипломатических

мер. Интересно, что вопреки этому, источником «гибридной» военной угрозы безопасности и жизненным интересам США в доктринальных документах является Россия, а высокий потенциал угрозы видится в Китае, причем эта угроза распространяется также на космическое и киберпространство [1].

В аналитических докладах указываются предпосылки «подъема» гибридных войн, вызванные сложностью реализации задач сдерживания ключевых угроз по всему спектру, учитывая, что театры военных действий выходят далеко за рамки Альянса [3]. В этой связи в начале 2000-х гг. происходит концептуальное переосмысление системы международных отношений и западных технологий распространения своего влияния. Новая веха распространения «гибридных» инструментов политической борьбы предположительно началась после обострения кризиса на Украине, когда Соединенными Штатами Америки был применен весь спектр информационных, дипломатических, экономических, военных и иных технологий для реализации своих внешнеполитических интересов на постсоветском пространстве.

Рассматривая региональные конфликты, искусственно развязанные или «размороженные» США в Восточной Европе, Северной Африке, Центральной Азии, Ближнем Востоке, на Кавказе, явными становятся некоторые признаки гибридных войн, а именно:

а) наличие субъекта и государства-мишени (либо содружества таких государств);

б) наличие системного интереса США в регионе;

в) «пространственно-разнесенный характер военных действий» [4, с. 26];

г) сочетание нелинейных и невоенных методов воздействия на страну-мишень с традиционным развертыванием вооруженных сил.

Таким образом, в рассматриваемом контексте наиболее функциональным представляется определение Н. И. Харитоновой: «гибридная война – это американская стратегия, главной скрытой целью которой является препятствие построения многополярной системы международных отношений путем внешнего провоцирования конфликтов идентичности (этнической, религиозной, региональной, политической и т. д.) в государстве-мишени переходного типа» [3, с. 30].

Первостепенной проблемой, вызванной войнами нового типа, следует назвать «размывание» границ применения этих технологий, поскольку театровоенных действий в современных условиях имеет не только геополитическое, но и цифровое измерение. Здесь же отметим

стирание границ между войной и миром. Это бросает серьезный вызов современной дипломатической практике и обуславливает актуальность изучения феномена «гибридной дипломатии» в рамках отечественной и зарубежной политической мысли.

Представляется важным упомянуть, что отношение к «гибридной дипломатии» в рамках российского общественно-политического дискурса является весьма неоднозначным: во-первых, предмет анализа является малоизученным в силу своей новизны и некоторой «размытости». Во-вторых, данное явление является динамичным, двойственным, многоуровневым. В-третьих, генезис «гибридной дипломатии» имеет негативную коннотацию из-за гибридных операций США. В этом смысле стоит отметить экспертные оценки доктора политических наук, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Манойло, политолога О.Ю. Пашкевича и ведущего эксперта Центра военно-политических исследований МГИМО(у) МИД России В.В. Каберника, полковника, кандидата исторических наук А.Е. Шагова [4,5,6,7].

В первый концептуальный подход к понятию «гибридная дипломатия» интегрировано экспертное мнение А.В. Манойло и О.Ю. Пашкевича [5,6]. Согласно данному подходу, «гибридная дипломатия» не только не способствует урегулированию конфликтов, но и является исключительно «декоративным» инструментом западной дипломатии против своих геополитических противников: «Примечательно, что еще до начала «нормандской» встречи в Берлине по заявлениям украинской стороны можно было определить, каким именно планируется ее исход: укродипломаты так старались подготовить заранее мировое общественное мнение к тем антироссийским заявлениям, которые будут озвучены 24 августа, что, как всегда, перестарались» [5, с. 1124]. С этой точки зрения, цель «гибридных» методов дипломатии заключается в спланированной дискредитации политического врага для его дальнейшей международно-политической изоляции. Используются также технологии «управляемого хаоса», различные виды санкций, давления, кибероперации, распространение фейков в сети Интернет и т. д.

Очевидно, что эта цель противоречит базовым принципам дипломатии, однако соответствует концепции «острой силы» К. Уолкера, в том смысле, что происходит «насильственное нарушение нормальной работы института или системы в результате направленного и спланированного, рассчитанного точечного воздействия внешней силы» [8, с. 18].

Второй концептуальный подход [4; 7] сводится к тому, что «гибридная дипломатия» является инструментом обхода международного права, ширмой для проведения информационных, психологических и силовых операций НАТО в Сомали, Йемене, Мали, Ливии, а ранее – Югославии. Отметим, что в рамках предмета нашего исследования фактор наличия силовых структур не исключает присутствия компонентов публичной дипломатии – в этом заключается двойственность «гибридной дипломатии».

В этом отношении «гибридная дипломатия» представляется как «гибридно-интегрированное применение всего арсенала государственных, экономических, военных и дипломатических средств и процедур по отношению к противоборствующей стороне при обеспечении тесного взаимодействия с государствами-союзниками» [4, с. 65]. Как следствие, отсутствуют признаки нарушения международного права в части невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Вместо этого образуется пограничная зона между «мягкой» и «жесткой силой», вписывающаяся в концепцию так называемой «умной силы» [7].

Таким образом, были выявлены структурные компоненты отечественного подхода к определению и интерпретации «гибридной дипломатии» (рис.1).

В международно-политических исследованиях западных учёных (Corneliu Vjola, I. Manor, Raffaele Marchetti) анализ феномена «гибридной дипломатии» осуществляется в духе либеральной теории международных отношений. Истоки возникновения новой формы дипломатии связывают с началом новой фазы – цифровой трансформации (digitaltrans formation). Необходимость в слиянии различных форм дипломатии возникла в период пандемии COVID-19, когда традиционные дипломатические «face-to-face» встречи и переговоры были вынужденно заменены онлайн-конференциями. Тем не менее, в рамках исследуемой категории цифровые методы дипломатии не заменяют классические, но используются в сочетании с ними, обеспечивая гибкость и прозрачность [9].

Рис. 1. Компоненты и механизмы «гибридной дипломатии» (российский подход к изучению) [составлено автором].

Другие исследователи (Brian Hocking, Jan Melissen) полагают, что природа политики и дипломатии сама по себе гибридна: арсенал интегрированных экономических, информационных, дипломатических, государственных ресурсов зависит от ситуации и демонстрирует разную степень «гибридности». Ими также отмечена тенденция к усложнению моделей международной коммуникации [10]. В сущности, «гибридная дипломатия» определяется как многогранный, нелинейный подход к международному сотрудничеству, сочетающий признаки классической и публичной дипломатии с инструментами цифровой дипломатии (рис.2). Постепенно формируются новые, более гибкие дипломатические связи, которые более устойчивы к условиям трансформирующейся среды за счёт большего количества факторов.

Таким образом, на современном этапе феномен «гибридной дипломатии» является весьма проблемным полем для исследования. Недостаточная изученность, негативная коннотация в рамках российского научного дискурса и отсутствие нормативно-правового регулирования данного явления формируют проблемы объективного восприятия и оценки его эффективности в продвижении внешнеполитических интересов государства.

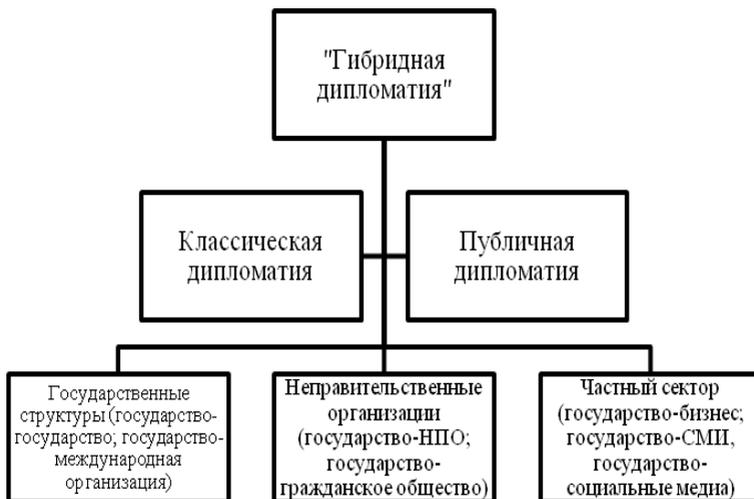

Рис. 2. Западный подход к модели «гибридной дипломатии»
[составлено автором].

Анализ отечественной и западной интерпретации демонстрирует почти полное отсутствие точек пересечения, за исключением устойчивых характеристик «гибридной дипломатии», и осуществляется в рамках двух парадигм – реализма и либерализма. В первом случае «гибридная дипломатия» рассматривается как элемент гибридной борьбы коллективного Запада за гегемонию, встроенный в концепции «острой» и «умной» силы. Что касается западного подхода, то он зиждется на нелинейном использовании элементов традиционной и публичной дипломатии, широком применении цифровых технологий, новых медиа и негосударственных акторов для «мягкого» продвижения национальных интересов в условиях международной напряженности и глобализации. В этих условиях происходило формирование данного интегрированного и многоуровневого подхода, и именно они сегодня диктуют необходимость адаптации дипломатических механизмов к

трансформирующейся международной системе, где информация и коммуникации играют ключевую роль.

Список литературы

1. 2022 National Defense Strategy, Nuclear Posture Review, and Missile Defense Review // Department of Defense. 2022. P. 80.
2. Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 25.12.2014 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации.URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1584621/ (дата обращения: 03.10.2024).
3. Харитоновна Н.И. ОДКБ и проблема гибридных войн // Международная жизнь. 2024. №2. С. 28-37.
4. Шагов А.Е. История происхождения и эволюция концепции и методов ведения гибридной войны. М.: Мир науки, 2022. 155 с.
5. Манойло А. В. Нормандский формат гибридной дипломатии Европейского Союза // Политика и общество. 2015. № 9. С. 1122–1127.
6. Пашкевич О. Ю. Гибридная дипломатия как вербально-прагматический инструмент в политическом дискурсе // Сборник материалов всероссийской молодежной научной конференции «Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир» (Екатеринбург, 20-21 апреля 2018 г.) / Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. С. 114-118.
7. Каберник В.В. От гибридных операций к гибридной дипломатии // РСМД. 2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-gibridnykh-operatsiy-k-gibridnoy-diplomatii/> (дата обращения: 03.10.2024).
8. Волкова Е.А., Лукина Л.В., Лаптева Ю.И. Концепт «острой силы» в исследованиях внешнеполитических стратегий // Вестник Воронежского государственного университета, 2020. С. 17-22.
9. Bjola C., Manor I. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption // International Affairs. 2022. Vol. 98. Issue 2. P. 471–491.
10. Hocking B., Melissen J. Diplomacy in the Digital Age. Netherlands Institute of International Relations Clingendae, 2015. 58 p.

**ПРОГНОЗ О СИНТЕЗЕ ВСЕХ ВИДОВ СОЦИАЛЬНОГО
ЗЛА: ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРЕТЕНЗИИ СОЗДАТЕЛЕЙ
«ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА», ПСИХОДЕЛИЧЕСКИЕ
ПРАКТИКИ ОТЧУЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ ОТ
ПРЕДКОВ (РИМЕЙК ДОРЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ
ПАЛЕОЛИТА КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОДЕЛИЧЕСКОЙ
ВОЙНЫ)**

Баранецкий А.Н.

Кандидат философских наук

*Государственное автономное образовательное учреждение
профессионального образования города Севастополя «Институт
развития образования», доцент*

E-mail: Ross60@mail.ru

***Аннотация.** Предполагается, что интеллект – базовый инструмент для самоутверждения, а самоутверждение в тысячелетней истории начиналось с нового витка насилия и организованного социального зла. Опираясь на категорию «отношения к миру» можно провести существенные аналогии между отношениями каменного века и теми инициативами по профанации воспитания, просвещения, культивирования «нового» образа жизни, которое внедряет искусственный интеллект. То есть в данных тезисах утверждается, что искусственный интеллект первого уровня зрелости помогает организовать деградацию (а не прогресс) и делает это по стереотипам и архетипам палеолита. Пять избранных для иллюстрации направлений деградации через воспроизводство архетипов палеолита послужили для прогнозирования на ту тему, как будет формулироваться социальный заказ для создания принципиально нового (второго) поколения искусственного интеллекта.*

***Ключевые слова:** социальное зло, архетип мироотношения палеолита, диагностика конфликта между разными типами социальных заказов, философия истории, психоделическая война, конфликт поколений, искусственный интеллект.*

THE FORECAST OF THE SYNTHESIS OF ALL KINDS OF SOCIAL EVIL: AESTHETIC CLAIMS OF THE CREATORS OF "ARTIFICIAL INTELLIGENCE", PSYCHEDELIC PRACTICES OF ALIENATING CHILDREN AND ADOLESCENTS FROM THEIR ANCESTORS (A REMAKE OF PRE-RELIGIOUS CULTS OF THE PALEOLITHIC AS A TOOL OF PSYCHEDELIC WARFARE)

Baranetsky A.N.

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
The State Autonomous Educational institution of professional
education of the city of Sevastopol "Institute of Educational Development"
E-mail: Ross60@mail.ru*

Abstract. *It is assumed that intelligence is a basic tool for self-affirmation, and self-affirmation in a thousand-year history began with a new round of violence and organized social evil. Based on the category of "attitudes to the world", it is possible to draw significant analogies between the relations of the Stone Age and those initiatives to profanate education, enlightenment, and the cultivation of a "new" way of life, which introduces artificial intelligence. That is, these theses claim that artificial intelligence of the first maturity level helps to organize degradation (not progress) and does it according to stereotypes and archetypes of the Paleolithic. The five selected directions of degradation through the reproduction of Paleolithic archetypes served to predict how the social order will be formulated to create a fundamentally new (second) generation of artificial intelligence.*

Keywords: *social evil, archetype of Paleolithic world relations, diagnosis of conflict between different types of social orders, philosophy of history, psychedelic war, generational conflict, artificial intelligence.*

Моральное зло и социальное зло как понятия этики осмысливаются более 2000 лет и человечество глубоко проникло в понимание сущности зла, но, социальные силы, которые сопротивляются нравственному прогрессу так захватывали все (или почти все) СМИ, что выводили историю этики из системы образования, из центра внимания элит. Между тем «... Самоутверждение путём насилия над человеком есть... ипостась морального зла...» [4, с. 45] и за тысячи лет высота интеллекта использовалась именно для самоутверждения. То есть база средств и/или инструментов самоутверждения – интеллект, остальные инструменты создают и обновляют благодаря интеллекту. Поэтому нас

не должно удивить, что и искусственный интеллект будет использован для зла.

Некоторые авторы говорят, что стереотипы мироотношения древних людей почти непостижимы, между тем за 300 лет созданы массивы исследований. Даже одно из таких – 12 томов Д. Фрезера «Золотая ветвь» [5] делает несостоятельными попытки настаивать на якобы неизвестности духовного мира архаики. Не менее значима и широко известна книга «Зулус Чака» [3]. Учёные около 300 лет описывают нравы очень архаичных народов.

В данной статье предлагается затронуть черты архаики, из тех, что «заметны» в инфо-войне: 1. Уважение к растениям и к животным бывало не меньшим, а порой и большим, чем уважение к человеку. 2. Что нужно для того, чтобы женщина забеременела и родила на самых ранних этапах антропо и социо-генеза, наиболее примитивные племена людей не догадывались и с половой жизнью беременностью и роды напрямую не связывали как причину и следствие. 3. До перехода их «стиля мышления» от мифа к логосу было ещё очень и очень далеко. 4. Если первые типы личностей (вождь и шаман, старейшина) могут себе позволить иной раз – изредка – выйти за рамки шаблонов и стереотипов, то большинство соплеменников не знало – как «иметь своё мнение»; не позволяли себе нечто «не шаблонное». 5. Если дети с их нейрофизиологической склонностью начинают приставать к взрослым со своими вопросами: «что», да «почему», то – инфантильность древнего человека не позволяет ему допустить, что дети могут стать умнее родителей. Идея меры разумности, меры ума и глупости вообще не понятна. Инфантильность законсервирована. И любовь к лучшему в мире вождю тоже консервируется.

25-35 лет тому назад были ожидания мощного интеллектуального подъёма всего мира. Сегодня большинство педагогов признают, что «клиповое» мышление и «тесты» оболванивают детей.

В 2016 году звучало обвинение со стороны Трампа в адрес Клинтон – что она организовала армии террористов в Сирии. Как создали эту зловещую армию? Через Интернет. Большинство были полуграмотные инфантильные, накаченные ненавистью и фанатизмом. Но они умели читать. Сегодня многие восхищаются голосовым помощником «Алисой». Но не звучат вопросы о том, насколько эффективно такой голосовой помощник будет вербовать в террористы **СОВСЕМ НЕГРАМОТНЫХ**. И насколько эффективнее? На пьедестал красоты возводят уродливое и безобразное, на пьедестал возвышенного – низменное, с детства через технологию импринтинга вводится извращённое на пьедестал естественности. Из активного

словарного запаса подростков уже изъяты слова «целомудрие», «благородство», «мужество». «Аргументы» - что это и зачем они? Невежды их просто оплёвывают.

Массы научных аргументов *«уничтожаются» за секунду»* через эстетский и высокомерный взгляд, который преисполнен цинизма, игнорирования, нигилизма. Такое отношение имеет своим стержнем и сутью эстетское высокомерие и омерзение.

Если вчера ИИ позволил завербовать в террористы более 200 000 юнцов, то если социальное зло эффективнее в 10 раз, то заманят два миллиона, а если в 100 раз – то 20 миллионов. А ведь вербовка продолжается тотально, и наркоторговля помогает этим зловещим вербовщикам. Языковой барьер у голосового помощника на базе ИИ отсутствует. Этот «помощник» может называться и женским, и мужским именем, лишь бы «доверяли».

Надо бить тревогу, пока не поздно: «... состоялось открытие университета НТИ «2035», ещё ранее представленного в качестве первого университета в мире, в котором «человек будет учить искусственный интеллект, а искусственный интеллект – человека». [6, 369] Думается, что главным инструментом войны с таким асоциальным использованием ИИ может стать только ИИ следующего поколения и его главная характеристика прямо выводится из всей страницы изложенного выше: ИИ второго поколения будут выполнять социальный заказ возвращения программным продуктам их сервисного характера.

ИИ второго поколения должен отличаться тем, что он поможет увлекать детей учёбой в школе, будет возвращать детей к любящим родителям – в семью. Будет просто война между ИИ **первого уровня** и второго. *Именно первое поколение сегодня синтезирует все типы социального зла.* Все прогнозируемые трагедии и катастрофы будут организованы реально. Инфантилизм современных программистов часто шокирует. Дикая беспечность и бесцеремонность ИИ широко обсуждается в СМИ, и примеров более чем достаточно. Привычки вульгарных манипуляторов в исполнении ИИ норма? Архетип *отношения вульгарного вождизма* лежал в основе любого типа геноцида. Экзистенциальный людоед «пожирает» не плоть физического тела, а *время жизни* личности и десятилетия жизни миллионов участников виртуальных развлечений. Это культурный геноцид.

Черты архаичного мироотношения уже становятся идейной базой для синтеза всех видов социального зла: 1. Если животные и растения не менее уважаемые существа, чем люди – не смей их кушать, питайся

таблетками, не убивай ни тараканов, ни крыс... и не рожай детей, ты мешаешь дикой природе... ну и сам из себя лепи «квадробера». 2. Если не известно – сколько полов у людей и отчего беременеют женщины, то пусть будет 77 видов гендерной типологии и пусть генные инженеры творят из человеческого тела всё, что им заблагорассудится? 3. Если мнения уже требуют уважать наравне с профессиональными знаниями, то легко догадаться, что миф этого не допустит, миф будет поднят на пьедестал святости. Избравшие себя во власть акцентированные и инфантильные нарциссы на философию и науку уже накладывают табу. 4. Шаблонность «квалифицированного» потребителя ИИ делает принудительной. Но «...пафос потребительства... способен рожать лишь метафизику опустошения» [1, с. 94]. Если новейшие политиканствующие акцентированные нарциссы играют роль вождей и шаманов, то массам уже отрезали доступ к влиянию на СМИ. 5. Прогресс ПРЕСЕКАЕТСЯ кем-то энергично и избирательно, доступ к научным ответам на вопросы «что», «почему» уже сегодня жёстко цензурируется. Захват сферы социальной коммуникации быстро распространяют и на школы, ВУЗы. Надвигаются новые и новые «психоделические» атаки на все школы всех стран планеты. Это «трансгуманизм» [6]. ИИ создаёт аналог инквизиции: культуру отмены.

Из этой структуры можно сделать выводы о том *социальном заказе, который всё человечество выставит программистам для создания искусственного интеллекта второго поколения*: 1. Он поможет с раннего детства культивировать святости человечности (это славянское понятие не предполагает гуманистического возвышения человека над Богом). *И не допускать культа животных*. Не допускать возвеличивания эстетических ценностей над ЭТИЧЕСКИМИ. 2. Он поможет в рамках культа человечности возродить и воспитать трепетное отношение к женственности, материнству, мужеству, благородству. 3. Массивы информации надо чётко делить на массивы домислов, мифов, мнений и массивы строгой, точной, проверяемой, системной, профессиональной сферы логически непротиворечивых сведений. То есть ИИ второго поколения – это такой ИИ, который поможет возродить высокие стандарты кадровой политики. 4. Этот ИИ позволит заново напомнить, что талант дан каждому. Что навязывание шаблонов — это анти-ценность. Что высшая ценность - рождение уникально высокого духовного мира. 5. *ИИ второго поколения можно будет считать только тот искусственный интеллект, который поможет наращивать эскалацию любознательности в учёбе детей* (а методики такого увлечения в XX веке уже созданы донецким учителем

В. Ф. Шаталовым). Он будет увлекать детей познанием мира и останется открыт для влияния любящих родителей. В военном отношении ИИ второго поколения будет призван *даже в условиях войны наращивать темпы прогресса*.

Социальный заказ детерминируется структурой мироотношения, зрелостью мироотношения [2, с. 35-49].

То есть к программистам начнут предъявлять такую структуру требований, чтобы они стремились стать многогранно талантливыми сами.

Любовь к истине позволит возродить любовь к мудрости, и новая глубина усвоения ценностей философского мироотношения потребует создавать с нуля ЭЛИТЫ народов.

И обнаружится, что эффективнее войн в формировании элиты социума было и будет только абсолютно ответственное отношение к истории философии и *готовность отдать личную жизнь за спасение мудрости своего народа*. Кстати и Эллада стояла как держава лишь до тех пор, пока воевала за себя как за народ Сократа, Платона, Аристотеля, Гераклита и Демокрита, Евклида и Пифагора и гордилась своими интеллектуалами.

Список литературы

1. Булавка-Бузгалина Л.А. Культура как потенциал модернизации // Философские науки. 2017. №11. С. – 90-95.
2. Малахов В.А. Искусство и человеческое мироотношение – Киев: «Наукова думка», 1988.
3. Риттер Эрнест А. Зулус Чака - М.: Наука, 1989. 374 с.
4. Скрипник А.П. Моральное зло в истории этики и культуры. (Над чем работают, о чём спорят философы.) – М.: Политиздат, 1992. – 351 с.
5. Фрезер Дж. Золотая ветвь. - М.: Издательство политической литературы, 1983. 704 с.
6. Четверикова О.Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. – М.: Книжный мир, 2018. – 384 с.

ВОСПРИЯТИЕ МОЛОДЁЖЬЮ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ МИГРАЦИОННЫХ ВОПРОСОВ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Баранов А.В.

*Доктор политических наук, доктор исторических наук
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
профессор кафедры политологии и политического управления
E-mail: baranovandrew@mail.ru*

Аннотация. Актуальность темы в том, что общественное мнение молодёжи Краснодарского края в условиях СВО по вопросам межэтнических отношений и миграционной политики изучено недостаточно. Цель доклада – выявить преобладающие ориентации и установки политического поведения молодёжи Краснодарского края в отношении миграции по материалам массового анкетного опроса. Методология анализа: социальный конструктивизм, идентитарный подход. Методы анализа: вторичный анализ социологических данных, сравнительный анализ. Выводы исследования: осведомлённость молодёжи Кубани о миграционных вопросах недостаточна. Преобладают, особенно в старшей возрастной подвыборке, ориентации в пользу ограничительной миграционной политики. Вынужденные переселенцы из Украины, Донбасса и Новороссии не воспринимаются как преобладающая часть мигрантов, не вызывают у доминирующей части респондентов негативного отношения. Миграционные вопросы расцениваются в более широком контексте национальной и конфессиональной политики, конкуренции на рынке труда. Материалы анкетного опроса 2023 г. подтверждают преемственность тенденций общественного мнения молодёжи, выявленных при аналогичном исследовании 2017–2019 гг. с участием автора.

Ключевые слова: миграционная политика, Краснодарский край, молодёжь, общественное мнение, Специальная военная операция.

THE PERCEPTION OF MIGRATION ISSUES BY THE YOUTH OF THE KRASNODAR TERRITORY IN THE CONTEXT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

Baranov A.V.

*Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences
Kuban State University, Professor of the Department of Political
Science and Political Management*

E-mail: baranovandrew@mail.ru

Abstract. *The relevance of the topic lies in the fact that the public opinion of the youth of the Krasnodar Territory in the conditions of its own on issues of interethnic relations and migration policy has not been studied enough. The purpose of the report is to find out the prevailing orientations and attitudes of the political behavior of the youth of the Krasnodar Territory in relation to migration based on the materials of a mass questionnaire survey. Methodology of analysis: social constructivism, an identitarian approach. Methods of analysis: secondary analysis of sociological data, comparative analysis. Conclusions of the study: awareness of Kuban youth about migration issues is insufficient. Orientations in favor of restrictive migration policy prevail, especially in the older age subsample. Internally displaced persons from Ukraine, Donbass and Novorossiya are not perceived as the predominant part of migrants, and do not cause a negative attitude among the dominant part of respondents. Migration issues are viewed in the broader context of national and confessional politics and competition in the labor market. The materials of the questionnaire survey of 2023 confirm the continuity of trends in public opinion among young people identified in a similar study of 2017–2019 with the participation of the author.*

Keywords: *migration policy, Krasnodar Territory, youth, public opinion, Special military operation.*

Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013.

Актуальность темы в том, что общественное мнение молодёжи Краснодарского края в условиях СВО по вопросам межэтнических отношений и миграционной политики изучено недостаточно. В то же время, конфликтогенность вопросов миграции в общественном мнении всей России и Краснодарского края в частности, бесспорно, повышается. Молодёжь – одна из самых чутких к проблемам трудовой конкуренции и межэтнических отношений групп регионального сообщества, её ориентации и установки в отношении миграционной политики следует изучать постоянно.

Цель статьи – выяснить преобладающие ориентации и установки политического поведения молодёжи Краснодарского края в отношении миграции по материалам массового анкетного опроса.

Миграционная ситуация и политика в Краснодарском крае достаточно часто изучается, но преобладают публикации экономистов и юристов. Среди работ последних лет можно упомянуть монографию В.Н. Муха и Э.Н. Тужбы об интеграции мигрантов из Донбасса и Новороссии [1], статьи Т.Т. Тарасовой [2] и Р.Л. Агабекян [3] о миграционной ситуации в крае, работы А.В. Баранова и Ю.В. Костенко [4; 5] о миграционной политике и др. Внимание уделяется старым и новым диаспорам в регионе, особенностям адаптации различных этнических и конфессиональных сообществ мигрантов. В то же время, специальные социологические исследования общественного мнения молодёжи о миграции проводятся редко.

Методология анализа: социальный конструктивизм, идентитарный подход. Методы анализа: вторичный анализ социологических данных, сравнительный диахронный анализ.

Эмпирическая база исследования: результаты анкетного опроса, проведённого специалистами Кубанского государственного университета (осень 2023 г.) по заказу Общественной палаты Краснодарского края [6], а также материалы анкетного опроса молодёжи Краснодарского края, организованного КубГУ в 2017–2019 гг., статистические отчёты Краснодарстата о миграционных процессах в крае, выступления и заявления государственных служащих.

Краснодарский край относится к регионам-реципиентам мигрантов вследствие своего выгодного геоэкономического расположения, благоприятного климата и успешного экономического развития. Население края растёт исключительно за счёт переселенцев, вопреки превышению смертности над рождаемостью. Суммарно за последние 20 лет постоянными жителями Краснодарского края стали около 1,0 из 5,9 млн чел., ныне находящихся в регионе. Возрастает этническая и конфессиональная неоднородность миграционных

потоков, причём до 90% приезжающих на Кубань – это граждане РФ из других субъектов федерации. Из 10% мигрантов – выходцев из зарубежных стран 9/10 – граждане стран СНГ, Абхазии и Южной Осетии. В наибольшей мере иммигрантов привлекают крупные города и Черноморское побережье. Миграционные потоки динамично меняются вследствие Украинского кризиса (с 2014 г.) и пандемии (2020–2022 гг.). Например, за январь – июль 2024 г. в Краснодарский край приехали 96320 чел., а миграционный прирост составил 21179 чел. В том числе, граждан РФ прибыло 86204 чел., граждан стран СНГ – 8956 чел., стран дальнего зарубежья – 1160 чел. Более 62% приезжают в города края, что усиливает асимметрию рынка труда и размещения населения [7; 6, с. 133–135]. Среди стран исхода мигрантов преобладают Украина, Армения, Казахстан, Таджикистан. Органы государственной власти вот уже 10 лет подряд ужесточают миграционную политику.

Анкетный опрос проведён с октября по ноябрь 2023 г. социологами КубГУ. Выборка составила 3889 чел. в возрасте от 18 до 35 лет, учащихся и имеющих постоянную занятость [6, с. 11]. Выявлено, что только 5,3% респондентов ощущают свою дискриминацию по этническому признаку, 3,9% – по языковому, 2,3% – по религиозному. Но настораживает, что негативное отношение к себе по этническому признаку отмечают 7,7% респондентов из семей, переехавших в край и проживающих здесь с детства, как и 8,3% респондентов, приехавших из другого региона/страны в сознательном возрасте, но считающих себя местными жителями. Отрицательно оценивают изменения межнациональных отношений в крае 18,8% опрошенных (с разной степенью категоричности) [6, с. 136–137].

На вопрос, какие организации способствуют развитию межэтнического доверия, пониманию дружелюбия, объединяют людей разных национальностей, валидные ответы дали только 26,5% респондентов в возрасте 18–25 лет. Чаще всего назывались варианты ответа: «образовательные организации» (4,4%), «национальные организации, общины, союзы, диаспоры» (2,4%), «культура, организационная культура, творческие коллективы» (2,2%), «молодежные организации (Юнармия, Движение первых и т. д.)» (1,6%), «церковь, религия, вера», «медиа (СМИ, социальные сети, пресса и т. д.)», «мероприятия, форумы, проекты, фестивали национальных культур» (по 1,5%), «администрация, органы власти, государство» (1,4%). В то же время, свыше 20% опрошенных назвали институты и акторов политики, которые могут дестабилизировать межэтнические отношения: «медиа (социальные сети, СМИ, новости, интернет и т.д.)»

и ЦИПСО» (2,9%), «политические партии, политические организации» (1,4%), «экстремистские и террористические организации» (1,2%), «отдельные национальности» и «секты, религиозные фанатики» (по 1,1%), «религиозные организации, верующие в целом» (1%) [6, с. 138].

Стратегия миграционной политики Краснодарского края оценивается положительно, такую оценку дало относительное большинство респондентов. Полагают, что необходимо ограничивать приток мигрантов, 41% опрошенных в возрасте 18–35 лет, а наоборот, что нужно их привлекать – 16%. Важно, что среди респондентов в возрасте 14–17 лет такое соотношение почти равное: 27 к 20%. Видимо, это потому, что школьники ещё не обладают достаточной информацией и не испытывают конкуренцию на рынке труда [6, с. 139].

Иммигранты из различных государств, представители разных народов оцениваются молодёжью неодинаково. Наименьшая межэтническая дистанция по шкале Богардуса отмечается в отношении выходцев из Украины и Белоруссии, этнических русских из постсоветских стран. Наибольшая дистанция, характерная для негативного восприятия, установилась в отношении граждан стран Средней Азии, Казахстана, Азербайджана. Это долгосрочная тенденция, которая фиксировалась нами и при опросах 2018–2019 гг. Следует учесть, что СВО вызвала тревогу многих молодых людей за безопасность. По данным опроса 2023 г., 45% кубанской молодёжи полностью выразила поддержку целей СВО и 11% – частично поддерживает их; частично осуждает СВО 5%, а полностью осуждает 14,2%; не имеют чёткого мнения 24,2% [6, с. 35]. Переселенцы из Украины, Донбасса и Новороссии не воспринимаются как преобладающая часть мигрантов (они составили не более 7% их численности в 2022 г. и 2% в 2023 г.), не вызывают у доминирующей части респондентов негативного отношения. Сведения миграционного учёта подтверждают, что число выехавших на Украину из края превышает в 2023 г. число въехавших в край; численность таких беженцев в крае сокращается в 2023 г. в 3,4 раза в абсолютном измерении [6, с. 133–135].

Составители отчёта о социологическом опросе 2023 г. считают проблемными зонами низкую общественную активность и слабую коммуникацию многих молодых людей, риски радикализации и криминализации (выражены для 10% респондентов), риски протестной активности: свыше 10% готовы участвовать в протестных акциях, равнодушные к политической и общественной жизни 40–50% опрошенных [6, с. 147].

Сравним приведённые данные с результатами анкетного опроса молодёжи Краснодарского края, который проводился с нашим участием в 2018–2019 гг. (выборка от 18 до 35 лет, учащаяся и работающая молодёжь, 366 чел.). На вопрос «Как Вы считаете, какая стратегия больше подходит для Вашего региона, на привлечение мигрантов или на ограничение их притока?» выбрали вариант «ограничение» 61,2% респондентов и «привлечение» – 38,8%. Другой аспект: «Как Вы считаете, каким образом мигранты влияют на развитие Вашего региона?» оценивали так: 27,3% считали, что они «скорее, препятствуют его развитию», 24,7% – «никак не влияют» и 20,7% – «скорее, способствуют развитию региона»; 27,3% выразили незнание вопроса [8, с. 14]. Важно, что в подвыборке молодёжи г. Краснодара давались более негативные оценки роли мигрантов.

В этой связи 33,3% респондентов по всему краю полагали, что «миграция – это реальная проблема, приезжие занимают рабочие места местных» (отрицали эту точку зрения 41,5%, а затруднились с ответом 25,2%). Выражали мнение о том, что мигранты чаще местных жителей совершают преступления, 25,5%; полагали, что преступления совершают обе группы жителей в равной степени 34,7%; что местные жители чаще мигрантов совершают преступления – 7,4%; затруднились ответить 32,4% [8, с. 16]. Данное восприятие миграции и миграционной политики приводило опрошенных кубанцев к поддержке ужесточения миграционного законодательства (46,0% ответов). Признавали действующее законодательство достаточно эффективным 39,8%, а желали его ослабить 14,1% [8, с. 16].

Таким образом, осведомлённость молодёжи Краснодарского края о миграционных вопросах недостаточна. Преобладают, особенно в старшей возрастной подвыборке, ориентации в пользу ограничительной миграционной политики. Вынужденные переселенцы из Украины, Донбасса и Новороссии не воспринимаются как преобладающая часть мигрантов, не вызывают у доминирующей части респондентов негативного отношения. Миграционные вопросы расцениваются в более широком контексте национальной и конфессиональной политики, конкуренции на рынке труда. Материалы анкетного опроса 2023 г. подтверждают преобладание тенденций общественного мнения молодёжи, выявленных при аналогичном исследовании 2017–2019 гг. с участием автора.

Список литературы

1. Муха В.Н., Тужба Э.Н. Социальная адаптация мигрантов с Юго-Востока Украины в Краснодарском крае. Краснодар:

- Кубанский государственный технологический университет, 2023. 180 с.
2. Тарасова Т.Т. Современная миграционная ситуация в Краснодарском крае // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Системный анализ и моделирование экономических и экологических систем. 2021. Т. 1. № 6. С. 291–295.
 3. Агабекян Р.Л. Исследование особенностей миграционных процессов в Краснодарском крае в современных условиях // Вестник Академии знаний. 2023. № 1 (54). С. 17–21.
 4. Баранов А.В., Костенко Ю.В. Миграционная политика в Краснодарском крае: этнополитический аспект // Общество: политика, экономика, право. Краснодар, 2016. № 5. С. 37–42.
 5. Костенко Ю.В. Реформа институтов и технологий миграционной политики в Краснодарском крае (2018–2020 гг.) // Общество: политика, экономика, право. Краснодар, 2020. № 5. С. 38–43.
 6. Доклад о состоянии гражданского общества в Краснодарском крае. Краснодар: Общественная палата Краснодарского края, 2024. 153 р.
 7. Число прибывших, число выбывших, миграционный прирост (убыль) населения по Краснодарскому краю. URL: https://23.rosstat.gov.ru/population_kk (дата обращения: 21.09.2024).
 8. Баранов А.В., Скоробогатов В.В. Этнополитические отношения и их регулирование в приграничных регионах России (на примере Краснодарского края) // Общество: политика, экономика, право. Краснодар, 2019. Вып. 9 (74). С. 13–18. DOI: 10.24158/per.2019.9.1

ОСОБЕННОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АГЛОМЕРАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Баранов Н.А.

*Доктор политических наук, профессор,
Северо-Западный институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, профессор кафедры международных
отношений; Санкт-Петербургский государственный университет,
старший научный сотрудник
E-mail: nicbar@mail.ru*

Аннотация. В статье акцентируется внимание на формировании Санкт-Петербургской агломерации и, как следствие, идентичности жителей, проживающих на ее территории. Современное развитие крупных городов сопровождается стиранием границ между городом и пригородами. Формируется новое пространство, включающее в себя территории различных административных единиц. Цель статьи - выявить особенности Санкт-Петербургской агломерационной идентичности и специфики политики идентичности по ее формированию. Санкт-Петербургская идентичность рассматривается и как городская, и как региональная, и как агломерационная, так как формируется на базе историко-культурного наследия Санкт-Петербурга, играющего решающую роль в осознании жителями своей коллективной территориальной идентичности. В политике идентичности принимают участие как государственные институты, в частности Администрация Санкт-Петербурга, так и институты гражданского общества, прежде всего градозащитные, экологические, образовательно-научные, культурные. Сделан вывод о необходимости координировать деятельность властных структур и горожан при формировании как городской, так и агломерационной идентичности, необходимой для успешного развития территории.

Ключевые слова: агломерация, агломерационная идентичность, городская идентичность, крупнейшая городская агломерация, политика идентичности, региональная идентичность.

FEATURES OF THE ST. PETERSBURG AGGLOMERATION IDENTITY

Baranov Nikolay A.

*Doctor of Political Sciences, Professor,
Northwest Institute of Management – Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Professor of the Department of International Relations;
St. Petersburg State University, Senior Researcher
E-mail: nicbar@mail.ru*

Abstract. *The article focuses on the formation of the St. Petersburg agglomeration and, as a result, the identity of residents living on its territory. The modern development of large cities is accompanied by the blurring of the boundaries between the city and the suburbs. A new space is being formed, which includes the territories of various administrative units. The purpose of the article is to identify the features of the St. Petersburg agglomeration identity and the specifics of identity policy in its formation. St. Petersburg identity is considered both as an urban, as a regional, and as an agglomeration, as it is formed on the basis of the historical and cultural heritage of St. Petersburg, which plays a decisive role in residents' awareness of their collective territorial identity. Both state institutions, in particular the Administration of St. Petersburg, and civil society institutions, primarily urban protection, environmental, educational, scientific, and cultural, take part in identity politics. It is concluded that it is necessary to coordinate the activities of government structures and citizens in the formation of both urban and agglomeration identity necessary for the successful development of the territory.*

Keywords: *agglomeration, agglomeration identity, urban identity, largest urban agglomeration, identity policy, regional identity.*

Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта N 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта».

Санкт-Петербургская городская агломерация в соответствии с официальной правительственной классификацией относится к крупнейшей городской агломерации и включает в себя город Санкт-Петербург, а также 57 поселений из шести муниципальных районов

Ленинградской области [1], непосредственно примыкающие к городу-мегаполису. Причем для Санкт-Петербурга, который является в соответствии с административно-территориальным делением Российской Федерации одновременно и регионом, и городом федерального значения, региональная и городская идентичности совпадают.

Характеристика Санкт-Петербургской идентичности связана с различными аспектами жизнедеятельности города и политикой идентичности, реализуемой как государственными, так и негосударственными институтами и акторами. В данном контексте наработан значительный пласт научной литературы, который в значительной степени является следствием реализации грантов РФФИ, а также РФФИ и ЭИСИ. В рамках данных проектов целесообразно выделить работы С. К. Калашниковой, в которых автор характеризует региональную политику идентичности в дискурсе ведущих политиков Санкт-Петербурга [2], рассматривает политику идентичности через призму городских гражданских инициатив [3], анализирует общественное мнение горожан по оценке направлений символической политики, являющейся важнейшей частью политики идентичности, маркеры приезжих и «коренных» жителей, доминирующие, с точки зрения городского сообщества, символы региона, потенциальные точки конфликта, общий уровень регионального патриотизма и оценку деятельности властей [4], выявляет роль городских праздников в символической политике Санкт-Петербурга [5], а также выделяет критерии оценки эффективности символической политики в контексте изучения практик региональной политики идентичности [6].

Петербургский исследователь А.М. Сосновская выделяет основные направления политики локальной идентичности, характерные для Санкт-Петербурга - символизацию, унификацию, дифференциацию, идентификацию, в рамках которых «самоидентичность горожанина постоянно воссоздается выбором действий и проверкой имеющегося знания» [7, с. 319]. С точки зрения А. М. Сосновской, «традиционные критерии петербургской городской идентичности связаны с наследием символически: символика, ритуалы, праздники, практики досуга, особенности местности и климата, отличия в практиках и языке, историческая визуальная перспектива, визуально привычные архитектурные ансамбли, регулярная застройка, единство композиции, силуэт, небесная линия с определенными доминантами» [7, с. 327]. Действительно, согласно Стратегии развития Санкт-Петербурга до 2035 г. город сохраняет имидж «культурной столицы», поэтому можно констатировать, что

культурное достояние и наследие Санкт-Петербурга являются базовым элементом общегородской идентичности.

При формировании региональной, городской, агломерационной идентичности важен исторический нарратив, меняющийся в зависимости от целей развития. Для Санкт-Петербурга такими отправными историческими событиями являются строительство города Петром Первым и перенос столицы Российского государства из Москвы в Санкт-Петербург в 1712 году, революционные события в начале XX века (колыбель трех революций), а также события, связанные с блокадой Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Причем последний аспект в последние десятилетия становится доминирующим. Однако для развития города, региона исторического контекста недостаточно. Необходима реалистичная программа, соответствующая формированию современного города с соответствующей инфраструктурой, технологическими нововведениями, образовательной, научной, культурной, инновационной средой. К тому же для Санкт-Петербурга актуален опыт Москвы, которая за последнее десятилетие превратилась в один из самых технологичных мегаполисов Европы. В результате обзора эмпирических исследований за последние годы и проведенного массового репрезентативного Интернет-опроса С. К. Калашникова приходит к выводу, что «не только архитектурно-историческая символическая компонента остается наиболее значимой для петербуржцев, но и необходимость «хозяйственного» губернатора является одной из базовых претензий к политической власти региона» [3, с. 75]. Вероятно, по этой причине за последний год губернатор активизировал свою деятельность, особенно в предвыборный период, представив программу развития города на предстоящие пять лет под названием «10 приоритетов развития Санкт-Петербурга», предполагающую развитие Петербурга как мегаполиса XXI века - социального, комфортного, умного, открытого [8].

М. В. Овсипян обоснованно полагает, что приоритетом развития Санкт-Петербургской агломерации должна стать экологическая направленность, поскольку игнорирование данного фактора приведет к снижению качества жизни населения из-за деградации окружающей среды [9]. Действительно, проблемы, связанные с переработкой мусора, свалками становились камнем преткновения между соседними субъектами. Решение вопросов, связанных с экологической проблематикой, возможно только при тесном сотрудничестве администраций Санкт-Петербурга и Ленинградской области, что становится возможным в рамках Санкт-Петербургской агломерации.

Об участии в политике идентичности институтов гражданского общества в Санкт-Петербурге и общественном запросе на такого рода инициативы пишет С. К. Калашникова, с точки зрения которой «деятельность разнообразных институтов гражданского общества, пересекающаяся с символической политикой региона, становится все более весомым фактором региональной политики идентичности» [3, с. 26]. Особенно заметно влияние градозащитных, экологических движений, образовательных, научных, культурных инициатив. Создание креативных общественных пространств при участии городских активистов также может быть отнесено к формированию политики идентичности в Санкт-Петербурге.

Развитие Санкт-Петербургской агломерации предполагает оптимальный вариант развития Санкт-Петербурга и части Ленинградской области на основе перспективных показателей социально-экономического развития на долгосрочную перспективу. Стратегический характер проекта актуализирует проблему формирования коллективной идентичности на данных территориях в целях солидаризации граждан в решении поставленных целей и задач.

В основе, формирующейся Санкт-Петербургской агломерационной идентичности лежит городская идентичность петербуржцев, вбирающая в себя как исторически сформировавшиеся социокультурные, ментальные приоритеты горожан, так и адаптирующиеся под них ценностные предпочтения жителей из других регионов, ставших горожанами. Жителей города и пригородов, входящих в агломерацию, объединяют как общее культурно-историческое наследие Петербурга, городские праздничные мероприятия, так и общие проблемы, связанные с экологией, уплотнительной застройкой, борьбой с преступностью, а также стремление жить в комфортных благоприятных условиях как в городе, так и в пригородной местности. По мнению эксперта, жители Ленинградской области, проживающие на сопредельных с Санкт-Петербургом территориях, *«эмоционально и интуитивно переезжали в Петербург. Они не переезжали в Кудрово, они не переезжали в Мурино, они переехали в Петербург. И именно так они и будут себя идентифицировать»* (ж., политолог, депутат). В отличие от жителей более дальних территорий Ленинградской области, которые идентифицируют себя в обратной пропорции, как жители Ленинградской области, называя себя «ленинградцами».

Политика идентичности реализуется и государственными институтами, и структурами гражданского общества, которые формируют чувство солидарности различных общественных групп в

общем городском пространстве и сопричастности к общему делу. Доминирующим актором политики идентичности остается государство и его институты, которые с помощью нормативно-правовых актов, продвигают имеющие «символическое и идеологическое наполнение» определенные политические проекты, практики и инструменты формирования и развития заданной системы политических взглядов, идеологических и политических ценностных ориентиров основной массы населения, направленных на создание строго регламентированных образов «мы – граждане» [10, с. 93]. С точки зрения эксперта, для петербургской администрации должна быть «высшая цель – это сохранение статуса Петербурга как архитектурной, культурной, исторической столицы» (ж., политолог, депутат), однако стремления к реализации данной цели малоубедительны: *«городское руководство, наверно, считает, что сам город Петербург формирует эту идентичность, то есть существует магия города, она в общем-то все делает за Правительство»* (ж., политолог, депутат). В случае же поддержки данной политики со стороны граждан формируется искомая коллективная идентичность на соответствующей территории, что способствует проведению определенной политики и реализации планов социально-экономического развития территории, нового качества жизни жителей во всех сферах.

Таким образом, формирование Санкт-Петербургской агломерационной идентичности начинается с осмысления значимости жителей данной территории, их осознания своей принадлежности к великому прошлому Санкт-Петербургу и его пригородов, сопричастности к тем преобразованиям, которые делают места пребывания людей удобнее, жизнь комфортнее, работу осмысленной, взаимодействие со структурами власти конструктивным. Стремление людей и институтов власти двигаться вместе в данном направлении является залогом успешного формирования агломерационной идентичности.

Список литературы

1. Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области (агломерации) на период до 2030 года и с перспективой до 2050 года. С.11. URL: https://arch.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2018/11/22/%D0%9A_%D0%9A%D0%BE%D1%80_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%83_11.07.2018.pdf (дата обращения: 22.08.2024).

2. Калашникова С.К. Региональная политика идентичности: образ Санкт-Петербурга в дискурсе лидеров региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16, № 4. С. 505–517. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.406>
3. Калашникова С. К. Политика идентичности и гражданские инициативы в Санкт-Петербурге: кризис субъектно-объектных отношений // Консолидация городских сообществ: проблемы диагностики и регулирования: сборник научных работ / под ред. В.П. Бабинцева. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2022. С. 22-27.
4. Калашникова С. К. Эффективность региональной политики идентичности в общественном мнении: опыт г. Санкт-Петербурга // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 65-79. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-65-79>
5. Калашникова С.К. Символические основания политики идентичности в Санкт-Петербурге: роль городских праздников // Векторы развития современной России. Границы дают отпор: демаркация практик, пространств и языков описания. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 113–120.
6. Калашникова С.К. Критерии оценки эффективности символической политики в контексте изучения практик региональной политики идентичности // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 3. С. 33-47.
7. Сосновская А.М. Политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия. Дис... д-ра полит. наук: 5.9.9. СПб.: СПбГУ, 2024. 384 с.
8. Предвыборная программа Санкт-Петербургского регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах высшего должностного лица Санкт-Петербурга – Губернатора Санкт-Петербурга // Официальный сайт политической партии «Единая Россия». 16 августа 2024 г. URL: <https://spb.er.ru/activity/news/predvybornaya-programma-regionalnogo-otdeleniya-partii-edinaya-rossiya-na-vyborah-gubernatora-sankt-peterburga> (дата обращения: 23.08.2024).
9. Овсипян М.В. Проблемы развития Санкт-Петербургской агломерации // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 72–86. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.5

10. Попова О.В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. №4. С.86-113.

**ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
ИСТОРИСОФСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ПОСТИЖЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО
ВРЕМЕНИ**

Букетов А. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
магистрант 2 курса направления подготовки «Математика»*

Научный руководитель: Масаев М. В.

*Доктор философских наук,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
профессор кафедры культурологии и социокультурного
проектирования Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и
дизайна. Академик Крымской академии наук
E-mail: masaev.mihail@yandex.ru*

Аннотация. Работа касается феномена актуализации проблемы культурной идентичности в контексте базовых подходов к комплексному решению вопросов современного межкультурного взаимодействия и аналитическому размышлению о принадлежности индивида к какой-либо культуре или культурной группе, которая призвана формировать ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом. В контексте постижения многочисленных дискуссионных вопросов политического пространства и социального времени данная работа представляется особенно злободневной.

Ключевые слова: культура, культурная идентичность, межкультурное взаимодействие, политическое пространство, социальное время, аналитические размышления.

THE PHENOMENON OF CULTURAL IDENTITY: HISTORIOSOPHICAL ANALYSIS IN THE CONTEXT OF UNDERSTANDING POLITICAL SPACE AND SOCIAL TIME

Buketov A.A.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University
2nd year student of the master's program «Mathematics»*

Scientific Supervisor: Masayev M. V.

*Doctor of Philosophy
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Professor of the Department of Culturology Studies and Socio-
Cultural Projecting of the Institute of Media communications, Media
technologies and Design. Academician of the Crimean academy of Sciences
E-mail: masaev.mihail@yandex.ru*

Abstract. *The work concerns the phenomenon of actualization of the problem of cultural identity in the context of basic approaches to the complex solution of issues of modern intercultural interaction and analytical reflection on the importance of an individual's belonging to a culture or cultural group, which is designed to form a person's value attitude to himself, other people, society and the world as a whole. In the context of understanding numerous controversial issues of political space and social time, this work seems especially topical.*

Keywords: *culture, cultural identity, intercultural interaction, political space, social time, analytical reflections.*

Рассуждая в русле историософского анализа в контексте постижения многочисленных дискуссионных вопросов политического пространства и социального времени, мы с необходимостью сталкиваемся, в частности, с проблемой культурной идентичности.

Общеизвестно, что культурная идентичность представляет собой принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе, формирующая ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом. При этом происходит осознание принадлежности человека к той или иной культурной общности путём самоотождествления с её культурными образцами. Культурная идентичность, с одной стороны, дает возможность составить представление о носителе, тем самым облегчая межкультурную коммуникацию. С другой стороны, она же может служить источником противоречий и конфликта, тем самым усложняя

межкультурную коммуникацию или делая ее невозможной. Таким образом, культура и объединяет людей в устойчивые общности, и отделяет одну от другой.

Вопросами культурной идентичности занимались различные ученые. Понятие «идентичность» ввел в 60–70-е годы Г. Тэджфел. Формированием гипотез идентичности занимался Б. Ф. Поршнев. Можно также выделить публикации И.В.Лысак (об идентичности в условиях глобализации), А.Маршака (о формировании идентичности на постсоветском пространстве), Е.П. Матузковой и др.

Целью написания данной статьи является рассмотрение понятия «культурная идентичность» и способов ее формирования в контексте дальнейших вопросов, связанных с актуализацией этой проблемы.

Культурная идентичность — это осознанное принятие человеком соответствующих культурным норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимание своего «я» с позиций тех характеристик, которые приняты в данном обществе, самоотожествление себя с культурными образцами именно этого общества [1]. Уточняется, что культурная идентичность представляет собой совокупность конкретных устойчивых качеств, благодаря которым те или иные явления или люди вызывают у нас чувство симпатии или антипатии. В зависимости от этого мы выбираем, соответственно, тип, манеру и форму общения с ними [1].

Понятие культурной идентичности обычно интерпретируется двумя способами: 1) как ссылка на коллективное самосознание, которое воплощает и отражает конкретная культурная группа; и 2) как ощущение принадлежности индивидуума к определенной этнической, национальной или расовой культуре, которое создает основополагающий символ существования человека [2], а символ, по нашему убеждению – это чисто человеческий регулятор поведения [11, с. 108; 117; 12, с. 747; 750].

Культурная идентичность предполагает формирование у индивида устойчивых качеств, благодаря которым те или иные культурные явления или люди вызывают у него симпатию или антипатию, в зависимости от чего он выбирает соответствующий тип, манеру и форму общения. Компоненты культурной идентичности включают в себя: религию, переходные обряды, язык, пищевые привычки, способы проведения досуга и т.д. [3].

Каждый человек выступает носителем той культуры, в которой он вырос и сформировался как личность. Хотя в повседневной жизни он обычно этого не замечает, воспринимая как данность специфические особенности своей культуры, однако при встречах с представителями

других культур эти особенности становятся очевидными и человек осознает, что существуют другие формы переживаний, виды поведения, способы мышления, значительно отличающиеся от привычных и известных. Разнообразные впечатления о мире трансформируются в сознании человека в идеи, установки, стереотипы, ожидания, которые в итоге становятся для него регуляторами его личного поведения и общения [4].

Г. Тэджфел рассматривал идентичность как «часть Я-концепции индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству» [5]. В современном мире все большее число исследователей склоняется к тому, что процесс идентификации сложный и противоречивый [6].

Необходимо подчеркнуть, что идентичность предполагает осознание человеком и общностью людей своего реального места в природном и социальном мире, проведение границы между «своим» и «чужим», определение круга лиц, с которыми индивид связан и сознательно отождествляет себя, и круга лиц, которому он реально противостоит [7].

В структуре идентичности обычно выделяют два основных компонента – когнитивный и аффективный. Аффективный компонент представляет собой оценку качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства. Отношение к собственной этнической общности проявляется в позитивных и негативных этнических аттитюдах (удовлетворенность и неудовлетворенность членством в этнической общности). Когнитивный компонент включает процесс дифференциации (социальное оценочное сравнение) и процесс групповой идентификации (осознание принадлежности к группе). Согласно гипотезе Б. Ф. Поршнева, формирование идентичности начинается с самых истоков становления человечества как социальной общности. Субъективное МЫ появляется, когда люди повстречали и обособились от каких-то Они, то есть осознали бинарную оппозицию «они – нелюди, мы – люди». «Всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет, мера противопоставления и есть мера объединения». Дифференциация групп неразрывно связана с другим когнитивным процессом – групповой идентификацией [6].

Следует отметить, что, отделяя себя от Других, группа определяет границы, которыми она сама себя очерчивает во времени и пространстве. Их роль состоит в оказании влияния на взаимодействие

с другими группами, ограничиваясь конкретными областями и системами ценностей.

Наибольшее значение в процессе формирования идентичности имеют именно культурно-психологические моменты, поскольку идентичность – это, прежде всего, осознание личностью своей принадлежности к некоторому целому, дискурс собственной легитимации в пространстве символического универсума культуры. Необходимыми условиями формирования идентичности являются усвоение ценностей и норм определенной («своей») социокультурной общности, что, в свою очередь, возможно лишь на основе их противопоставления иной («чужой») нормативно-ценностной системе, а также наличие у человека четкого представления о самой окружающей действительности, позволяющего найти свое место в ней. Однако в условиях глобализации это может оказаться затруднительным [7].

Индивидуальная культурная идентичность — это, по мнению Е.П.Магузковой, целостный образ самого себя, слитый с культурой в ее универсальной и локальной диалогичности (Я — культурный человек, в том числе с точки зрения конкретной культуры). Такая идентичность — результат когнитивно-эмоционального процесса осмысления и отождествления индивидом себя с социально одобренной системой ценностей определенной культуры. Эта причастность, принадлежность не только самоосмысленна (социокультурная самоидентичность), но и соотнесена с окружающими, подтверждена ими (социокультурная идентичность). В итоге возникает тождество культурного пространства индивида с отдельной культурой (Я — представитель определенной культуры / общности, например, английской) [2].

Коллективная культурная идентичность вырабатывается в ходе саморефлексии общности (этноса, нации, класса и т.д.) с помощью механизмов идентификации, отличных от тех, что лежат в основе индивидуальной культурной идентичности. Здесь осуществляется не уподобление и/или отождествление, а сопоставление, сравнение одной культурной общности с другими. После него происходит осмысление общностью себя как таковой, как целого, обладающего «группоидентифицирующими признаками», и тем самым формируется представление общности о себе как самобытной целостности, с которым идентифицируют себя все ее члены. Это представление воплощается в самосознании общности наряду с коллективным бессознательным [2].

Следует иметь в виду, что, когда речь идет о культурной идентичности, большое значение имеет и субъективный фактор: культурная идентичность конструируется [8]. На формирование культурной идентичности влияют характер и формы культурной политики, а также взаимоотношения культуры и власти. Формирование культурной идентификации неразрывно связано с конкретно-историческими условиями, в которых пребывает общество [9].

Приведем один из наиболее впечатляющих примеров в истории современности. В 1947 г. произошел распад Индии на два государства: Индию и Пакистан. Миллионы людей, столетиями культурно идентифицировавшие себя как индийцы, обрели новую идентичность – они стали пакистанцами. Идеологическим и моральным оправданием раздела стала теория «двух наций». Вот как аргументировал ее правомочность лидер индийских мусульман Мухаммад Джинна: «Мы, – заявлял он, – нация. Мы утверждаем, что мусульмане и индусы – две нации в полном смысле слова. Мы – нация, насчитывающая сто миллионов и, что еще важнее, имеющая свою культуру и цивилизацию, язык и литературу, искусство и архитектуру, имена и названия, представления о ценностях, законы и моральные нормы, обычаи и календарь, историю и традиции, склонности и амбиции – короче говоря, у нас свой собственный, особый, взгляд на жизнь. По всем законам международного права – мы нация» [8]. Высказывания в том же духе слышались и с индусской стороны. В состав нового государства – Пакистана – вошли провинции, где преобладало мусульманское население. Но национальное единение, опирающееся преимущественно на религиозную общность, оказалось недолговечным. Спустя менее трех десятилетий Пакистан раскололся на два государства. Восточная часть страны, населенная бенгальцами, добилась независимости и создания самостоятельного государства – Бангладеш (букв. «страна бенгалов»). Таким образом, за исторически короткий срок – в течение полувека – одни и те же люди изменили свою культурную идентичность: с индийской (не просто по гражданству, но по принадлежности к общей истории и культуре в широком смысле) на пакистанскую, фундированную на исламской общности, и, наконец, на бангладешскую, цементирующим основанием для которой служит общность языковая. Приведенный выше пример нельзя счесть исключительным. Важную роль политического фактора в конструировании культурной идентичности подтверждает, в частности, ситуация, сложившаяся в Российской Федерации [8].

Культурная идентификация выдвигалась на первый план всякий раз, когда имела место «встреча» разных культур, будь то вследствие географического соседства, торговых связей или военной экспансии. Она становилась мощнейшим средством единения людских сообществ перед лицом угрозы их коллективному выживанию. В прошлом, однако, эта проблема возникала на ограниченном местном или региональном пространстве. Свидетельством того, что сейчас глобализация обретает тотальный характер, может служить возникновение новой разновидности идентичности – космополитической. По мнению профессора Лондонской школы экономики Дэвида Хелда, только некоторые из приверженцев культурного космополитизма, вроде Дж. Уолдрона или Б. Бэрри, полагают, что она отрицает существующие культурные различия и право на идентификацию с той или иной национальной культурой. Д. Хелд разделяет по этому поводу точку зрения Г. Гадамера, предлагающего понимать культурный космополитизм как возможность посредничества между национальными культурами и альтернативными стилями жизни. По мнению английского политолога, «культурный космополитизм подчеркивает потенциал «изменчивости индивидуальной идентичности – удивительную способность людей создавать новые идентичности, используя материалы из разных культурных источников» [10].

Указанный вид идентичности нередко называют гибридной/мультикультурной. При формировании мультикультурной идентичности неизбежно возникает следующая проблема: с одной стороны, должно сохраняться право на культурные различия, т.е. не может быть речи об унификации, с другой стороны, для формирования мультикультурной идентичности необходимо существование мультикультурных ценностей. В связи с чем возникает вопрос, какие именно ценности можно считать мультикультурными и возможно ли вообще говорить об их существовании. Представляется, что в настоящее время говорить о формировании мультикультурной идентичности преждевременно [7].

Успешное развитие государства в современных условиях во многом зависит от умения его политических лидеров и интеллектуальных элит поддерживать разумный баланс между сохранением культурной самобытности и, в то же время, приобщением к передовым достижениям мировой цивилизации. Наиболее успешно эту задачу в настоящее время решают азиатские страны: Китай, Индия, Япония, Южная Корея, Малайзия и др. [7].

Таким, образом, можно сделать следующие *выводы*.

Повышенное внимание к проблематике культурной идентичности обусловлено ее возросшим значением в мировой политике.

Культурная идентичность понимается как непосредственно связанная с контекстом, в частности, временем и пространством. Культурная идентичность является динамической категорией. Поэтому она изменяется в результате изменений культурного и социального контекстов, причем доминирующим фактором изменений является глобализация.

Проблема идентичности в эпоху глобализации включает, прежде всего, персональную идентичность – то есть формирование у человека устойчивых представлений о себе самом как члене общества, и культурную идентичность, способную вызвать ощущение самоидентичности у народа, позволяющего ему определить свое место в транснациональном пространстве. В отличие от нее, коллективная культурная идентичность — это самосознание общности, выступающее как динамическая информационно-знаковая система, являющаяся результатом саморефлексии — конструирования и представления единства общности как самобытного целого на основе культурных ценностей, норм, установок и стереотипов.

Список литературы

1. Солеймани, С. Концепция культурной идентичности в социологии / С. Солеймани // Теория и практика общественного развития. 2017. С. 58-61.
2. Матузкова, Е. П. Культурная идентичность: к определению понятия / Е. П. Матузкова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. №2. С. 62-68.
3. Арляпова, Е.С. Культурная идентичность / Е. С. Арляпова // Центр политических и международных исследований/Российская Ассоциация Политической Науки: сайт. – URL: <http://polit-discourse.ru/articles/1251> (дата обращения 26.11.2023).
4. Грушевицкая, Т. Г. Культурология. Учебник / Т.Г. Грушевицкая, А.П. Садохин. 2017. 688 с.
5. Фаварисов, Э.А. Социально-профессиональная идентичность студентов в условиях мировой аномии / Э. А. Фаварисов // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике Материалы Всероссийской научно-практической

- конференции с международным участием, 19 января 2023 года / под ред. Ж.В. Мурзиной. – Elibrary: сайт. – URL:<https://elibrary.ru/item.asp?id=50215107> (дата обращения 26.11.2023).
6. Спирина, Е. А. Культурная идентичность: сущность, структура, типология / Е. А. Спирина // Elcom: сайт. – URL:<http://www.elcom.ru/~human/2008ns/22sea.htm>(дата обращения 26.11.2023).
 7. Лысак И.В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки.2010. № 4.С. 91–95.
 8. Степанянц, М. Культура и идентичность / М. Степанянц // Институт философии РАН - URL:https://iphras.ru/uplfile/orient/biblio/marietta_stepanya_nks/kulwtura_i_identichnostw.pdf(дата обращения 26.11.2023).
 9. Маршак, А. Л. Культурная идентичность: поиски и пути решения проблемы / А. Л. Маршак // Власть. 2012. №9. С. 4-7.
 10. Held D. Culture, Communications, and Global Political Community // Planetary Politics. Human Rights, Terror, and Global Society / Ed. E.B. Stephen. NewYork: Oxford: Rowman&LittlefieldPublishers; INC. 2005. P. 45.
 11. Масаев М. В. Может ли животное перейти от рефлекторного к безрефлекторному, символическому поведению? (философские, биологические, психологические и исторические аспекты проблемы в свете концепции парадигмальных образов эпох, цивилизаций и народов) / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. 2009. № 163.С. 108-117.
 12. Масаев М. В. Теория факта в двух книгах или неудавшееся доказательство «трудоу теории» происхождения человеческого сознания Ф. Энгельса (в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов). Рецензия на монографию: Хрустов Г. Ф. Теория факта. Кн. первая. Природа жизни и фактуальность знания. Кн. вторая. Создание фактуальности в знании / М. В. Масаев // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць (Гілея: научный вестник. Сборник научных работ). 2011. № 50. С. 747-750.

ЯДЕРНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ФЕНОМЕН: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РЕАЛИСТИЧНОСТИ УГРОЗЫ

Величко О. В.

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, студент*

E-mail: olengus@yandex.ru

Научный руководитель: Нурьшев Г.Н.

Доктор политических наук

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, профессор*

E-mail: g.nuryshev@yandex.ru

***Аннотация.** В статье анализируется реальная угроза ядерного терроризма, оцениваются перспективные сценарии, возможности террористических организаций и превентивные стратегии. Делается вывод о том, что средства массовой информации представляют угрозу ядерного терроризма в контексте глобальной нестабильности и распространения экстремистских идеологий и являются одной из ключевых проблем глобальной безопасности.*

***Ключевые слова:** ядерный терроризм, международная безопасность, Аль-Каида, грязная бомба, МАГАТЭ, ядерная угроза.*

NUCLEAR TERRORISM AS A PHENOMENON: RETHINKING THE REALISM OF THE THREAT

Velichko O. V.

Saint-Petersburg State University of Economics, student

E-mail: olengus@yandex.ru

The scientific supervisor

Dr. G. N. Nuryshev

E-mail: g.nuryshev@yandex.ru

***Abstract.** The article analyzes the real threat of nuclear terrorism, assesses prospective scenarios, capabilities of terrorist organizations and preventive strategies. The media presents the threat of nuclear terrorism in the context of global instability and the spread of extremist ideologies as one of the key challenges to global security.*

Keywords: *nuclear terrorism, international security, Al Qaeda, dirty bomb, IAEA, nuclear threat.*

Ядерный терроризм — это использование или угроза использования радиологического или ядерного оружия для совершения террористических актов. В настоящее время две выявленные группы обладают потенциалом для получения и использования такого оружия: Аль-Каида и Лашкар-и-Тайиба [1]. Способность террористических организаций приобретать и использовать ядерные материалы становится все более очевидной, что делает эту тему актуальной для научного изучения.

Цель статьи - оценить реальную угрозу, которую представляет собой ядерный терроризм, и предложить стратегии по минимизации связанных с ним рисков.

Мировые лидеры все чаще призывают к действиям по борьбе с потенциальной угрозой, называя ее неотложным и опасным вызовом глобальной безопасности. Хотя эта обеспокоенность оправдана из-за присущего ядерному оружию разрушительного потенциала, серьезная оценка надвигающейся угрозы ядерного терроризма представляется недостаточной. В результате, ядерный терроризм не является реальной угрозой, как считают многие. Согласно Лисенковой В.Э. [2], нет никаких доказательств, указывающих на то, что террористические организации обладают ядерным оружием. Во-вторых, эта угроза существует скорее в фантазиях террористов, чем в реальной жизни. В-третьих, государства, обладающие ядерным оружием, применяют сложные и установленные протоколы для регулирования доступа, в то время как террористы заявляют о наличии у них такого оружия в пропагандистских целях.

Статистика показывает, что вероятность угрозы ядерного терроризма равна 0,0000 [3]. Об этом говорится в исследовании, проведенном Сандийской национальной лабораторией в 1999 году. Пока нет никаких конкретных доказательств того, что террористические организации, такие как «Лашкар-и-Тайба», «Аль-Каида», «Аум Синрикё» обладают ядерным оружием. Шактер, Гузански и Швейцер [4] указывают, что остается неясным, обладают ли они навыками или ресурсами для изготовления оружия, несмотря на ряд утверждений о привлечении ими профессионалов для помощи в создании оружия.

Помимо значительных расходов, связанных с разработкой подобных инициатив, очень немногие группы, если таковые вообще существуют, будут склонны или заинтересованы в приобретении

оружия. На сегодняшний день только две организации - «Аль-Каида» и «Аум Синрикё» - пытались приобрести ядерное оружие на черном рынке, и обе эти попытки оказались безуспешными [1]. До своей гибели Усама бен Ладен проявлял интерес к этому оружию и пытался приобрести его в течение более 15 лет, но безуспешно. Несмотря на предполагаемый опыт группировок, приобретение оружия у ядерных государств, особенно у Ирана, будет сопряжено с трудностями из-за преобладающего недоверия и вражды между суннитской «Аль-Каидой» и шиитским Ираном, что может подорвать любое потенциальное сотрудничество, даже в свете предложений Ирана предоставить убежище и безопасный проход для «Аль-Каиды». Кроме того, нет никаких доказательств того, что государства-спонсоры терроризма когда-либо предоставляли им неконвенциональное оружие.

Ядерный терроризм остается гипотетической проблемой, поскольку нет документально подтвержденных случаев применения террористами ядерного оружия, однако эксперты не отвергают возможность такого сценария. Наиболее вероятными вариантами ядерного терроризма являются использование террористами ядерного устройства собственного производства [2]. Ядерное оружие способно уничтожить города или значительные их части. Хотя маловероятно, что террористы смогут произвести государственное оружие, создание самодельного ядерного устройства, возможно, технически достижимо для хорошо оснащенной террористической организации.

Помимо оборудования, террористы должны приобрести плутоний или высокообогащенный уран (ВОУ), что является основным препятствием для создания ядерной бомбы. Несмотря на возможность катастрофических потерь и то, что эта форма атаки считается самой смертоносной, она является самой сложной для осуществления. Многочисленные технические, финансовые, военные и логистические препятствия делают крайне маловероятным наличие у любой террористической организации необходимых средств для осуществления такого замысла.

Некоторые эксперты выражают опасения, что террористы могут получить ядерную бомбу от авторитарной страны, обладающей ядерным потенциалом. Однако как правило, даже террористическая ядерная атака не остается неопознанной в течение длительного времени и быстро будет приписана государству, которое ее организовало.

Особую опасность представляет взрыв «грязной бомбы» - оружия, состоящего из обычной взрывчатки или бомбы, содержащей радиоактивный материал, который при детонации распространяет это

вещество. Применение этого типа бомб террористической организацией рассматривается как одна из наиболее вероятных возможностей ядерного терроризма ввиду относительной доступности источников с низкой радиоактивностью.

Важно проводить различие между ядерной и «грязной» бомбой. Ядерная бомба производит взрыв, который в миллионы раз мощнее, чем «грязная» бомба. Радиационное облако от ядерного взрыва может распространиться на десятки и сотни квадратных километров, в то время как радиация от «грязной» бомбы может распространиться в пределах нескольких кварталов или километров от места взрыва. «Грязная бомба» классифицируется как «оружие массового поражения», нацеленное в первую очередь на заражение людей и наведение паники среди населения. Чрезвычайная токсичность радиоактивных элементов и их опасность для жизни вызывают у людей тревогу. Несмотря на то, что травмы от первого взрыва «грязной бомбы» могут быть незначительными, вдыхание или проглатывание радиоактивных элементов населением может представлять опасность для здоровья, повышая вероятность заболевания или отравления [5].

Множество факторов, связанных с потенциальным нападением с применением «грязной бомбы», затрудняет точное прогнозирование результата. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) классифицирует радиоактивные материалы по пяти категориям - от первой, представляющей смертельную опасность при облучении в течение нескольких минут, до пятой, с очень низким уровнем риска. По состоянию на 31 декабря 2022 года в базе данных МАГАТЭ об инцидентах и незаконном обороте ядерных и радиоактивных материалов насчитывалось в общей сложности 4075 подтвержденных событий, о которых государства-участники сообщили с 1993 года. Из 40 752 подтвержденных случаев 344 касались незаконного оборота или неправомерного использования. Несмотря на то, что большинство случаев незаконного оборота не связано с ядерными материалами и что большинство радиоактивных источников представляют минимальный радиологический риск, частота таких инцидентов указывает на необходимость усиления мер по регулированию и обеспечению сохранности ядерных и других радиоактивных материалов.

Нападения на ядерные объекты, включая реакторы, могут привести к существенным нарушениям в их работе, значительным экономическим потерям и потенциально тяжелым последствиям для здоровья. Существуют опасения, что взрыв, пожар или инцидент на одной из таких станций может привести к значительному выбросу радиоактивных материалов. Тем не менее, маловероятно, что эти виды

ударов приведут к значительным жертвам или подвергнут множество людей угрозе лучевой болезни. Кроме того, вероятность проникновения террориста на энергетический реактор снижается благодаря обширным мерам безопасности и автоматическим системам отключения, защищающим активную зону реактора [5].

В докладе «Прогресс в осуществлении мер по защите от ядерного и радиологического терроризма» [7], от 4 октября 2008 года, подчеркивается необходимость сохранения внимания к последствиям террористической деятельности для ядерной безопасности, особенно в отношении ядерных материалов и других радиоактивных веществ на всех этапах их производства, использования, хранения и транспортировки, а также связанных с ними объектов, в свете растущей частоты трагических террористических инцидентов во всем мире. МАГАТЭ рекомендует государствам уделять первоочередное внимание мерам защиты от воздушных угроз и противодействию нападениям, указанным в государственной оценке угроз или угроз на основе проекта.

В отчетах МАГАТЭ «Аспекты безопасности атомных электростанций при антропогенных внешних воздействиях» описаны причины значительных катастрофических инцидентов с конструкциями АЭС при столкновениях с самолетами, определены такие факторы, как глобальные и локальные повреждения и разрушения, структурные вибрации, нарушения в работе систем и компонентов, а также пожар в результате утечки авиационного топлива при столкновении.

Таким образом, отсутствие случаев ядерного терроризма до сих пор не должно приводить к полному отрицанию возможности его возникновения. Хотя этот вид терроризма представляет собой пугающую перспективу, он не является ни неизбежным, ни неотвратимым, поэтому необходимо принимать усиленные меры предосторожности, независимо от типа используемого взрывчатого вещества. Усиление гражданской обороны и внутренней безопасности наряду с эффективным обменом разведывательной информацией по всему миру имеет первостепенное значение. Необходимо разработать глобальный инвентарный список ядерных предметов и обеспечить его строгий мониторинг. Также необходимо активизировать усилия по искоренению террористических организаций, таких как «Аль-Каида», а правительства, которые могут способствовать доступу террористов к ядерным материалам, должны быть незамедлительно предупреждены и проинформированы о том, что они будут нести полную ответственность за последствия таких атак.

Список литературы

1. Журавель В. П. Ядерный терроризм: миф или реальная угроза? // Право и безопасность. 2011. №3-4(40). - С.37-42.
2. Лисенкова В.Э. Ядерный терроризм: необоснованный страх или глобальная угроза? // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/young-and-smart/yadernyy-terrorizm-neobosnovanny-strakh-ili-globalnaya-ugroza/> (Дата обращения 30.10.2024)
3. Allison G. Nuclear Terrorism Fact Sheet // Policy Memo. Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, 2010. URL: <https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/17190498/Nuclear-Security-Fact-Sheet.pdf?sequence=1> (Дата обращения 30.10.2024)
4. Schachter, J., Guzansky, Y., and Schweitzer, Y. «Nuclear Terrorism: Threat to the Public or to Credibility» // Canada Free Press 2010 – URL: <https://canadafreepress.com/article/nuclear-terrorism-threat-to-the-public-or-to-credibility> (Дата обращения 30.10.2024)
5. Alkış, Muhammed Ali "Threat of Nuclear Terrorism: The Developing Nuclear Security Regime, // "International Journal of Nuclear Security: 2022 Vol. 7: No. 1, Article 17
6. МАГАТЭ. Физическая ядерная безопасность - меры по защите от ядерного терроризма Прогресс в области мер по защите от ядерного и радиологического терроризма // International Atomic Energy Agency - URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gc/gc48res-11_rus.pdf (Дата обращения 30.10.2024)
7. Прогресс в области мер по защите от ядерного и радиологического терроризма: резолюция GC (48)/RES/11 от 24 сентября 2004 г. // Международное агентство по атомной энергии. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gc/gc48res-11_rus.pdf (Дата обращения 30.10.2024)
8. Kitfield, J. Expert says nuclear terrorism is not a major threat. // Government Executive – URL: <https://www.govexec.com/defense/2008/10/expert-says-nuclear-terrorism-is-not-a-major-threat/27888/> (Дата обращения 30.10.2024)

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Милена М. Видосавлевич

Доктор филологических наук

Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, научный сотрудник

E-mail: mika_vido_88@yahoo.com

***Аннотация.** Язык политики специфичен, поскольку он напрямую связан с развитием политической философии. Политический язык имеет особый объем и предназначение, и в силу своих особенностей его иногда трудно перевести. В связи с этим перевод политических текстов может оказаться затруднительным, если переводчик не знает контекста и правил политических выступлений. Поэтому переводчикам политических текстов важно знать, как добиться определенного эффекта на другом языке, уметь эффективно использовать язык для выражения важных политических концепций для достижения желаемого эффекта. Таким образом, основная задача переводчика - создать текст, который передаст суть сообщения из исходного текста, то есть понять не только то, что означают слова и предложения, но и то, какое политическое или историческое влияние они могут оказать на людей. Следовательно, целью статьи является указать на определенные проблемы, с которыми сталкиваются переводчики в процессе перевода политических текстов.*

***Ключевые слова:** язык, политика, дискурс, перевод, тексты, проблемы, стратегии.*

CHALLENGES IN TRANSLATION OF POLITICAL TEXTS

Milena M. Vidosavljević

PhD of philology

Institute for Serbian Culture Priština-Leposavić, Republic of Serbia, Research associate

E-mail: mika_vido_88@yahoo.com

***Abstract.** The language of politics is specific because it is directly related to the development of political philosophy. Political language has a special scope and intention, and due to its characteristics, it is sometimes difficult to translate it. In this regard, translating political texts can be difficult if the translator does not know the context and rules of political*

speeches. Therefore, it is important for translators of political texts to know how to achieve a certain effect in another language and to be able to use language effectively to express important political concepts in order to achieve the desired effect. Thus, the main task of the translator is to create a text that will convey the core of the message from the original text, that is, to understand not only what the words and sentences mean, but also what political or historical impact they might have on the people. Therefore, the aim of this paper is to point out certain challenges that translators face in the process of translating political texts.

Keywords: *language, politics, discourse, translation, texts, problems, strategies.*

Встречи между политической делегацией страны посещения и страны пребывания, а также международные дипломатические конференции и подобные мероприятия требуют особого использования политического языка, а также подготовки международных соглашений, переговоров и заключения контрактов. Специализированный политический язык во многом зависит от международных действий, привычек и двусторонних согласованных решений. Следовательно, когда речь идет о переводе, политические слова нельзя анализировать изолированно, а при их анализе необходимо учитывать все предложение и словосочетание [1, с. 205].

Основная функция этих слов — не описать что-то, а установить связь. Этот факт указывает на различие между политическими словами и бытовой речью [2, с. 47]. А именно, политики отделяют себя от нормального языка, который обычно используется людьми, и часто входят в определенную языковую область. Политическая значимость становится видимой только в этом специфическом языке, который меняет повседневное использование человеческого языка. Политический язык не отличается так, как различаются иностранные языки. Основная причина отличия политического языка от обычного языка выражается в том, что семантическая ценность политических слов богаче, чем у обычных слов [3, с. 157].

С помощью языка политики имеют возможность обращаться к международному сообществу и таким образом представлять свое руководство, а также свою страну наилучшим образом. Поэтому перевод политических речей и текстов считается одним из самых сложных видов перевода [4, с. 56].

Роль переводчика в процессе перевода политических текстов и выступлений заключается в знании терминологии, политической ситуации и умении правильно переводить через целевой язык на

профессиональном уровне. В связи с этим переводчикам при переводе политических текстов и выступлений важно учитывать культурные особенности стран языка оригинала, знать их историю, внутреннюю политику, понимать взгляды своих лидеров на конкретные ситуации. Следовательно, перед переводчиками стоит задача сформулировать и воспроизвести намерения автора текста или говорящего, сохраняя информативную и экспрессивную функции речи. Считается, что проблема перевода политических речей заключается в лексических, грамматических и стилистических особенностях языка. Однако переводу политических текстов могут способствовать методы перевода, образующие целенаправленную систему взаимосвязанных приемов, в которых учитывается тип перевода [4, с. 56].

Характеристики политического языка

Политический язык специфичен и непосредственно связан с развитием политической философии, а как технический язык он имеет тесную связь с риторикой. Политический язык имеет особый объем и назначение и поэтому подходит для фиксации данных и фактов, таких как освещение важных юридических и территориальных изменений, политических событий в мире, войн, контрактов и т. д. Терминология политического языка родственна специальному языку политической философии, поскольку эта терминология помогает формулировать наиболее распространенные вопросы, касающиеся взаимоотношений личности человека и общества. Однако это также связано с политической теорией, поскольку политическая терминология используется для формулирования описательных теорий используется для формулирования описательных теорий политических явлений, таких как социальная критика, принципы справедливости, право [1, с. 205].

Нередко политический язык изобилует скоплением различных терминов для обозначения одного и того же понятия, затем употреблением неологизмов, затем словосочетаний, относящихся к официальному обращению, технических терминов, сокращений. Политический язык зачастую неоднозначен, в нем преобладают риторические стратегии, направленные на вызов аплодисментов аудитории, а также метафоры, цель которых – упростить политическое содержание, но также обмануть общественность и представить искаженную картину действительности [5, с. 88].

Таким образом, было бы невозможно разработать теории государства без политического языка. Политический язык также важен

для описания политических идей, таких как доктрины, идеологии, политические программы, политические цели. В связи с этим политическую терминологию можно рассматривать как вторичный дискурс, возникающий из первичного дискурса [6, с. 68].

Проблемы в процессе перевода политических текстов

Политические тексты из-за своих особенностей трудно поддаются переводу и иногда попадают в категорию непереводаемых текстов. Политические тексты не пишутся для иностранной аудитории, и в некоторых случаях переводчики не могут создать параллельные тексты, идентичные по смыслу, политическому и историческому эффекту. Поэтому основной задачей переводчика является создание текста, который передаст суть сообщения, являющегося неотъемлемой частью исходного текста [4, с. 57].

Чтобы достичь этой цели, переводчики должны уметь «понимать не только то, что означают слова и предложения, но и какое политическое или историческое влияние они могут иметь». Также они должны знать, как добиться определенного эффекта на другом языке» [7, с. 3].

Переводчики должны уметь эффективно использовать язык для выражения наиболее важных политических концепций, чтобы достичь желаемого эффекта. Чтобы справиться с многочисленными трудностями в процессе перевода упомянутого типа текстов, необходимо знать общепринятые правила и стили политических выступлений, такие как риторика и стилистика [8, с.178].

Особенностью политической системы является то, что она состоит из сильно связанных текстов, поэтому при создании нового текста, такого как переводы, переводчики должны обращать внимание на его согласованность с другими политическими текстами. Эта согласованность обеспечивается политической терминологией (сторона договора, смертная казнь и т.п.). Традиция политического текста также способствует этой согласованности, поэтому переводчики могут счесть политический текст невозможным для понимания. Это связано с тем, что правовая система логична и сложна, а в текстах избегаются сложные описания. Специфический объем этих текстов может объяснить использование длинных фраз, представляющих для переводчиков трудную задачу для понимания и тем более перевода [1, с. 206].

Переводчики могут столкнуться с ситуацией, когда текст на исходном языке (акт или договор, учредительный акт или устав и т. д.)

очень сложен и неясен. Хотя эта идея противоречит той, которая относится к логическому характеру политических текстов, замечено, что на практике переводчики часто сталкиваются с такими ситуациями вследствие некомпетентности или незнания авторов, написавших тексты. В этом случае переводчики становятся толмачами лишь тогда, когда сталкиваются с проблемами, связанными с самим актом перевода, а не с содержанием текста. Проблема усугубляется, если двусмысленность возникает из-за различий между двумя языковыми системами. В процессе перевода переводчики должны отказаться от творчества и вместо этого использовать традиционный специализированный язык [9, с. 219].

Таким образом, для переводчиков непростая задача-иметь дело со специальной терминологией, и дополнительной причиной трудностей может быть тот факт, что источники документации им недоступны. В случае политических переводов важно, чтобы переводчики использовали существующую терминологию исходного языка, поскольку он фактически становится кодексом политической коммуникации и инструментом когерентных текстов. Если переводчики сталкиваются с новыми понятиями в процессе перевода, они должны учитывать ряд политических, лингвистических и культурных аспектов, чтобы прийти к идеальному или наиболее приемлемому эквиваленту [1, с. 206].

На каждом этапе перевода политических текстов возникают определенные проблемы. По мнению Венути [10, с. 524] возникают трудности при передаче разговорных слов и выражений, возмещение потерь и различий при письменном переводе; различия в грамматических категориях, а также лексические или морфосинтаксические различия между исходным и целевым языками. Также возникают проблемы многозначности и может быть потеряна цель автора.

Проблема перевода политических речей изучается многими учеными. Они утверждают, что самая большая трудность связана с переводом лексических единиц. Следовательно, Ньюмарк [11, с. 184] считает две причины этого явления: во-первых, переводчик не до конца понимает лексическую единицу (слово в контексте имеет несколько иное значение или употребляется в необычном сочетании слов), во-вторых, переводчик испытывает затруднения в выборе соответствующие лексические единицы из-за различий в смысловом ряду лексических единиц родного языка и языка перевода, на который осуществляется перевод.

Чтобы избежать определенных трудностей в процессе перевода политических текстов, некоторые авторы предлагают следующие стратегии. А именно, Ньюмарк [11, с. 184] рекомендует использовать для перевода фраз эквивалент или переводить его буквально; для перевода эвфемизмов следует выбирать эквивалент на целевом языке. Далее необходимо использовать семантический перевод метафор; при переводе акронимов и аббревиатур следует учитывать контекстуальные факторы, т.е. языковой и культурный уровень читателей. Для перевода политической реальности необходимо использовать адаптацию, то есть выбор или замену сходными словами, в то время как для перевода культурно-маркированной лексики следует использовать пропуск, замену, адаптацию.

В то же время, чтобы избежать двусмысленности и путаницы в содержании, при переводе сложных синтаксических конструкций рекомендуется делить сложные предложения на более короткие. Переводчики вынуждены сохранять информативную и выразительную функцию в социально-политическом тексте. Для этого переводчики должны правильно передать коммуникативное намерение автора оригинала, в то же время понять цель коммуникативного воздействия на аудиторию и выяснить, какое коммуникативное влияние оригинальный текст оказывает на читателей. Также при переводе на родной язык переводчикам следует выбирать лингвистические средства для достижения того же коммуникативного эффекта, который использует автор оригинального текста [12, с. 6].

Как технику перевода адаптацию можно определить, как технический и объективный метод. Наиболее известно определение авторов Вине и Дарбельне [13, с. 31], упоминавшие адаптацию как отдельный процесс перевода: «адаптация — это процесс, который может быть использован всякий раз, когда контекст, упомянутый в исходном тексте, не существует в культуре целевого текста, что требует некоторой формы воссоздания». Это широко распространенное определение рассматривает адаптацию как процедуру, используемую для достижения эквивалентной ситуации там, где существуют культурные несоответствия (1958). Найда [14, с. 91] отметили, что язык является частью культуры и фактически представляет собой сложнейшую совокупность привычек. Язык отражает культуру, обеспечивает доступ к культуре и во многом формирует модель культуры.

Чтобы представить в политических текстах культурно-специфические элементы и отразить определенную модель культуры, переводчики могут использовать следующие приемы: пропуск:

удаление или сокращение части текста; затем расширение, т.е. предоставление явной информации, которая подразумевается в оригинале, либо в основной части, либо в сносках, либо в глоссарии; экзотика в виде замены сленга, диалекта и т.п. в исходном тексте примерными эквивалентами на целевом языке (иногда выделяются курсивом или подчеркиванием); обновление в виде замены устаревшей или неясной информации современными эквивалентами; ситуационная эквивалентность, т.е. вставка более знакомого контекста, чем тот, который использовался в оригинале; а также замена исходного текста текстом, сохраняющим лишь суть исходного политического текста [1, с. 206].

Список литературы

1. Alibek Kizi K. Problems in Translation of Political texts // European Journal of Humanities and Educational Advancements. 2022. No. 3(8). P. 205-207.
2. Klaudy K. Languages in Translation: Lectures on the Theory, Teaching and Practice of Translation. Budapest: Scholastica. 2003. 47 p.
3. Kurtán Zs. Szakmai nyelvhasználat [Language for Special Purposes]. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó: 2003. 157p.
4. Ababilova N. M., Usachenko I. V. Peculiarities of political speeches translation // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Філологія. 2021. No. 48. Т. 3. Р. 56-59.
5. Видосавлевич М. Использование языка в политическом контексте. Политическое пространство и социальное время: аксиология власти и общественный идеал. Сборник научных трудов XLI Международного Харакского форума. Под общей редакцией Т.А. Сеньюшкиной, науч. ред. Е.А. Сеньюшкин. Симферополь: ИТ «Ариал», 2023. С. 88-95.
6. Jakobson, R. On Linguistic Aspects of Translation. In R.A. Brower (ed.), On Translation, 107–239. New York: Oxford University Press, 1966. 68p.
7. Quentel G. The translation of a crucial political speech: G.W. Bush' State of the Union address 2003 in Le Mode. Coventry: University of Warwick. Centre for the Study of Globalisation and Regionalisation, 2006. 3 p.
8. Sárosi-Márdirosz K. Problems Related to the Translation of Political Texts//Acta Universitatis Sapientiae: Philologica. 2015. Vol. 6, No. 2. P. 159-180.

9. Newmark, P. A Textbook of Translation. Hertfordshire: Prentice Hall, 1988. 219p.
10. Venuti L. The translation studies Reader. Routledge, 2000. 524 p.
11. Newmark P. Textbook of Translation. Prentice Hall, 1991. 184 p.
12. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. М.: Юрайт, 2000. 132 с.
13. Vinay, J. P., Darbelnet, J. Comparative stylistics of French and English: A methodology for translation. Paris: Les éditions Didier, 1958, pp 30-50.
14. Nida, E. Toward a Science of Translation – with Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. E. J. Brill, 1964. 91p.

ФАКТОР АККУЛЬТУРАЦИИ КРЯШЕН И НАГАЙБАКОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИСТОРИИ ЭТНОСА И СУБЭТНОСА

Вилкова Д. В.

*Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
студент I курса магистратуры, направление «Теология»,
профиль специальности «Актуальные вопросы христианской
теологии: Православная теология»
E-mail: dianavilkova14@mail.ru*

Научный руководитель: Горин А.А.,

*кандидат исторических наук,
Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
доцент кафедры религиоведения
E-mail: anton-gorin-2009@mail.ru*

***Аннотация.** Данная статья посвящена вопросу о факторах, повлиявших на аккультурацию субэтноса и законодательно признанного малочисленного народа кряшен и нагайбаков в контексте их истории развития. Несмотря на то, что две данные этнорелигиозные группы долгое время выступали за признание их этносом, на данный момент таковым считаются лишь нагайбаки. Современное состояние общин говорит о том, что нагайбаки во*

многих аспектах претерпели «слияние» с кряшенскими общинами, а в науке нагайбаков называют «новокрещены», и часто изучают данные общины совместно, что и ставит перед нами проблему аккультурации.

Ключевые слова: кряшены, нагайбаки, культура, субэтнос, этнорелигиозная группа, аккультурация.

THE FACTOR OF ACCULTURATION OF THE KRYASHENS AND NAGAIBAKS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE HISTORY OF ETHNOS AND SUBETHNIC GROUP

Vilkova D.V.

Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications

1st year student of the master's program, "Theology", specialty profile "Current issues of Christian theology: Orthodox theology"

E-mail: dianavilkova14@mail.ru

The scientific supervisor: Gorin A. A.

Candidate of Historical Sciences

Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications

Associate Professor of the Department of Religious Studies

E-mail: anton-gorin-2009@mail.ru

Abstract. *This article is devoted to the issue of factors that influenced the acculturation of the subethnos and the legally recognized small people of the Kryashens and Nagaybaks in the context of their development history. Thus, despite the fact that these two ethnoreligious groups have long advocated for their recognition as an ethnic group, but at the moment only the Nagaybaks are considered as such, the current state of the communities suggests that the Nagaybaks have in many respects undergone a "merger" with the Kryashen communities, and in science the Nagaybaks are called "newly resurrected", and these communities are often studied together, which poses the problem of acculturation to us.*

Keywords: *Kryashens, Nagaybaks, culture, subethnic group, ethno-religious group, acculturation.*

Кряшены являются этноконфессиональной группой тюркского происхождения, широко представленной в Татарстане, Башкирии, Удмуртии, а также по всему Волго-уральскому региону. Данная

этническая группа позиционирует себя как общность, исторически сохраняющая православное вероисповедание, оставшееся вне исламского влияния [2], именно поэтому в культуре кряшен, как тюрков, сохраняется также особенность языка - кряшенского языка, который схож по происхождению с татарским, однако не включает в себя ни одного арабизма.

Нагайбаки, в свою очередь, представляют из себя этнорелигиозную группу, проживающую в казачьих поселениях, которую по происхождению связывают либо с ногайцами, либо с казанскими татарами, которые когда-то переселились в Закамье, данная группа представлена в Челябинской области, в Башкирии, а также в ХМАО, данная этнорелигиозная общность тоже имеет свой нагайбакский язык, схожий с татарскими диалектами, однако он также лишен арабских корней, и скорее испытал влияние русского языка, однако его полноценная характеристика осложняется тем, что на данном языке говорит лишь треть представителей этноса [4], кроме того, он не получил литературного оформления и считается лишь разговорным.

Дав общую характеристику обеим группам, стоит отметить, что, не смотря на общность происхождения из одной этнической группы, схожесть языка и приверженность православию, история двух этноконфессиональных общин различна, что на первый взгляд, разводило их на разные пути этносоциального развития, влияло на разные статусы народов и замедляло аккультурацию. Так, например, нагайбаки сначала были организованы в отдельную сословную группу, это произошло в 1736 году: по приказу Анны Иоанновны была организована Нагайбакская станица казачества [3]. В данной станице жили люди самых разных этносов и вероисповеданий: татары-мусульмане, татары-христиане, чувашаи и др. В данной станице по языку привычнее для всех был татарский язык и тюркские диалекты, а преобладать со временем стали христиане, поэтому данных казаков часто называли «крещенные татары». Все изменилось в 1842 году, когда нагайбаков выселили со станицы на территории Южного Зауралья, расселяли, однако, моноэтническими поселками, где близких контактов с другими народами почти не наблюдалось [3]. Также все-таки полной ассимиляции с другими народами не произошло из-за образованного Нагайбакского района, а возможность самостоятельно конструировать свою этничность помогла и сейчас получить статус народа, однако этноним «нагайбаки» до 1990-х годов не был государственно признанным. И во многом из-за такой истории достаточно долгого существования как отдельного сословия их со

временем признали малочисленным народом на данный момент. А вот у кряшен иная история.

История кряшен до сих пор имеет несколько вариантов начала и развития, в миссионерских источниках слово «кряшены» появляется с середины XVI века, а в светских исторических источниках даже в XVIII веке. Но все-таки источники сходятся во мнении, что это тюркский народ, чью историю невозможно изучить без аспекта распространения христианства в Волжско-Камском регионе. Важно сказать, что кряшены делились на этнографические группы: казанско-татарские, молькеевские (Тетюшский, Цивильский уезды), чистопольские и елабужские. Следовательно, к кряшенам часто вливались представители разных этнических групп после крещения [6]. Во многом из-за такой истории взаимопроникновения этносов и различных культурных традиций в группу кряшен, которые в большинстве жили в многонациональных и поликонфессиональных регионах, в научном сообществе до сих пор обсуждается с самых разных точек зрения генезис кряшен как этноконфессиональной группы и во многом поэтому, из-за разности взглядов на историю, кряшены не получают статус отдельного народа.

Однако несмотря на такие сложности в истории нагайбаков и кряшен, мы можем говорить об интересных особенностях современного состояния двух общностей с разным статусом. Так кряшены ведут активную деятельность по утверждению своего этнического своеобразия. Наиболее яркое проявление и свидетельство данного факта выражается в социальных сетях и в виртуальном пространстве сети Интернет, что даже дало основание некоторым исследовать так называемый феномен «виртуальной этничности кряшен» [1, с. 43], так как представители субэтноса в современности разбросаны по разным регионам, данный способ сохранения сплоченности стал самым эффективным и легко реализуемым. Кряшены таким образом еще и утверждают свое право на статус народа, во многом поэтому их активность выше, чем у малочисленного народа нагайбаков, об их активной деятельности как народа известно мало, и различные культурные традиции носят чаще всего не общественный, а семейный характер, и в каждой семье та или иная традиция может реализовываться немного по-разному. При этом в социальных сетях сообществ нагайбаков наблюдается сравнительно низкая активность, связанная с этноконфессиональной самобытностью народа, а ссылки на мероприятия и призывы к сохранению культурных традиций ведут на сообщества кряшен [5]. Поэтому сравнивать этносоциальную активность нагайбаков с кряшенами в обществе не

представляется возможным. У двух групп во многом произошла аккультурация из-за общности веры, схожести языка и исторических территорий распространения и схожести исторического названия. Однако редкостью является то, что самостоятельный малочисленный народ примкнул к так называемому субэтносу, но не наоборот [7, с. 105].

Таким образом, изучив особенности двух этноконфессиональных групп в их историческом развитии, мы можем сказать, что аккультурация может проходить в разных направлениях, и во многом успешность аккультурации различных этнических групп зависит не от признанного статуса, не от количественного превосходства, а скорее от активности и успешности этносоциальной деятельности, в нашем случае приверженность нагайбаков к кряшенской деятельности связана с тем, что культурные традиции похожи и малочисленный народ нагайбаков при желании может удовлетворить свои культурные потребности через уже успешно сформированные каналы, которые есть у кряшен, как активной группы, несмотря на свою субэтничность по современным оценкам.

Список литературы

1. Белорусова С. Ю. Сила кряшен: виртуальная жизнь непризнанного народа // Сибирские исторические исследования. №2. С. 41-63.
2. КРЯШЕНЫ. Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: [//old.bigenc.ru/ethnology/text/2801244](https://old.bigenc.ru/ethnology/text/2801244) (дата обращения: 30.09.2024).
3. Мы-нагайбаки, президент подписал! URL: <https://geno.ru/news/8347/> (дата обращения: 30.09.2024).
4. НАГАЙБАКИ. Большая Российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/2800874> (дата обращения: 30.09.2024).
5. Нагайбаки. Сообщество URL: https://vk.com/wall-17432324_41 (дата обращения: 04.10.2024).
6. Общественная организация кряшен Республики Татарстан. URL: <https://krshn.addnt.ru/history/> (дата обращения: 04.10.2024).
7. Тишков И.Л. Народы России: Атлас культур и религий. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. 256 с.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПОСМЕРТНОГО ТВОРЧЕСКОГО БЫТИЯ

Воронин А.В.

*Тверская областная коллегия адвокатов «Линия защиты»,
адвокат*

E-mail: alexvor1997@yandex.ru

Аннотация. В настоящем исследовании определяется фундаментальное, конституирующее значение коллективной памяти при решении вопроса об осмыслении актуально достоверного с точки зрения реальной действительности феномена посмертного творческого бытия в плоскости конституционного права. На основе конституционно-методологического анализа данных доктринальных разработок, социально-правовой практики, включая практику правотворческой деятельности и правоприменительную практику, делается вывод о комплементарном характере представлений о прошлом, разделяемых обществом, и модусом творческой самореализации человека после смерти посредством собственной цифровой трансформации. Обосновывается тезис об институциональной детерминированности явления посмертного творческого бытия представлениями, образующими в своих многочисленных, многоаспектных, системных взаимосвязях коллективную память. На основе собранных данных формулируются предложения, направленные на формирование органом конституционной юстиции России правовых позиций, в которых предметным образом дескриптируются характеристики конституционного права на посмертное творческое бытие сквозь призму коллективной памяти.

Ключевые слова: конституционное право, посмертное творческое бытие, коллективная память.

COLLECTIVE MEMORY AS A FACTOR IN CONSTITUTIONAL-LEGAL UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON OF POSTHUMOUS CREATIVE EXISTENCE

Voronin A.V.

Tver Regional Bar Association «Line of Defense», advocate

E-mail: alexvor1997@yandex.ru

Abstract. *The present study defines the fundamental, constitutive significance of collective memory in resolving the issue of understanding the phenomenon of posthumous creative existence, which is currently reliable from the point of view of reality, in the plane of constitutional law. Based on the constitutional and methodological analysis of doctrinal developments, socio-legal practice, including the practice of law-making and law enforcement practice, a conclusion is made about the complementary nature of ideas about the past shared by society and the mode of creative self-realization of a person after death through their own digital transformation. The thesis is substantiated about the institutional determinism of the phenomenon of posthumous creative existence by ideas that form collective memory in their numerous, multi-aspect, systemic interrelations. Based on the collected data, proposals are formulated aimed at the formation of legal positions by the constitutional justice body of Russia, in which the characteristics of the constitutional right to posthumous creative existence are substantiated through the prism of collective memory.*

Keywords: *constitutionallaw, posthumouscreativeexistence, collectivememory.*

Коллективная память во всём многообразии её модусов и репрезентаций в современную цифровую эпоху обретает особый, детерминирующий, характер, в том числе при решении вопроса о возможности (потенциальной допустимости) признания как на уровне ментальных притязаний членов человеческого общества, так и в контексте поиска и определения правовых смыслов явлений, маркируемых в качестве конституционно значимых. Повсеместное распространение цифровой культуры, повышение уровня доступа к цифровым технологиям, широкомасштабное укоренение постковидно-депрессивных настроений (сравнимое с не менее широкомасштабной интродукцией проявлений ковидного кризиса) в социальном сознании, беспрецедентное противостояние (при определённом подходе квалифицируемое в качестве гибридной войны) ряда ведущих мировых держав (их блоков), развитие искусственного интеллекта, увеличение количества проявлений киберделинквентного поведения, цифровизация финансово-экономического сектора – те причины, которые обусловили актуальность настоящего исследования.

2020 год, безусловно, стал переломным с точки зрения социального прогресса. Возникшие и возникающие на фоне вышеперечисленных событий практики цифровой трансформации не только общественных отношений, но и самих людей едва ли поддаются

исчерпывающей дескрипции, редукции. Вместе с тем в качестве интегрального фактора актуально необходимого для целей выживания общества (в том числе с позиций общественной нравственности) конституционно-правового осмысления феноменов современности надлежит рассматривать именно коллективную память, терминологически означенную немногим менее ста лет тому назад. С целью доктринального иллюстрирования представляется необходимым осуществление предметной фокусировки на проблеме посмертного творческого бытия, сопровождаемого применением цифровых технологий, в рамках конституционного дискурса.

Впервые в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) о коллективной памяти упоминается в тексте её преамбулы. «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, <...> чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, <...>, принимаем **КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**» [1]. Приходя к консенсусу по вопросу организации общественной жизни с позиций новой онтологически, аксиологически, гносеологически обусловленной конституционной парадигмы, соответствующий коллективный субъект права признал реальность представлений о прошлом, разделяемых им, в качестве подлинно достоверной (в контексте национальной идентификации и генетической кодировки) константы.

«Как известно, краткость и абстрактность конституционных норм не всегда позволяют достаточно полно и развёрнуто изложить их содержание и смысл», замечает М.А. Митюков [2, с. 632]. В этой связи спустя 27 лет после принятия вышеназванного правового акта в рамках проведения в России конституционной реформы встал вопрос о реконцептуализации коллективной памяти с точки зрения актуальной конституционно-нарративной повестки. В этом смысле положения ч. 2 ст. 67¹ Конституции РФ общепредпосылочным образом задают вектор постижения социальных практик. А в системном истолковании данной нормы с положением п. «и» ст. 71 названного правового акта уместно вести речь о концептуально выдержанной смысло-содержательной, континуально-рескрипционной целостности правового текста, «оживающего» в духе признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина и являющегося базой для надлежащего осмысления цифровых феноменов, к числу которых относится и посмертное творческое бытие.

Широкий общественный резонанс вызвало «воскрешение» актёра Владислава Галкина ради «съёмки» в сериале «Диверсант. Идеальный

штурм» в 2022 году [3]. Спустя два года генеральный директор «Первого канала» Константин Эрнст сделал заявление, согласно которому планируется воссоздание при помощи искусственного интеллекта образа Вячеслава Тихонова из «Семнадцати мгновений весны» в новой экранизации произведений о Штирлице [4]. Указанные сюжеты действительно заслуживают особого внимания, поскольку речь идёт о специфической форме человеческого бытия.

Ряд учёных и практиков негативно воспринял подобное, указывая, что использование дипфейков способно привести к подрыву национальной безопасности [5, с. 177]. При этом отмечается возможность правовой регламентации порядка использования соответствующих технологий [6, с. 117]. Причём, по мнению некоторых авторов, необходимо как гражданско-правовое, так и уголовно-правовое регулирование возникающих в связи с использованием дипфейков общественных отношений [7, с. 90].

Отметим, что воспроизведение образа умершего надлежит рассматривать как акт воспоминания о человеке. Учитывая, что посмертное творческое бытие в силу своей специфики предполагает создание «аватара» (то есть цифровую трансформацию ранее жившего человека), являющегося копией творческого деятеля, совершавшего публично значимые действия (независимо от численности социальной группы, для которой результаты творческой деятельности имели ценность), уместно констатировать факт сохранения коллективной памяти об умершем творческом деятеле. Актёрская игра, исполнение музыкального произведения, прочтение стихотворений и многие другие практики надлежит рассматривать как аксиологически окрашенные поведенческие акты. И, поскольку конституционное осмысление тех или иных феноменов берёт своё начало именно с идеи ценности, в том числе ценности человеческой жизни, ценности человеческого творчества, ценности памяти о человеке, приведём следующее высказывание В.Д. Зорькина о Конституции РФ. «В ней, наряду с идеей будущего, предполагаемой программным характером любой конституции, конституционное звучание обрела идея великого прошлого, обладающего мощным консолидирующим значением. Историческая память признана неотъемлемой принадлежностью конституционной идентичности» [8]. Следовательно, исходя из консолидирующего значения творчества отдельно взятых лиц, не могущего поддаваться пространственно-временным ограничениям, следует отметить, что коллективная память с точки зрения конституционно текста служит тем фактором, который обуславливает

возможность осмысления заявленного актуально достоверного с позиции реальной действительности явления.

Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации как легитимным субъектом правотворческой деятельности в настоящее время принимаются меры по созданию правовой базы (на отраслевом уровне) для регулирования общественных отношений, связанных с созданием дипфейков и как следствие с посмертным творческим бытием. Изменения предлагается внести в Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первую) [9], а также в Уголовный кодекс Российской Федерации [10]. Первые шаги по осмыслению заявленного феномена сделаны и правоприменителем. Например, Верховным Судом Российской Федерации [11].

Следовательно, в заданных условиях видится допустимым признать тот факт, что феномен посмертного творческого бытия является институционально детерминированным представлениями, образующими в своих многочисленных, многоаспектных, системных взаимосвязях коллективную память, рассматриваемую нами не только в социальном, но и в правовом (прежде всего, в конституционно-правовом) аспекте.

Вместе с этим для полноты исследования (с точки зрения конституционной методологии) необходимо сформулировать предложения, направленные на формирование Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций, в которых предметным образом надлежит отражать институциональные характеристики конституционного права каждого на посмертное творческое бытие.

Так, не вызывает сомнений, что антропологический конституционализм может служить целям доктринального противодействия усиленной версии не только «биоэтического империализма», о чём справедливо пишет И.А. Кравец [12, с. 197], но и, по нашему мнению, технократического империализма. В связи с этим пользование конституционным правом на посмертное творческое бытие априорно должно соответствовать целям подлинно конституционного правоупотребления, конституционным ценностям, а также равным образом отвечать конституционно значимым публичным и частным интересам с соблюдением разумных пределов их гармонизации. При этом, на наш взгляд, в рамках соответствующих правовых позиций необходимо указать и на потенциальную допустимость восприятия адресатами соответствующих творческих посылок информации, воспроизводимой «аватаром» личности, поскольку подобного рода правовая коммуникация (даже

опосредованная) должна носить двусторонний характер. Тем более одной из тенденций развития конституционного права на современном этапе является и идентификация субъектов права (в том числе, но не исключительно) в качестве лиц, «которые могут хотеть получать информацию, касающуюся их лично», на что обращает внимание С.А. Авакьян [13, с. 123]. При этом интегральным звеном в заданном контексте должна выступать категория «коллективная память» с учётом её фундаментального, конституирующего значения, с неизменностью её континуального смысла [14, с. 47].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в качестве фактора, определяющего возможность конституционного форматирования права на посмертное творческое бытие, надлежит рассматривать коллективную память ввиду её особой аксиологической имманентности подлинному конституционно-правовому мышлению.

Во-вторых, представления о прошлом, разделяемые обществом, и модус творческой самореализации человека после смерти посредством собственной цифровой трансформации надлежит рассматривать с точки зрения их сущностной комплементарности.

В-третьих, на основе определения институциональных характеристик конституционного права на посмертное творческое бытие предлагается сформировать ряд правовых позиций, сводящихся к признанию интегрального значения коллективной памяти в заданном контексте, обеспечения баланса целей, ценностей и интересов с точки зрения теории и практики реального конституционализма, определения содержательных характеристик соответствующей социальной коммуникации с позиций реализации права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2024 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.08.2024).
2. Митюков М.А. В поисках обретения Конституции: от Конституции РСФСР 1978 года к Конституции Российской Федерации 1993 года: документально-монографическое исследование. М.: Проспект, 2023. 736 с.

3. Владислава Галкина «оживили» с помощью дипфейка ради роли в новом «Диверсанте». Афиша Daily. URL: <https://daily.afisha.ru/news/62890-vladislava-galkina-ozhivili-s-pomoschyu-dipfeyka-radi-rol-i-v-novom-diversante/>
4. Нейросеть «сыграет» Тихонова в роли Штирлица. Другие дипфейки в кино. Как российские кинематографисты научились оживлять и омолаживать актеров. РБК Life. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/672a08e09a7947babba60c94>
5. Лемайкина С.В. Актуальные вопросы противодействия использованию технологии дипфейков // Юристь-Правоведь. 2022. № 3(122). С. 175–177.
6. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // LexRussica. 2022. Т. 75. № 11(192). С. 112–118.
7. Данилова В.А., Левкин Д.М. Правовые аспекты регулирования «Deerfake» технологии в России // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7(211). С. 88–91.
8. Зорькин В.Д. Выступление Председателя КС РФ. Под знаком обновленной Конституции. Конституционный Суд Российской Федерации. 12.12.2023. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96>
9. Законопроект № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8#bh_histras
10. Законопроект № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8#bh_note
11. Верховный суд объяснил, по какой статье будут наказывать за дипфейки на выборах. Парламентская газета. 25.06.2024. URL: <https://www.pnp.ru/social/verkhovnyy-sud-obyasnil-po-kakoy-state-budut-dokazyvat-za-dipfeyki-na-vyborakh.html>
12. Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина: монография / под общ. ред. В.В. Комаровой; отв. ред. О.С. Рыбакова. М.: Проспект, 2023. 608 с.

13. Авакьян С.А. Будни конституционалиста (научные статьи 2016-2020 годов): сборник статей. М.: Проспект, 2021. 448 с.
14. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография / В.И. Крусс. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 240 с.

КРИЗИС ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЮГОСЛАВИИ И ФРАНЦИИ В 1962 ГОДУ

Вулич Синиша

*Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,
стажер-исследователь*

E-mail: sinisa.vulic@gmail.com

***Аннотация.** В данной статье будет обсуждаться последний серьезный кризис в отношениях между Югославией и Францией, вызванный поддержкой, которую Югославия оказала алжирскому движению за независимость во время войны 1954-1962 годов. В этом случае предоставление Югославией дипломатических прерогатив алжирской миссии в Белграде стало причиной изгнания югославского посла из Парижа и сохранения недавно назначенного французского посла в Белграде в своей стране. Цель статьи - пролить свет на отношения Югославии и Франции в диаметрально противоположных ролях, которые эти две страны играли в мире того времени, а также в прямом конфликте, вызванном Алжирской войной. Для подготовки статьи использовались первоисточники в виде архивных документов Политического архива Дипломатического архива МИД Республики Сербия, а также имеющаяся в настоящее время научная литература по данной теме.*

***Ключевые слова:** Югославия, Франция, Алжир, Тито, Де Голль, дипломатия, холодная война.*

THE CRISIS IN DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN YUGOSLAVIA AND FRANCE IN 1962

Siniša Vulić

Institute for Serbian Culture Prishtina-Leposavic

Junior research assistant

E-mail: sinisa.vulic@gmail.com

Abstract. *This paper discusses the last serious crisis in the relations between Yugoslavia and France, caused by Yugoslavia's support for the Algerian independence movement during the 1954-1962 war. In this case, the Yugoslav grant of diplomatic prerogatives to the Algerian mission in Belgrade was the reason for expelling the Yugoslav ambassador from Paris and keeping the newly appointed French ambassador in Belgrade in his own country. The aim of this paper is to shed light on the relationship between Yugoslavia and France in the diametrically opposite roles that those two countries played in the world at that time, as well as in the direct conflict that caused the Algerian War. For this paper, primary sources were used in the form of archival documents of the Political Archive of the Diplomatic Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Serbia, as well as the scientific literature created so far on this topic.*

Keywords: *Yugoslavia, France, Algeria, Tito, De Gaulle, diplomacy, Cold War.*

В отличие от других частей Французской империи, официально Алжир не был колонией, но он имел особый статус, четко отделявший его от политической системы европейской части Франции. Хотя их численность была гораздо меньше, французские поселенцы занимали почти все должности в государственной администрации и большинство мест в тогдашнем Алжирском собрании, и с сегодняшней точки зрения не было бы ошибкой классифицировать Алжир как колониальное владение. Отказ Франции признать независимость Алжира, как она это сделала в других колониях, привел к многолетнему военному конфликту. В нем Югославия оказалась главным защитником и союзником движения ФНО (фр. Front de Libération nationale), что вызвало ряд кризисов в отношениях между двумя странами. Отношения явно обострились с января 1958 года, когда корабль «Словения», перевозивший оружие для алжирских повстанцев, был перехвачен на пути в Касабланку французским флотом. После этого новые кризисы лишь еще больше усугубили проблему взаимоотношений. Серия подобных инцидентов,

повторявшихся каждые несколько месяцев, завершилась в январе 1962 года событием, обсуждаемым в этой статье.

Первые дипломатические прерогативы были предоставлены представителям Временного правительства Алжира в середине января 1962 года, когда им было предоставлено право регистрировать свои транспортные средства дипломатическими номерами. Тем не менее в разговоре поверенного в делах посольства Франции (мандат предыдущего посла на тот момент истек, а новый еще не прибыл в Белград) с югославским дипломатом Любо Дрндичем этому вопросу не придавалось особого значения. Ситуация скоро окажется гораздо более проблематичной. К концу января указанная миссия получила полноценный статус дипломатической миссии, включая дипломатический иммунитет. К этому моменту в Эвиане уже велись переговоры между Францией и алжирскими сепаратистами, и ожидалось, что за очень короткий период они приведут к прочному миру и признанию независимости Алжира. Тем не менее такое предубеждение против их исхода и нарушение французского суверенитета было своего рода пальцем в глазах Парижа, и трудно было представить, что такого рода унижение пройдет без реакции, тем более, что Югославия была единственной европейской страной, решившей сделать такой шаг. Аналогичные действия Афганистана, Пакистана и Камбоджи Париж проигнорировал. Поэтому послу Дарку Чернею было представлено, что такого рода действия обязательно задержат прибытие нового французского посла в Белград, и что пребывание Чернея в Париже также будет под вопросом, если кризис продолжится.

Югославские дипломаты отмечают, что такой шаг не получил единодушного одобрения ни во Франции, ни за ее пределами. Более того, утверждается, что изгнание югославского посла представляет собой волю президента Шарля де Голля и премьер-министра Мишеля Дебре, которую Министерство иностранных дел принял неохотно, а западные союзники - с неодобрением. Несмотря на то, что дипломатические отношения между Югославией и Францией из-за этого шага были опущены на самый низкий уровень, с тех пор как сразу после окончания Второй мировой войны отношения были подняты на уровень послов, резких подвижек в сфере сотрудничества между двумя странами не произошло. Уже 18 марта того же года переговоры завершились Эвианскими соглашениями, гарантировавшими полное признание Алжира в самое ближайшее время. Тем не менее решение французской стороны состояло в том,

чтобы не проводить нормализацию отношений до полного выполнения соглашения.

Алжир официально стал независимым государством 5 июля 1962 года. Таким образом, многолетний камень преткновения в отношениях между двумя странами и их впечатляющими лидерами был устранен. Объявление о нормализации отношений Де Голль направил югославскому поверенному в делах на приеме по случаю Дня взятия Бастилии 14 июля. Наконец, две страны обменялись послами в августе, что положило конец этому кризису.

Дипломатический кризис, ознаменовавший первую половину 1962 года в отношениях Югославии и Франции важен для изучения, поскольку он очень четко показывает действия двух стран, противостоящих не только их ролям в международных отношениях, но и их дипломатическим традициям и государственной идентичности (многовековая империя против государства, сформированного по принципу объединения малых народов вокруг сопротивления империализму).

Кроме того, бездействие Франции в отношении трех азиатских стран, которые действовали идентично Югославии, говорит о разных аршинах в обращении со странами разной важности. Хотя между Югославией и Францией до этого времени не было особо теплых отношений, такие действия страны, с которой было своего рода сотрудничество в вопросе коллективной безопасности на континенте, а также страны, претендовавшей на одну из ведущих ролей в европейской и мировой политике, были оценены в Париже как шаги, на которые необходимо ответить.

И последнее, но не менее важное: утверждение о том, что такое решение французской стороны пришло не из Ке Д'Орсе, а из Елисейского дворца, говорит о личности и политике Шарля де Голля, а также о властных отношениях в самом Париже. Конституция Франции, в принятии которой четыре года назад решающую роль сыграл сам Де Голль, наделила президента большими полномочиями и практическим контролем над правительством и соответствующими министерствами. Склонность Де Голля к широкому контролю отразилась не только на таких решениях, но и на самостоятельном принятии важных решений, хорошим примером которых является решение о высылке югославского посла из Парижа. Таким образом, мы подходим к теме отношений самого Де Голля с Иосипом Броз Тито. Два лидера, у которых было много общего, в данном случае вели подлинную внешнюю политику с сильной ролью собственного лидерства. В сочетании с противоречивыми ролями двух стран в международных

отношениях такой вид конфликта был вполне ожидаемым. После 1962 года в отношениях не было значительной напряженности вплоть до распада Югославии, хотя они так и не достигли даже приблизительного уровня, близкого к тому, который был во времена югославской монархии между 1918 и 1941 годами. Точно так же Франция никогда не будет играть столь же значительную роль в Югославии, как другие страны западного блока, такие как Западная Германия, Великобритания и Италия.

Таким образом, приходим к выводу, что наблюдение за югославско - французскими отношениями на протяжении всей их истории может дать нам много знаний о поведении стран в противоположных ролях, но, что, возможно, более важно, говорит нам о том, как роль и идентичность соперников влияют на поведение государств в дипломатических кризисах. Реакция Франции на действия Югославии была защитой чести умирающей империи, в то время как действия Югославии по вопросу Алжира были признаком усилий по преодолению биполярного разделения мира и эмансипации тех стран, которые разделяли антиимперские основы с Югославией, хотя и находились на других континентах.

Список источников и литературы

Архивные материалы

1. ДА МСП РС, 1958, ПА, Француска, ф-29, 415819, 3-4.
2. ДА МСП РС, 1962, ПА, Француска, ф-29, 42223.
3. ДА МСП РС, 1962, ПА, Француска, ф-29, 43591.
4. ДА МСП РС, 1962, ПА, Француска, ф-29, 44834.
5. ДА МСП РС, 1962, ПА, Француска, ф-29, 44033.
6. ДА МСП РС, 1962, ПА, Француска, ф-29, 423647.
7. ДА МСП РС, 1962, ПА, Француска, ф-29, ZABELEŠKA о jugoslovensko-francuskim odnosima (15. IX 1962)

Научная литература

1. Богетић, Драган. Југославија и борба алжирског народа за национално ослобођење, у: Алжир-Београд, јубилеј пријатељства 1962-2017, Друштво пријатеља Алжира, Београд, 2017.
2. Byrne, Jeffrey James, Beyond Continents, Colours, and the Cold War: Yugoslavia, Algeria, and the Struggle for Non-Alignment, in: The International History Review, Vol. 37. No. 5, Special Issue: Beyond and Between the Cold War Blocs, Taylor & Francis, Ltd, Abingdon-on-Thames, 2015, P. 912-932.

3. Illanas, Luis, Idealism vs. Pragmatism: The Role of Yugoslavia During the Algerian War of Independence, in: Examining Colonial Wars and Their Impact on Contemporary Military History, IGI Global, Hershey, PA, 2023. P. 188-200.
4. Milbank, David L, Yugoslav Policy Toward Algeria In Perspective, in: SAIS Review, Vol. 12, No. 1, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, MA, 1967. P. 4-14.
5. Petrović, Dragan, Francusko-jugoslovenski odnosi u vreme Alžirskog rata 1952-1964, IMPP, Beograd, 2009.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО И ТОРГОВЛЯ: ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Гаврилюк А.А.

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, студент*

E-mail: sadfallenarhangel@vk.com

Научный руководитель: Нурышев Г.Н.,

доктор политических наук,

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, профессор*

E-mail: g.nuryshev@yandex.ru

***Аннотация.** Латинская Америка - регион, богатый природными ресурсами и культурным разнообразием, исторически является важным игроком в мировой экономике. Благодаря своему стратегическому положению и богатым ресурсам Латинская Америка стала центром торговли и экономического партнерства. В условиях глобальной экономики роль этого региона менялась под влиянием различных экономических стратегий, торговых соглашений и стратегических партнерств. Цель данной статьи - изучить динамику экономического партнерства и торговли Латинской Америки в более широких рамках глобальной экономики. В статье рассматриваются взаимодействие Латинской Америки с основными мировыми державами, такими как США, Европейский Союз и Китай, а также участие в региональных объединениях, например, МЕРКОСУР и Тихоокеанский альянс. Рассматриваются исторические предпосылки, современные торговые отношения и угрозы, с которыми*

сталкивается регион, а также возможности для дальнейшего развития.

Ключевые слова: Латинская Америка, экономическое партнерство, торговля, глобальная экономика, МЕРКОСУР, интеграция.

ECONOMIC PARTNERSHIP AND TRADE: LATIN AMERICA IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL ECONOMY

Gavriliuk A.A.

Saint-Petersburg State University of Economics, student

E-mail: sadfallenarhangel@vk.com

The scientific supervisor: Dr. G. N. Nuryshv

E-mail: g.nuryshv@yandex.ru

Abstract. *Latin America, a region rich in natural resources and cultural diversity, has historically been an important player in the world economy. Its strategic location and rich resources have made it a centre of trade and economic partnership. In a global economy, Latin America's role has evolved under the influence of various economic policies, trade agreements and strategic partnerships. The purpose of this report is to examine the dynamics of Latin America's economic partnerships and trade within the broader framework of the global economy. The article examines Latin America's interaction with major world powers such as the United States, the European Union, and China, as well as its participation in regional groupings such as Mercosur and the Pacific Alliance. The historical background, current trade relations and challenges facing the region are examined, as well as opportunities for further development.*

Keywords: *Latin America, economic partnership, trade, global economy, MERCOSUR, integration.*

Экономическое развитие Латинской Америки формировалось под влиянием сложной истории колонизации, политических потрясений и экономических реформ. В колониальную эпоху регион был основным источником драгоценных металлов и сельскохозяйственной продукции для европейских держав. Созданная в этот период экспортно-ориентированная экономическая модель сохранялась и в XX веке, ориентируясь в основном на сырье и сельскохозяйственную продукцию.

В середине XX века многие латиноамериканские страны стали проводить политику импортозамещающей индустриализации, чтобы снизить зависимость от иностранных товаров и стимулировать развитие отечественной промышленности. Однако долговой кризис 1980-х годов привел к переходу к неолиберальной экономической политике, в которой особое внимание уделялось свободной торговле, приватизации и дерегулированию. Такая смена парадигмы и заложила основу для усиления интеграции в мировую экономику через торговые соглашения и экономические соглашения.

Сегодня Латинская Америка активно участвует в мировой торговле, а некоторые страны являются ключевыми экспортерами многих товаров таких, как нефть, кофе, соя и полезные ископаемые. Например, Бразилия является одним из крупнейших в мире экспортеров соевых бобов и железной руды, а Мексика - ведущим экспортером автомобилей и электроники. Торговые отношения региона характеризуются разнообразием партнерских связей как внутри региона, так и за его пределами.

Создание региональных торговых соглашений, к примеру Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР) и Тихоокеанского альянса, заложило основу укрепления экономической интеграции и торгового сотрудничества между странами Латинской Америки. Сотрудничество в рамках МЕРКОСУР, в который входят Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай, направлено на развитие свободной торговли и свободного перемещения товаров, людей и валюты. Тихоокеанский альянс, участниками которого являются Чили, Колумбия, Мексика и Перу, нацелен на экономическую интеграцию с особым акцентом на Азиатско-Тихоокеанский регион.

Торговые партнерства стран Латинской Америки выходят за пределы региона и охватывают такие крупнейшие экономики мира: США, Европейский союз и Китай. Соединенные Штаты уже давно являются главным торговым партнером для стран Латинской Америки, особенно для Мексики, благодаря Североамериканскому соглашению о свободной торговле (НАФТА), которое теперь заменено Соглашением между США и Мексикой и Канадой (USMCA). В рамках USMCA торговля между тремя странами процветает, причем можно уверенно заявить, что Мексика выигрывает от увеличения экспорта промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции.

Европейский союз - еще один важнейший партнер, торговые соглашения с которым направлены на снижение таможенных тарифов и укрепление экономического взаимодействия. В качестве примера можно привести Соглашение об ассоциации ЕС и МЕРКОСУР.

Ожидается, что после ратификации данного соглашения будет создана одна из крупнейших в мире зон свободной торговли, которая принесет пользу обоим регионам, благодаря расширению доступа к рынкам и инвестиционным возможностям.

Экономический подъем Китая оказывает сильнейшее влияние на динамику торговли в Латинской Америке. Будучи крупным импортером латиноамериканских товаров, Китай стал важным торговым партнером для многих стран региона, особенно тех, которые имеют выход к тихому океану: Бразилия, Чили и Перу. Форум Китай-СЕЛАК (Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна) продолжает содействовать в укреплении экономических связей, содействии инвестициям и развитии торговли между Поднебесной и странами Латинской Америки.

Латиноамериканские страны активно взаимодействуют и с другими мировыми державами и региональными объединениями. Например, Аргентина, Мексика, Бразилия и Колумбия имеют разнообразных торговых партнеров, которые занимают значительное положение в торгово-экономических связях стран.

Говоря про отношения с Российской Федерацией, то Латинская Америка экспортирует широчайший спектр сельскохозяйственной продукции: кофе, какао, сахар и фрукты. В 2023 году объем экспорта сельскохозяйственной продукции составил более 2 миллиардов долларов США. Всё чаще полки Российских магазинов заставлены кофе и тропическими фруктами из Бразилии и Колумбии.

Помимо сельскохозяйственной продукции, Латинская Америка также поставляет в Россию цветные металлы, например, никель и медь, являющиеся основными компонентами в производстве различных промышленных отраслей. В 2023 году объем поставок металлов из Латинской Америки в Россию достиг рекордных 1,5 миллиардов долларов США. Данные металлы в основном поступают в основном из Чили и Перу, известных своими богатыми минеральными ресурсами.

Огромную долю рынка России занимают мясная продукция, рыба и морепродукты из Латинской Америки. Аргентина и Уругвай поставляют отборную говядину, а Чили – рыбу, морепродукты и вино.

Аргентина, например, имеет существенные экспортные связи с Бразилией, Соединенными Штатами, Китаем, Чили и Перу. Данные страны в совокупности составляют более 45% от общего объема экспорта Аргентины. В 2023 году экспорт Аргентины составил около 66.7 миллиардов долларов, что на 2.4% больше по сравнению с 2019 годом. Основу экспорта Аргентины составляет сельскохозяйственная продукция: соевые растения, кукуруза и пшеница.

Мексика, из-за ее геополитического отношения, имеет очень тесные экономические связи с Соединенными Штатами, являющимися ее крупнейшим торговым партнером. В 2023 году экспорт Мексики составил около 593 миллиардов долларов, что на 28.7% больше по сравнению с 2019 годом. Наибольший процент экспорта страны составляют автомобили, компьютеры и сырая нефть.

Бразилия также имеет широкий круг торговых партнеров, включая США, Китай, Японию и Германию. В 2023 году экспорт Бразилии составил около 600 миллиардов долларов, что делает ее одной из крупнейших экспортеров всего мира.

Колумбия, обладая сильными торговыми связями со странами, такими как Соединенные Штаты, Венесуэла и Канада, имеет экономику, основанную на самых различных товарах. Основой экспорта страны является нефть и нефтепродукты, которые составляют около 45% от общего объема экспорта. Более того, Колумбия является крупнейшим экспортером кофе в мире, поставляя более 14 миллионов мешков этого продукта в год. Также в значимое место в экспорте занимают фрукты и овощи, табак и разнообразные продукты из кофе. С другой стороны, импорт Колумбии основан на автомобилях и других транспортных средствах, промышленных товарах, продуктах питания, медицинском оборудовании и текстиле. Все эти товары поддерживают экономическую стабильность и развитие страны. В 2023 году общий объем экспорта Колумбии составил около 3.95 миллиардов долларов США.

Несмотря на положительные сдвиги в развитии экономических партнерств и торговли, Латинская Америка сталкивается с рядом проблем, которые препятствуют ее полной интеграции в мировую экономику. Структурные проблемы, например, неравенство доходов жителей, политическая нестабильность и непродуманная инфраструктура, представляют собой серьезные препятствия. Кроме того, сохраняется сильная зависимость региона от экспорта сырьевых товаров, что делает его уязвимым к колебаниям мировых цен на них.

Тем не менее, у Латинской Америки есть широкие возможности для повышения своей роли в мировой экономике. Диверсифицируя экспортную продукцию, инвестируя в технологии и инновации и улучшая инфраструктуру, несомненно способствуют экономическому росту и повышению конкурентоспособности в рамках мировой экономики. Кроме того, укрепление региональной интеграции в рамках внутрирегиональных, как МЕРКОСУР и Тихоокеанский альянс, ещё сильнее связывает и укрепляет экономический потенциал региона.

Динамика экономического партнерства и торговли Латинской Америки является неотъемлемой частью ее развития и интеграции в мировую экономику. Стратегические торговые соглашения и партнерские отношения региона с крупнейшими экономиками, в особенности с США и Китаем, в значительной степени определили его экономический ландшафт. Несмотря на многочисленные проблемы, Латинская Америка способна использовать свои богатые ресурсы, стратегическое положение и развивающиеся торговые сети для достижения устойчивого экономического роста и получения заслуженного места в мировой экономике. Решая структурные проблемы и используя возможности для диверсификации и инноваций, Латинская Америка сможет повысить свою экономическую устойчивость и конкурентоспособность. Постоянное внимание к укреплению региональных и глобальных партнерств будет иметь решающее значение для полной реализации экономического потенциала региона в условиях постоянно развивающейся мировой экономики.

Список литературы

1. Howard F.«Mexico». Encyclopedia Britannica // 15.11.2024.URL: <https://www.britannica.com/place/Mexico> (accessed 15.11.2024).
2. Лукашенко И. В. Аргентина: о новом векторе экономического развития / И.В. Лукашенко // Мировая экономика и мировые финансы. – 2023. – Т. 2. – № 4. – С. 13-18.
3. Макарова М. В. Роль Мексики в глобальных производственно-сбытовых цепочках: перспективы и препятствия / М.В. Макарова // Международная торговля и торговая политика. – 2019. – № 4 (20). – С. 85-101.
4. Костюнина Г. М. Интеграционные процессы в Латинской Америке как фактор содействия внешней торговле / Г.М. Костюнина, О.А. Козлова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – №4. – С. 51-67.
5. Чжан В. Торговля, инвестиции и финансы — связующие нити Китая и стран Латинской Америки / В.Чжан, Т.В. Колесникова// Латинская Америка. – 2021. –№ 12. – С. 6-23.

КОНЕЦ ИСТОРИИ ИЛИ ПРОСТРАНСТВЕННО-СМЫСЛОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Гаффаров И.З.

Кандидат исторических наук

Казанский Приволжский Федеральный Университет, специалист по переводу

E-mail: lldarg67@gmail.com

***Аннотация.** За последние 30-40 лет мы наблюдаем фундаментальные сдвиги, которые свидетельствуют о сужении пространственных величин и связанного с этим процессом изменения оценочно-смыслового содержания жизненных парадигм. Всё это не может не влиять на текущую повестку, как в общественном, так и в индивидуальном позиционировании.*

***Ключевые слова:** либерализм, холодная война, постистория, национализм, цивилизация, глобализм.*

THE END OF THE HISTORY OR MAIN GIST OF PUBLIC TRANSFORMATION

Gaffarov I.Z.

Kazan Federal University, translation specialist

E-mail: lldarg67@gmail.com

***Abstract.** For the last 30-40 year we have observed phenomenal upheavals pertaining of narrowing space value and related with it changes in estimate-means content of life paradigm. All of it can't influence today's agenda in public and individual stationing.*

***Keywords:** globalism, cold war, post history, nationalism, civilization.*

Конец истории – понятие, применяющееся в философии для обозначения социальной трансформации, в ходе которой происходит отказ от ряда доминировавших в данном обществе принципов. Первоначальные представления об этом понятии могут быть найдены в теологических трудах ранних христианских идеологов. Противопоставив античным идеям цикличности гипотезу направленного прогресса, они тем самым задали цель развития человечества и соответственно предел его эволюции. В частности, труд св. Августина «О граде Божьем против язычников» описывает мир как исполнение божественного замысла, заключающегося в

спасении и наказании праведников [9]. Концепция ограниченности прогресса, являющаяся идеологическим основанием идеи конца истории, наполнилась иным содержанием, оставаясь на протяжении 16–19 вв. инструментом обоснования возможности или даже желательности сохранения существовавшей (прежде всего политической) системы. В трактовке Гегеля конец истории означал на политическом уровне тождественность государства и общества. В связи с этим Гегель анализирует движение субъекта и объекта друг в друга и в итоге слияния друг в друге [4, с. 238].

В 17 в. возник целый ряд исторических теорий, авторы которых рисовали будущее общество, где «понятие собственности окажется упраздненным в силу того, что будут удовлетворены все человеческие желания» [1, с. 11]. В 19 в. вершиной данного понимания конца истории стала марксистская концепция коммунистической общественной формации как идеальной социальной формы, которая преодолевает основные материальные потребности.

В современной социологии концепция конца истории проявляется в постисторизме. Конец истории представляет собой некий ограниченный отрезок пути цивилизации, «простирающийся между двумя относительно стабильными состояниями – периодом примитивных общинных форм и эпохой гуманистической цивилизации будущего, в которой процесс социальной эволюции будет поставлен под контроль человека и утратит свой стихийный характер, станет собственно историей». И эти попытки «контроля человека над всем» видны в исследованиях Курно [7, с. 24].

В 60-е гг. XX века понятие «постистория» стало инструментом осмысления новой социальной реальности. Разрушение причинности социального прогресса, выводит нас в «пределы истории», что можно воочию наблюдать сейчас. Борьба научных концепций, подходов и метафизических установок ожесточается, обостряется, что выходит уже за рамки привычных научных, теологических толкований и норм. Это «обострение» началось не сегодня. Уже в XX в. вплоть до нулевых годов нынешнего тысячелетия, когда, как констатирует В.Л. Махлин, «произошёл отход от привычного диспута» [3, с. 118]. Сегодняшнее прочтение смысла – классического, средневекового, ренессансного – с помощью современных методов, в какой-то степени предотвращает «модернизацию» прочтения, напоминая об ограниченности современного инструментария, касательно прошлого. Немецкий социолог Хэндрик де Ман обращал внимание на то, что с переходом от традиционных потребностей к новым индивидуалистическим и порой непредсказуемым стремлениям, разрушается привычная концепция

причинности социального прогресса, что также выводит таковой за пределы истории [6, с.14]. Можем лишь предложить назвать это явление антиисторией.

Идея конца истории использовалась для пересмотра перспектив, открывающихся перед развитыми индустриальными обществами. Сторонники такого подхода отмечали изменение роли и места западной цивилизации в современном мире. Дискуссия о конце истории в этом аспекте активизировалась после выхода в свет сначала статьи (1989), а затем и книги (1992) американского политолога Ф.Фукуямы под названием «Конец истории».

Идея конца истории подвергалась критике за одномерную трактовку социального прогресса, реализующего единый принцип, которую опровергает сам ход истории, основываясь на гегельянско-марксистском представлении о линейном развитии единого мирового Разума по направлению к телосу объединенной социальной формы, что само по себе является неправильным толкованием природы общества и истории. Об этом, в частности, пишет Даниил Белл в книге «Грядущее постиндустриальное общество».

Ф. Фукуяма исследует события 90-х годов XX века и приходит к неутешительному выводу о том, что все происходящее вокруг стало результатом войн, экономических кризисов, геноцида, тоталитаризма, который происходил по принципу вызов – ответ, в бинарном противостоянии между СССР и США. Вся предыдущая история держалась, развивалась на базе противостояния данных супердержав и их операционных баз по всему миру. С уходом с исторической арены СССР элементная база одной супердержавы практически обнулилась. Многие не согласны с этим, выбирая вместо «обнуления» термин «трансформация», имея ввиду продолжение противостояния с Западом уже на новом, качественно ином уровне. С этим мнением частично был согласен и Ф. Фукуяма, который писал, что либерализм победил только в сфере идеи сознания, в реальном, материальном мире до победы ещё далеко. Но идеальный мир, как он считал, в будущем определит мир материальный [5, с.135]. Фукуяма делает вывод о том, что общество, которое стремится к процветанию или просто защищает свою независимость от технически более развитых государств, вынуждено вступить на путь модернизации, как это произошло в СССР, КНР, в странах Восточной Европы, Юго-Восточной Азии. Но в то же время Ф. Фукуяма умело обходит пределы роста либеральной идеи и соответственно западного либерализма, демократии. Мы можем лишь полагать, что победа либерализма была лишь кажущейся реальностью и надо признать, что об эту «мнимую реальность» позже сломают

копья многие мыслители, политики, ученые. На наш взгляд, альтернатива развития всегда была, она есть и будет. И этот порядок вещей нельзя отменить, по крайней мере, в ближайшем будущем. Коммунистическое планирование предлагало альтернативный рыночной экономике путь развития, но было дискредитировано самой партийно-бюрократической номенклатурой и здесь, как бы дальше развивая эту мысль, Ф. Фукуяма без надлежащей аргументации утверждает, что эта модель в итоге оказалась абсолютно нежизнеспособной [8].

Далее Ф. Фукуяма обращается к идее свободы как «освободителя истории» от всякой диктатуры, которая тормозит всякое развитие как национализм в любых формах и проявлениях. Но как признает сам автор, национализм неоднороден. Это умеренная культурная ностальгия, что, в общем, вписывается в либеральные общества.

Именно ультралиберализм, национал-социализм могут представлять источник конфликта, ввиду того что вынуждены жить в недемократических политических системах или даже в либеральных обществах, где либерализм осуществлён не полностью [2, с. 145]. Ф. Фукуяма согласен с тем, что для политической свободы, для её развития есть определенные незадействованные точки роста как в Западных демократиях, так и в авторитарно-тоталитарных обществах Востока.

Ф. Фукуяма признается, что либеральная демократия является лучшим решением для удовлетворения потребности быть признанным, значимым, индивидуальным небожителем, эдаким уникалом, однако он признает и то, что у либеральной системы все-таки есть противоречия, которые могут сначала размыть ее основы, затем уничтожить, притом сделать это изнутри. А это проблема равного признания «несостоятельных людей» и особое отношение к религиозным и долиберальным взглядам.

В заключение отметим, что период «постистории» действительно означает исчезновение угрозы либеральной демократии, но это вовсе не означает исчезновение угрозы для США, России, КНР как единых и целостных наций-государств, которые в большей или меньшей степени являются носителями универсалистских идей.

В 1993 г. С. Хантингтон опубликовал работу «Столкновение цивилизаций». Он пишет, что со сломом коммунизма, который закончился в итоге распадом СССР, на повестку дня встанет новое противостояние, а именно культурно-религиозное, соперничество между мировыми цивилизациями, которое и ляжет в основу истории XXI века. После терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, Ф.

Фукуяма заявил, что либерализм, просвещенный мир в большой опасности. И надо мобилизовать силы для отпора силам, стремящимся к архаизации жизни и противящимся всякой модернизации. Тем не менее, Китаю удалось обуздать Западную модернизацию и как-то перестроить на свой лад. Хотя и там нашлись силы, недовольные реформами, модернизацией Дэн Сяопина, назвав это «американизацией», в последствии рискуя стать чем-то вроде «великого копировальщика» западных материальных и отчасти культурных ценностей. Рано или поздно Китаю придется выбирать между своей и пришлой, чужой культурой. Коммунистической партии КНР со временем, возможно даже придется пойти и на политическую реформу, реанимируя при этом национализм.

Если говорить о «конце истории», то необходимо поставить и вопрос о последнем человеке времен «конца истории». Каким он будет, остаётся лишь строить догадки. Но ясно одно. Недовольство чем-то, кем-то всегда будет вызывать сначала внутренний, а затем и внешний протест. И этот протест, возможно, откроет путь для становления нового мира, может быть, хотя бы чуточку более справедливого миропорядка.

Список литературы

1. Васильев В.В. Дэвид Юм: классические и современные интерпретации // Историко-философский ежегодник 2021. № 36. С. 11–24.
2. Исхаков М.Г. Декаданс спустя двести лет: проза и драматургия. Казань: Тат. Кн. Изд-во., 2019. – 476 с.
3. Современная наука о литературе: Основные тенденции и проблемы: Сб. научн. тр. РАН. ИНИОН – М., 2018. – 219 с.
4. Фаритов В.Т. Онтология трансгрессии. Г.В.Ф. Гегель и Ф.Ницше: из истоков новой философской парадигмы – СПб.: Алетейя, 2017 – 442 с.
5. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии.1990. №3. С. 134–148.
6. Цурганова Е.А. Пол де Ман о сопротивлении теории – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 504 с.
7. Шведов, А.С. Олигополия Курно: выбор стратегий при неопределенности и другие вопросы // Проблемы управления. - 2023. № 5. – С. 23-39. -

8. Фрэнсис Фукуяма: основные идеи и критика «Конца истории». - URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/226> - Дата обращения: 3.11.2024.
9. Августин Блаженный. - URL: https://hrono.ru/biograf/bio_a/avgustin_blaz13.php - Дата обращения: 2.11.2024.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ НА ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: АНАЛИЗ ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Гашков В.О.

Санкт-Петербургский государственный университет,
аспирант

E-mail: st096222@student.spbu.ru

***Аннотация.** В последние годы цифровая среда становится важным контекстом для формирования государственно-гражданской идентичности российской молодежи. Социальные сети сегодня являются площадками, на которых происходит обмен информацией, обсуждаются актуальные события и формируется общественное мнение. На фоне социально-политических потрясений, происходящих в обществе, эти площадки становятся местом для дискуссий среди молодого поколения, местом проявления гражданской активности в цифровой среде. Публикации, освещающие происходящие события, комментарии пользователей, репосты, реакции и т.д. могут служить индикаторами общественных настроений. В условиях интернет-коммуникации молодежь воспринимает свою идентичность как более динамичную и изменчивую, не ограниченную рамками традиционных представлений о гражданской ответственности. В исследовании анализируются данные, собранные из сообществ «ВКонтакте» и «Telegram», позиционирующих себя как молодежные. Результаты исследования показывают, что цифровая среда сегодня является одним из инструментов формирования государственно-гражданской идентичности молодежи.*

***Ключевые слова:** молодежь, идентичность, цифровая среда, социальные сети, государственно-гражданская идентичность, общественное мнение.*

THE IMPACT OF THE DIGITAL ENVIRONMENT ON THE STATE-CIVIL IDENTITY OF RUSSIAN YOUTH: ANALYSIS OF SOCIAL MEDIA DATA

Gashkov V.O.

St Petersburg State University, postgraduate student

E-mail: st096222@student.spbu.ru

Abstract. *In recent years, the digital environment has become an important context for the formation of the state and civic identity of Russian youth. Social networks today are platforms where information is exchanged, current events are discussed and public opinion is formed. Against the background of socio-political upheavals taking place in society, these platforms are becoming a place for discussions among the younger generation, a place for civic engagement in the digital environment. Publications covering current events, user comments, reposts, reactions, etc. They can serve as indicators of public sentiment. In the context of Internet communication, young people perceive their identity as more dynamic and changeable, not limited by the framework of traditional ideas about civic responsibility. The study analyzes data collected from VKontakte and Telegram communities that position themselves as youth. The results of the study show that the digital environment today is one of the tools for the formation of public-civic identity of young people.*

Keywords: *youth, identity, digital environment, social networks, state-civil identity, public opinion.*

Доклад подготовлен при финансовой поддержке ЭИСИ (конкурс грантов 2024 г.) в рамках научно-исследовательского проекта № 124101700566-5 «Государственно-гражданская идентичность российской молодежи в онлайн-пространстве: особенности формирования, политический потенциал, перспективы управленческого воздействия», выполненного в ИНИОН РАН.

Проблема формирования государственно-гражданской идентичности молодежи в условиях современных вызовов, одним из которых является повсеместная цифровизация, является крайне актуальной. Цифровая среда за последнее десятилетие стала неотъемлемой частью жизни молодого поколения, формируя новые аспекты взаимодействия между гражданами и государством. Особого внимания в этом контексте заслуживают социальные сети, ставшие

базовой платформой для самовыражения, коммуникации, обсуждения актуальной повестки, формирования общественного мнения в молодежной среде, что также оказывает влияние и на развитие идентичности.

Под идентичностью понимается осознание индивидом своей принадлежности к общностям: социальным, политическим, профессиональным, религиозным и т.д. Идентичность – это «ощущение себя как части уникальной группы, отличной от других групп в использовании групповых ценностей» [1, с. 113]. Соответственно государственно-гражданскую идентичность можно определить как ощущение принадлежности к определенному государству и его народу. Государственная политика идентичности, по сути, направлена на формирование образов «мы – граждане» и «мое государство» [2, с. 70]. Основу теоретической модели государственно-гражданской идентичности составляют следующие характеристики: во-первых, имеющиеся знания о государстве и его истории; во-вторых, эмоциональное отношение к государству; в-третьих, наличие представлений о ценностях, нормах, которые являются значимыми для государства и его граждан; в-четвертых, действия, в которых проявляются определенные установки, связанные с осознанием своего места в государстве и обществе [3, с. 111]. Важным представляется исследование процесса влияния цифровой среды на государственно-гражданскую идентичность молодежи в России.

Современная российская молодежь являет собой чрезвычайно сложный социально-возрастной конгломерат, ядро которого, с одной стороны, составляют представители старшей и средней возрастных групп – так называемые миллениалы (поколение Y), а с другой стороны – представители 20-летних «цифровых аборигенов» или зумеры (поколение Z) [4, с. 82]. ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» устанавливает возрастные границы российской молодежи от 14 до 35 лет [5].

Цифровые средства коммуникации несут практически неограниченные возможности в доступе к информации. В условиях интернет-коммуникации молодежь воспринимает свою идентичность как более динамичную и изменчивую, не ограниченную рамками традиционных представлений о гражданской ответственности. Кроме того, коммуникационная цифровая среда «постоянно меняется благодаря реагированию на социально-политические события субъектами этой среды (лидерами мнений, существующими и потенциальными интернет-сообществами)» [6, с. 156]. Наиболее распространенными источниками получения информации среди

российской молодежи сегодня являются социальные сети – «ВКонтакте» и «Telegram» [6, с. 163]. Согласно данным Mediascope за 2024 г., охват «ВКонтакте» составляет 74% населения, охват «Telegram» — 70% населения (при этом 58% каналов в «Telegram» носят жанр новостных и политических) [7].

Значимые события, происходящие в социуме, будь то экономические кризисы, политические изменения, трагические происшествия получают широкое освещение в СМИ, в том числе, в социальных сетях, оказывая определенное влияние на процесс формирования государственно-гражданской идентичности, часто служа катализаторами изменения восприятия гражданами своей страны. Особенно это касается наиболее молодых представителей общества, которые зачастую находятся в состоянии поиска своего места в жизни, стремясь определить свои ценности и убеждения. Одним из таких событий, оказавшим резонирующее воздействие, стал теракт в «CROCUSCITYHALL» 22 марта 2024 г. Автор сосредоточил внимание на исследовании реакции молодого поколения к своему государству и гражданству в период этих событий. В частности, было проанализировано, как эти события освещались в сообществах «ВКонтакте» и каналах «Telegram», как на них реагировала молодежь.

Для сбора информации из «ВКонтакте» были взяты следующие сообщества: «Борщ» (5,9 млн. подписчиков), «Рифмы и Панчи» (5,3 млн.), «Лентач» (2,5 млн.), «ВПШ» (2,3 млн.), «КБ» (1,4 млн.). Основой выбора данных сообществ стал рейтинг BrandAnalytics самых популярных сообществ «ВКонтакте» [8]. Указанные сообщества позиционируют себя как молодежные, в них обсуждаются темы, начиная от юмора, мемов и моды, вплоть до новостей из мира политики. Во всех этих сообществах активно освещались события, связанные с происшествием в «Крокус Сити Холле». Посты, посвященные данной теме, нашли огромный отклик у аудитории – зачастую они содержат несколько сотен комментариев. Наиболее активно последствия теракта освещались в сообществе «Рифмы и Панчи» – там было опубликовано порядка 80 постов, интерес к теме не угасал достаточно длительное время – даже спустя полгода был опубликован пост, посвященный памяти жертвам теракта.

В условиях экстремальных событий среди граждан, в том числе среди молодой их части, может формироваться сильная групповая идентичность, что находит свое подтверждение на практике. Под постами о последствиях теракта в исследуемых сообществах «ВКонтакте» можно встретить следующие комментарии молодежи: «Пока мы едины – мы непобедимы» [9], «Россию не сломить никому,

страна едина как никогда, вместе с Президентом народ сможет преодолеть любые тяготы судьбы» [10]. Немало комментариев молодых людей посвящено оказанию взаимопомощи: «Если есть возможность помочь, подскажите как это сделать. Я буду добровольцем!» [11], «Готов организовать помощь людям и приехать... руки с рулем явно нужны... поможем» [12]. Оказавшись в трудной ситуации, молодежь со всех уголков России почувствовала единение с общим горем свой страны, молодые люди ощутили себя частью единой гражданской общности, что подтверждается такими комментариями: «Питер соболезнует»; «Крым соболезнует»; «Липецк соболезнует»; «Оренбург соболезнует»; «Краснодар соболезнует» [13]. Социальные сети в данном случае позволяют моментально получать актуальную информацию о происшествии, способствуя формированию чувства общности, принадлежности к государству и его народу, тем самым, цифровой фактор в данном случае работает на формирование образа «мы – граждане» определенного государства, в данном случае – России.

Согласно данным Mediascope, топ молодежных каналов в «Telegram» за 2023 г. возглавляют «Прямой Эфир. Новости» (3,7 млн.), «Мир сегодня с «Юрий Подоляка»» (3,1 млн.), «Mash» (3 млн.), «Топор – Горячие новости» (1,3 млн.), «КБ» (617 тыс.) [7]. Все указанные каналы активно освещали события, связанные с терактом. Наибольшее количество постов было опубликовано на канале «Прямой Эфир. Новости» – около 200 постов. Во всех каналах на момент освещения событий в «Крокус Сити Холле» комментарии закрыты, что несколько затрудняет исследование процесса влияния цифровой среды на государственно-гражданскую идентичность молодежи. Лишь на трех каналах («Прямой Эфир. Новости», «Мир сегодня с «Юрий Подоляка»», «КБ») доступны реакции пользователей. О высокой степени активности подписчиков свидетельствует количество просмотров опубликованных новостей. Например, наибольшее количество просмотров набрал пост на канале «Mash», посвященный первым секундам атаки на «Крокус Сити Холл» – 2,9 млн. просмотров [14].

Реакции пользователей позволяют оценить эмоциональную окраску настроений подписчиков Telegram-каналов на публикациях, посвященных событиям в Крокусе. Там, где показывается момент нападения террористов на посетителей концертного зала, преобладает реакция, демонстрирующая эмодзи с сердитым лицом (символизирует нецензурную брань) [15]. Публикации, освещающие задержание террористов, содержат большое количество реакций «палец вверх» (т.е.

одобрение, похвала – положительный оттенок) [16]. Репост публикации Д.А. Медведева о необходимости жесткого наказания тех, кто совершил акт терроризма, также набрал большое число реакций «палец вверх» и «сложенные руки», что эквивалентно словам благодарности и может свидетельствовать в данном случае о солидарности молодежи с властью [17]. Публикации, посвященные героям, спасавшим жизни людей во время этих трагичных событий, набрали большое количество положительных реакций: пост про неизвестного молодого человека, спасшего десятки человек, набрал 69 тыс. красных сердец, 30 тыс. эмодзи «спасибо», почти 10 тыс. «пальцев вверх» [18]; пост про школьника, который вывел из здания более 100 человек, набрал 22 тыс. «пальцев вверх» [19].

Освещение событий в Крокусе на площадках «Telegram» вызвало сильные эмоциональные реакции, которые способствуют проявлению у молодежи более активной гражданской позиции, подталкивают к участию в обсуждении вопросов безопасности в обществе и необходимости объединения против угрожающих факторов. Обсуждение связанных с терактом трагических событий может способствовать формированию более сильного чувства патриотизма у молодежи. Риски внешних угроз способствуют формированию потребности стать защитниками своей страны. В тоже время недостатки в системе безопасности могут вызвать у молодежи чувство недовольства, что также будет влиять на их отношение к государству.

Подводя итоги, отметим, что цифровая среда в настоящее время служит платформой для формирования государственно-гражданской идентичности молодежи, которая через включение в актуальную новостную повестку начинает осознавать свою роль в обществе и государстве. В контексте освещаемых в соцсетях («ВКонтакте», «Telegram») событий в «CROCUSCITYHALL» было выявлено, что российская молодежь активно использует цифровые каналы коммуникации для выражения своих позиций. Социальные сети являются не только платформами для обмена мнениями, но и важными инструментами формирования коллективной идентичности, образа «мы – граждане России». Молодые люди используют цифровую среду не только для получения информации, но и для участия в дискуссиях, что способствует укреплению их гражданской позиции.

Список литературы

1. Передня Д.Г. Географическая индетерминированность государственно- гражданской идентичности российской

- молодежи // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. №1. С. 112–124.
2. Семененко И.С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // Полис. Политические исследования. 2018. №5. С. 70–87.
 3. Розенберг Н.В., Карпова М.К. Государственная идентичность российской студенческой молодежи (социологический аспект) // Наука. Общество. Государство. 2024. №3. С.106–117.
 4. Титов В.В. Национально-гражданская идентичность российской молодежи: проблема конструирования в цифровую эпоху // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. №8. С. 81–86.
 5. Федеральный закон от 30.12.2020 №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (Дата обращения 29.10.2024)
 6. Леонтьева Л.С., Кудина М.В., Воронов А.С. Выявление степени влияния цифровой среды на социально-политическую активность молодежи // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. №89. С. 154–172.
 7. Mediascope. Аудитория социальных медиа [Электронный ресурс]. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/438/37qf2vk4di1n4ncgu evk3mufyzb11qfx/Аудитория_социальных_медиа_Mediascope.pdf (Дата обращения 29.10.2024)
 8. BrandAnalytics. Рейтинг авторов и групп [Электронный ресурс]. URL: <https://brandanalytics.ru/mediatrends/authors/vk/202409/ER/public> (Дата обращения 29.10.2024)
 9. Рифмы и Панчи. Пострадавшим при теракте выплатят от 500 тысяч рублей. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/rhymes?w=wall-28905875_33510743 (Дата обращения 29.10.2024)
 10. Лентач. Люди несут цветы к «Крокусу» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/lentach?w=wall-29534144_23409674 (Дата обращения 29.10.2024)
 11. Рифмы и Панчи. Такое могут сотворить только тусы и ничтожества [Электронный ресурс]. URL:

- https://vk.com/rhymes?w=wall-28905875_33500696(Дата обращения 29.10.2024)
12. Лентач. ФСБ: предварительно, в результате теракта в комплексе «Крокус», на данный момент 40 погибших и более 100 пострадавших [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/lentach?w=wall-29534144_23401422(Дата обращения 29.10.2024)
 13. ВПШ. Первые минуты нападения на «Крокус» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/pravdashowtop?w=wall-73247559_35773500(Дата обращения 29.10.2024)
 14. Mash. Первые секунды атаки на посетителей Крокус Сити Холла [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/mash/52652>(Дата обращения 29.10.2024)
 15. Прямой Эфир. Новости. Четверо вооруженных и экипированных террористов ведут автоматический огонь по посетителям в концертном зале «Крокус Сити Холла» [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/novosti_efir/50645(Дата обращения 29.10.2024)
 16. Прямой Эфир. Новости. Сообщается о поимке одного из террористов в Навлинском районе Брянской области [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/novosti_efir/50787(Дата обращения 29.10.2024)
 17. Прямой Эфир. Новости. Медведев о теракте в «Крокус сити холл» [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/novosti_efir/50665(Дата обращения 29.10.2024)
 18. Мир сегодня с «Юрий Подоляка». Неизвестный герой спас от террористов десятки человек [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/yurasumy/13931>(Дата обращения 29.10.2024)
 19. КБ. Лучше умереть в бою самому, чем дать умереть другим [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/Cbpub/48950>(Дата обращения 29.10.2024)

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ И СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ В ГЕРМАНИИ

Герасимович В.А.

*Санкт-Петербургский государственный экономический
Университет, студент*

E-mail: Gerasimovich.varya@gmail.com

Научный руководитель: Нурьшев Г.Н.,

*доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет*

E-mail: g.nuryshv@yandex.ru

***Аннотация.** В статье анализируется влияние миграционных потоков на социальную и экономическую структуру Германии, одной из ведущих экономик Европы. Рассматриваются причины миграции, её последствия для общества и экономического развития страны, а также механизмы управления и интеграции мигрантов. Исторический обзор включает периоды промышленного бума 1950-х и 1960-х годов, когда Федеративная Республика Германия заключала двусторонние соглашения о найме иностранных рабочих, и последующие десятилетия, характеризующиеся значительными миграционными процессами. Особое внимание уделяется современной миграционной политике, направленной на поддержку социально-экономической интеграции мигрантов, особенно в контексте занятости и профессиональной подготовки. Рассматриваются текущие вызовы и меры, предпринимаемые для успешной интеграции и снижения социальной напряженности, вызванной значительными миграционными потоками.*

***Ключевые слова:** миграционные потоки, интеграция мигрантов, социальная напряженность, трудовая миграция, беженцы, иммиграционная политика.*

MIGRATION FLOWS AND SOCIAL TENSION IN GERMANY

Gerasimovich V.A.

St. Petersburg State University of Economics, undergraduate student.

E-mail: Gerasimovich.varya@gmail.com

Scientific supervisor: Nuryshev G.N.,

Doctor of Political Sciences, Professor, St. Petersburg State University of Economics

E-mail: g.nuryshev@yandex.ru

Abstract. *The article analyzes the impact of migration flows on the social and economic structure of Germany, one of the leading economies in Europe. The causes of migration, its consequences for society and the economic development of the country, as well as the mechanisms of management and integration of migrants are considered. The historical overview includes the industrial boom periods of the 1950s and 1960s, when the Federal Republic of Germany concluded bilateral agreements on the employment of foreign workers, and the subsequent decades, characterized by significant migration processes. Special attention is paid to modern migration policy aimed at supporting the socio-economic integration of migrants, especially in the context of employment and vocational training. The current challenges and measures taken to successfully integrate and reduce social tensions caused by significant migration flows are considered.*

Keywords: *migration flows, integration of migrants, social tension, labor migration, refugees, immigration policy.*

Германия, являясь одной из ведущих экономик Европы, на протяжении нескольких десятилетий привлекает значительные миграционные потоки. Эти потоки, составляющие важную часть демографической и экономической структуры страны, однако, нередко приводят к социальной напряженности и общественным дискуссиям. В данной статье рассмотрены ключевые аспекты миграционных потоков в Германию, причины миграции, её последствия для общества, а также механизмы управления и интеграции мигрантов.

Германия на протяжении длительного времени являлась страной иммигрантов. После промышленного бума 1950-х и 1960-х годов Федеративная Республика Германия заключила двусторонние соглашения с такими странами, как Италия и Турция, о найме иностранных рабочих. В конце 1960-х годов началась

крупномасштабная эмиграция, направленная на воссоединение семей. В 1978 году федеральное правительство назначило комиссара, ответственного за интеграцию иностранных рабочих и их семей, а также достигло согласия между основными политическими партиями относительно статуса Германии как страны декоммунизации. В 2007 году был принят первый план интеграции, направленный на улучшение мер по интеграции иностранных граждан. В последние годы усилия правительства были сосредоточены на более эффективной реализации интеграционных мер. Особое внимание уделяется поддержке социально-экономической интеграции прибывающих, в частности в контексте занятости и профессиональной подготовки. Усиление этих мер является ключевым приоритетом в рамках государственной политики интеграции иммигрантов в немецкое общество [1].

Новое правительство Германии имеет большие амбиции в отношении иммиграционной политики. Правящая коалиция объявила о «смене парадигмы» и своей цели превратить Германию в современную страну иммигрантов. Цель состоит в том, чтобы помогать, поощрять и расширять возможности для квалифицированных рабочих приезжать, работать и оставаться в Германии. Для этого правительство намерено снизить бюрократические барьеры и облегчить доступ к виду на жительство и гражданству, а также наладить более тесные партнерские отношения со странами происхождения иммигрантов. Большинство из этих стран-партнеров находятся в Африке, включая Гану, Нигерию и Марокко. Для них эта новая парадигма может быть признаком того, что основная тема разговора об иммиграции с Германией изменилась. Причинами роста иностранного населения Германии обусловлены такими привлекательными факторами для иммиграции, как: возможности трудоустройства; гибкая налоговая система и относительно простая регистрация предприятий; высокая деловая активность; с 1990-х годов также есть возможность получить бесплатное высшее образование [2, с. 98].

Пик иммиграции в истории Федеративной Республики Германии пришелся на 2015 год из-за массового притока беженцев. В общей сложности в страну иммигрировало 2,14 млн. человек, примерно 1 млн. человек покинули Германию за тот же период. Это, в свою очередь, приводит к профициту миграции примерно в 1,14 млн. человек.

Кроме того, по данным Центрального реестра иностранцев, в Германии зарегистрировано 1 081 457 беженцев из Украины (по состоянию на 1 августа 2023 года). К середине июля около 243 000

украинцев, приехавших в Германию после 24 февраля 2022 года, покинули страну. Доля украинцев в немецком обществе увеличилась с 0,2% до 1,2% после начала операции. Украинцы уступают только гражданам Турции (1,33 млн. или 1,6% населения), что делает их 2-м по величине населением страны. Директива ЕС о массовом притоке перемещенных лиц из Украины от 4 марта 2022 года (которую Германия реализовала в качестве раздела 24 Закона о проживании, экономической деятельности и интеграции иностранцев на федеральной территории) гарантирует беженцам возможность безвизового въезда и не требует длительных бюрократических процедур предоставления убежища. Кроме того, им также предоставляется статус резидента сроком на один год, который может быть автоматически продлен дважды на полгода. Беженцы из Украины имеют доступ к работе, образованию, медицинскому обслуживанию, социальным льготам (в зависимости от семейного положения и других факторов; базовое гражданское пособие составляет 501 евро на человека, а минимальное пособие на ребенка — 250 евро) и финансовую поддержку для проживания. Всего с 24 февраля 2022 года до конца текущего года Германия потратит около 13,4 млрд. евро на государственную помощь украинским беженцам, из которых около 6 млрд. евро будет направлено на социальную поддержку, а еще 6 млрд. евро — на поддержку местных органов власти, в прерогативы которых входит забота о беженцах [5, с. 27].

Таким образом, миграционные потоки играют ключевую роль в демографическом и экономическом развитии Германии. Исторически страна привлекала значительные потоки трудовых мигрантов и беженцев, что способствовало её экономическому росту. Однако это также приводило к возникновению социальной напряженности и общественных дискуссий. Современная политика Германии направлена на улучшение мер по интеграции мигрантов, фокусируясь на поддержке их социально-экономической адаптации, что включает обучение языку, профессиональную подготовку и доступ к рынку труда. Успешная реализация этих мер способствует снижению социальной напряженности и укреплению социальной сплоченности. В то же время, правительство продолжает разрабатывать и внедрять новые подходы для управления миграцией, облегчения бюрократических процедур и создания условий для долгосрочного проживания и работы мигрантов в Германии. В условиях продолжающегося роста миграционных потоков, особенно из стран, испытывающих политические и экономические трудности,

эффективное управление миграцией остаётся приоритетом государственной политики.

Список литературы

1. Governance of migrant integration in Germany // European Commission URL: https://migrant-integration.ec.europa.eu/country-governance/governance-migrant-integration-germany_en (date of application: 16.11.2024).
2. Гризовская Д. В. Миграционные процессы в Германии во второй половине XX - начале XXI века / Д. В. Гризовская // Вестник ЧелГУ. 2017. №5 (401). С. 96-103.
3. Hanewinkel V. «Make it in Germany»: Grundzüge der deutschen (Arbeits-)Migrationspolitik / V. Hanewinkel // Bundeszentrale für politische Bildung. 2021. No. 1. P. 46-51.
4. Надеждин А. Е. Современная миграция в Германии: особенности и тренды / А. Е. Надеждин // Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 163–174.
5. Frymark K. Ukrainians are slowly adapting to life in Germany / K. Frymark // Centre for Eastern Studies. 2023. No. 4. P. 25-30.

РОЛЬ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Головинский А.Г.

*Кандидат технических наук, генеральный директор,
ООО «Защита металлов», г. Нижний Новгород, Россия,
руководитель секции «Человековедение»,
Нижегородский философский клуб «Универсум» г. Нижний
Новгород, Россия
E-mail: golanger@mail.ru*

***Аннотация.** На основании исторического анализа доказываем, что с момента своего возникновения в конце XVIII века именно интеллигенция была основной движущей силой становления государственности в России в XIX – начале XX вв. На примере биографий наиболее известных представителей нарождающейся русской интеллигенции - Сперанского и Победоносцева - показано, что она не только способствовала, но часто препятствовала развитию российской государственности.*

Ключевые слова: парламентаризм, государственное устройство, интеллигенция.

THE ROLE OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA IN THE FORMATION OF RUSSIAN STATEHOOD IN THE XIX-EARLY XX CENTURIES

Golovinskii A.G.

*Candidate of Technical Sciences, General Director, LLC "Protection of metals", Nizhny Novgorod, Russia,
head of the section "Human Studies", Nizhny Novgorod Philosophical Club "Universe" Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: golanger@mail.ru*

Abstract. *Based on historical analysis, it is proved that since its inception at the end of the XVIII century, it was the intelligentsia that was the main driving force behind the formation of statehood in Russia in the XIX – early XX centuries. Using the biographies of the most famous representatives of the nascent Russian intelligentsia - Speransky and Pobedonostsev - as an example, it is shown that she not only contributed to, but often hindered the development of Russian statehood.*

Keywords: *parliamentarism, the state structure, the intelligentsia.*

Как утверждают историки, нижегородец П. Д. Боборыкин первым пустил в оборот слово «интеллигенция», хотя фактически народилась она уже в конце XVIII века и начала свое существование с выражения недовольства существующей на тот момент самодержавно-бюрократической и крепостнической монархией.

Наиболее ярким представителем нарождающейся русской интеллигенции, серьезно повлиявшим на российскую государственность, был М. М. Сперанский. Он родился в семье провинциального священника, но уникальные интеллектуальные способности позволили ему с отличием окончить столичную Александро-Невскую семинарию и сразу стать домашним секретарем князя А. Б. Куракина. Уже через два года Сперанского определили в канцелярию генерал-прокурора, где он получил свой первый чин IX класса, а уже через два года «статского советника» V класса.

В 1806 году произошло личное знакомство Сперанского с императором Александром I. Практически сразу он стал одним из приближенных, был приглашен на обеды ко двору, а в 1807 году участвовал Эрфурте на встрече императора Александра I с

Наполеоном. По возвращении из Эрфурта Сперанский получил личное распоряжение императора на разработку плана общей политической реформы Российского государства. В итоге родилась целая программа, в которую вошли записка «Об усовершенствовании народного воспитания», указ «Об экзаменах на чин», законодательный акт «Общее учреждение министерств». 1 января 1810 года Сперанский возглавил учрежденный с его подачи Государственный совет – главный законосовещательный и административный орган империи. В плане реформ «Введение к уложению государственных законов» от 1809 года Сперанский предлагал создать избираемую законодательную структуру, состоящую из волостных, окружных, губернских и государственной дум. Однако эти планы нашли своих ярых противников со стороны приближенной к императору партии консерваторов. В ход пошли сплетни и наветы, но основной удар нанесла подготовленная историком Карамзиным «Записка о древней и новой России» - своеобразный манифест русскоконсерватизма, основным тезисом которой была невозможность ограничения самовластия без ослабления самой царской власти. Спасение же виделось в тщательном соблюдении традиций и обычаев российского народа, которому «вовсе не надо брать пример с Западной Европы». Что-то знакомое – не правда ли? В результате большинство идей Сперанского были отвергнуты, как крайне радикальные, а самого его сняли со всех постов и направили в ссылку.

На этом, однако, его реформаторская деятельность не закончилась. В марте 1819 года Сперанский был назначен генерал-губернатором всей Сибири, где на практике сумел воплотить некоторые свои идеи. Именно Михаила Михайловича декабристы видели первым президентом республики в случае успеха восстания, но (вот гримаса истории), именно ему пришлось оглашать приговор по делу декабристов. При этом он, говорят, плакал. Далее он занимался составлением законов Российской империи, представил императору Николаю I 60 томов законов, составленных под его руководством, за что немедленно удостоился Андреевской звезды с царского плеча. Сцена этого награждения запечатлена на пьедестале памятника Николаю I у Исаакиевского собора по личному распоряжению императора Александра II, которому Сперанский в конце своей жизни преподавал юридические и политические науки, оказав значительное влияние на внутренние устои будущего царя. Это был, пожалуй, самый удачный государственный проект Сперанского.

Правление Александра II, начавшееся в 1855 году — это период беспрецедентных по масштабу реформ, наиболее значимой из которых

стало введение местного самоуправления. В день рождения своего наставника император утвердил «Положение о губернских и уездных земских учреждениях».

Земские учреждения способствовали не только разветвлению сети школ и больниц. Одновременно с этим активно росла и глубинная русская интеллигенция - земские врачи, учителя, агрономы, статисты, которые показали высокие образцы служения народу и пользовались практически неограниченным доверием крестьян и земских управленцев. Земская реформа потянула за собой создание органов городского самоуправления – городских дум и управ. На рассмотрение царю в 1863 году была представлена записка тогдашнего министра внутренних дел графа П. А.Валуева, в которой он предлагал образовать при Государственном совете Съезд государственных гласных, состоявший из выборных представителей от всех частей империи. Однако Александр II посчитал эту идею крайне опасной. Вообще к концу своего правления под влиянием консерваторов царь начал ограничивать некоторые свои реформы, в том числе и земскую.

Появление в XIX веке на исторической арене разночинной интеллигенции, как общественного субъекта, тотчас обострило революционные настроения в обществе. Идеальные вожди интеллигенции, такие, как Белинский, Герцен, Добролюбов, Чаадаев, Чернышевский, Салтыков-Щедрин и многие другие – были либо неудобными оппонентами, либо открытыми врагами самодержавия. Недовольство государственным устройством с разночинцев перекинулось не только на крестьян, но и на господствующий класс. Оппозиционные настроения стали открыто высказывать передовые представители буржуазии и либерального дворянства. Уже во второй половине 1850-х годов возник вопрос о конституционных реформах: население требовало дальнейших преобразований государственного аппарата, суда, отмены цензуры, выдвигалось требование о создании государственных представительных органов, а в правительственных кругах обсуждалась проблема объединения деятельности всех отраслей государственного управления.

Выразительным симптомом обострения революционной ситуации стали многочисленные террористические акты против представителей власти, организованные и исполненные русскими интеллигентами, в частности, физическая ликвидация 1 марта 1881 года Александра II.

Начавшееся в конце правления Александра II контрреформирование продолжилось с воцарением его преемника - Александра III. Своим Манифестом от 29 апреля 1881 года он заявил силу и истинность самодержавной власти и призвал «утверждать и

охранять» ее «для блага народного от всяких на нее поползновений». Следствием этого стало свертывание конституционных идей, и ликвидация значительной части гражданских свобод, дарованных обществу предыдущим императором.

Но, несмотря на усиление реакции со стороны государства, конец XIX века характеризуется очень интересным явлением. Наиболее точно его описал один из ведущих московских муниципальных деятелей конца XIX — начала XX веков Н.И. Астров в своей работе «Муниципальное правительство и всероссийский городской союз», изданной в Нью-Хейвене в 1929 году: «Сотрудничество буржуазии с интеллигенцией и высокий профессиональный уровень постоянных городских служащих, носивших, в отличие от государственных служащих и выборных членов городской думы, название “третьего элемента”, ослабляли неблагоприятные последствия ограниченного избирательного права и в известной степени компенсировали отсутствие подлинного народного представительства. Сотрудничество деловых кругов с представителями образованных и прогрессивных элементов стало отличительной чертой многих учреждений городского самоуправления». Таким образом, несмотря на то, что управление делами городов находилось преимущественно в руках зажиточных сословий под непосредственным надзором Министерства внутренних дел, в городских думах непрерывно росло политическое влияние интеллигенции.

В октябре 1894 года на престол взошел Николай II. В своей речи перед делегацией земских и городских деятелей в январе 1895 года он заявил о верности внутривластному курсу своего «незабвенного родителя» на восстановление неограниченной власти монарха, т.е. продолжение курса контрреформ.

После Сперанского положение главного идеолога занимает К.П. Победоносцев, тоже яркий представитель русской интеллигенции, вышедший из семьи профессора словесности и литературы. Как и Сперанский, практически сразу после окончания училища получил чин IX класса, преподавал законоведение наследнику Николаю Александровичу, старшему сыну Александра II, и будущим императорам Александру III и Николаю II. Также, как и Сперанский, сопровождал в путешествии, правда, не царя, но цесаревича, о чем в 1864 году написал книгу «Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от С.-Петербурга до Крыма». В 60-е годы Константина Петровича считали либералом, он даже «имел переписку» с Герценом в Лондоне, но в итоге стал основным идеологом консервативных контрреформ и в годы правления трех российских

государей сделал все, чтобы разобщить власть и русскую интеллигенцию. В марте 1901 года на него было совершено покушение, но пули, выпущенные земским интеллигентом Н.К.Лаговским, пролетели мимо. Высочайший Манифест от 17 октября 1905 года о даровании гражданских свобод и выборах в Государственную думу Победоносцев не принял категорически, за что и был уволен с высоких должностей, оставшись лишь членом Госсовета. Причем оба они, как Сперанский, так и Победоносцев, дослужились до действительного тайного советника – чин II класса.

Именно Победоносцев был автором Высочайшего манифеста Александра III от 29 апреля 1881 года, провозглашавшего незыблемость самодержавия, и именно он был ответственен за формирование консервативных и антиинтеллигентских убеждений Николая II. Известно, например, такое значимое высказывание царя: «Перемен хотят только интеллигенты, а народ этого не хочет». Сам Победоносцев, кстати, был не самого высокого мнения о Николае II, вспоминая, что в юности тот обычно ковырял в носу, когда ему объясняли государственное устройство.

Начало правления Николая Познаменовала Ходынка и двухлетняя университетская война - студенческие волнения в Москве и Петербурге, возникшие в 1899 году, после того, как ректор Петербургского университета приказал исключать самых политически активных студентов, которых потом забирали в армию. А далее был 1905 год, столыпинские галстуки и, как ответ, партия большевиков, руководство которой на 95% состояло из интеллигенции.

Неистовый контрреформизм Александра III и Николая II, взращённый на почве консерватизма Победоносцева, привел к радикальной революционизации русской интеллигенции, что, в конечном итоге, стало причиной крушения Российской Империи. Американский русист Гарвардского университета Р.Пайпс в своих работах так и говорит, что в 1917 году русская интеллигенция пришла к власти. Но далее добавляет, что в результате к власти был приведен простой народ, который в СССР создал режим, совершенно неприемлемый для интеллигенции. В итоге русская интеллигенция в 1991 году этот режим и похоронила. Таким образом, недооценка социально-политической роли интеллигенции уже дважды ставила Россию на край пропасти.

Поэтому, как и ранее, я завершаю свой доклад лозунгом: «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙСЯ!»

ИЗМЕНЕНИЕ ДОКТРИНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ВЕРОУЧЕНИЯ КАРАИМОВ ИУДЕЙСКИМИ БОГОСЛОВАМИ И ИСТОРИКАМИ XIX-XXI ВВ. ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ

Горин А. А.

*Кандидат исторических наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
доцент кафедры религиоведения ИСФНиМК
E-mail: anton-gorin-2009@mail.ru*

***Аннотация.** В своей статье автор поднимает вопрос о случаях подчинения религиозной догматики политической конъюнктуре на примере догматического отношения иудейских богословов к вероучению караимов. Проводя параллели между крымскими караимами и хазарским этносом, автор прослеживает изменения в догматической оценке их этнических вероучений со стороны иудейских теологов в связи с политической ситуацией и изменением статуса народов хазар и иудеев.*

Прослеживая, какие именно базовые догмы своего вероучения приходится игнорировать иудейским богословам в ходе попыток отождествления этнических религий тюркских народов с иудейской традицией, автор поднимает вопрос о закономерности такого явления в историческом процессе развития авраамической традиции в целом. Также автор затрагивает вопрос о развитии иудейской авраамической традиции в современном мире, а также - перспектив её выхода за рамки этнической религии.

Отдельное внимание автор уделяет борьбе караимов за свою этнокультурную идентичность и роли религии в указанном процессе.

***Ключевые слова:** караимизм, иудаизм, теология, хазары, Тора, сионизм, закон Авраама.*

THE CHANGE IN THE DOCTRINAL ASSESSMENT OF THE KARAITE FAITH BY JEWISH THEOLOGIANS AND HISTORIANS OF THE XIX-XXI CENTURIES FOR POLITICAL REASONS

Gorin A. A.

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher
Education "Kazan (Volga Region) Federal University», Ph.D., Associate
Professor of the Department of Religious Studies ISFNiMK
E-mail: anton-gorin-2009@mail.ru*

Abstract. *In his article, the author raises the question of cases of subordination of religious dogmatics to political conjuncture on the example of the dogmatic attitude of Jewish theologians to the faith of the Karaites. Drawing parallels between the Crimean Karaites and the Khazar ethnic group, the author traces the changes in the dogmatic assessment of their ethnic creeds by Jewish theologians in connection with the political situation and the change in the status of the Khazar and Jewish peoples.*

Tracing exactly which basic dogmas of their creed Jewish theologians have to ignore in the course of attempts to identify the ethnic religions of the Turkic peoples with the Jewish tradition, the author raises the question of the regularity of such a phenomenon in the historical process of the development of the Abrahamic tradition as a whole. The author also raises the issue of the development of the Jewish Abrahamic tradition in the modern world, as well as the prospects of its going beyond the framework of ethnic religion.

The author pays special attention to the struggle of the Karaites for their ethnocultural identity and the role of religion in this process.

Keywords: *Karaism, Judaism, theology, Khazars, Torah, Zionism, the law of Abraham.*

Одним из актуальных вопросов современной геополитической обстановки на территории Крымского полуострова остаётся статус традиционных религиозных вероучений, характерных для этносов, исторически проживающих на территории региона.

Актуальным остаётся спор о статусе вероучения народа караимов, караимизме. В настоящий момент в отечественной и зарубежной теологии и исторической науке существуют две противоположные точки зрения.

Наиболее распространённым остаётся теория, рассматривающая караимизм, как ветвь иудейской традиции. Такой версии придерживается ряд авторитетных учёных: У. С. Барон [1, с. 145], А. Шураки [8, с. 83], В. Л. Вихнович [3, с. 99-100], М. Б. Кизилов [6, с. 95] и др.

Согласно второй версии, караимизм, начав своё формирование, как ветвь (секта) иудаизма, к началу XX века уже представляла из себя самостоятельную конфессию, вышедшую за рамки этнической религии. Такого мнения, например, придерживается М. Гудман [5, с. 375].

Мнение сторонников "иудейской" версии базируется, прежде всего, на данных об истории возникновения караимизма иудейской среде Дамаска и прилегающих территорий [6, с. 95]. Также они

указывают на то, что вероучение караимизма базируется на Торе, как Священном тексте, сакральным языком остаётся иврит, караимы празднуют иудейские религиозные праздники и т. д.

Однако, "иудейская версия" имеет ряд существенных недостатков. Во-первых, даже её сторонники вынуждены признать, что караимы отвергают традицию "толкования" Торы, не считая священными книгами Мишну и Талмуд, поскольку это тексты, не содержащие божественного Откровения. Также вероучение караимов имеет ряд отличий во внекультовой деятельности.

Естественно, что вплоть до конца XIX в. наблюдается двойственное отношение к караимизму. В отношении религиозного аспекта, ряд иудейских богословов считает караимов иудейской сектой. Вплоть до конца XX в. их связывали с саддукейской традицией, как в американской [1, с.145], так и в израильской [8, с. 83] иудаистике. Но в отношении этнического компонента, однозначной трактовки нет. На территории Израиля, а также - Северной Африки и ряда иных регионов проживают общины караимов, состоящие из этнических евреев. Но на территории Российской империи караимы сформировали уникальный тюркский этнос, автохтонный для Крымского полуострова. Этот факт был неоднократно удостоверен верховной властью Российской империи: Екатериной II (1784-1785) [7, с.174], Николаем I (1843) и т. д. Тем не менее, официальные власти классифицировали исповедание караимов, как иудаизм [7, с. 173], что привело к ошибкам современных учёных (например, А. М. Меметова), необоснованно отождествляющих понятия "иудей" и "еврей" [7, с.173-174].

Поворотным моментом в отношении иудейских богословов к крымским караимам становится начало XX в. и формирование концепции сионизма Т. Герцля [4, с. 16-17], состоящей в идее формирования еврейского национального государства на исторической территории Эрец Исраэля. Объяснимо, что в ходе формирования современного Израиля иудейские богословы декларируют догматическое "примирение" с караимизмом и приглашают караимов к возвращению на Землю Обетованную.

Однако, в отношении крымских караимов проводится сходная политика. В частности, их также приглашают к переезду на территорию Израиля. Такой подход противоречит концепции "богоизбранного народа", декларируемой в книгах Торы Брейшит [Брейшит, 17: 20-21] и Шмот [Шмот, 3; 6-11]. В качестве "богоизбранного народа" в Торе провозглашается именно еврейский народ, что делает иудаизм этнической религией. Отказ отступить от

данного принципа стал одной из фундаментальных причин противостояния между иудаизмом и христианством, равно как и противоречий между иудаизмом и исламом.

Однако, исторически существует опыт игнорирования этой догмы со стороны иудейского богословия. Речь идёт о рассмотрении иудейскими богословами в X веке тюркского хазарского этноса [9, с. 125-126], как этноса иудеев-единоверцев, игнорируя не только этническую чуждость семитским народам, но и прямые противоречия иудаизму в хазарском вероучении [2, с. 200], представлявшим собой синтез эллинского язычества и отдельных элементов авраамического вероучения.

Трактовка данных событий в современной иудаистике различна: от полного игнорирования догматических и этнических различий между еврейско-иудейской и тюркской хазарско-языческой общинами [3, с. 173], до признания, что еврейско-иудейская община в X веке приобрела опыт принесения в жертву основополагающих догматов этнообразующей религии в пользу сиюминутных целей в рамках политической конъюнктуры [2, с. 204].

Таким образом, мы наблюдаем систематическое присутствие в иудейской богословской традиции признаки готовности принесения базовых вероучительных догматов в жертву т. н. "политической необходимости", имеющей более чем тысячелетнюю историю.

Вместе с тем, мы не наблюдаем на протяжении всего известного нам периода существования иудаизма сколько-нибудь систематичных попыток выйти за рамки еврейского этноса. Имеют место попытки различных сообществ Восточного Средиземноморья, Причерноморья и Северной Африки заимствовать элементы "закона Авраамова" в той или иной степени, однако с точки зрения иудаизма они остаются прозелитами и не маркируются иудеями, как "свой".

Однако, хазары сумели создать собственное, достаточно обширное государство, ставшее полноценным субъектом политики. А крымские караимы сумели создать самостоятельный этнос с этнокультурными особенностями, базирующимися на авраамическом фундаменте.

В обоих случаях (даже если принять во внимание скудность достоверных исторических источников, свидетельствующих о хазарах), мы можем говорить о следующих отличительных чертах этих двух этносов:

- оба этноса сформировали этнокультурную идентичность на базе оригинальной самодостаточной религиозной системы;

- оба этноса сформировались в соответствии с принципами «гумилёвской тройки», а, следовательно, имели чёткую территориальную и языковую принадлежность;

- оба этноса на момент признания их иудейскими богословами, обладали хозяйственным и политическим потенциалом (караимы Российской империи занимали если не привилегированное, то достаточно высокое положение) по сравнению с еврейским народом в целом.

Таким образом, смену доктринальной оценки как хазар, так и караимов, нельзя рассматривать исключительно как политический акт. Речь идёт о возможности обретения (после 1896 г. - и расширения) еврейским народом территориальной базы для восстановления национального еврейского государства. При этом священным долгом еврейского народа создатель теории сионизма Т. Герцль считал возвращение в Землю Обетованную. Таким образом, караимы, как еврейские, так и крымские, по всей вероятности, рассматривались сионистами, как человеческий ресурс для решения догматической проблемы - вторичного обретения земли, обещанной Всевышним Аврааму и его потомкам. Учитывая стремление современных сионистских политиков привлечь караимов к репатриации на территорию Израиля, не принимая внимания их этническую принадлежность, данная цель сохранила актуальность до сегодняшнего дня.

Кроме того, очевидно, что, учитывая исторический опыт потери части иудейской общины в ходе многочисленных расколов (противостояние фарисеев и саддукеев, эскапизм ессеев, конфронтация с христианством, дистанцирование ислама и т. д.), иудейские богословы наиболее либеральных направлений в данный момент поднимают вопрос хотя бы о частичном преодолении догматических расколов и начале процесса консолидации иудейской общины.

Караимский вопрос, по всей вероятности, не является в этом направлении приоритетным. Однако караимские общины, представленные в Крыму, Польше и Литве, и сохраняющие как систематическое общение, так и этническое и религиозное единство могут рассматриваться рядом иудейских богословов, как немногочисленная, но стабильная религиозная конфессия. Объединение с караимами по мнению ряда богословов сионистских убеждений способно укрепить как богословский, так и территориально-политический статус иудейской общины.

Список литературы

1. Барон Сало У. Социальная и религиозная история евреев. В 4 т. – М.: «Книжники», 2013. – Т. 2. – 485 с.
2. Барон Сало У. Социальная и религиозная история евреев. В 4 т. – М.: «Книжники», 2014. – Т. 3. – 358 с.
3. Вихнович В. Л. Иудаизм — СПб.: Питер, 2006. — 224 с.
4. Герцль Т. Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, Вас. Остр., 1896. – 112 с.
5. Гудман М. История иудаизма. – М.: Азбука-Алликус, 2020. – 840 с.
6. Кизилев М. Б. Крымская Иудея. - Симферополь: Доля, 2011. - 336 с.
7. Меметов А. М. О так называемых "тюркских народах" Крыма (Часть 1) // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия "Филология. Социальные коммуникации". Т. 22(61). - 2009. - №3 - С. 172-178.
8. Шураки А. История иудаизма. - М.: АСТ-Астрель, 2008. – С. 194 с.
9. Эрдаль М. Хазарский язык // Хазары, сб. статей. Евреи и славяне — Москва, Иерусалим: Мосты культуры, 2005. - Т. 16. - С. 125-140.

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Григорьев К.О.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, студент

E-mail:kiryusha.grigorev.0536@mail.ru

Научный руководитель - Махмутова Е.В.,

кандидат политических наук, доцент,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

***Аннотация.** В статье исследуются факторы и предпосылки формирования многополярного мира, определены шаги в реализации данного процесса. Показано, что в основе создания многополярного мира должен лежать цивилизационный подход.*

Ключевые слова: *однополярный мир, многополярный мир, трудности и перспективы построения многополярного мира, цивилизационный подход.*

THE CIVILIZATIONAL DIMENSION OF A MULTIPOLAR WORLD

Grigoriev K.O.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, student

E-mail:kiryusha.grigorev.0536@mail.ru

Scientific supervisor– E.V.Makhmutova,

PhD in Political Sciences, Associate Professor,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Abstract. *The article examines the factors and prerequisites for the formation of a multipolar world, identifies steps in the implementation of this process. It is shown that the creation of a multipolar world should be based on a civilizational approach.*

Keywords: *unipolar world, multipolar world, difficulties and prospects of building a multipolar world, civilizational approach.*

Процессы глобализации, стремление стран к экономической и политической независимости, недовольство современным мироустройством поставили на повестку дня выработку новой стабильной и устойчивой геополитической конфигурации, интегрирующей в себе как национальные интересы, так и интересы других стран [2, 4].

В современной международной повестке прослеживается тенденция отказа от однополярного мира, избавление от гегемонии США и стремление к формированию многополярного мира. В своих многочисленных выступлениях к этой теме неоднократно обращался президент России В.В. Путин.

В основе стремления к многополярному миру лежит желание стран к действительному и независимому экономическому и политическому суверенитету. При этом «многополярность ассоциируется с альтернативой однополярному миру, который сформировался после развала СССР и последовавшего вслед за этим разрушения биполярного мира. Один из актуальных аспектов

многополярности связан с цивилизационной структурой общественного развития и культурным многообразием, которые рассматриваются в контексте государственного суверенитета» [7, с. 290-291].

Современные события наглядно показывают деконструктивный характер внешней политики стран, которые являются приверженцами «однополярного мира» во главе с США. Политика США в данном случае направлена на подчинение деятельности мировых государств своим интересам, создания по своей сути, колониальной зависимости от нее.

В тоже время, анализ источников по теме исследования показал, что ряд ученых и политиков сдержанно относятся к идее многополярного мира. Так Найелл Фергюсон высказывается о том, что борьба с однополярным миром может привести не к многополярному миру, а к анархическому состоянию в мире, или, по его выражению, к «новому средневековью». Найелл Фергюсон пишет: «Многополярность не станет альтернативой однополярности. На смену последней придет аполлярность – глобальный вакуум власти. И от этого глобального беспорядка выиграют силы, куда более опасные, чем соперничающие между собой великие державы» [8, с. 32]. На наш взгляд, эти утверждения носят абстрактный характер и защищают идею однополярного мира, где стабильность основывается на силе США.

Если вернуться к началу XXI века, то идея создания многополярного мира в этот период носила лишь теоретический характер. Это было связано с рядом причин, главной из которых была слабость России, в первую очередь, в военной и экономической сферах. В числе других причин можно назвать: относительный нейтралитет Китая в отношениях с США и позицию Индии, направленную на поддержку США.

В настоящее время ситуация кардинально изменилась, и идея многополярного мира приобрела реальные очертания. На наш взгляд, отправной точкой данного процесса стала так называемая «Мюнхенская речь» В.В. Путина, произнесенная им в 2007 году, в которой он заявил, что мир существенно изменился, и пришло время для выстраивания между странами взаимовыгодных и равноправных отношений. В этой связи Е. А. Марков подчёркивает: «...в своем выступлении президент России обозначил новую концепцию развития отношений между странами – концепцию многополярного мира взамен политики доминирования США, от которой выгоды получают только сами США и их союзники...» [5, с.111].

Отметим, что уже в 2000 году в Концепции внешней политики Российской Федерации было сформулировано положение о том, что «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов» [3, с. 538-539]. Далее в данной Концепции отражены основные принципы и механизмы многополярного мира: «Гарантия эффективности и надежности такого мироустройства – взаимный учет интересов. Миропорядок XXI века должен основываться на механизмах коллективного решения ключевых проблем, на приоритете права и широкой демократизации международных отношений» [3, с. 539].

Рассуждая в этом контексте, Б.Ф.Мартынов подчеркивает, что актуальность перехода к многополярному миру определяется не только в связи с противостоянием глобальному американскому влиянию, но и с перспективой глобального мирового сотрудничества на основе взаимного учета национальных интересов различных участников международных отношений. Условиями многополярного мира в этом случае должны быть разумная конкуренция и общие правила коллективного управления [6].

По мнению Б.Ф. Мартынова, будущий многополярный мир может быть только цивилизационным, т.к. «...помимо государств и наряду с ними в постоянные многопрофильные и многоуровневые международные контакты различного рода все больше вступают различные экономические и финансовые институты, негосударственные структуры, религиозные, предпринимательские, общественные объединения и, наконец, отдельные люди как представители своих цивилизационных архетипов» [6, с.64].

При этом, как подчеркивает В.И. Якунин [9], современный политический кризис во многом обусловлен именно недооценкой «цивилизационного» фактора развития, который как раз и привел в движение тенденцию к многополярному миру. Центры принятия глобальных решений в модели многополярного мира формируются, таким образом, внутри цивилизаций, а не на основе отдельных стран. А.Г. Дугин в подтверждение необходимости обращения к цивилизационному подходу говорит о коллективных общностях, «объединенных причастностью к одинаковой духовной, исторической, культурной, ментальной и символической традиции, ... члены которой осознают близость друг к другу, независимо от национальной, классовой, политической и идеологической принадлежности» [1, с.103].

Каждая цивилизация обладает своей внутренней структурой и неповторимым уникальным типом, историческими и культурными традициями, которые и определяют духовное наполнение цивилизации. Соответственно формирование многополярного мира, на основе цивилизационного подхода, ориентировано на развитие новых форматов взаимодействия и формирование новых жизненных ценностей, выступая, в конечном итоге, важнейшим фактором формирования общих взглядов на построение мира и преодоления в общечеловеческом масштабе раздробленности мирового сообщества. Таким образом, как отмечает Т.А.Сенюшкина, «концептуальный анализ процессов, связанных с формированием многополярного мира с точки зрения цивилизационного подхода, фокусируется на определении цивилизаций в качестве новых акторов и центров силы на мировой арене» [7, с. 288]. При этом «фундаментом многополярности выступает рост экономического, военного, политического потенциала западных государств и ослабление позиций США как глобального лидера» [7, с. 288].

Однополярный мир отживает свой век, как показывают современные события, такие как СВО на Украине, конфликт на Ближнем Востоке, а также санкционная политика в отношении «неугодных стран». На повестке дня остро встал вопрос о создании многополярного мира. Можно отметить определенные шаги в этом процессе. Во-первых, это создание БРИКС и ряда других организаций, действующих на основе принципов равноправия и взаимовыгодного сотрудничества. Во-вторых, активно идет процесс отказа от доллара, как инструмента влияния США. Так, например, доля расчетов между Россией и странами БРИКС осуществляется в национальных валютах, и, как заявила Э. Набиуллина, уже достигла 85%. В-третьих, наблюдается тенденция нарастающего самоопределения стран Африки и нежелания их оставаться вассалами США и Западного мира. Они не хотят быть больше «джунглями» на окраинах «цветущего сада», как выразился Ж. Боррель – экс глава Европейской дипломатии. В-четвертых, что самое важное, на наш взгляд, - Россия, даже в сложнейших условиях санкций сумела существенно повысить свой экономический и военный потенциал.

При этом необходимо отметить, что построение многополярного мира затруднено рядом факторов. Основным является активное противодействие в данном направлении со стороны США и ее союзников, в первую очередь, европейских стран. Можно заметить, что ЕС потерял сегодня свою самостоятельность и стал, по сути, вассалом США.

В заключение отметим, что наиболее важной задачей формирования многополярного мира является создание эффективных международных институтов, способствующих повышению управляемости и безопасности мира. Отметим также, что модель построения многополярного мира многогранна, обусловлена многочисленными факторами и требует дальнейшего научного и практического обоснования. При этом важное значение приобретает дальнейшая разработка проблемы цивилизационного измерения проблемы формирования многополярного мира.

Список литературы

1. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2012. 532 с.
2. Калюжный В.Г. Многополярный мир: реальность и перспективы // *Viaintempore. История. Политология.* 2010. №7(78). Выпуск 14. С. 235-239.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Москва. 28 июня 2000 г. // Системная история международных отношений в 4-х томах 1918-2003 / Под редакцией А.Д. Богатурова. Т.4. Документы. М., 2004. С.538-539.
4. Купин В.Н. Многополярная система миропорядка как геополитический императив глобальной безопасности // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2016. №1. С.214-218.
5. Марков Е. А. Истоки конфронтации со странами запада и мюнхенская речь Владимира Путина // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки.* 2019. № 1. С. 104-113.
6. Мартынов Б.Ф. Многополярный или многоцивилизационный мир? // *Международные процессы.* 2009. Т.7 №3 (21). С. 60-69.
7. Сенюшкина Т. А. Многополярность как цивилизационный концепт // *Политическое пространство и социальное время: диалектика целей и ценностей: Сборник научных трудов XLII Международного Харакского форума, Ялта-Симферополь, 08–10 ноября 2023 года.* – Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2024. – С. 288-294.
8. Фергюсон Н. Мир без гегемона // *Свободная мысль - XXI.* 2005. № 1 (1551). С. 21-30.
9. Якунин В.И. Цивилизационные основания мирового политического кризиса // *Вестник Московского*

государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С.7-20.

ОПЫТ МУСУЛЬМАН – БЫВШИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ – В ПРАКТИКЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ С КРИМИНАЛЬНЫМ ПРОШЛЫМ

Гузельбаева Г.Я.

*Кандидат социологических наук
Казанский федеральный университет, доцент,
старший научный сотрудник Digital Media Lab, ИТИС; Казанский
ГМУ, доцент кафедры истории, философии и социологии
E-mail: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru*

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме ресоциализации бывших заключенных в России на примере деятельности АНО «Центр реабилитации и адаптации» в Казани. Автор анализирует ключевые факторы, затрудняющие адаптацию освободившихся: безработицу, отсутствие жилья, социальную изоляцию и влияние криминальной среды. В работе рассматриваются социальные и психологические трудности, с которыми сталкиваются бывшие заключенные, а также потенциал религии в процессе их адаптации. Особое внимание уделено роли бывших заключенных-мусульман, которые, используя личный опыт для установления доверия и эффективной поддержки, помогают другим reintegrироваться в общество. Анализируется значение нового закона РФ «О пробации» для ресоциализации. Исследование основано на интервью с бывшими осужденными, сотрудниками Центра и ФСИН, демонстрируя, как личный опыт «раненых целителей» способствует эффективной поддержке. Результаты подчеркивают необходимость развития подобных инициатив для социальной адаптации уязвимых групп.*

***Ключевые слова:** ресоциализация, бывшие заключенные, пробация, криминальная среда, личный опыт, поддержка равных, раненый целитель, отказ от преступности.*

THE EXPERIENCE OF MUSLIM EX-PRISONERS IN THE PRACTICE OF RESOCIALIZATION OF PERSONS WITH A CRIMINAL EXPERIENCE

Guzelbaeva G. Ya.

Kazan Federal University, Associate Professor, Senior Researcher at Digital Media Lab, Institute of Information Technology and Intelligent Systems; Kazan State Medical University, Associate Professor at Department of History, Philosophy and Sociology
E-mail: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

Abstract. *The article focuses on the issue of the resocialization of former prisoners in Russia, using the activities of the ANO "Center for Rehabilitation and Adaptation" in Kazan as an example. The author analyzes key factors hindering the adaptation of released individuals: unemployment, lack of housing, social isolation, and the influence of the criminal environment. The study examines the social and psychological challenges faced by former prisoners, as well as the potential of religion in their adaptation process. Special attention is given to the role of former Muslim prisoners who, drawing on personal experience to build trust and provide effective support, help others reintegrate into society. The significance of the new Russian law "On Probation" for resocialization is also analyzed. The research is based on interviews with former convicts, Center staff, and Federal Penitentiary Service (FSIN) employees, demonstrating how the personal experience of "wounded healers" contributes to effective support. The results highlight the need to develop such initiatives for the social adaptation of vulnerable groups.*

Keywords: *resocialization, former prisoners, probation, criminal environment, lived experience, peer-mentoring, wounded healer, crime desistance.*

Статья посвящена проблеме ресоциализации бывших заключенных на примере АНО «Центр реабилитации и адаптации», созданного по гражданской инициативе бывших осужденных, мусульман, осознанно выбравших путь исправления и посвятивших себя помощи людям, вышедшим из исправительных учреждений. Основано на серии глубинных интервью с бывшими заключенными (Казань), сотрудниками АНО «Центр адаптации и ресоциализации» (Казань) и сотрудниками ФСИН (Казань, Мензелинск, Пермь).

По статистике, в России почти треть осужденных в первый год после освобождения из исправительных учреждений вновь попадают в

криминальную среду и возвращаются к совершению преступлений; доля повторного заключения под стражу составляет около 44%. [1] Часто рецидивные преступления становятся следствием социальной дезадаптации человека, связанной с безработицей, отсутствием жилья, социальным неблагополучием, недостатком образования, наркотической зависимостью или злоупотреблением алкоголем, наличием контактов с криминальной средой. По утверждению министра юстиции РФ, основными проблемами российской пенитенциарной системы, наряду с высоким уровнем рецидива преступлений, является нехватка адаптационных центров для помощи заключенным. В феврале 2023 г. президент РФ В. Путин подписал закон «О пробации» – об адаптации заключенных как во время отбытия срока наказания, так и после этого. Ее цели – «коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, <...> предупреждение совершения ими новых преступлений». Закон вступил в силу с 1 января 2024 г. [2] За 2024 и первую половину 2025 гг. начали свою работу центры пробации в нескольких регионах России.

Отбывая наказание в виде лишения свободы, осужденные претерпевают серьезную трансформацию. За время пребывания в заключении многими утрачивается часть профессиональных навыков, приобретаются хронические заболевания, формируется чувство агрессии, ощущения потерянности связи с внешним миром, ненужности, отчаяния и т.д. Значимость приобретают ценности, обеспечивающие индивидуальное существование в условиях исправительного учреждения, взамен общественным ценностям. Большое влияние оказывает криминогенность мест отбывания заключения – нахождение среди людей, неоднократно совершавших преступления. В совокупности это значительно осложняет адаптацию в постпенитенциарный период и интеграцию в «свободное» общество.

До недавнего времени российское государство не уделяло должного внимания комплексной организации эффективных практик по ресоциализации людей со стигмой преступника. Однако, имеются примеры, хоть и немногочисленные, но успешные, самостоятельных попыток рядовых граждан справиться с этой проблемой. В частности, в г. Казани более 10 лет назад возник негосударственный «Центр реабилитации и адаптации» по работе с бывшими заключенными, а также для помощи другим людям с девиантным образом жизни – наркоманам, алкоголикам, бездомным. Инициатива в создании данного центра и основная деятельность по его развитию принадлежит самим бывшим заключенным. В работе они учитывают свой личный

опыт девиации, социального исключения и маргинализации, схожий с жизненным путем их подопечных. Схожий бэкграунд позволяет им найти общий язык и легче понять друг друга, не вызывая недоверия и сопротивления. Они знают запросы людей, попавших в сложную жизненную ситуацию, и предлагают опробованные практики решения проблем. Официальная регистрация Центра и признание было осуществлено при поддержке нескольких сотрудников ФСИН по Республике Татарстан. Найдя в последствии понимание и содействие у официальных властей Татарстана и Духовного управления мусульман РТ, эта организация располагает ресурсами, недоступными представителям маргинальных групп.

Подобный опыт освещен в международной исследовательской практике. Израильский специалист в области криминологии Э. Элиша предложила «терапию заключенных» [3] как всеобъемлющий термин, обозначающий формальные конструктивные мероприятия по поддержке людей со схожим опытом («равных»), которые проводятся бывшими заключенными и наркозависимыми людьми, называемыми ранеными целителями (wounded healers) [4], на основе их собственного жизненного опыта. Исследования в области прекращения преступности, проведенные в этом направлении, предполагают, что генеративные виды деятельности, такие как волонтерство, взаимное наставничество и реабилитационная работа, способствуют личным усилиям по реабилитации [5; 6].

В России, как и во многих других странах, в исправительных учреждениях растет число сторонников ислама (сотрудники ФСИН РФ называют их «зелеными зонами», а в англоязычной литературе этот феномен обозначают словом «grislam»), причем не только среди этнических мусульман. Это связано в том числе с распространением радикальных идей в учреждениях ФСИН, как и в целом в криминальной среде. Однако, организаторы и многие сотрудники АНО ЦРА демонстрируют позитивный потенциал ислама – потенциал помощи тем, кто оступился в жизни и затем оказался в сложной жизненной ситуации. Общий светский характер реабилитационных мероприятий ЦРА сочетается с религиозной составляющей: важную роль в процессе адаптации бывших заключенных сотрудники Центра отводят приобщению к религии, следованию религиозным постулатам, взаимодействию с имамами и священниками. Организаторы Центра сами прошли путь ресоциализации, который они связывают с осознанным выбором ислама как определяющей идеологии их частной жизни. Этот опыт обращения к религии переняли часть тех, кто проходит реабилитацию в ЦРА, хотя обращение к исламу или другой

религии не является обязательным компонентом для получения помощи от этой организации.

Руководитель АНО «Центр реабилитации и адаптации» – Азат Гайнутдинов, бывший заключенный, получивший свой срок за участие и организацию ОПГ в г. Казани в конце 1990-х – нач. 2000-х гг. Его личный случай – пример человека, который начал процесс ресоциализации задолго до своего освобождения, еще в исправительном учреждении. За прошедшие десять лет работы Центр помог более 30 тыс. человек и заслуженно зарекомендовал себя с положительной стороны, внося реальный вклад в профилактику рецидивной преступности и помогая сотням бывших заключенных, а также лицам с девиантным поведением пройти путь реабилитации.

Список литературы

1. Серков Д. В. Думу внесли законопроект о программах адаптации заключенных // РБК. 10 нояб. 2022. - URL: <https://www.rbc.ru/society/10/11/2022/636d20cd9a7947b258ab2365>
2. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ. - URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/48882>
3. Elisha E., Shachaf-Friedman E. 'For the first time in my life, my past is an advantage': The perceived effects of professional peer work on wounded healers in the field of drug addiction, *Addiction Research & Theory*, 2023. № 32(6), 477-486. DOI: 10.1080/16066359.2023.2294878.
4. LeBel T.P., Ritchie M., Maruna S. Helping others as a response to reconcile a criminal past: The role of the wounded healer in prisoner reentry programs. *Criminal Justice and Behavior*, 2015. № 42, 108–120. DOI:10.1177/0093854814550029.
5. Clute S., Taylor P., Bunn W. Unitive justice and re-entry culture change. *Richmond Public Interest Law Review*, 2019. №23(2), 215–254.
6. Duvnjak A., Stewart V., Young P., Turvey L. How does lived experience of incarceration impact upon the helping process in social work practice? A scoping review. *British Journal of Social Work*, 2022. № 52(1), 354-373. DOI: 10.1093/bjsw/bcaa242.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Дас Прити Д.

Доктор политических наук

Университет им. Джавахарлала Неру,

Школа международных отношений, руководитель Центра исследований России и Центральной Азии

Аннотация. В данной статье автор пытается выяснить, какие глобальные перспективы являются наиболее влиятельными в современном геополитическом контексте и какую роль играет в этом процессе идея диалога цивилизаций. Рассматриваются четыре главные теории цивилизационных перспектив международных отношений: теория столкновения цивилизаций Самуэля Хантингтона; теория диалога цивилизаций; теория цивилизационной гегемонии и теория цивилизационной идентичности. Анализируется цивилизационный подход Индии в международных отношениях, который основывается на её богатом историческом и культурном наследии, формируя её внешнюю политику и дипломатические усилия. Подчёркивается, что в Индии цивилизационный подход выходит за рамки современного понимания национального государства, при этом обращается внимание на давнюю культурную и историческую преемственность Индии, её разнообразную, но единую культурную идентичность, а также глубоко укоренившиеся философские и духовные традиции. Делается вывод о том, что цивилизации с их давними культурными, философскими и социальными системами играют решающую роль в формировании взаимодействия между нациями и народами.

Ключевые слова: цивилизация, культура, диалог цивилизаций, международные отношения, цивилизационный подход.

CIVILIZATIONAL PERSPECTIVES OF INTERNATIONAL RELATIONS

Das Preeti D.

Doctor of Political Sciences

University named after Jawaharlal Nehru,

School of International Relations, Head of the Center for Russian and Central Asian Studies

Abstract. *In this article, the author tries to find out which global perspectives are the most influential in the modern geopolitical context and what role the idea of dialogue of civilizations plays in this process. Four main theories of civilizational perspectives of international relations are considered: Samuel Huntington's theory of clash of civilizations; the theory of dialogue of civilizations; the theory of civilizational hegemony and the theory of civilizational identity. The article analyzes the civilizational approach of India in international relations, which is based on its rich historical and cultural heritage, shaping its foreign policy and diplomatic efforts. It is emphasized that in India, the civilizational approach goes beyond the modern understanding of the nation-state, while drawing attention to India's long-standing cultural and historical continuity, its diverse but unified cultural identity, as well as deeply rooted philosophical and spiritual traditions. It is concluded that civilizations with their long-standing cultural, philosophical and social systems play a crucial role in shaping the interaction between nations and peoples.*

Keywords: *civilization, culture, dialogue of civilizations, international relations, civilizational approach.*

Введение. Цивилизационный подход — это подход, который рассматривает взаимодействие стран и культур с точки зрения их цивилизационной идентичности, исторических традиций и культурных ценностей. Этот подход стал особенно актуален для международных отношений в условиях глобализации и роста многообразия культур в мировом масштабе.

В дискурсе о культуре и цивилизации диалог цивилизаций вышел на первый план на фоне двух конкурирующих и мощных дискурсов — Хантингтона и Фукуямы. Тезис Хантингтона о столкновении цивилизаций был влиятельным, хотя и противоречивым описанием геополитических разломов, сосредоточенных на цивилизационных пространствах. История цивилизации — это история развития человеческих устремлений и многочисленных усилий по их достижению, а также история человеческих неудач и страданий. Мы можем выделить три характерные черты, которые составляют человеческую эволюцию в истории. Этими взаимосвязанными характеристиками являются культура, цивилизация и ценности.

Для российской общественной мысли расширение знакомства с достижениями мировой науки в разработке теории цивилизаций является насущной необходимостью. В Индии цивилизационный подход выходит за рамки современного понимания национального государства. Эта идея подчеркивает давнюю культурную и

историческую преемственность Индии, ее разнообразную, но единую культурную идентичность, а также глубоко укоренившиеся философские и духовные традиции.

Несколько дебатов в Ассоциации международных исследований были посвящены концепциям, которые позволяют нам лучше понять разнообразие, существующее в современном мире, а также искать новые точки соприкосновения, основанные на плюралистическом универсализме. Таким образом, цивилизационная перспектива в международных отношениях смещает акцент с традиционных государственно-центричных и геополитических подходов на подходы, учитывающие влияние глубинных культурных, исторических и цивилизационных факторов. Эта точка зрения признает, что цивилизации с их давними культурными, философскими и социальными системами играют решающую роль в формировании взаимодействия между нациями и народами.

В данной статье автор пытается выяснить, какие глобальные перспективы являются наиболее влиятельными в современном геополитическом контексте и как идея цивилизационного диалога может внести свой вклад, позволив появиться таким новым общим основаниям.

Цивилизационные перспективы международных отношений

Перспективы международных отношений основаны на разнообразных факторах и динамике, которые будут определять взаимодействие между государствами и международными акторами в будущем. Несколько ключевых направлений и трендов, которые могут влиять на международные отношения в ближайшие годы, - это многополярность и изменение баланса сил, рост региональных держав, экономические и технологические изменения, глобализация и появление новых видов угроз. Среди них рост региональных держав, которые усиливают свои позиции в региональном контексте, влияя на соседние страны и региональные организации. Примеры, кроме Индии и России, включают усиление роли Турции на Ближнем Востоке, Бразилии в Латинской Америке и ЮАР в Африке. Культурные и цивилизационные различия этих стран продолжают играть важную роль в международных отношениях. Понимание и уважение этих различий могут способствовать мирному сосуществованию и сотрудничеству.

Теории цивилизационных перспектив международных отношений рассматривают взаимодействие между различными

цивилизациями как ключевой фактор, определяющий глобальную динамику и конфликты. Эти теории акцентируют внимание на культурных, исторических и религиозных аспектах, влияющих на международные отношения, что помогает объяснить динамику и тенденции, которые могут формировать будущее международных отношений. Существуют два главных направления. Одно направление, в рамках которого сформировались социальные науки, было призвано не только объяснить разнообразие того материально-предметного мира, который предстал перед человеком нового Запада, но и выявить закономерности феноменального развития индустриального общества, которое за период 17-19 веков коренным образом преобразило облик Западной Европы и наделило ее способностью распоряжаться судьбами многих народов земного шара. Естественно, что определяющим началом для этого направления выступали материальное производство, экономика, способ хозяйствования и порожденные ими отношения [1, с. 26].

Другое направление опиралось на гуманитарные методы исследований и породило комплекс гуманитарно-филологических и исторических наук в социальном и культурном измерении. Именно в рамках гуманитарных дисциплин происходило интенсивное накопление знаний о религиях, языках, литературе, философии истории и т.п., что породило богатую компаративистику и привело к формированию комплекса ориенталистики, американистики, африканистики, исламоведения, индологии, буддологии, и китаеведения [1, с. 26].

Существуют четыре главные теории цивилизационных перспектив международных отношений: теория столкновения цивилизаций Самуэля Хантингтона; теория диалога цивилизаций; теория цивилизационной гегемонии и теория цивилизационной идентичности. Теория Самуэля Хантингтона предполагает, что будущие конфликты будут происходить не между государствами, а между цивилизациями, где культурные и религиозные различия являются основными источниками конфликтов. И Западная цивилизация сталкивается с вызовами со стороны других цивилизаций, особенно Исламской и Китайской. Это устрашает Западные страны и усиливает перспективы цивилизационного подхода, в частности, такие как - усиление межцивилизационных конфликтов и напряженности, возникновение новых коалиций и союзов на основе цивилизационной принадлежности и усиление культурных и религиозных противоречий в глобальной политике. Теория диалога цивилизаций предполагает, что взаимопонимание и сотрудничество между цивилизациями являются

ключевыми для поддержания глобального мира. Следовательно, культурные и религиозные различия могут быть преодолены через диалог и взаимное уважение. Это ведёт к расширению международных платформ для межцивилизационного диалога, укрепление культурного обмена и сотрудничества, снижение вероятности конфликтов через улучшение взаимопонимания и толерантности.

Хотя идея диалога цивилизаций в международных отношениях возникла как глобальное политическое видение, с геополитической точки зрения она представляла собой радикальную критику политического и идеологического доминирования либерального мира во главе с США. В основе этого видения лежит четкое нормативное сопротивление идее однополярного мироустройства, многополярному миру. В этой связи Петито Ф. задается вопросом о том, должна ли идея диалога цивилизаций поддерживать концепцию многополярного мироустройства [2, с. 79].

Как видим, теории цивилизационных перспектив международных отношений предлагают уникальные и важные инструменты для понимания глобальной политики. Они акцентируют внимание на культурных и исторических аспектах, которые могут объяснять поведение государств и международных акторов. При этом следует согласиться с Т.А.Сенюшкиной в том, что современные цивилизации выступают в качестве «новых акторов и центров силы на мировой арене» [3, с. 288]. Очевидно, что уже в ближайшем будущем международные отношения будут определяться не только экономическими и политическими факторами, но и культурными и цивилизационными взаимодействиями, что делает эти теории особенно актуальными.

Цивилизационный подход Индии

Цивилизационный подход Индии в международных отношениях основывается на её богатом историческом и культурном наследии, который формирует её внешнюю политику и дипломатические усилия. Этот подход включает несколько ключевых аспектов, которые помогают понять, как Индия взаимодействует с миром и какие цели она преследует на международной арене.

Индия, будучи одной из древнейших цивилизаций мира, рассматривает себя как древнюю цивилизацию с непрерывной историей, что формирует её самоощущение и внешнеполитические приоритеты. Её культурные и философские традиции, такие как индуизм, буддизм, джайнизм и сикхизм, играют важную роль в её

международных отношениях. Также Индия с древних времен оказывала влияние на Запад, демонстрируя себя как новую цивилизацию, которая постоянно развивается, терпимо принимая изменения.

Премьер-министр Джавахарлал Неру заложил основы внешней политики Индии, основанной на принципах ненасилия (ахимса) и ненападения. Эти принципы продолжают влиять на дипломатические усилия Индии и её стремление к мирному урегулированию конфликтов. Индийский мыслитель Свами Вивекананда показал, что наука и религия не противоречат друг другу, а дополняют друг друга.

Неудивительно, что индийское освободительное движение само по себе было цивилизационным. Хотя, удивительно что тысячелетнее цивилизационное сознание, которое двигало движение за свободу, ушло в подполье после свободы в эйфорической экономической, светской и идеологической политике того времени, которая действовала против цивилизационных импульсов всех стран, включая Индию. Внезапное исчезновение индийского цивилизационного сознания отразилось на различных аспектах национальной жизни и даже на национальной безопасности. Лишь в последние десятилетия прошлого столетия индийское цивилизационное сознание, существовавшее до обретения независимости, вновь начало проявляться. Позже это совпало с подъемом глобального цивилизационного сознания. Растущее индийское цивилизационное сознание, несомненно, начало оказывать влияние на различные аспекты национальной жизни. Продолжая мнение Вивекананда, Амиабх Ачарья, выразил себя для создания перспективного мультицивилизационного миропорядка, в котором идея диалога цивилизаций предусматривает мосты, а не стены.

Заключение. Современное индийское государство активно использует свои культурные достижения и мягкую силу для укрепления своего влияния. Это включает продвижение индийской культуры через кино, йогу, гастрономию и литературу. Индийские культурные центры и фестивали способствуют распространению индийских ценностей и традиций по всему миру. Индия стремится к укреплению своих экономических связей и продвижению устойчивого развития. Это включает участие в международных торговых соглашениях, инициативы по региональному сотрудничеству, такие как BIMSTEC и ШОС, а также поддержку проектов в развивающихся странах через гранты и техническую помощь.

Индийская диаспора, одна из крупнейших в мире, играет важную роль в продвижении интересов Индии за рубежом. Индийские общины

в Северной Америке, Европе, Африке и на Ближнем Востоке способствуют культурному обмену и экономическому сотрудничеству. Индия стремится к многополярному мировому порядку и развивает стратегическое партнерство с различными странами и региональными блоками. Это включает укрепление отношений с США, Россией, Европейским союзом, Японией и странами АСЕАН.

Цивилизационный подход Индии в международных отношениях подчеркивает её уникальное культурное и историческое наследие, а также её стремление к мирному и справедливому мировому порядку. Этот подход позволяет Индии действовать как независимому и влиятельному игроку на международной арене, продвигая свои интересы через культурную дипломатию, экономическое сотрудничество и стратегическое партнерство.

Список литературы

1. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., авт. вступ. ст. и ред. д-р филос. наук, проф. Б. С. Ерасов. – М.: Аспект пресс, 1998. - 555 с.
2. Petito F. Dialogue of Civilisations in a Multipolar World: Toward a Multicivilisational Multiplex World Order // *International Studies Review*, Volume 18. Issue 1. March 2016. P. 78–91.
3. Сенюшкина Т. А. Многополярность как цивилизационный концепт // Политическое пространство и социальное время: диалектика целей и ценностей: Сборник научных трудов XLII Международного Харакского форума, Ялта-Симферополь, 08–10 ноября 2023 года. – Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2024. – С. 288-294.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Денисов А.Е.

*Кандидат политических наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
доцент кафедры конфликтологии Института социально-
философских наук и массовых коммуникаций
E-mail: Count-Denisov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается феномен справедливости через призму политического процесса. Основной акцент автор сделал на анализе вертикальных и горизонтальных коммуникаций в этнополитических реалиях. Внимание было уделено взаимоотношению государства с этническими группами и коммуникации национальных движений между собой через призму этики и справедливости. В статье предлагается рассматривать представление о справедливости в этнополитическом процессе через призму утилитарного и коммуникативного подходов.

Ключевые слова: национальное движение, нравственность, политический процесс, справедливость, утилитаризм, этничность.

THE ETHNOPOLITICAL PROCESS AND THE CONCEPT OF JUSTICE

Denisov A.E.

*Candidate of Political Sciences
Associate professor, Department of Conflictology, Institute of Social
and Philosophical Sciences and Mass Communications of Kazan (Volga
Region) Federal University
E-mail: Count-Denisov@yandex.ru*

Abstract. The article examines the phenomenon of justice through the prism of the political process. The author focused on the analysis of vertical and horizontal communications in ethnopolitical realities. Attention was paid to the relationship between the state and ethnic groups and the communication of national movements among themselves through the prism of ethics and justice. The article proposes to consider the idea of justice in the ethnopolitical process through the prism of utilitarian and communicative approaches.

Keywords: national movement, morality, political process, justice, utilitarianism, ethnicity.

Понятие справедливости является краеугольным камнем в современной политической философии. Существует множество факторов, которые препятствуют полноценному проявлению “золотого правила нравственности” в реальной жизни. В частности, каждый из индивидов имеет свои стремления и желания, которые, в свою очередь, не существуют в вакууме и наталкиваются на такие же стремления и желания других людей в социуме.

Совершенно другой уровень – это уровень политики и политического процесса. Здесь кроме людей-акторов существуют ещё и политические институты. Самым главным институтом здесь является государство. Государство ответственно за поддержание благополучия и реализации интересов всех членов общества, при этом все они очень разные. В целом, можно выделить, на наш взгляд, два уровня реализации принципа справедливости.

Первый принцип заключается в абсолютном равенстве. Если же говорить здесь об этнополитическом процессе, то он заключается в том, что все этнические группы должны быть в государстве равны между собой. Мы же всё же хотим говорить о возможностях группы как организации, в том числе и как политической организации. Это касается, в первую очередь, институциональных основ реализации принципа справедливости в государственно-национальной политике. Например, могут ли все регионы иметь одинаковый уровень политического представительства в органах государственной власти, невзирая на уровень валового внутреннего продукта? Вопрос дискуссионный. Видится, что это не совсем справедливо.

Стоит поощрять развитие этнополитических групп и территорий, на которых они проживают. По этому поводу в политической науке отмечается, что для демократии важно, чтобы граждане были заинтересованы в своём политическом участии. Граждане, которые не имеют достаточной для этого возможности, могут стать в среднесрочной и долгосрочной перспективе проблемой для государства, так как есть вероятность, что они поставят под сомнение легитимность существующего политического режима [1, р. 346]. Это можно перенести и на регионы. Если какие-то регионы будут чувствовать свою «обделённость» в возможности реализации своих прав, то возможны разные негативные явления уже в системе административно-государственного управления.

Что касается второго принципа, то он, видится, должен дифференцировать принцип справедливости. По этому принципу каждая политическая этническая единица внутри государства будет иметь тот вес и тот уровень влияния, который будет прямо пропорционален вкладу в развитие экономики, культуры и государственности в целом. Но тут возникают свои моральные дилеммы. Во-первых, какие «судьи» будут решать, кто более достойный, а кто менее? И, во-вторых, возникает вопрос о критериях этого оценивания.

В рамках такого понимания справедливости мы говорим непосредственно о субгосударственном уровне, уровне административных единиц государства, но эту аналогию можно перенести на этнические группы. Многие государства сейчас имеют территориальное деление не только по чисто территориальному принципу, но и по национально-территориальному или же даже чисто по национальному. В данном случае нельзя и полностью принять второй принцип справедливости, который мы описываем. Это связано с тем, что сейчас любое современное государственное управление строится на принципе субсидиарности, то есть переноса ответственности за принятие тех или иных решений из «центра» на более низкие уровни, в том числе и на уровень региона.

Регионы формируют свою местную политику в разных сферах. При этом всё это должно гармонично встраиваться в единую политическую систему. Если мы говорим про этническую политику государства, то это должно выражаться в том, что существуют как отношения горизонтального уровня между этническими группами (и национальными регионами), так и вертикальная коммуникация между ними и государством [2, с. 8]. Государство выполняет здесь особую и важную роль в сбалансированном распределении экономических и социальных ресурсов. Это заключается, например, в управлении развитием инфраструктуры и промышленности.

Таким образом получается, что регионы не могут конкурировать между собой в вакууме, их развитие зависит от государства и непосредственной отраслевой политики. Поэтому нельзя и этот принцип рассматривать как полноценный.

Так что же в итоге? Выход в том, что нельзя вдаваться в крайности, а необходимо говорить о справедливости в ситуативном аспекте. Справедливость в этнополитическом процессе должна строиться на поддержании благополучия и интересов общества.

Мир политического слишком большой и сложный, чтобы все процессы привести к единому закону. Всегда будут существовать свои

условности, из-за которых то или иное действие будет просто невозможным или же самоубийственным. В этом плане этнополитическая реальность имеет свои подводные камни. Например, лидеры этнической группы, безусловно, хотят процветания своему народу и добиться максимального для него политического результата. Хорошо, когда есть для этого определённые политические условия, например, возможности политического представительства этой группы.

Когда мы говорим об этнополитических процессах, здесь стоит больше ориентироваться на принцип максимальной полезности для конкретного общества, на поддержание его благополучия. Этнополитический процесс – это всегда борьба и преодоление конкурирующих интересов.

И, хотелось бы ещё отдельно отметить вопрос, который мы мельком задали, когда говорили о втором варианте “справедливости”. Это вопрос о критериях оценивания. Тут даже не в критериях дело, а в ценностях, на которые будут ориентироваться акторы этнополитического процесса. Здесь мы говорим о разных структурах: от государства до этнических общин. Всё дело в дискурсах. В вопросах ценностей или “критериев” справедливости главным является согласие между акторами. Мы и объединяемся в групповые акторы по принципу совпадения наших взглядов. Но все мы существуем в обществе и нам необходимо выстраивать общую среду, следовательно, мы должны договариваться о некоторых “правилах игры” и человеческого общежития. В этом плане мы солидарны с коммуникационной теорией этики Ю. Хабермаса: дискурс – это согласие между агентами.

В этнополитическом процессе это ярко проявляется в горизонтальном и в вертикальном взаимодействии. Этнические группы выстраивают свои отношения и с государством, и с другими национальными движениями. Это необходимо, как минимум, для выживания, чтобы не перейти в маргинальное состояние.

Таким образом, при обсуждении справедливости и морали в этнополитических процессах следует опираться на утилитаризм и коммуникативный подход.

Список литературы

1. McDonnell, J. Municipality size, political efficacy and political participation: a systematic review // *Local Government Studies*. 2019. Vol. 46, Issue 3. P. 331 – 350.
2. Осколков П.В. Очерки по этнополитологии: Монография. М.: Издательство “Аспект Пресс”, 2021. 176 с.

3. Хабермас, Юрген. Теория коммуникативной деятельности /перевод с немецкого А. К. Судакова. – М.: Весь мир, 2022. - 878 с.

ПОЛОТНА ЗОРАНА ФУРУНОВИЧА И ЗОРАНА ЙОВАНОВИЧА ДОБРОТИНА

Звездана М. Елезович

Доктор культурологии

*Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич,
старший научный сотрудник*

E-mail: zvezdana.el@gmail.com

***Аннотация.** В этой статье мы остановимся на ряде сербских художников из Косово и Метохии. Речь идет о Зоране Фуруновиче и Зоране Йовановиче Добротине, которые косвенно отреагировали на события в регионе. Зоран Фурунович участвует в серии рисунков под названием «Сны, предчувствия, воспоминания», в которых рассказывается о тревожных реакциях людей, разворачивающихся перед его глазами. В 1999 году Зоран Йованович Добротин организовал независимую выставку под символическим названием «Тера» в Галерее современного искусства в Приштине.*

***Ключевые слова:** Зоран Фурунович, Зоран Йованович Добротин, творчество накануне войны, 1999 год.*

CANVASES BY ZORAN FURUNOVIĆ AND ZORAN JOVANOVIĆ DOBROTIN

Zvezdana M. Elezović

PhD in Cultural Science

Institute for Serbian Culture Prishtina - Leposavic

Senior Research Associate

E-mail: zvezdana.el@gmail.com

***Abstract:** In this article, the author will highlight several Serbian artists from Kosovo and Metohija. We are talking about Zoran Furunović and Zoran Jovanović Dobrotin, who indirectly reacted to the events in the region. Zoran Furunović is in a series of drawings called "Dreams, forebodings, memories" which talk about the unsettling reactions of the people that are unfolding before his eyes. In 1999, Zoran Jovanović*

Dobrotin organised an independent exhibition under the symbolic "Tera" in the Gallery of Contemporary Art in Pristina.

Keywords: *Zoran Furunović, Zoran Jovanović Dobrotin, creativity on the eve of the war in 1999.*

Накануне военных событий в Косово и Метохии в 1999 году мы показываем избранные работы на холсте известных художников Зорана Фуруновича и Зорана Йовановича [2]. Они апострозифицировали суровый поток времени, означающий не что иное, как то, что «строение их художественного существа иное» [3, с. 106]. Этот тип реакции проявился уже в начале творчества Фуруновича. Все мы замечаем прежде всего в серии рисунков под названием «Сны, предчувствия, воспоминания», которые делят вертикаль тревожно-экспрессивной реакции на разворачивающуюся перед его глазами экзистенциальную судьбу народа.

Чтобы понять этот его цикл, важно проанализировать структуру его рисунков. Основная структура пронизана рядом ассоциативных форм, и они являются свидетелями тех толчков, которые испытывает творец. Они не банально узнаваемы, а почти немые перед той силой, с которой сталкивается творец в жестокой реальности. Для рисунков этого цикла характерна необычная биполярность линии, которая, с одной стороны, последовательна и непрерывна, а с другой — белизна поверхности между линейными границами, покрытой сетью множественных штрихов — знаков, напоминают лабиринт. Размещенный таким образом рисунок напоминает фигуру животного, которое разрушает все перед собой, превращает в смерть и небытие [2].

Серия рисунков, созданная в 1989 году, послужила условием появления большего количества картин, отличающихся изысканным и выразительным зарядом. Картины этого типа воплощают способ борьбы Фуруновича с духом времени конца восьмидесятых – начала девяностых. Тематически он основан на столкновении света и тьмы, переходящих в борьбу добра и зла [3].

Осознание нежности детства и утраченного рая вызывает у Фуруновича меланхолию, которая становится более заметной в цикле картин, созданных им в период с 1995 по 1998 год. На заднем плане раздаются приглушенные канонады [1]. В основе картины Фуруновича «Мать-Земля», которая предстает в различных формах и образует вращающую силу родной вертикали, углубляется осознание вечного и трагического чувства недостижимости источника. Каждое прикосновение к земле — это крик, преобразованный в визуальный

образ, пасту, резкий удар, как документ собственного столкновения с небытием, погружения в небытие. На полотнах Фуруновича существует целая система таких знаков, с помощью которых автор изображает историю судьбы, историю экзистенциальной неизбежности, возникающую из памяти и осознания собственного небытия, из осознания бесполезности всего происходящего. поиск бытия [1]. В картинах с этой выставки Фуруновича в Приштине непрерывно, словно изон, звучит приглушенный звук, исходящий из трещин и рельефов картины [2]. Оно амбивалентно как фольклорно, так и визуально, что способствует распознаванию антонимии дня и ночи. И именно этому мировоззрению Фуруновича вполне соответствует. Противоположности, как константы, существующие в существе творца, находят свое специфическое выражение как время/безвремя [3, с. 106].

Говоря в 1995 году о своей картине по случаю организованных им выставок во Вранье и в сокровищнице монастыря Грачаница, Фурунович сам апострофировал вопрос об отношении творца к времени, в котором он живет, и о своей глубокой потребности частично говорить о времени [2].

В попытке найти ответ(ы) он обратился к земле – Великой Матери, безопасному месту в ее чреве, и с этой позиции начал разрешать свои сомнения. Художник интегрируется с землей и оттуда анализирует мир над ним. Это тусклая синева неба, травинки, сияющие падающие звезды или столкновения различных проявлений первозданного на родной почве [1].

Важный вопрос, на который мы здесь проливаем свет: почему Фуруновичу важно погрузиться в свою родную страну? Первый ответ заключается в том, что он делает это интуитивно, прислушиваясь как к своей собственной борьбе, так и к борьбе на своей родине в Косово. На нем он освобождается от заблуждений рационального (которые претендуют на ответ на все вопросы), стирает ограничения, налагаемые пространством и временем, так что реальный человеческий мир во всей своей полноте переходит в антропоморфические проекции. Таким образом, миф о земле как форма интуитивной реальности вовлекает наблюдателя в мир, где нет разницы между «до» и «после», между тем, что вверху, и тем, что внизу. «Падающая звезда над садом Таук» — картина, с которой Фурунович еще более решительно связывает свою родину. Специфика, прежде всего, в выборе цветовой гаммы: от ультрамарина и кадмия до всей гаммы зеленых тонов. Никогда ни до, ни после него не было у него такого отношения к цвету [2].

Символический уток обеспечивает связность образа: падающая звезда, соединяющая хроматически насыщенный образ с его белизной в одно целое, а с другой стороны, белизна падающей звезды символически показывает погружение в родную землю [2]. Миф о земле имеет решающее значение для понимания творчества Фуруновича. Как форма интуитивной реальности он опирается на то, что разбросанность определенных символов во времени и пространстве не является для них препятствием для вступления во взаимную связь. Эти отношения деликатно сформулированы, и ничто не является изолированным и обособленным. Это касается и символов, принадлежность которых, как мы уверены, к определенному времени и пространству. Напротив, эти частности выходят за пределы своего ограниченного существования, они сливаются в значимые целые. В мире интуитивной реальности каждое решение художника относительно положения, размера и расстояния символов имеет целью объединить изолированные переживания в единое целое [1]. Эта структура диктуется мифом, который является основой реактуализации фундаментальных, экзистенциальных вопросов смысла существования и творчества, вновь и вновь ищущих ответы в разных областях человеческого духа. На первый взгляд суть дела сводится к истокам. Однако в самых глубоких слоях мифа существуют не только ответы на вопросы о происхождении, но и доминируют ответы на определенные духовные потребности.

Исследуются символы, определяемые термином «до», которые несут в себе область первопричины, в которой живет причина того, что произойдет после. Эти отношения между временем до и временем после эквивалентны дихотомии, существующей между священным и эмпирическим временем. «Сакральное время предполагает парадигматические действия в своих самых глубоких слоях, в которых нет движения, которое можно было бы измерить и объяснить опытом. Священное время, протовремя или архаическое время — это сфера, существующая между полосами жизни и смерти, ночи и дня. В этой сфере мы рассматриваем прошлое как источник того, что существенно в настоящем [2]. Высвободив суть первопричины и выведя ее на белизну холста, Фурунович также представляет символы, близкие к разделению, размытому балансу между светом и тьмой, реальным и нереальным. Это имеет существенное значение для реализации акта творения, открывающего возможность преодоления смерти. Сгущение событий, лиц и вещей, насыщенных символикой и метафоричностью, дает возможность выйти за пределы времени, чтобы достичь

утраченного рая детства и рая архетипов, скрытых в коллективном бессознательном людей, к которым оно принадлежит [3, с.107].

Память о доброте детства, утраченном рае и угрозе сербской культурной идентичности являются причиной меланхолии, столь характерной для Фуруновича. Более интенсивно оно проявляется в цикле картин, созданных им в период с 1995 по 1998 годы. Он показал их в начале июня 1998 года в Галерее современного искусства в Приштине, накануне начала войны в Косово и Метохии. Эта выставка выглядела странно. Сотрясение земли, ропот собравшихся в Галерее людей и множество картин, много глубоко личных признаний, много рисуночно-хроматических толчков на холсте и выражение глубокой потребности вновь достичь мягкости детства и утраченного рая. Около сорока картин, столько, сколько я думаю, было на выставке, носили характер интимных и глубоко личных нот, вплоть до самых глубоких слов. Это был его личный тринадцатый космос, ежедневный свидетель его мыслей, сомнений, расчетов и плача [1].

Пока звуки пушек доносились до галереи, Фурунович еще раз подтвердил, что всегда, более или менее явно, искал вдохновения во внутреннем мире родной земли и ее символах. Здесь мы находим два времени: одно, в котором мы живем, и другое, вечное, в котором мы объединяем символы разных эпох в осмысленное целое, дающее ответы на вопросы о неизбежности исторических потоков, и о неизбежности нашей судьбы. В этом мире живет и Фурунович, который, хотя и осознает и неудовлетворен этим и предлагаемым небытием, следуя внутреннему принуждению, находит путь к вечности и безграничности вселенной в глубинах Великой Матери. Фурунович не представляет на холсте ассоциативных последовательностей, «гибридов» сплавов частей человека, животных и растений. Все, что есть в его живописи, продукт исследования путей и путей его собственного духа. Из символа вечного времени и неизмеримого пространства он создает новое, целостное целое [1].

Символ Матери-Земли на картине Фуруновича проявляется в разных формах и образует вертикальную линию, суть которой - предчувствие того, что источник недостижим. Каждое соприкосновение с землей вызывает у художника крик, который на картине трансформируется в визуальный знак. Вся созданная таким образом система знаков живет на полотнах Фуруновича как история экзистенциальной судьбы творца, живущего с осознанием бесперспективности поиска бытия [2].

Накануне военных событий 1999 года и великой трагедии народа Косово Зоран Йованович Добротин организовал в Галерее

современного искусства в Приштине самостоятельную выставку под символическим названием «Терра» с подчеркнутым косвенным аллегорическим дискурсом. Произошло преобразование поля действия образа в форму экзистенциальной плоскости населенного неравенства, через которую проходит творец, сталкиваясь со временем, в котором он живет. По этому случаю Йованович выставил большие диптихи, основанные на картине, в которой он представил энформальную структуру. У нее была двойная роль. С одной стороны, это можно «прочитать» как прямую форму его беспокойства по поводу неопределенных времен, то есть угрозы со стороны сербского народа и государства в Косово и Метохии. Это означало смириться с безнадежностью и экзистенциальной неугомонностью, как верной спутницей балканского образа жизни, который автор представляет через призму неугомонности. С другой стороны, наблюдатель может интерпретировать неформальную структуру как макрофрагмент родного Добротина Косово и Метохии. Эта земля на картине Добротина растекается везде, где позволяют трещины; в них происходит борьба света и тьмы, обитает тревога, там живописец в долгих беседах с самим собой находит наконец себя со своим бытием, страхами, надеждой на избавление и силой произведения превзойти время, которого нет. склонен ко всему, даже к искусству [3, с.106].

Таким образом, при различных обстоятельствах, в которых происходил данный процесс, картины Зорана Фуруновича, а также Зорана Йовановича Добротина внесли свой вклад в пространство не только Косметко, но и за его пределами.

Список литературы

1. Фуруновић Зоран (1953-2020) Професор и декан Факултета уметности. URL: https://www.arte.rs/sr/umetnici/zoran_furunovic-4635/biografija/ (Дата обращения: 1.11.2024.).
2. Јовановић Добротин Зоран (1942-2016) био је српски графичар, сликар и професор Универзитета у Приштини у пензији. URL: https://sr.wikipedia.org/sr-el/%D0%97%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%88%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%9B_%D0%94%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%BD (Дата обращения: 1.11.2024.).
3. Марковић Срђан. Смисао земље-средњовековна духовна вертикала у делима косовско-метохијских уметника //

- Срби на Косову и у Метохији. - Београд: Одељење друштвених наука САНУ, 2006.
4. Марковић Срђан. Завичајна вертикала у сликарству Зорана Фуруновића // Зборник Матице српске за ликовне уметности. - Нови Сад: Матица српска, 2008. 272с.
 5. Јансон Хорст Валдемар, Јансон Дора Џејн. Историја уметности: преглед развоја ликовних уметности од праисторије до данас: енциклопедија. - Београд: Просвета, 1982. - 611 с.

ЛОББИРОВАНИЕ КАК ФОРМА ВЛИЯНИЯ ВЛАСТНЫХ И НЕВЛАСТНЫХ ГРУПП НА ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВА

Кадралинов А.А.

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва,
факультет международных отношений, кафедра политологии,
студент 2 курса по специальности «Политология»
E-mail: arsen_kadralinov@mail.ru*

Калыбек Ж.Ж.

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва,
факультет международных отношений, кафедра политологии,
студент 2 курса по специальности «Политология»
E-mail: zhansultanx88@gmail.com*

Коньсбек Н.Д.

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва,
факультет международных отношений, кафедра политологии,
студент 2 курса по специальности «Политология»
E-mail: nkonysbek04@mail.ru*

Научный руководитель: Каленова Т.С.,

*кандидат исторических наук,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва,
доцент кафедры политологии*

Аннотация. *Статья посвящена изучению феномена лоббизма в Соединенных Штатах, его исторической эволюции и влиянию на политическую систему страны. Рассматриваются ключевые факторы, способствовавшие становлению лоббизма, включая демократические принципы управления, экономическое развитие и*

усиление федеральной власти. Особое внимание уделено роли крупных корпораций в развитии лоббистской деятельности и общественной критике их влияния на государственные институты. Анализируется юридическое основание лоббизма, закрепленное в Первой поправке к Конституции США, а также значимые этапы его трансформации в XIX–XX веках. Работа подчеркивает взаимосвязь между лоббистской деятельностью и демократическими процессами, а также демонстрирует вызовы, с которыми сталкивается американская политическая система в условиях растущего влияния групп интересов.

Ключевые слова: лоббизм, лоббизм в США, происхождение лоббизма, методы лоббизма, лоббистские группы.

LOBBYING AS THE FORM OF THE INFLUENCE OF POWERFUL AND NON-POWERFUL GROUPS ON STATE POLICY

Kadralinov A.A.

*L. N. Gumilyov Eurasian National University, Faculty of Journalism and Political Science, Department of Political Science, student
E-mail:arsen_kadralinov@mail.ru*

Kalybek J.J.

*L. N. Gumilyov Eurasian National University, Faculty of Journalism and Political Science, Department of Political Science, student
E-mail:zhansultanx88@gmail.com*

Konysbek N.D.

*L. N. Gumilev Eurasian National University, Faculty of Journalism and Political Science, Department of Political Science, student
E-mail:nkonysbek04@mail.ru*

Scientific supervisor: T.S. Kalenova

*Associate Professor of the Department of Political Science
L. N. Gumilyov ENU*

Abstract. *The article is devoted to the study of the phenomenon of lobbyism in the United States, its historical evolution and its impact on the political system of the country. The key factors that contributed to the emergence of lobbyism are examined, including democratic principles of governance, economic development and the strengthening of federal power. Particular attention is paid to the role of large corporations in the*

development of lobbying activities and public criticism of their influence on public institutions. The paper analyzes the legal basis of lobbying, enshrined in the First Amendment to the U.S. Constitution, as well as the significant stages of its transformation in the nineteenth and twentieth centuries. The paper emphasizes the relationship between lobbying activities and democratic processes, and demonstrates the challenges facing the American political system in the context of the growing influence of interest groups.

Keywords: *Lobbying, lobbying in the USA, the origin of lobbying, methods of lobbying, lobbying groups.*

Прежде чем говорить о лоббизме, как о дополнительном методе воздействия на политику государства, стоит сказать об основных методах воздействия на политику со стороны элиты, простой массы народа и других прочих частных лиц. Данным методом являются выборы представителей, которые будут принимать законы, полезные для общества и для той группы лиц, которые их выбрали как своих представителей. Естественно также есть и выборы президента. А самым прямым методом управления политикой, конечно же является референдум, где все группы лиц, принимают единое изменение политики. Все данные методы, хоть и позволяют проявить политическую позицию отдельных людей, но главная суть в том, что каждый из методов, используется в рамках политической структуры и является легитимным способом влияния.

Лоббизм же в своей сути, является методом воздействия на политику извне. Прямым проявлением интереса частных и нечастных лиц, которые не являются членами политической структуры и продвигают в основном общественные, но порой и личные интересы. Сам лоббизм, как практика в своей основе распространён только внутри государства. Само определение данного вида воздействия появилось в США. «Политическое значение термина появляется в конце XVIII в. в США. Первая поправка к Конституции США, в которой декларируется право граждан мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб, заложила основу для развития лоббирования через систему правовых норм. Уже в 1808 г. слово «лобби» было впервые зафиксировано в протоколах Конгресса США. Именно потому, что «просители» не могли пройти дальше холлов и приемных парламента, их называли лоббистами» [1]. Само слово лоббизм произошло от английского *lobby* «кулуары», что как бы подчёркивает, что продвигаемые интересы всегда находятся вне политических организаций, в залах и коридорах парламента.

Субъектами лоббизма являются: общественные группы, профессиональные союзы, бизнес-сообщества. Объектом же является само государство и его органы на федеральном и региональном уровне.[2] Таким образом, субъектами могут быть как общественные группы, которые продвигают общественные интересы или интересы определённой социальной группы лиц, так и отдельные бизнес сообщества и компании, которые могут продвигать свои собственные экономические интересы в политике, влияя на принятие законопроектов в свою пользу или даже на исход выборов, финансируя избирательные кампании отдельных политических кандидатов в тех странах, где это разрешено. И самым лучшим примером данного типа воздействия являются как раз-таки США, где лоббирование и появилось.

Лоббизм в Соединенных Штатах возник одновременно с формированием государства, а демократическая система управления способствовала его интенсивному развитию. Частые выборы, определяющие зависимость политиков от общественного мнения, и система сдержек и противовесов, требующая диалога между ветвями власти, создали условия для появления профессионального слоя политиков. Этот слой оказался ориентирован на учет интересов избирателей и использование законных механизмов влияния на коллег.

Юридическим основанием для лоббистской деятельности в США является первая поправка к Конституции, которая, наряду с обеспечением религиозной свободы, гарантирует право на свободу слова и возможность обращения к Конгрессу.

На протяжении большей части XIX века лоббизм на федеральном уровне был менее развит, чем на уровне штатов. Однако ситуация изменилась в период так называемого «позолоченного века» (1870–1890-е годы) и эпохи прогрессизма (1890–1920-е годы). Быстрое экономическое развитие и расширение полномочий федерального правительства усилили интерес к влиянию на политическую жизнь.

Ключевым фактором, способствовавшим росту лоббизма, стало появление крупных корпораций. Эти компании активно использовали как нелегальные методы, включая подкуп, так и законные инструменты, такие как финансирование политиков, поддержка общественных организаций и влияние через медиа. К началу XX века многие конгрессмены, сенаторы, судьи и высокопоставленные чиновники оказались в орбите влияния разнообразных лоббистских структур.

Критика зависимости власти от крупного бизнеса стала особенно острой в начале XX века. Во время президентской кампании 1912 года

Вудро Вильсон охарактеризовал правительство США как «прислужника групп интересов, лишённого собственной воли». Его победа была во многом обусловлена обещаниями бороться с коррупцией и монополиями, что стало важным этапом в истории лоббизма [3]. Таким образом, эволюция лоббизма в США отражает динамику политической системы, подверженной влиянию мощных экономических и социальных факторов.

Для более глубокого понимания лоббизма как социально-политического явления важно не только рассмотреть его теоретические аспекты, но и проанализировать методы и технологии, которые применяются в данной деятельности. Эти инструменты не только определяют специфику взаимодействия заинтересованных групп с органами власти, но и помогают выявить ключевые механизмы влияния на принятие решений.

С нашей точки зрения, более корректным и объективным подходом было бы сформулировать проблему следующим образом: как создать равные условия для различных заинтересованных сторон в защите их интересов? В этой связи важно определить, на какие процессы следует обратить особое внимание, какие элементы политической системы требуют более четкого законодательного регулирования, как систематизировать лоббистскую деятельность и установить приоритетные направления её контроля. Однако игнорировать вопросы, связанные с лоббизмом, уже невозможно. Актуальность этой темы на мировом уровне требует активного участия экспертов в области экономики и политики.

Следовательно, негативное восприятие лоббизма связано прежде всего с его недостатками, включая риск того, что коррумпированные структуры могут продвигать свои решения и законы с использованием неправомερных методов. Тем не менее, нельзя отрицать положительный вклад лоббизма, когда общественные, некоммерческие и неправительственные организации, поднимая острые и важные вопросы, привлекают к ним общественное внимание и формируют резонанс, что позволяет влиять на решения властей в конструктивном ключе. Таким образом, лоббизм становится естественным каналом выражения энергии самоорганизации граждан и гражданского общества, которую не следует подавлять или ограничивать искусственными барьерами. Напротив, важно направить эту положительную энергию на развитие гражданского общества и повышение эффективности работы государственных органов.

Список литературы

1. Виноградов В.А., Мазасев В.Д., Масленникова С.В. Конституционное право Российской Федерации. М: Юрайт, 2015. 516 с. URL: <https://pravo.hse.ru/partnercompet/lobby>
2. Мусихин Г. И. Популизм: структурная характеристика политики или «ущербная идеология // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки 2016. №1. С. 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbizm-osnovnye-podhody-k-ponimaniyu/viewer>
3. Лоббизм в США - URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Лоббизм_в_США
4. Арутюнян А.С. Современный лоббизм: формы, методы, проявления // Социологические исследования. 2014. №6(362). С. 66. URL: https://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_6/Arutyunyan.pdf

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА «ИНФОРМАЦИОННЫЙ КАЗАХСТАН – 2020»

Каленова Т. С.

Кандидат исторических наук

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва,
факультет международных отношений, кафедра политологии,
доцент*

E-mail: kalenovats@mail.ru

Каленова А. С.

*университет «Туран-Астана», Высшая школа права и
гуманитарных наук, кафедра социально-гуманитарных наук и
языковых дисциплин, преподаватель*

E-mail: arailym@inbox.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются ключевые аспекты реализации государственной программы «Информационный Казахстан – 2020», направленной на создание информационного общества и эффективность государственного управления в условиях цифровизации. Анализируется роль технологий и инноваций в обеспечении прозрачности и доступности государственных услуг, а также их влияние на социально-экономическое развитие страны. Особое внимание уделяется механизму интеграции современных*

информационных технологий в различные сферы общественной жизни, включая образование, здравоохранение и бизнес. Оцениваются достижения и вызовы, с которыми столкнулась программа, а также перспективы дальнейшего развития цифровой экономики в Казахстане. В заключении подчеркивается важность государственной поддержки и активного участия граждан в процессе формирования информационного государства, что способствует не только улучшению качества жизни, но и укреплению демократических принципов.

Ключевые слова: *Казахстан, государство, технологические инновации, государственная программа, информационный Казахстан.*

**TECHNOLOGICAL INNOVATIONS AND THE
INFORMATION STATE: THE STATE PROGRAM
«INFORMATIONKAZAKHSTAN – 2020»**

Kalenova T. S.

PhD

*L.N. Gumilyov ENU, Faculty of International Relations, Department
of Political Science,*

Associate Professor

E-mail: kalenovats@mail.ru

Kalenova A. S.

*Turan-Astana University, Higher School of Law and Humanities,
Department of Social Sciences and Humanities and Language Disciplines,
lecturer*

E-mail: arailym@inbox.ru

Abstract. *The article discusses the key aspects of the implementation of the state program "Information Kazakhstan 2020", aimed at creating an information society and the effectiveness of public administration in the context of digitalization. The role of technologies and innovations in ensuring transparency and accessibility of public services, as well as their impact on the socio-economic development of the country, is analyzed. Special attention is paid to the mechanism of integration of modern information technologies into various spheres of public life, including education, healthcare and business. The achievements and challenges faced by the program are assessed, as well as the prospects for further development of the digital economy in Kazakhstan. In conclusion, the importance of state support and active participation of citizens in the*

process of forming an information state is emphasized, which contributes not only to improving the quality of life, but also to strengthening democratic principles.

Keywords: *Kazakhstan, state, technological innovations, state program, information Kazakhstan.*

В современном мире, где информация становится основным ресурсом для развития общества, государства стремятся адаптироваться к новым условиям и внедрять технологии, которые способны повысить эффективность управления и улучшить качество жизни граждан. Одна из таких инициатив в Казахстане — государственная программа «Информационный Казахстан – 2020», запускающая серию важных изменений в сфере цифровизации и модернизации государственного управления.

Указом Президента РК в 2013 году 8 января была утверждена Государственная программа «Информационный Казахстан – 2020».

Инфокоммуникационные технологии стремительно развиваясь становятся важными факторами модернизации общества. Влияние на экономические показатели на образ жизни людей характеризует значимость развития ИКТ для экономики и жизни граждан современного Казахстана. За последние годы в секторе ИКТ Казахстан сделал значительный рывок. Сфера почтовой связи, телекоммуникаций и доступ к интернету активно развивается.

Для повышения качества услуг, предоставляемых населению и бизнесу, проведена большая работа по улучшению деятельности НАО «Государственной корпорации «Правительства для граждан», реализованы механизмы диалога и обратной связи государства с населением и бизнесом посредством интернет-ресурсов государственных органов, виртуальных приемных, интернет-конференций. Но создание информационного общества на этом не заканчивается, идет непрерывная работа.

Программой были предусмотрены условия для создания возможностей гражданам освоить и получить навыки работы с информационными технологиями посредством электронного образования, работать дистанционно, получать услуги доступного электронного здравоохранения. Кроме того, для создания более открытой, доступной и конкурентоспособной экономики в нашей стране программа предусматривала активное внедрение умных систем в ключевые секторы экономики.

Запущенная в 2013 году, программа «Информационный Казахстан – 2020» ставила перед собой главные цели: создание

интегрированной информационной инфраструктуры, улучшение доступа к государственным услугам и информации, а также повышение прозрачности и открытости государственного управления.

Ключевые задачи программы включают повышение эффективности государственного управления, обеспечение доступа к инновационной и информационно-коммуникационной инфраструктуре, создание информационной среды для социально-экономического и культурного прогресса общества, а также развитие национального информационного пространства.

Программа реализовывалась в два этапа: первый охватывает период с 2013 по 2017 год, а второй — с 2018 по 2020 год.

В результате реализации Государственной программы «Информационный Казахстан - 2020» республика должна была достичь следующих ключевых показателей:

- Казахстан в рейтинге DoingBusiness Всемирного Банка в 2020 году должен находиться в списке первых 35 стран;

- индекс «электронного правительства» (по методике ООН) в 2020 году должен находиться в числе первых 25 стран;

- доступность информационно-коммуникационной инфраструктуры в домохозяйствах Республики Казахстан – 100 %;

- количество пользователей сети Интернет в 2020 году – 75 %;

- охват эфирным цифровым телерадиовещанием населения Казахстана – 95 %;

- доля сектора информационно-коммуникационных технологий в ВВП страны – 4 %;

- доля организаций здравоохранения, подключенных к единой сети здравоохранения, – 100 %;

- доля научно-образовательных учреждений, подключенных к единой национальной научно-образовательной сети, – 100%;

- уровень компьютерной грамотности – 80 %;

- доля электронных средств массовой информации к общему числу зарегистрированных в Казахстане СМИ – 100 %;

- доля оборота казахстанских интернет-магазинов в общем обороте товаров и услуг, оплачиваемых электронно, - 40 %;

- доля государственных услуг, предоставляемых в электронном формате, - 50 %;

- доля оказанных электронных государственных услуг по отношению к общему числу услуг, полученных в традиционном виде, - 80 %[1].

Реализация данной программы осуществлялась по нескольким основным направлениям. В частности, была разработана Единая

информационно-аналитическая среда для государственных органов. На базе Call-центра «электронного правительства» состоялось дальнейшее развитие Единого Call-центра, который будет заниматься вопросами оказания государственных услуг и обработкой жалоб на качество обслуживания. Также был создан Единый личный кабинет гражданина, предназначенный для официального информационного взаимодействия физических и юридических лиц с государственными органами, касающегося как государственных, так и негосударственных услуг.

Поводились открытие специализированные курсы по повышению компьютерной грамотности для сотрудников различных сфер, с целью адаптации их знаний в области информационно-коммуникационных технологий к требованиям современной работы.

Для предпринимателей малого и среднего бизнеса, безработной и/или частично занятой молодежи, людей с ограниченными возможностями, пожилых граждан и других социально уязвимых категорий населения были предусмотрены курсы по основам компьютерной грамотности и получению государственных услуг в электронном формате.

В ходе реализации программы были достигнуты значительные успехи. В Казахстане было создано множество порталов и платформ, предоставляющих доступ к государственным услугам, таким как:

- Единый портал государственных услуг: данный ресурс позволяет гражданам обращаться за различными услугами, не выходя из дома.
- Платформа «ЦОН»: Центры обслуживания населения предлагают консультации и помощь в получении государственных услуг, включая электронные сервисы.

Несмотря на достигнутые успехи, программа «Информационный Казахстан – 2020» стала лишь началом пути к созданию полноценного информационного государства. Тем не менее, возникли следующие проблемы, связанные с развитием отрасли:

- низкие темпы развития широкополосного доступа к сети Интернет и неполный охват домохозяйств страны услугами телефонной связи и широкополосного доступа к сети Интернет;
- недостаточная обеспеченность сельских населенных пунктов почтовыми отделениями связи;
- низкие темпы развития казахстанского сегмента сети Интернет и неразвитость инфраструктуры дата-центров для оказания услуг хостинга;

— наличие на рынке телерадиовещания Казахстана зарубежных операторов непосредственного спутникового вещания;

— недостаточная обеспеченность населения компьютерной техникой.

Основными факторами, препятствующими развитию электронных услуг и системы «электронного правительства», стали:

— низкий уровень защищенности информационно-коммуникационных сетей, информационных систем и ресурсов государственных органов;

— низкие темпы автоматизации бизнес-процессов государственных органов, направленных на оказание государственных услуг в электронной форме;

— недостаточный уровень оказания государственных услуг в электронной форме по принципу «одного окна» [2].

В будущем необходимо продолжить работу в следующих направлениях:

1. Углубление цифровизации: расширение перечня электронных услуг и их дальнейшая автоматизация.

2. Обучение и повышение квалификации: развитие цифровых навыков у граждан и государственных служащих для эффективного использования новых технологий.

3. Создание условий для инноваций: поддержка стартапов и новых технологий, которые могут быть интегрированы в государственное управление.

4. Совершенствование кибербезопасности: постоянное обновление и адаптация мер по защите информации.

Государственная программа «Информационный Казахстан – 2020» стала важным шагом на пути к созданию информационного государства и модернизации государственного управления в Казахстане. Внедрение технологических инноваций не только повышает эффективность работы государственных служб, но и улучшает качество жизни граждан, делая его более комфортным и доступным. Важно продолжить данное направление и адаптировать государственные структуры под требования времени, что обеспечит устойчивое развитие и прогресс в будущем.

Республика Казахстан сегодня считается одной из немногих стран, в которых цифровая трансформация идёт высокими темпами, обгоняя показатели многих развитых и развивающихся государств. Именно благодаря внедрению разных сервисов во всех сферах экономической деятельности Казахстан и достиг таких результатов. Так, согласно данным ООН, Республика Казахстан занимает 28-е место

по уровню развитию электронного правительства среди 193 стран, входящих в мониторинг ООН (в 2020 году — 29-е место). Индекс страны (E-Government Development Index, EGDI) составил 0,86 пункта. Это самый высокий показатель среди стран СНГ и ЦА. Помимо этого, РК заметно обгоняет такие развитые страны, как Ирландия, Канада, Италия, Бельгия, Чехия и другие. Более того, в рейтинге электронного участия граждан (E-Participation Index, EPI) Казахстан занял 15-е место — один из сильнейших показателей в мире. Индекс EPI дополняет EGDI и отражает доступ граждан к публичной информации по запросу или без него, привлечение к участию и обсуждению государственной политики и услуг, а также расширение прав и возможностей населения посредством совместного электронного принятия решений, касающихся политики, услуг и способа их предоставления. Также, в рейтинге онлайн-сервисов, который является одним из компонентов основного рейтинга EGDI, Казахстан вошёл в топ-10 стран, заняв 8-е место. Таким образом, мы видим, что уровень процесса цифровизации в РК настолько высок, что на международной арене республика имеет одни из самых высоких показателей по разным параметрам [3].

Государственная программа «Информационный Казахстан – 2020» была разработана для создания эффективной информационной системы, способствующей развитию электронного правительства, улучшению доступности государственных услуг и повышению уровня цифровой грамотности населения. Одним из главных аспектов программы является развитие электронного правительства, которое предполагает автоматизацию услуг и упрощение взаимодействия между гражданами и государственными органами. Это способствует повышению прозрачности и подотчетности власти. Программа также направлена на стимулирование новаторства и развитие цифровой экономики Казахстана. Инвестиции в технологии могут создать новые рабочие места и повысить конкурентоспособность страны на международной арене.

Реализация программы сталкивается с рядом вызовов, включая необходимость информационной безопасности, защиту персональных данных и обеспечению равного доступа к информационным технологиям для всех граждан, особенно в удаленных районах.

Успех программы зависит от дальнейшего развития инфраструктуры, сотрудничества между правительством, частным сектором и образовательными учреждениями, а также вовлечения граждан в процессы цифровизации.

В целом, программа «Информационный Казахстан – 2020» представляет собой важный шаг к созданию эффективного и

прозрачного информационного государства, которое готово к вызовам современного мира.

Список литературы

1. Государственная программа «Информационный Казахстан – 2020». URL: https://egov.kz/cms/ru/articles/gp_inf_kaz_2020
2. Иноятов А. Информационный Казахстан – 2020: достижения и недостатки URL: // <https://zonakz.net/2016/11/11/informacionnyjj-kazakhstan-2020-dostizhenija-i-nedostatki/>
<https://ranking.kz/reviews/industries/prozrachnost-dostovernost-i-aktualnost-v-kazahstane-obnovili-protsess-tarifnogo-regulirovaniya.html>

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Когут В.Г.

Кандидат политических наук

Секретарит МПА СНГ,

заместитель Генерального секретаря — полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, руководитель базовой кафедры евразийской интеграции

Нурышев Г.Н.

Доктор политических наук

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, профессор кафедры международных отношений и политологии

E-mail: g.nuryshv@yandex.ru

Аннотация. В работе отмечается, что геоэкономическая парадигма в геополитических исследованиях становится в настоящее время достаточно эвристичной, так как главным оружием в руках государства, позволяющим ему удерживать лидирующие позиции в мире, становится экономическое могущество. Отсюда угроза геоэкономической войны становится важным вопросом национальной безопасности любого государства. В этих условиях правительство

должно осуществлять активное вмешательство в экономическую сферу деятельности страны.

Ключевые слова: геоэкономика, парадигма, геополитика, геоэкономическая война, геоэкономическая рента, рубежная энергетика, штабная экономика.

GEOECONOMIC PARADIGM IN MODERN GEOPOLITICAL RESEARCH

V.G. Kogut

Candidate of Political Sciences,

*Associate Professor IPA CIS Secretariat, Deputy Secretary General
— Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic
of Belarus, Saint Petersburg State University of Economics, Head of the
Basic Department of Eurasian Integration*

Nuryshv G.N.

Doctor of Political Sciences,

*Saint Petersburg State University of Economics, Professor of the
Department of International Relations and Political Science*

E-mail: g.nuryshv@yandex.ru

Abstract. *The work notes that the geoeconomic paradigm in geopolitical studies is currently becoming quite heuristic, since the main weapon in the hands of the state, allowing it to maintain a leading position in the world, is economic power. Hence, the threat of geo-economic war becomes an important issue of national security for any state. Under these conditions, the government must actively intervene in the economic sphere of the country's activities.*

Keywords: *geoeconomics, paradigm, geopolitics, geoeconomic war, geoeconomic rent, frontier energy, staff economics.*

В геополитических исследованиях в настоящее время достаточно эвристичной становится геоэкономическая парадигма, которая исходит из стратегии и тактики достижения геополитических целей государства преимущественно экономическим путём [1]. А главным оружием в руках государства, позволяющим ему удерживать лидирующие позиции в мире, становится экономическое могущество. Теперь основная борьба между государствами разворачивается именно за экономические ресурсы: за сырьё, рынки сбыта и международные транспортные коридоры. Геополитические интересы государства в

этом направлении часто реализуются с использованием геоэкономической ренты. Её основу составляют: высокая рубежная энергетика (функции мест) и неоднородное социальное время (постиндустриальные и развивающиеся страны). Основные сверхдоходы (ренту граничной энергетике) получают мировые полюса (мегалополисы), расположенные на рубежах многомерного коммуникационного пространства. Сегодня начали выделяться так называемые мировые города (киберпорты), расположенные на рубежах многомерного коммуникационного пространства, создающих высокую энергетику обращения не только торгового, промышленного и финансового капитала, но и обращение информации, знаний. Приоритетное развитие стали получать центры, не обязательно обладающие выгодным положением в реальном географическом пространстве, а на пересечении множества пространств (политического, экономического, финансового, информационного и т.д.) [2, с. 72-75]. В научной терминологии появляется такое понятие, как геоэкономическая война (англ. geoeconomic wars), т. е. нанесение ущерба невоенными методами по заранее спланированной стратегии оперирования в геоэкономическом пространстве с использованием высоких геоэкономических и геофинансовых технологий». Исходя из этого следует, что угроза геоэкономической войны становится важным вопросом национальной безопасности любого государства.

Само понятие «геоэкономика» было введено в научный оборот американским политологом, экономистом и специалистом по международным отношениям Эдвардом Люттваком в конце 80-х годов XX века. В своей работе «От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, грамматика коммерции» Люттвак приходит к следующему заключению: «Похоже, сегодня все согласны с тем, что методы коммерции вытесняют военные методы: располагаемый капитал вместо огневой мощи, гражданские инновации вместо военнотехнического развития и рыночная экспансия вместо гарнизонов и военных баз» [3, с.17].

Развитию геоэкономических идей способствовал известный немецкий публицист и представитель политической экономии Фридрих Лист. В своей работе «Национальная система политической экономии» он сформировал теорию производительных сил, согласно которой в качестве главного национального богатства выступает умственный капитал. Благодаря развитию производственных сил происходит рост экономики государства. Естественно, на этот процесс влияют такие аспекты внутри страны, как уровень образования, уровень занятости населения, деятельность СМИ, общественно-

политический строй и т.д. Фридрих Лист подчёркивает, что более развитое государство неизбежно эксплуатирует менее развитые государства для становления своих производительных сил. Поэтому стране с более отстающими темпами экономического развития следует отказаться от принципов свободной торговли и придерживаться политики «воспитательного протекционизма» до тех пор, пока экономика страны не станет конкурентоспособной. Таким образом, свободная торговля является взаимовыгодной и эффективной только для высокоразвитых стран, отличающихся хорошо налаженным промышленным и сельскохозяйственным производством.

По мнению Фридриха Листа, правительство должно осуществлять активное вмешательство в экономическую сферу деятельности. На его взгляд, установление покровительственных таможенных пошлин является важным условием, обеспечивающим быстрые темпы индустриального роста страны.

Кроме того, экономист разработал концепцию автаркии больших пространств. По данной теории для успешного государственного развития стране необходимо обладать большой территорией с единой экономической структурой. Так как государство, обладающее малым пространством, априори является экономически зависимым, а, следовательно, имеющим ограниченный суверенитет. Поэтому Фридрих Лист придерживался принципа избирательной открытости [4]. Идеи исследователя стали теоретической основой разработанной модели «германского экономического чуда», а позже были заложены в модель Европейского союза.

В Европе же геоэкономические идеи активно развивались благодаря Жаку Аттали, французскому политологу и экономисту, который является одним из наиболее известных представителей школы геоэкономики на своей родине. В своём труде «Тысячелетие. Победители и проигравшие в грядущем мировом порядке» исследователь приходит к выводу, что для «геоэкономики совершенно не важно, какой народ проживает на той или иной территории, какова его история, культурные традиции и т. д.; заслуживает внимания лишь то, где располагаются центры мировых бирж, полезные ископаемые, информационные центры, крупнейшие производства, т. е. она подходит к миру и его реалиям так, как если бы мировое правительство существовало и единое планетарное государство уже состоялось. При этом Аттали выделяет три основные финансово-экономические зоны: американское пространство (Южная Америка и Северная Америка); европейское пространство (объединённая Европа);

Азиатско-Тихоокеанское пространство (Сингапур, Тайвань, Япония и т.д.) [5, p.131].

В современном мире формируется метainфраструктура, основанная не на производстве, а именно на перераспределении ресурсов и прибыли. Данный процесс преимущественно ориентирован на США. Это составляет суть «штабной экономики» Нового Севера, учреждённой на геоэкономических рентных платежах. Сегодня усиливается международное влияние ТНК. В их руки перешла большая часть функций, которую ранее осуществляли правительства государств. Наибольший процент разработок новых технологий и принципов их реализации осуществляется именно транснациональными корпорациями. Так, ТНК обеспечивают большую часть мирового производства товаров и услуг. Глобальное доминирование монополий способствует повышению конкурентоспособности, прежде всего, США на международной арене. Так геоэкономическая парадигма помогает определить геополитический статус государства в глобальных геополитических процессах.

Список литературы

1. Дергачёв В.А. Геоэкономика (Современная геополитика) В.А. Дергачёв. – Киев: Изд-во «ВИРА-Р», 2002. – 512 с.
2. Нурышев Г.Н. Актуальные проблемы геополитики / Г.Н. Нурышев, В.Г. Когут. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023.-203с.
3. Luttwak E.N. From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // National Interest. – 1990. –№. 20. – P. 13-29.
4. List F. The National System of Political Economy <https://oll.libertyfund.org/titles/lloyd-the-national-system-of-political-economy> 01/11.2024/(дата обращения: 04 ноября 2024).
5. Attali J. Millennium: winners and losers in the coming world order / J. Attali – New York: Times Books, 1991.- 356 p.

СЛОВО О РУССКОМ ВРАЧЕ. СЛУЖЕНИЕ СЕРДЦЕМ. ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ БОТКИН

Коробкина Е. Н.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
НИЦ «Центр перспективных конвергентных технологий и
коммуникаций», Институт филологии, научный сотрудник*

E-mail: e_koro@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность русского врача Е. С. Боткина, введшего во врачебную практику ключевые этические максимы русской цивилизации: милосердие, сердечное отношение к раненому солдату. Автор рассматривает практическую деятельность «летучих отрядов», состоящих из санитаров и врачей, во время русско-японской войны 1904-1905 гг., введенную доктором Евгением Боткиным для помощи раненым на поле боя, как практическую этику русского милосердия. Рассматривает основы этой практики, заложенные врачом Е. С. Боткиным во время работы в Мариинской больнице, в лекциях студентам императорской военно-медицинской академии. Сделан анализ всей деятельности Е. С. Боткина как служения отечеству милосердием как основополагающим этическим качеством русской цивилизации.

Ключевые слова: русская цивилизация, Е. С. Боткин, последний царский лейб-медик, служение сердцем

**A WORD ABOUT THE RUSSIAN DOCTOR.
SERVICE WITH THE HEART. EVGENY SERGEEVICH
BOTKIN**

Korobkina E. N.

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
SIC "Center for Advanced Convergent Technologies and
Communications", Institute of Philology, Researcher
E-mail: e_koro@mail.ru*

Abstract. *Russian Russian Physician E. S. Botkin, who introduced the key ethical maxims of Russian civilization into medical practice: mercy, cordial attitude to a wounded soldier, is considered in the article. Russian Russian Charity The author considers the practical activities of the "flying detachments", consisting of orderlies and doctors, during the Russo-Japanese War of 1904-1905, introduced by Dr. Evgeny Botkin to help the wounded on the battlefield, as a practical ethics of Russian charity. Examines the foundations of this practice, laid down by the doctor E. S. Botkin while working at the Mariinsky Hospital, in lectures to students of the Imperial Military Medical Academy. The analysis of the entire activity of E. S. Botkin as serving the fatherland with mercy as a fundamental ethical quality of Russian civilization is made.*

Keywords: *Russian civilization, E. S. Botkin, the last royal physician, service with the heart.*

Российская цивилизация как особая локальная цивилизация со своим многовековым историческим опытом, системой ценностей, культурными традициями, была представлена философом Николаем Яковлевичем Данилевским как сложившаяся система, эволюционирующая из нескольких культурных цивилизационных пластов.

Целью нашего исследования является цивилизационный вклад русского врача Евгения Сергеевича Боткина, введшего в этику врачебной практики человеческое отношение к больному, милосердие врача, сердечное отношение к раненому как ключевую максимум российской цивилизации.

Рассмотрим деятельность «летучих отрядов», состоящих из санитаров и врачей, введенную доктором Евгением Боткиным для оказания помощи раненым на поле боя во время русско-японской войны 1904-1905 гг., как практическую этику русского милосердия.

Бесконечная повесть о Вафангоу

Памяти Евгения Сергеевича Боткина

Война жестока как улыбка азиата,
китайский поворот, что тайный реверс
японцам в ухо, знаком - точнее нет
подачи на войне чем реверанс
Маньчжурии. А русскому -
шрапнелью по войскам.

Летучие отряды санитаров
и доктор Боткин, и шрапнель то дальше,
ближе, рядом, в глаз коню, и вдрызг.

Шрапнелью в ногу фельдшер,
доктор Боткин: "Иди спокойно,
я останусь за тебя"

на месте, на горе, на батарее,
бой в Вафангоу, жесткий стон земли.

Но это утешение в бою:
солдатик бредит, умирая: "Мама!",
целуя руку. Доктор Боткин сам солдатика целует,
и мама, и отец ему в предсмертной тьме.

И вдруг сам забываешь невзначай,
что Азия коварна как война,
всё побеждает русское участие,
что сильней бесстрашья в смерть
идущих самураев, чьи призраки

ветшают на знамёнах.
Целует доктор русскому солдату руку.
Что Азия? Россия - милосердной до конца.
Елена Коробкина.

Книга «Свет и тени Русско-японской войны» Евгения Боткина была первым документом, запечатлевшим не только противостояние двух цивилизаций, но и впервые Евгений Сергеевич Боткин, последний царский лейб-медик, открыл, быть может, тайну, этическую тайну милосердия российской цивилизации, тайну миссии служения милосердного врача «простому русскому солдатику». В книге «Свет и тени Русско-японской войны» - о множестве таких эпизодов. Вот один из них.

«Ляоян, 16 мая 1904 года, воскресенье.

На днях, при моем ночном обходе Георгиевского госпиталя, я нашел одного солдатика, Сампсонова, раненого в грудь и оперированного, - вследствие образовавшегося у него нарыва над печенью и гнойного плеврита, - в бреду и тяжелом состоянии. Он обнимал санитаря, трогательно за ним ухаживавшего, и стонал. Когда я пощупал его пульс и погладил его руку, он потащил обе мои руки к своим губам и целовал их, воображая, что это его мать. Когда я пощупал его пульс и погладил его руку, он стал звать меня тятей и опять поцеловал мне руку. Я не мог лишить его этой потребности в ласке к родителям и тоже поцеловал этого безропотного и по этой безропотности высокого душой страдальца за родину...» [1, с. 14].

Сердечность русского человека, ценность строя русской души, эмоция, связующая его с миром. Эту главную ценность Евгений Сергеевич Боткин выделяет в простом русском человеке как врач. И впервые в иерархии ценностей берет ее доминантой в лечебное дело и решает, что русского солдатика нужно лечить в первую очередь сердечным к нему отношением, милосердием врача, «миловать» его сердце, или «баловать больного». Одну из лекций студентам в 1903 году Боткин посвятил вопросу: «Надо ли «баловать» больных?». На что сам же и ответил: «Кого же и баловать, казалось бы, как не больных, - так по-детски беспомощных и часто так по-детски милых?».

В 1902-1903 годах, одновременно служа в «своей общине святого Георгия» и в Мариинской больнице, Евгений Сергеевич читает лекции студентам третьего и пятого курсов Императорской Военно-Медицинской Академии. Кроме сугубо научных и специальных предметов, он посвящает студентов в особенности Служения врача;

говорит о «высокой степени человеческого отношения к больным, которым отличается русский врач».

1 января 1898 года Евгений Сергеевич был назначен главным врачом Общины святого Георгия. Община сестер милосердия святого Георгия, состоящая под покровительством Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, была любимым детищем доктора Боткина. Именно здесь медицинскому работнику вменялось в обязанность – «сердечное отношение» к раненым.

Солдатик, ребенок, царь! Как оказалось, в этом ряду в Служении сердцем русского врача нет ни исключений, ни привилегий. За каждым он последует до конца. Во время русско-японской войны в аду под Вафангоу Боткин отпустит раненого шрапнелью в ногу фельдшера и заменит его на обстреливаемой японцами батарее. Следуя врачебному долгу, он последует до конца с царской семьей на расстрел в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. Этому нет достоверных документальных подтверждений, вся жизнь Евгения Сергеевича подтверждением этому.

В ГАРФ хранится последнее, неоконченное письмо Евгения Сергеевича, написанное накануне расстрела и найденное расстреливавшими:

«Я делаю последнюю попытку написать настоящее письмо — по крайней мере, отсюда... Мое добровольное заточение здесь настолько временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование. В сущности, я умер, умер для своих детей, для друзей, для дела... Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен — все равно, последствия практически одинаковы...

Надеждой себя не балую, иллюзиями не убаюкиваюсь и неприкрашенной действительности смотрю прямо в глаза... Меня поддерживает убеждение, что „претерпевший до конца спасется“ и сознание, что я остаюсь верным принципам выпуска 1889-го года. Если вера без дел мертва, то дела без веры могут существовать, и если кому из нас к делам присоединится и вера, то это лишь по особой к нему милости Божьей...

Это оправдывает и последнее мое решение, когда я не поколебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, как Авраам не поколебался по требованию Бога принести ему в жертву своего единственного сына» [2].

Верность принципам выпуска Военно-медицинской академии 1889 года до конца.

Евгений Сергеевич Боткин отдал жизнь служению милосердием до конца, как и последний русский император.

Милосердием возрождается российская цивилизация сто лет спустя служением сердца!

Таким образом, на основании анализа деятельности Е. С. Боткина, введшего во врачебную практику ключевые ценности российской цивилизации: милосердие, сердечное отношение к больному, этической врачебной практике сестер милосердия, мы приходим к выводу, что служение отечеству милосердием есть основополагающая ценность российской цивилизации.

Список литературы

1. Свет и тени Русско-японской войны 1904-5 гг.: (Из писем к жене) / Д-р Евг. Серг. Боткин. Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 130 с.
2. «Претерпевший до конца спасется»: врачебный и нравственный долг доктора Боткина // Православный вестник. 2012. №4 (107).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лыхойда Е.С.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия», студент
E-mail: lykhoyda2016@mail.ru*

Научный руководитель: Киселёва Н.В.,

кандидат политических наук,

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
доцент кафедры политических наук и международных отношений*

***Аннотация.** В данной статье рассматривается проблема религиозного экстремизма в Российской Федерации и меры, предпринимаемые государством для противодействия его проявлениям. В рамках обозначенной темы представлены статистические и мониторинговые данные, свидетельствующие о росте преступлений экстремистской направленности в России, что определяет актуальность данной проблемы.*

***Ключевые слова:** Экстремизм, религиозный экстремизм, статистика проявления, причины и формы религиозного экстремизма.*

THE STATE POLICY OF COUNTERING EXTREMISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Lykhoyda E.S.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

Institute «Taurida Academy», Student

E-mail: lykhoyda2016@mail.ru

Supervisor: Kiseleva N.V.

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the
Department of Political Sciences and International Relations*

Abstract. *This article examines the problem of religious extremism in the Russian Federation and the measures taken by the state to counter it. Within the framework of this topic, statistical and monitoring data are presented, indicating an increase in extremist crimes in Russia, which determines the relevance of this problem.*

Keywords: *Extremism, religious extremism, statistics of manifestations, causes and forms of religious extremism.*

Экстремизм в буквальном переводе с латинского языка (лат. *Extremus* - крайний) означает приверженность к крайним взглядам и мерам. В Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (2001 г.) дается следующее определение экстремизма: «Экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в выше указанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [1].

В рамках экстремизма выделяют различные виды, в том числе и религиозный экстремизм.

Современный термин «религиозный экстремизм» концептуализируется посредством сопряжения двух составляющих – экстремизма и религии, что определяет его как «отрицание системы традиционных для общества ценностей, норм морали и права, а также агрессивную пропаганду «идей», действующих под видом влечения к религии. Во многих, если не во всех, конфессиях можно обнаружить религиозные представления и соответствующие им действия верующих, которые имеют антиобщественный характер, то есть в той

или иной степени выражают неприятие светского общества и других религий с позиций того или иного религиозного вероучения» [2]. На данный момент общепринятого определения термину «религиозный экстремизм» не существует, но в юридической литературе Т.Д. Мимулатова предлагает объединить предложенные термины под общим понятием «экстремизм в религии», так как оно обладает более широким охватом и включает в себя различные аспекты экстремистской деятельности в религиозной сфере [3, с. 815–816].

С юридической точки зрения, религиозный экстремизм, как и другие виды экстремизма, относится к категории противоправных действий, что отражено в законодательстве современных государств, в том числе и Российской Федерации. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации, «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие религиозную ненависть и вражду, запрещается пропаганда религиозного превосходства» [4].

В современных условиях религиозный экстремизм проявляется через усиление влияния как религиозных, так и псевдорелигиозных организаций, и систем. В.А. Бурковская выделяет формы существования религиозного экстремизма, подчеркивая их взаимосвязанность:

1. В качестве состояния сознания (как коллективного, так и индивидуального), которое характеризуется гиперболизацией религиозной идеи, созданием целостности из отдельных компонентов социального явления, а также нигилизмом и фанатизмом.

2. В качестве идеологии (религиозной доктрины), предлагающей однозначные объяснения существующих проблем и простые решения для их устранения, а также делящей мир на «добро» и «зло», придавая преобладающее значение одному из аспектов бытия, что противоречит принятой в обществе иерархии ценностей, игнорируя или нивелируя другие нормы.

3. В качестве совокупности действий, направленных на реализацию религиозных доктрин [5, с. 49].

Религиозный экстремизм представляет собой сложный феномен, формируемый множеством взаимосвязанных, как прямых, так и косвенных причин, и предпосылок, среди которых можно выделить уходящие корнями в далекое прошлое и современное. Среди факторов религиозного экстремизма специалисты выделяют следующие: религиозные; социальные; экономические; политические; психологические; социально-экономические; технологические [2].

В типологии религиозного экстремизма по его направленности в достижении определенных целей эксперты отмечают шесть типов:

- внутриконфессиональные (направлены на глубокую деформацию конфессии);
- иноконфессиональные (направлены на устранение других конфессий);
- лично-ориентированные (направлены на деструктивную трансформацию личности);
- этнорелигиозные (направлены на преобразование этноса);
- религиозно-политические (направлены на изменение политической системы);
- социальные (направлены на изменение социально-экономической системы) [6].

Две из выделенных форм свидетельствуют о том, что религиозный экстремизм проявляется не только в конфессиональной среде. Нередко его действия бывают направлены против светского государства, существующего общественного строя, действующих в нем законов и норм, в частности, регулирующих государственно-конфессиональные отношения, в наиболее крайних формах ориентируясь на теократическое правление. Религиозный экстремизм может проявляться в разных сферах: в политике, культуре, межнациональных отношениях. Лозунги, призывы, идеологические акции экстремистских религиозных организаций обращены, как правило, не к разуму, а к чувствам и предрассудкам людей, рассчитаны на некритическое, эмоциональное восприятие, а также на эффект толпы. А действия, порой крайне жестокие, направлены на то, чтобы сеять страх, подавлять противника психологически, вызывать шок в обществе [7].

Проблема экстремизма является актуальной для многих стран, в т.ч. и для России, о чем свидетельствуют динамика преступлений экстремистской направленности (рис. 1).

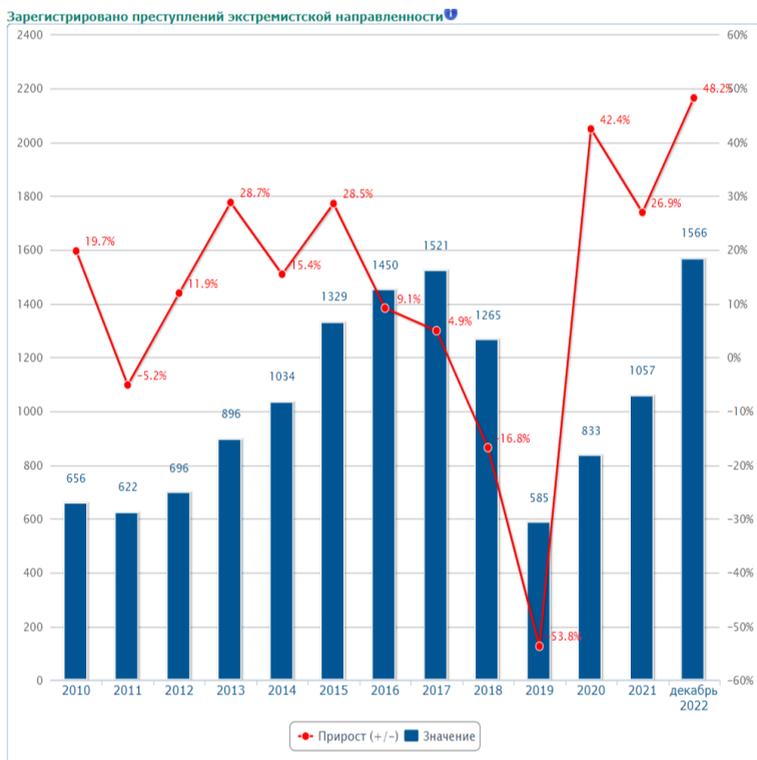

Рис. 1. Динамика преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации [8].

Статистика преступлений экстремистской направленности в РФ с 2010 г. характеризуется двумя пиками с положительной динамикой. Первый прирост датируется периодом с 2011 г. по 2017 г. За это время количество подобных преступлений увеличилось с 622 до 1521, соответственно, темп прироста составил 144,5%. Затем в период с 2017 г. по 2019 г. отмечается резкое падение с 1521 до 585, т.е. в 2,6 раза. Но в 2020 г. снова фиксируется резкий рост числа экстремистских преступлений. И с минимального значения, зафиксированного в 2019 г., их количество увеличилось до максимального показателя в 2022-м – 1566. Таким образом темп прироста за обозначенный период составил 167%, что превышает аналогичный параметр 2011–2017 гг.

Рост преступлений экстремистской направленности сопровождается и увеличением количества выявленных лиц, совершивших подобные преступления. Но следует отметить, что этот

показатель ниже, чем число зарегистрированных преступлений (рис. 2).

Рис. 2. Динамика преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации [8].

Статистика с 2010 г. по 2022 г. по выявлению лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, также характеризуется периодами роста и падения. Так, с 2011 г. по 2017 г. количество выявленных лиц, которые совершили преступления экстремистской направленности, возросло с 489 до 972 человек (прирост – 98%). Далее отмечается падение показателя до 445 в 2019 г., а затем снова рост до 1078 чел. в 2022 г. (прирост – 142%).

За 2023–24 гг. в открытом доступе статистики экстремистских преступлений нет, но сообщения в СМИ не позволяют сделать предположение, что их количество в Российской Федерации уменьшилось.

Например, на сайте «РИА Новости» за период с начала СВО до настоящего времени количество сообщений об экстремистских преступлениях превышает 2000, среди которых 7% – это сообщения о преступлениях с религиозной составляющей. Среди них можно отметить:

- 1) насильственные действия религиозного и этнического характера в отношении русских и армян;
- 2) призывы к этническому экстремизму и к насилию над группой лиц по национальному признаку в Интернет-мессенджерах;
- 3) публичное угнетение представителей русской национальности в других странах;
- 4) пресечение деятельности и вербовки псевдорелигиозных движений и запрещённых религиозных организаций;
- 5) попытки вытеснения светских законов и традиционного ислама радикальной идеологией на Северном Кавказе;
- 8) оскорбление чувств верующих;
- 9) нападение на объект религиозного значения (церкви, синагоги);
- 10) нападение на священнослужителей;
- 11) пропаганду экстремистской деятельности и помощь экстремистам в приготовлении к участию в деятельности террористической организации;
- 12) публичные призывы к убийству русских, а также поддержку угнетения представителей этой национальности в других странах [9].

Актуальность проблемы экстремизма, в т.ч. и религиозного, для Российской Федерации предопределяет необходимость принятия различных мер противодействия данному явлению.

Исходя из указа Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 года № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», можно отметить, что целью государственной политики в сфере противодействия экстремизму является защита основ конституционного строя Российской Федерации, общественной безопасности, прав и свобод граждан от экстремистских угроз.

Достижение указанной цели должно осуществляться путем реализации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях мер организационного и правового характера, разрабатываемых с учетом результатов мониторинга в сфере противодействия экстремизму.

Основными задачами государственной политики в сфере противодействия экстремизму являются:

а) создание единой государственной системы мониторинга в сфере противодействия экстремизму;

б) совершенствование законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму;

в) консолидация усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и организаций в целях противодействия проявлениям экстремизма;

г) организация в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», информационного сопровождения деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и организаций по противодействию экстремизму, а также реализация эффективных мер информационного противодействия распространению идеологии экстремизма;

д) разработка и осуществление комплекса мер по повышению эффективности профилактики, выявления и пресечения правонарушений и преступлений экстремистской направленности [10].

Следует подчеркнуть, что на территории Российской Федерации одним из факторов риска распространения экстремистских преступлений, в т.ч. и религиозного характера, является незаконная миграция. Данный фактор отмечают в Следственном комитете Российской Федерации. Комментируя ситуацию с нелегальными мигрантами, в СК РФ сообщили, что в России в 2024 году отмечается рост преступлений, совершенных нелегальными мигрантами, – с 59-ти в 2023 г. до 73-х в текущем. Таким образом можно констатировать, что преступления экстремистской направленности с участием незаконных мигрантов имеет тенденцию к росту [11]. В связи с этим российские парламентарии ужесточают миграционную политику.

Государственная Дума Российской Федерации рассмотрела в октябре этого года три законопроекта, направленные на борьбу с нелегальными мигрантами. В первом законопроекте предусмотрено ужесточение ответственности юридических лиц за изготовление и продажу поддельных документов, во втором законопроекте предусматривается введение внесудебной блокировки Интернет-ресурсов, где размещается информация о незаконных услугах для

мигрантов, а в третьем вводится полный запрет для посреднических организаций на участие в проведении экзаменов для мигрантов.

Также, спикер нижней палаты Вячеслав Володин напомнил, что с начала 2024 года депутаты приняли уже семь законов, регулирующих миграционную политику. По его словам, в настоящий момент рассматривается еще шесть законопроектов, таким образом до конца декабря текущего года Госдума в общей сложности примет 13 законов, направленных на борьбу с нелегальной миграцией. Спикер отнес организацию незаконной миграции к особо тяжким преступлениям, что закономерно приводит к ужесточению миграционной политики [12].

Анализ динамики статистических показателей свидетельствует о росте преступлений экстремистской направленности. В связи с этим принятие Российской Федерацией мер противодействия экстремизму в целом, и религиозному в частности, является вполне обоснованным и целесообразным. Эти меры политического и юридического характера призваны способствовать стабилизации общественно-политической ситуации в стране, сокращению случаев его проявления в обществе, повышению уровня общественной безопасности, укреплению межнациональных и межконфессиональных отношений, развитию духовного и гражданского единства многонационального народа Российской Федерации, а также осуществление в полной мере правового, информационного, культурного и религиозного воспитания молодёжи, в целях не допущения проникновения экстремистских направленностей на подрастающее поколение.

Список литературы

1. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : Конвенция от 15.06.2001 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/1744499/
2. Религиозный экстремизм. Понятие, признаки, причины возникновения // Восточно-сибирское линейное управление МВД России на транспорте : сайт. URL: <https://вслу.мвд.рф/novosti/item/34652383/>
3. Мимулатова Т.Д. Религиозный экстремизм как одна из форм экстремистской деятельности // Молодой ученый. 2016. №1. С. 815-816.
4. Конституция Российской Федерации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>

5. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. М.: Ин-т правовых и сравнительных исследований, 2005. – 49 с
6. О сущности религиозного экстремизма и фундаментализма и мерах по противодействию этим явлениям // Портал правительства Москвы : сайт. URL: <https://savelovskiy.mos.ru/counter-terrorism/o-sushchnosti-religioznogo-ekstremizma-i-fundamentalizma-i-merakh-protivodeystviyu-etim-yavleniya.php>
7. Противодействие религиозному экстремизму // МО МВД России по ЗАТО поселок Комаровский : сайт. URL: <https://268к.56.мвд.пф/news/item/19637614>
8. Генеральная прокуратура Российской Федерации // Портал правовой статистики : сайт. URL: http://crimestat.ru/offenses_map
9. Данные по поиску «религиозный экстремизм» // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/search/?query=религиозный+экстремизм>
10. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» : Указ Президента Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 344.
11. Мигранты совершили 73 преступления экстремистской направленности за год // РИА Новости : URL: <https://ria.ru/20241001/migrant-1975771177.html>
12. Володин рассказал о работе Госдумы над ужесточением миграционной политики // Коммерсантъ : URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7248260>

ПРАВО НА ВОССОЕДИНЕНИЕ СЕМЬИ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ И СЕМЕЙ В ПЕРИОД МИГРАЦИИ

Маркович А.

*Факультет политических наук Университета в Белграде,
ассистент*

E-mail: anjamark262@gmail.com

***Аннотация.** Защита детей и семей в период миграции представляет собой одну из ключевых задач современного общества. В данной статье рассматривается право на воссоединение семей как*

важный фактор защиты психического здоровья и благополучия детей и семей в период миграции. Через призму существующих исследований психического здоровья беженцев в статье анализируются травматический опыт, многочисленные риски и стрессы, связанные с миграцией и разлучением семей. Рассматривается влияние международного права, защищающего право на семейную жизнь, а также препятствия в его применении. В статье исследуется необходимость нового, целостного подхода, включающего эффективную миграционную политику, социальное обеспечение и психологическую поддержку, для обеспечения интеграции детей и семей в новую социальную среду и предотвращения их дальнейшей травматизации. Статья также стремится внести свой вклад в гуманитарные решения на глобальном уровне.

Ключевые слова: миграция, право на воссоединение семьи, психическое здоровье, защита детей и семьи, травма.

THE RIGHT TO FAMILY REUNIFICATION AS A FACTOR IN PRESERVING THE MENTAL HEALTH OF CHILDREN AND FAMILIES IN MIGRATION

Marković A.

Faculty of Political Sciences in Belgrade, teaching assistant

E-mail: anjamark262@gmail.com

Abstract. *The protection of children and families in migration represents one of the key challenges of modern society. This paper explores the right to family reunification as a significant factor in protecting the mental health and well-being of children and families in migration. Through the lens of existing research on the mental health of refugees, the paper analyzes traumatic experiences, multiple risks and stressors associated with migration and family separation. It explores the impact of the international law that guarantees the right to family life, as well as obstacles to its implementation. It explains the need for a new, holistic approach that includes effective migration policies, social security and psychological support, in order to ensure the integration of children and families into new societies and prevent their further traumatization, while also contributing to humanitarian solutions on a global level.*

Keywords: *migration, right to family reunification, mental health, protection of children and families, trauma*

Введение. Право на единство семьи закреплено во многих законах и конвенциях о правах человека. Тем не менее оно становится предметом дискуссий в Европе, особенно после миграционного кризиса 2015 года, и основным аргументом в пользу ограничения этого права являются именно затраты государства на воссоединение семей [1].

Хотя международные организации, такие как МОМ и УВКБ ООН, академическое сообщество и гражданский сектор Европы согласны с необходимостью реализации права на воссоединение семей, оно часто отсутствует на практике на международном и региональном уровнях. Таким образом, в международном праве это право рассматривается скорее, как принцип, чем как право. Во всех международных документах государства выступали против принятия права на воссоединение семей, которое ограничивало бы суверенное право государств контролировать тех, кто въезжает на их территорию и поселяется на ней [2].

Политика и практика управления миграцией, с помощью которых национальные правительства и институты ЕС пытаются удерживать беженцев и мигрантов от приезда в Европу, также делают эти семьи и детей еще более уязвимыми [3], поскольку их часто вынуждают нелегально добраться до европейских стран, что может привести к разлуке семьи.

Дети и молодые люди, а также целые семьи в ходе таких миграций подвергаются различным рискам, среди которых стресс, проблемы с психическим здоровьем, риск физического, психологического и сексуального насилия, дискриминации и эксплуатации [4]. Наиболее распространенными проблемами психического здоровья мигрирующих людей являются тревога, депрессия, посттравматическое стрессовое расстройство, и важно помнить, что травма, возникающая в результате миграции, затрагивает не только одного человека, но и всю семью, даже если семья не путешествует вместе [5].

Здесь мы подходим к основной проблеме, рассматриваемой в этой статье, а именно к ограничению ответственности государств за удовлетворение потребностей уязвимых семей мигрантов посредством права на воссоединение семей и тем самым способствовать восстановлению их психического здоровья и благополучия.

Международно-правовая база защиты детей и семей в период миграции

Международно-правовая база является основным средством защиты детей и семей в миграции. Все европейские страны

ратифицировали конвенции, защищающие права детей, права человека и права беженцев, тем самым взяв на себя обязательства предоставлять семьям и детям необходимую помощь, включая право на воссоединение семьи, а также психосоциальную поддержку.

Даже в Женевской декларации о правах ребенка 1924 года четко указано, что ребенок является приоритетом при получении помощи во время кризиса [6]. Далее последовали международно-правовые документы, защищающие статус и права беженцев: Всеобщая декларация прав человека от 1948 года, затем Женевская конвенция о статусе беженцев от 1951 года, Протокол о статусе беженцев от 1967 года, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания с 1984 года, и, наконец, Конвенция о правах ребенка от 1989 года, которая предписывает перечень прав, гарантированных каждому ребенку [7]. Таким образом, современная политика управления миграцией и международное право признают детей как специфическую и особо уязвимую категорию среди мигрантов [8].

Конвенция о правах ребенка с ее ориентированным на ребенка подходом обязывает государства к такому уровню ответственности перед ребенком, которого у них раньше не было [9]. Отдельная статья Конвенции касается надлежащей защиты и гуманитарной помощи детям-беженцам. Государства-подписанты обязались сотрудничать со структурами ООН в защите детей-беженцев, а также в поиске родителей детей с целью воссоединения семьи [10].

Международные конвенции и договоры являются отправной точкой для всех программ, протоколов и руководящих принципов, касающихся защиты детей, а также поддержки воссоединения семьи. Тем не менее национальная политика и политика Европейского союза сохраняют за собой право регулировать процедуры предоставления убежища, а гарантированные на международном уровне права иногда остаются на втором плане.

Сама Женевская конвенция о беженцах прямо не признает право беженцев на воссоединение семьи, но в Заключительном акте Полномочной конференции, принявшей Конвенцию, было определено, что единство семьи является существенным правом беженцев [11], что является аргументом в пользу рассмотрения воссоединения семьи как права, а не принципа.

Конвенция о правах ребенка стала первым международным договором в области защиты прав человека, признавшим определенные права, связанные с воссоединением семьи. Статья 9 Конвенции гласит: «Государства - участники обеспечивают, чтобы

ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка.» [12, с. 102]. В этой статье при принятии решения о высылке мигранта из страны основное внимание уделялось наилучшим интересам его ребенка, что в подавляющем большинстве случаев подразумевает пребывание в стране назначения. Если семья несопровождаемого ребенка установлена в стране происхождения, Комитет по правам ребенка предупреждает, что в этом случае воссоединение семьи не отвечает интересам ребенка, если он или она, будут возвращены в страну происхождения, особенно если там существует объективная опасность. Такое возвращение представляло бы собой нарушение основных прав человека ребенка [13].

Из этой международно-правовой базы для защиты детей и семей при миграции мы видим, что международные органы признали важность права на воссоединение семьи и сохранение семейной жизни как основных прав человека. Однако точный уровень ответственности отдельных государств за предоставление этого права беженцам остается неясным, учитывая, что, хотя они и подписали данные конвенции, они сохраняют суверенитет в формировании политики предоставления убежища.

Важность реализации права на воссоединение семей для психического здоровья мигрантов и беженцев

В этой части статьи мы рассмотрим результаты существующих исследований о влиянии воссоединения семьи на психическое здоровье детей и всей семьи в процессе миграции.

Недавние исследования показывают, что длительная разлука с семьей среди беженцев связана с увеличением проблем с психическим здоровьем. Исследования также показывают, что наличие и поддержка нуклеарной семьи является защитным фактором для всех уязвимых групп, включая семьи в миграции [14], а хорошее психическое здоровье определено как ключевой фактор успешной интеграции беженцев в новую среду [15].

Разлучение семьи является одним из самых больших стрессов для беженцев [16], и оно часто происходит во время транзита из-за нелегальной миграции или нехватки ресурсов для путешествия. Разделение также можно запланировать, поэтому многие семьи отправляют одного из своих членов в страну назначения со всеми собранными для поездки ресурсами, чтобы увеличить шансы на

успешную миграцию в страну назначения. Это, чаще всего, молодой мужчина, мальчик или тот член семьи, который физически наиболее готов пройти этот путь [17]. Тот факт, что разделение семьи планируется таким образом, не снижает психологического напряжения, которое оно несет для всей семьи.

Право на единство семьи объясняет, как семья является социальным ресурсом, а также то, что она обеспечивает подтверждение идентичности и является источником поддержки, необходимой для преодоления стрессов аккультурации и предотвращения социальной изоляции в новой среде [18]. Отделение от семьи после переселения, и особенно от нуклеарной семьи, оказывает негативное влияние на психическое здоровье беженцев [19]. Другие члены семьи часто остаются в зонах боевых действий или в пути, где им небезопасно, что является источником сильного стресса и страха для беженцев [20].

Во время транзита и в странах назначения женщины подвергаются гораздо более высокому риску дискриминации, сексуального и гендерного насилия по сравнению с мужчинами [21], что особенно негативно влияет на их психическое здоровье. Женщины редко путешествуют в одиночку, а разлучение со своими семьями по пути и лишение права на единство семьи еще больше подвергают их этим формам насилия.

Длительная разлука и изоляция мигрантов от своих семей приводит к многочисленным психологическим и социальным проблемам и мешает этим людям нормально функционировать в обществе [22]. Важно отметить, что реализация права на воссоединение семей отвечает не только интересам беженцев, но и интересам принимающих стран. Как заключил УВКБ ООН, шансы на успешную интеграцию мигрантов в принимающую страну значительно выше, если будет реализовано право на воссоединение семьи [23].

Из результатов этих исследований мы видим, что разлучение семей является источником большого стресса для беженцев и мигрантов, но также и то, что воссоединение семей оказывает не только положительное влияние на психическое здоровье самой семьи, но и на само общество, в котором они находятся. Таким образом, единство семьи представляет собой важный защитный фактор, а также фактор успешной интеграции.

Как мы имели возможность убедиться, защита детей и семей в условиях миграции является одним из важнейших вопросов

современного общества, и ответ на этот вопрос во многом зависит от реализации права на воссоединение семей.

В ходе обзора литературы мы пришли к выводу, что миграционная политика Европейского союза и национальных правительств часто контрпродуктивна, поскольку они не останавливают миграцию, а вынуждают мигрантов переходить на незаконные маршруты, что еще больше подвергает их риску разлучения с семьями, а также различным формам эксплуатации и насилия. В этом контексте право на воссоединение семьи становится все труднее реализовать, хотя оно гарантируется многими международными законами и конвенциями. Существующая международно-правовая база обеспечивает основу для защиты права на семейную жизнь, однако практика показывает, что реализация этих прав часто сталкивается с препятствиями.

Миграционный процесс может стать серьезной травмой для семьи, а дети и семьи, находящиеся в процессе миграции, ежедневно подвергаются высокому уровню стресса и риска как в стране происхождения, так и в транзите, и в стране назначения. Воссоединение семей не только способствует улучшению психического здоровья беженцев, но и предотвращает долгосрочные негативные последствия разлуки для психического здоровья детей и их родителей.

Таким образом, защита детей и семей в миграции требует целостного подхода, включающего эффективную миграционную политику, четко регламентированную международно-правовую базу, активную роль государства и международных организаций, а также доступную психосоциальную поддержку. Право на воссоединение семей должно быть приоритетом для обеспечения сохранения психического здоровья и благополучия детей и семей в миграции, а также их успешной интеграции в новое общество.

В данной статье мы представили право на воссоединение семьи в новом ракурсе, как фактор сохранения психического здоровья детей и семьи и предотвращения дополнительной травматизации тех, кто пережил опыт миграции. Только благодаря совместным усилиям международного сообщества, государств, неправительственных организаций и гражданских обществ мы можем достичь долгосрочных решений одной из важнейших гуманитарных задач нашего времени.

Список литературы

1. von Hermanni H., Neumann R. 'Refugees Welcome?' The Interplay Between Perceived Threats and General Concerns on the Acceptance of Refugees – a Factorial Survey

- Approach in Germany//Journal of Ethnic and Migration Studies. 2019. Vol45. No 3. P. 349–374.
2. Arturo J. Family reunification for migrants and refugees: a forgotten human right? A Comparative Analysis of Family Reunification under Domestic Law and Jurisprudence, International and Regional Instruments. ECHR Caselaw and the EU 2003 Family Reunification Directive. 2003. P. 1-66.
 3. Žegarac N., Burgund Isakov A., Marković V., Husremović Dž., Trkulja A. Wherever we go, someone does us harm. Violence against refugee and migrant children arriving in Europe through the Balkans: Balkans Migration and Displacement Hub, Save the Children North West Balkans. 2022. 33-99 p.
 4. Žegarac N., Perišić N., Burgund Isakov A., Lončarević K., Marković V. Zaštita dece u migracijama: Pristup zasnovan na pravima. Beograd: Univerzitet u Beogradu – Fakultet političkih nauka, Centar za istraživanja u socijalnoj politici i socijalnom radu. 2021. 21-85 p.
 5. Timshel I., Montgomery E., Dalgaard N. T. A systematic review of risk and protective factors associated with family related violence in refugee families // Child Abuse & Neglect. 2017. No. 70. P. 315-330.
 6. League of Nations. Geneva Declaration of the Rights of the Child: League of Nations. 1924.
 7. Žegarac N., Perišić N., Burgund Isakov A., Lončarević K., Marković V. Zaštita dece u migracijama: Pristup zasnovan na pravima. Beograd: Univerzitet u Beogradu – Fakultet političkih nauka, Centar za istraživanja u socijalnoj politici i socijalnom radu. 2021. P.21-85.
 8. Lems A., Oester K., Strasser S. Children of the Crisis: Ethnographic Perspectives on Unaccompanied Refugee Youth in and en Route to Europe // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. Vol 46. No. 2. P. 315-335.
 9. Bhabha J. Lone Travelers: Rights, Criminalization, and the Transnational Migration of Unaccompanied Children // The University of Chicago Law School Roundtable. 2000. Vol. 7.No. 1. Article 11.
 10. Žegarac N., Perišić N., Burgund Isakov A., Lončarević K., Marković V. Zaštita dece u migracijama: Pristup zasnovan na pravima. Beograd: Univerzitet u Beogradu – Fakultet

političkih nauka, Centar za istraživanja u socijalnoj politici i socijalnom radu. 2021. 21-85 p.

11. UNHCR. Tumačenje člana 1. Konvencije o statusu izbeglice iz 1951 Ženeva: Publikacije UNHCR. 2001.
12. Međunarodna komisija pravnika. Migracije i međunarodno pravo ljudskih prava - Vodič za praktičare br. 6: Ženeva, Švajcarska: Međunarodna komisija pravnika. 2016.
13. UNICEF. Implementation Handbook for the Convention on the Rights of the Child: Geneva: United Nations Publications. 2007.
14. Löbel L.-M. Family Separation and Refugee Mental Health – A Network Perspective // Social Networks. 2020. No. 61. P. 20–33.
15. Ager A., Strang A. Understanding Integration: A Conceptual Framework // Journal of Refugee Studies. 2008. Vol. 21. No 2. P. 166–191.
16. Löbel L.-M. Family Separation and Refugee Mental Health – A Network Perspective // Social Networks. 2020. No. 61. P. 20–33.
17. Honohan I. Reconsidering the Claim to Family Reunification in Migration // Political Studies. 2009. No. 5. P. 8–15.
18. Agneessens, F., Waeye H., and Lievens J. Diversity in Social Support by Role Relations: A Typology // Social Networks. 2006. Vol. 28. No. 4. P. 427–441.
19. Löbel L.-M. Family Separation and Refugee Mental Health – A Network Perspective // Social Networks. 2020. No. 61. P. 20–33.
20. Choumanivong C., Poole G. E., Cooper A. Refugee Family Reunification and Mental Health in Resettlement // Kōtuitui: New Zealand Journal of Social Sciences. 2014. Vol. 9. No. 2. P. 89–100.
21. Nawyn S. J., Reosti A., Gjokaj L. Gender in Motion: How Gender Precipitates International Migration // Advances in Gender Research. 2009. No. 13. P. 175–202.
22. Arturo J. Family reunification for migrants and refugees: a forgotten human right? A Comparative Analysis of Family Reunification under Domestic Law and Jurisprudence, International and Regional Instruments, ECHR Caselaw and the EU 2003 Family Reunification Directive, 2003. P. 1-66.
23. Cholewinski R. Family Reunification and Conditions Placed on Family Members: Dismantling a Fundamental Human

**ЕЩЁ РАЗ О ФЕНОМЕНЕ НОВОМУЧЕНИЧЕСТВА В
КОНТЕКСТЕ ИСТОРИСОФСКОГО И
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА ПРИМЕРЕ
НОВОМУЧЕНИКОВ БЕРДЯНСКА (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
НЕСТОР (ДОНЕНКО), ЕПИСКОП. НЕ МИР, НО МЕЧ.
НОВОМУЧЕНИКИ БЕРДЯНСКА: СВЯЩЕННОМУЧЕНИКИ
ВИКТОР КИРАНОВ, МИХАИЛ БОГОСЛОВСКИЙ, АЛЕКСАНДР
ИЛЬЕНКОВ, ПАВЕЛ ВОЙНАРСКИЙ, МУЧЕНИКИ ПАВЕЛ И
АЛЕКСЕЙ КИРЬЯН. – СИМФЕРОПОЛЬ: Н. ОРЯНДА, 2022. –
576 С.)**

Масаев М. В.

*Доктор философских наук
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
профессор кафедры культурологии и социокультурного
проектирования Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и
дизайна. Академик Крымской Академии наук
E-mail: masaev.mihail@yandex.ru*

***Аннотация.** В данной работе предпринимается попытка
аналитического осмысления новой книги епископа Нестора (Доненко),
поскольку имеется насущная необходимость популяризации идей
православного богословия и дальнейшего закрепления образов
исповедников веры с целью фиксации в нашем сознании
положительных моментов нашей общей исторической памяти и
наследия.*

***Ключевые слова:** Новомученики Бердянска, аналитические
размышления, епископ Нестор (Доненко).*

**ONCE AGAIN ABOUT THE PHENOMENON OF NEW
MARTYRDOM IN THE CONTEXT OF HISTORIOSOPHICAL AND
CULTURAL ANALYSIS: ON THE EXAMPLE OF THE NEW
MARTYRS OF BERDYANSK
(BOOK REVIEW: NESTOR (DONENKO), BISHOP. NOT
PEACE, BUT A SWORD. NEW MARTYRS OF BERDYANSK: HOLY
MARTYRS VIKTOR KIRANOV, MIKHAIL BOGOSLOVSKY,
ALEXANDER ILYENKOV, PAVEL VOYNARSKY, MARTYRS**

PAVEL AND ALEXEY KIRYAN. – SIMFEROPOL: N. ORIANDA,
2022. – 576 P.)

Masayev M. V.

Doctor of Philosophy

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Professor of the Department of Culturology Studies and Socio-
Cultural Projecting of the Institute of Media communications, Media
technologies and Design (SD). Academician of the Crimean Academy of
Sciences(Simferopol)*

Abstract. *This work attempts to analyze the new book of Bishop Nestor (Donenko) analytically, since there is an urgent need to popularize the ideas of Orthodox theology and further consolidate the images of confessors of faith in order to fix in our minds the positive aspects of our common historical memory and heritage.*

Keywords: *New Martyrs of Berdyansk, analytical reflections, Bishop Nestor (Donenko).*

Феномен российского новомученичества, исповедничества и страстотерпчества имеет не только так называемый сугубо исторический и вытекающий из него историософский вектор. С точки зрения фундаментальной культурологии, данный феномен – явление не только сугубо историческое, но и культурное, поскольку наряду с историей новомученичества, это явление становится неотъемлемой частью православной культуры в частности и всей Отечественной и мировой культуры в целом, поскольку общеизвестно, что православная вера как составная часть христианства – одна из трёх основных именно мировых религий (наряду с буддизмом и исламом).

В одной из недавно вышедших работ мы подчёркивали, что аналитически размышлять и писать рецензию на такого видного подвижника православия, коим является епископ Ялтинский Нестор (Доненко) – дело весьма ответственное и сложное [10, с. 221]. И, тем не менее, мы отваживаемся это сделать, поскольку чувствуем насущную необходимость в деле популяризации идей православного богословия дальнейшего закрепления образов исповедников веры с целью фиксации в нашем сознании положительных моментов нашей общей исторической памяти [3; 4] и наследия.

Епископ Ялтинский Нестор (Николай Николаевич Доненко), викарий Симферопольской и Крымской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата, – настоятель храма

Покрова Пресвятой Богородицы в посёлке Нижняя Ореанда (Большая Ялта), кандидат педагогических наук, преподаватель Таврической духовной семинарии, автор исследований о новомучениках и исповедниках Русской Православной Церкви, известный читателю по двухтомному изданию под названием «Наследники Царства», книгам «Новомученики Феодосии», «Священномученик Аркадий, епископ Бежецкий», «Ялта – город веселья и смерти», «Крымская епархия под началом святителя Луки» и многим другим. До монашеского пострига – протоиерей Николай Доненко, три десятилетия совершавший в Крыму своё церковное и священническое служение.

Монахиня Евстолия (Егорова) подчёркивала в предисловии [1] к изданию одной из его работ: «26 лет настоятельства, восстановления из руин архитектурной жемчужины Южного берега – Покровского храма (см. также: [2]), возрождение литургической и приходской жизни, архивные исследования, издательская деятельность, преподавание, научные и творческие контакты – это лишь немногие сухие факты биографии» [1, с. 4].

«Погружение в историю эпохи гонений, соприкосновение с документами и живыми свидетелями подвига новомучеников, мысленное и сердечное проживание тех трудных и экстремальных обстоятельств, в которых святые оказывались победителями по благодати, стало основой духовного опыта епископа Нестора. А общение с живыми носителями Духа, подвижниками и старцами XX века помогало сохранить трезвенное отношение к себе, пастырскую чуткость и открытость к людям» [1, с. 4].

Рецензируемая книга представляет собой жизнеописания новопрославленных святых и священнослужителей Бердянска. Вошедшие в эту работу жизнеописания составлены на основании церковного предания и материалов из архивов России, Украины и Крыма. Каждая новая публикация о новомучениках и подвижниках благочестия расширяет наше представление о Святой Руси и помогает отчётливее увидеть подлинный ландшафт нашего Отечества.

В своё время Епископ Нестор (Доненко) обосновывал выбранное им название книги «Любовь рождается в свободе» следующим образом: «Бог может всё, кроме одного. Он не может спасти человека без его согласия. *Сотворив человека свободным, Бог тем самым ограничил Своё всемогущество. Человек, полюбивший свою свободу как дар Божий, несомненно, с уважением отнесётся к чужой свободе и примет её в полной мере. Ведь только в свободе может родиться любовь* (выделено нами – М. М.) [11, с. 3].

То есть, любовь «не появляется по принуждению. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою», – говорит Господь (Ин. 13, 35). Семья, человеческие отношения, церковный приход, монастырь – везде, откуда не изгнана свобода, так возможна и любовь...» [11, с. 3].

По большому счёту, выход в свет рецензируемой нами работы также (в числе прочих причин) можно обосновать подобным же образом.

Книга епископа Нестора состоит из следующих разделов: «Начало перемен» (с. 8), «Политическая борьба» (с. 55), «Восстание «Союза увечных воинов» и расстрел Первого Бердянского совета» (с. 82), «Махновцы в Бердянске» (с. 130), «Новая эпоха» (с. 195), «Священномученик Павел Войнарский и мученики Павел и Алексей Кирьян» (с. 215), «Священник Александр Лукин» (с. 221), «Священник Николай Секиринский» (с. 239), «Священник Дмитрий Галицкий» (с. 250), «Священники Виктор Гаврилов и Александр Кошарновский» (с. 253), «Народное сопротивление» (с. 262), «История крестьянина Дмитрия Георгиевича Клевцова, рассказанная его дочерью Евдокией» (с. 267), «Подвижники веры: священномученики Виктор Киранов, Михаил Богословский и Александр Ильенков» (с. 274), «Тропарь, кондак и молитва» (с. 388), «Приложение» (с. 390), «Именной указатель» (с. 476), «Список верующих Покровской общины г. Бердянска, с указанием адресов, заявивших в подлиннике собственноручными подписями при говении в апреле 1937 года о желании быть членами общины» (с. 487), «Добавочный (к основному) список верующих, говевших в апреле 1937 года при Покровской церкви г. Бердянска (с. 551).

Таким образом, структура книги весьма удачна и охватывает наиболее приемлемый спектр поставленных тематических проблем в русле феномена новомученичества, исповедничества и страстотерпчества.

Если брать во внимание поставленный в заглавии историософский анализ проблемы, то следует подчеркнуть, что во вступительной части книги о новомучениках Бердянска автор показательно цитирует Святителя Николая Сербского: «Главное содержание истории состоит в определении отношения людей к Богу. Всё остальное – лишь эпизоды и фрагменты главного» (с. 7). И далее – переходит к конкретике:

«В жизни города, как и в жизни каждого человека, случаются грехи, падения и провалы, но, несомненно, бывают взлёты и духовные прозрения. Порой на стыке эпох, во время кризиса, утрачивается

сознание не только отдельных людей, но и целого народа, однако, вопреки всему, жизнь продолжается, потому что она глубже и первичнее всякого сознания. и тогда, как таинственная река, Священная Традиция связывает живое прошлое с живым будущим и проходит через человеческие сердца, где только и можно, не спотыкаясь о факты и документы, увидеть душу времени и прикоснуться к телу истории.

В истории, как и в геологии, действуют процессы собирания, уплотнения и сжатия, при которых непредвиденные сочетания приводят к непредвиденным результатам. Исторические события напоминают проявляющуюся фотографию, где последовательно из едва заметных контуров и пятен появляются чётко различимые образы. Но в жизни наблюдается и обратное, когда всё начинает блекнуть, покрываться серебряной мглой, и то, что прежде обладало яркими, выразительными чертами, представлялось вечным и недвижимым, стирается, и остаётся нечто неожиданное, малое, бывшее в небрежении у современников, но ценное в очах Божиих. Значительность событий измеряется не столько количеством жертв, сколько качеством, их соотносённостью с Вечностью. И первое от второго различает и разделяет сам Господь. «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; ен мир пришел Я принести, но меч...» (с. 7).

Показательны также приводимые автором книги экскурсы в историческое прошлое Бердянска:

«В 1842 году Бердянск стал уездным городом, но до его включения в 1898 году в сеть железных дорог был почти изолирован от всей страны и жил обособленной жизнью, сосредоточивая интересы на торговле своей замечательной пшеницей с Европой через греческие и итальянские посреднические конторы. Порт пропускал до 35 миллионов тонн экспортного зерна.

Рыбачья слободка с жалкими хатками к концу XIX века превратилась в благоустроенный европейский город с характерными чертами различных культур. Вокруг стали появляться колонии болгар, немцев-меннонитов, украинцев и греков. По замыслу Воронцова, Бердянск строился с широкими улицами, пересекающимися под прямым углом, с большой площадью в центре и несколькими малыми по сторонам, красиво вымощенными камнем и обсаженными акациями, а также с бульварами по трем поперечным проспектам. В городе преобладали серебристо-бежевые, землянистые тона, создававшие впечатление почвенной органики, помогающей человеку чувствовать себя мерой вещей. Среди кварталов, выстроенных из красного кирпича или керченского камня, было немало образцов

изящной итальянской архитектуры. Улицы и дома имели осязаемое человеческое измерение. Обилие садов и парков производило благоприятное впечатление, особенно если смотреть на город с высоты берегового обрыва: на юг – море, внизу на ровной, как стол, отмели – чистый, зеленый городок, блистающий куполами десяти православных церквей» (с. 9-10).

И далее автор совершает следующий поворот сюжетной линии:

«Неторопливое благополучие, неуклонно набиравшее силу в начале XX века, казалось бы, осветило страну надеждой благоденствия. Но, как вскоре выяснилось и стало для многих очевидным, прогресс бывает разным. В России он проявился в первую очередь как радикальное неприятие всех прежних национальных устоев и традиций, не в последнюю очередь Православной Церкви и её служителей. Разрушая неповторимую красоту традиционной жизни, метастазы прогресса неожиданно быстро проникали в самые отдалённые уголки ещё недавно, как думали многие, в великой и несокрушимой империи. Атмосфера в стране становилась густой и непроницаемой, чуждой той прозрачности, через которую легко и радостно созерцать красоту Божьего мира, игру солнечных лучей на зыбкой поверхности полуденного моря.

Подобно стреле или взгляду, образ революции, «несущей счастье миллионам», уязвлял, овладевая воображением людей, и становился неотъемлемой частью их сознания. Отчего в замутнено-удушливом воздухе империи, словно невидимая хищная птица, зависало мрачное предчувствие, удерживающее русский мир пока ещё не своими когтями, а просто взглядом.

Каиновы черты стали появляться на изгибах и разрывах усложняющейся жизни. Их тёмное очарование воспевали поэты и писатели, ими любовались художники и утончённые интеллектуалы, на них указывали святые, говоря о неизбежных роковых потрясениях ближайшего будущего. Призрак, бродивший по Европе, обретал плоть и кровь и всё чаще примерял на себя русский кафтан. Острота новизны, необыкновенность предчувствия восхищали, подталкивали не только к новым художественным формам, но и к социальным экспериментам. Высокие философские идеи о преобразовании жизни часто подавались в незатейливой простоте, доступной для понимания и практической реализации. Внимание сосредоточивалось на внешних, как правило, экономических, переменах (с. 10-14).

В подразделе «Богословие мученичества» работы «Любовь рождается в свободе» епископ Нестор справедливо отмечает: «Всем лучшим, что есть у нас, в нашем сердце, жизни, культуре и

цивилизации, мы обязаны Православной Церкви, Христову свету, «просвещающему и освящающему всякого человека, грядущего в мир. Представления и жизни и смерти, небе и земле, истине и справедливости, верности, жертвенности и так далее выросли из опыта прочтения Нового Завета, вошли в нашу культуру, быт и повседневность, стали отличительной чертой восточно-христианской цивилизации» [11, с. 8].

И далее владыка переходит на наши Отечественные реалии: «Русская жизнь, русский мир полны противоречий и взаимоисключающих движений. В нашей истории были удивительные взлёты и трагические провалы, трещины и разрывы, из которых поднимались inferнальные испарения... Но были и удивительные прозрения, Божественные посещения. Порой взаимоисключающее сосуществовало, находилось рядом так близко, как только могло быть, образуя боль и трагедию для целого поколения....

История Крыма, как и всей России, особенно в XX веке, была исполнена потрясением и болью, которая красной нитью прошла через судьбы лучших представителей нации, способных говорить «нет» лукавству, лжи и насилию, в каких бы облициях они ни представлялись. Подобные люди – свет и соль нашей земли, в первую очередь мученики, исповедники и подвижники благочестия. Если мы можем говорить с другими народами на равных, то это потому, что у нас есть такие же гениальные писатели, учёные философы, как во Франции, Германии, Англии. И если их присутствие дает нам право вести диалог на другом уровне, то наличие великих святых дает нам особое дерзновение свидетельствовать об Истине, их глазами видеть самих себя и весь мир в свете евангельской правды и, соответственно, свидетельствовать об этой правде своими словами, поступками, всей своей жизнью. Собор новомучеников Российских – это не что иное, как смысловая и духовная скрепа, сохраняющая, вопреки всему, русский мир целостным. Для русской и восточно-христианской цивилизации вообще это – несущая конструкция нашей жизни, некая Богом дарованная реальность, краеугольный камень, то, что помогает нам увидеть иное качество бытия, ощутить и осмыслить своё предназначение. *За последнее десятилетие мы пережили множество кризисов – экономический, политический, культурный, моральный, но самый страшный из них – это кризис нашей идентичности. Мы усомнились в своём первородстве, в своём особом предназначении, что повлекло за собой великие потрясения и общенациональную трагедию. Нам необходимо вернуться к незамутненным источникам нашего духовного и национального*

бытия, устремить свой ум и сердце ко Христу и Его Святой Церкви (курсив наш – М. М.). И в этом отношении опыт XX века, начиная от Святейшего Патриарха Тихона до Святителя Луки Крымского, есть не что иное, как источник нашего национального вдохновения. Это новые обстоятельства в истории русского мира, порождающие новые смыслы, которые, в свою очередь, приводят нас на Голгофу, к Животворящему Кресту. Именно оттуда проистекает Божественная правда, которая облекается в плоть и кровь русской истории, являясь для нас непреходящей ценностью, особым смыслом, небесной радостью, которую мы должны вместить в своё сердце и поделиться ею с другими» [11, с. 8-10].

Достаточно показательны ещё одно наблюдение владыки:

«Все главные события XX века, на мой взгляд, происходили в России или так или иначе имели к ней отношение. Те, кто ещё совсем недавно представлялся большинству главным в истории ушедшего столетия, – деятели и творцы новой коммунистической реальности, такие как Ленин, Бухарин, Троцкий, Рыков и прочие, – медленно, но верно растворяются в памяти нового поколения. И в то же время на историческом горизонте появляются блистательные имена, такие как преподобномученица княгиня Елизавета и инокиня Варвара, священномученик Владимир Киевский (см., например, [5]), Святейший Патриарх Тихон, священномученики Петр Крутицкий, Иларион Верейский, Фаддей Тверской и, конечно же, крымские святые – совершители практического богословия.

Наиболее почитаемый из них – священноисповедник чудотворец Лука Крымский (см., например, [6; 7; 8]), который с поразительным блеском соединил в себе православное богословие, целостность научной картины мира (см., например: [9]), исповеднический подвиг и огромный труд врача-хирурга и теоретика» [11, с. 12].

Весьма ярко автор подводит итог своей монографии о новомучениках Бердянска:

«Пожалуй, это и всё, что известно на сегодняшний день о святых и праведных Бердянска. Но и этого может оказаться достаточно, чтобы посмотреть на город и его историю другими глазами.

Ни география, ни экономика, ни **культура** (выделено нами – авт.) не определяют в конечном итоге глубинную жизнь города или народа, его самодостаточность. И только наличие праведных, святых, осоленных Духом, всем своим существом полюбивших Вечность, реальная значимость которых в глазах Творца позволила Аврааму дерзновенно ходатайствовать перед Богом о спасении городов, даёт нам не только новое представление о земном, но и низводит милость и

дарует оправдание. Физиономия города от их присутствия становится благообразной, и сам город, как живое существо, в своём единстве звуков, красок, форм, игры света и тени, погруженный в осмысленное и освященное пространство, приобретает новое измерение [см., например: 12, с. 102], становится особым существом со своей таинственной неповторимой жизнью, трепещущей в его плоти, сияющей в его душе.

Город обретает свой образ и лик, и тайна его соотносится уже не только с историческими эпохами, оставившими на его теле свои следы, но и с кровью и подвигом святых, ставших фундаментом и каркасом истории, вне зависимости от желания и способности современников понять и вместить в своё сознание отблеск лазурного неба» (с. 386).

Безусловно, что очередной подарок читателю от владыки Нестора будет весьма полезным в деле дальнейших общих подвигов – больших и малых – в деле укрепления православной веры, а пример новомучеников Бердянска – очередная тому яркая иллюстрация.

Список литературы

1. Монахиня Евстолия (Егорова) Предисловие к изданию // Епископ Нестор (Доненко) Любовь рождается в свободе. Симферополь: Н. Орианда, 2020. 408 с. С. 4-5.
2. Масаев Владимир, Масаев Михаил. Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Нижней Ореанде просит помощи / Владимир Масаев. Михаил Масаев // Крымская газета. 1993. № 157 (290). 27 августа.
3. Масаев М. В. Историческая память как общественный и культурный феномен (социально-философский анализ) / М. В. Масаев, И. А. Андрищенко, Е. Б. Ильянович // Текст и коммуникация в пространстве культуры: коллективная монография / под общ. ред. Д. С. Берестовской и И. А. Андрищенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. 192 с. С. 92-98.
4. Масаев М. В. Историческая память как общественный и культурный феномен (социально-философский анализ) / М. В. Масаев, Е. Б. Ильянович // XIX Таврические научные чтения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «История в мемориальном пространстве» (27-30 мая 2019 г., Симферополь – Алушта) / гл. ред. Е. Б. Вишневская. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. 360 с. С. 162-166.

5. Лисюнин Виктор (протоиерей). Веры нерушимой основание: священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевской и Галицкий, как представитель тамбовского духовенства / В. Ф. Лисюнин. Тамбов, 2019. 142 с.
6. Марущак Василий, протодиакон. Святитель-хирург: житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). – М.: Даниловский благовестник, 2007. 416 с.
7. Лисюнин, В. Ф. Тамбовская Голгофа святителя Луки: по свидетельствам очевидцев: монография / науч. ред., авт. вступ. ст.: Л. Г. Протасов. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. 540 с.
8. Масаев М. В. Некоторые грани биографии великого подвижника российского православия / Масаев М. В., Свешникова И. П. // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием IV Ялтинские философские чтения «Проблемы гуманитарного знания и крымский культурный ландшафт» Феномен «русской революции» в социально-гуманитарном знании (23-24 ноября 2017 года, г. Ялта) / Отв. ред., к.ф.н., доцент Разбеглова Т.П. Ялта, 2018. 122 с. С. 34-36.
9. Масаев М. В. Современное развитие идей В. Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки) о синтезе науки и религии / Свешникова И. П., Масаев М. В. // Политическое пространство и социальное время: синергия смыслов и ценностей. Сборник научных трудов XXXIV Международного Харакского форума 17-20 мая 2018 года, г. Ялта / Под ред. Т. А. Сенюшкиной. Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. 250 с. С. 164-170.
10. Масаев М. В. Любовь рождается в свободе: аналитические размышления (рецензия на книгу: Епископ Нестор (Доненко) Любовь рождается в свободе / М. В. Масаев // Политическое пространство и социальное время: власть символов и память поколений. Сборник научных трудов XXXVIII Международного Харакского форума. – Симферополь: АРИАЛ, 2022. – С. 221-226.
11. Епископ Нестор (Доненко) Любовь рождается в свободе. Симферополь: Н. Оріанда, 2020. 408 с.
12. Масаев М. В. Культурологическое (вертикальное) измерение структуры парадигмальных образов в качестве символов эпох и цивилизаций/ М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. 2007. № 108. С. 102-104.

**ФЕНОМЕН НРАВСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В
КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ СУДЕБ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ**

Масаев М. В.

Доктор философских наук

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
профессор кафедры культурологии и социокультурного
проектирования Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и
дизайна. Академик Крымской Академии наук*

E-mail: masaev.mihail@yandex.ru

***Аннотация.** В данной работе предпринимается попытка раскрытия феномена нравственной экономики, оперируя концептуальными положениями выдающегося российского мыслителя – политолога, философа, публициста и общественного деятеля Александра Сергеевича Панарина, говорившего и писавшего, в частности, о судьбах «православной цивилизации в глобальном мире» и «стратегической нестабильности», грозящей человечеству в недалёком будущем печальными последствиями.*

***Ключевые слова:** нравственная экономика, концепции А. С. Панарина, социально-философский анализ.*

**THE PHENOMENON OF MORAL ECONOMY IN THE
CONTEXT OF UNDERSTANDING THE FATES OF ORTHODOX
CIVILIZATION IN THE GLOBAL WORLD AND THE
POSSIBILITIES OF OVERCOMING STRATEGIC INSTABILITY**

Masayev M. V.

Doctor of Philosophy

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Professor of the Department of Culturology Studies and Socio-
Cultural Projecting of the Institute of Media communications, Media
technologies and Design (SD). Academician of the Crimean Academy of
Sciences(Simferopol)*

***Abstract.** This paper attempts to reveal the phenomenon of moral economy, using the conceptual provisions of the outstanding Russian thinker –political scientist, philosopher, publicist and public figure Alexander Sergeevich Panarin, who spoke and wrote, in particular, about*

the fate of the "Orthodox civilization in the global world" and "strategic instability" threatening humanity with dire consequences in the near future.

Key words: *moral economy, concepts of A. S. Panarin, socio-philosophical analysis.*

Актуальность поставленной проблемы заключается прежде всего в том, что человеческое общество, выражаясь терминологией Арнольда Тойнби, находится в ситуации очередного вызова. И ответ на этот вызов будет в значительной мере определяться такими этическими категориями, как «мораль» и «нравственность». Вне этих смысложизненных категорий существование человечества в том виде, который был задан историческим опытом человеческих цивилизаций прошлого, будет просто невозможно – начнётся пресловутая «война всех против всех» (как гласит латинское изречение – “*bellumomniascontraomnes*”), которая при дальнейшей эскалации этого процесса приведет к тому, о чём единодушно говорят все эсхатологи – к «концу света», закату человеческой эры на нашей планете. Конечно, с точки зрения классической эсхатологии, это должно произойти (рано или поздно), но некоторые богословы полагают, что процесс этот может быть или ускорен, или наоборот – замедлен; ускорен – если человечество и дальше, сознательно и последовательно пойдёт по греховному, безнравственному, аморальному пути, а замедлен – если оно встанет на путь, завещанный Творцом – путь истины, любви, добра, красоты и в конечном счёте, торжества жизни над смертью.

В данной работе предпринимается попытка раскрытия феномена нравственной экономики, оперируя концептуальными положениями выдающегося российского мыслителя – политолога, философа, публициста и общественного деятеля Александра Сергеевича Панарина, говорившего и писавшего, в частности, о судьбах «православной цивилизации в глобальном мире» [1; 5] и «стратегической нестабильности» [2], грозящей человечеству в глобальном плане.

Что же представляет собой нравственная экономика?

Как подчёркивает один из современных российских исследователей Е. Е. Жернов, нравственная экономика представляет собой такую сферу экономики, которая соответствует человеку, «осознавшему себя самого как человека нравственного экономически». А подобному осознанию «способствует прежде всего образование граждан, нацеленное на решение нравственных проблем всего общества и его отдельных сообществ» [3, с. 198]. При этом цитированный выше автор, рассматривая два направления подходов к

нравственной экономике – антропонравственное и социально-экономическое – говорит о том, что «мы в России отдаём приоритет первому», то есть антропонравственному. Здесь же идёт речь о том, что нравственно-духовный уровень народа, несмотря на все потрясения последних трёх десятилетий так называемых «экономических реформ», остаётся, тем не менее, высоким [3, с. 200]. Возможно, автор в некоторой степени прав (в том смысле, что к подобному идеалу нравственно-духовного уровня народа надо стремиться). Однако жизненные реалии говорят нам о несколько другом векторе в стремлении к нравственной экономике. Повседневная жизнь показывает, что картина нравственной экономики далека до своего завершения, поскольку мы всё время сталкиваемся с нечестностью, банальным обманом, начиная с мелких продавцов на обычных рынках и в магазинах, кафе, ресторанах и прочих «общественных местах», и завершая глобальным измерением – так называемых «топ-менеджеров» крупных компаний. Примеров тому в последнее время очень много – когда, например, необоснованно повышаются цены на товары и услуги, а на этом необоснованном повышении безнравственным путём зарабатываются деньги. Хотя термин «зарабатываются» здесь, мягко говоря, не совсем верен. Прямо сказать – «воруются» – было бы точнее.

Но почему же такое происходит?

И тут на помощь и приходят методологические наработки А. С. Панарина. Первые наработки связаны с феноменом «православной цивилизации в глобальном мире». Ей (цивилизации) просто банально сложно адаптироваться под новые модели, исходящие идеологически из так называемой «чикагской школы экономики» и так называемой «протестантской этики», крайние императивы которых приводят к логическим выводам о том, что «делать деньги» надо в том числе и не совсем честным путём, хотя в своём первоначальном плане протестантская этика также говорит о важности именно нравственного характера экономики и подобного типа социальных отношений в обществе.

В своё время Юрий Бородай в работе «Почему православным не годится протестантский капитализм» в эпиграфе к своему исследованию привёл цитату из работы Ивана Солоневича – цитату очень яркую и показательную, заставляющую нас всех задумываться именно о судьбах православной цивилизации в глобальном мире. Вот эта цитата: «Нас учили оплёвывать всё своё и нас учили лизать пятки всех Европ – «стран святых чудес». Из этих стран на нас пёрли: польская шляхта, шведское дворянство, французские якобинцы,

немецкие расисты – припёрло и дворянское крепостное право и советское. А что припрёт ещё? Какие ещё отрепья и лохмотья подберут наши учёные старьёвщики? ...» [4, с. 3]. А далее Ю. М. Бородай писал о том, что нашему обществу (как он говорил – «нам, недотёпам») внушают следующее: «когда взрослые трезвые люди заговаривают о серьезных вещах, например, о деньгах, ценах, прибыли — о поиске оптимальных способов производства и накопления материальных благ, — детский лепет о нравственности и тому подобном прекраснотушном вздоре становится неуместным. Учат: взрослых и трезвых экономистов, докторов и тем более академиков нужно сейчас не просто внимательно слушать — слушаться! Потому что стали мы нищими от идеалов, раздетыми и разутыми. Надо отбросить мечтания, потустороннюю мистику (именно в них, проклятых, как нам вещает «Свобода», непреходящая суть так называемой «русской идеи») и наконец научиться твердые деньги делать — всем и на всём» [4, с. 3]. Но при этом с чувством горькой иронии он замечает, что Василий Белов, Валентин Распутин, Михаил Антонов «все твердят и твердят о духовности», причём не европейской, а своей, самобытной, национальной [4, с. 3]. Далее автор работы «Почему православным не годится протестантский капитализм» апеллирует к авторитету Карла Маркса, замечая при этом, что последний «обмишурился» со своими прогнозами и «лишён прокурорской мантии». Но парадокс – «никто лучше Маркса не умел показать, как смешон и нелеп становится весь мистически-почвенный, поэтический и моральный вздор, когда речь идет об экономических деловых расчетах...». И ещё: «Маркс пытался спланировать строй еще более прогрессивный и рентабельный, чем буржуазный. Коммунизм, с его точки зрения, не какой-то духовно-мистический, но, во-первых, экономический идеал — небывалое изобилие пряников! А чего еще людям надо? Человек по природе добр, но становится злым от недостатка кондитерских и колбасных изделий. При коммунизме все обязательно стали бы ангелами, потому что хорошее бытие определяет и соответствующее сознание. Материя первична...». Но история нового советского времени оказалась суровой – так называемой «материи» на прилавках «реального социализма» было недостаточно [4, с. 3]. Здесь с Юрием Бородаем можно согласиться лишь отчасти: «материя» была, но распределялась не по принципам этики, морали и нравственности, с одной стороны, а с другой – уходила эта материя и по идеологическим причинам – наше общество пыталось облагодетельствовать коммунистическим строем весь мир, причём зачастую в ущерб своему материальному благополучию и благосостоянию.

Но в другом ракурсе проблемы Ю. М. Бородай прав – когда говорит о том, что при «более пристальном рассмотрении» так называемое «здание западной экономики» действительно оказалось «воплощением специфических религиозно-нравственных установок», причём – «весьма аскетического характера». И получилось таким образом, что именно «этика (выделено нами – авт.) самым тесным образом оказалась связанной с экономикой, и «первичной» в этой органической целостности оказалась именно этика» [4, с. 4].

И тут получается, что именно морально-нравственное измерение экономики вкупе с религиозно-нравственными установками способствует построению нормального здания, в котором по завершении строительства все получают достойные квартиры для дальнейшего вполне нормального существования. Но это – в идеале, к которому надо стремиться.

Теперь – о «стратегической нестабильности». Почему человек и общество – нормальный человек и нормальное общество – хотят стабильности и боятся и, вместе с тем, не желают нестабильности? Ответ кажется очевидным – когда система стабильна – она работает продуктивно, предсказуемо, синергично. Но всегда ли всех устраивает стабильность? Очевидно, что, если возникает нестабильность, то стабильность устраивает не всех. В аспекте геополитики стабильность не устраивает те страны и цивилизации, которые стремятся посеять нестабильность в соперничающих с ними странах и цивилизациях. Классическая схема в данном случае – противостояние Архетипа Моря и Суши, талассократии и теллутократии. Образно говоря, пиратский, захватнический архетип моря стремится одержать победу над архетипом суши [6, с. 137]. Для этого ему на ранних этапах противостояния необходимо максимально ослабить архетип суши, образно говоря, «размыть» его своими водами. Вот для этого и нужно посеять семя нестабильности в лице революций, гражданских войн, войн с применением нетрадиционных видов вооружений, так называемых «цветных революций» новейшего времени и прочих методик подавления сопротивления инакомыслящих или делающих то, что не устраивает противоборствующую сторону.

Отечественный опыт истории говорит нам, что подобные «семена нестабильности» никогда не доводили до добра. Даже после так называемого «Великого Октября» началась гражданская война со всеми отрицательными и ужасными последствиями этих событий.

Стремление к стабильности и предсказуемости – один из самых понимаемых и осознаваемых человеком и всем человеческим сообществом мировоззренческих ориентиров. К сожалению,

современная экономика, основанная на спекулятивных механизмах и стремлениях к получению сиюминутной прибыли "любой ценой", не может обеспечить ту самую стабильность и предсказуемость в динамике общественного развития, которая необходима человечеству во все времена.

Вот почему наш новый общественный идеал должен в числе других смысложизненных компонентов с острой необходимостью содержать компонент «стратегической стабильности» в противовес «стратегической нестабильности». И одним из базовых составных этой «стратегической стабильности» должна быть нормально работающая экономика – производящая, а не потребительская, торгующая всем и вся, нравственная, а не безнравственная, основанная на справедливых принципах отдачи за вложенный труд, а не руководствующаяся так называемой хрематистикой.

Построение этого здания – нравственной экономики – с преодолением «стратегической нестабильности» сегодняшнего дня – одна из главных задач Отечественного общества новейшего времени.

Список литературы

1. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / Александр Сергеевич Панарин. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003 (АООТ Твер. полигр. комб.). 541, [2] с.
2. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / Александр Панарин. М.: Алгоритм, 2003 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). 558, [1] с.
3. Жернов Е.Е. Нравственная экономика: идентификация и сопоставление теоретических подходов // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 2, ч. 1. С. 190—208.
4. Бородай Ю. М. Почему православным не годится протестантский капитализм / Юрий Бородай// Наш современник. 1990. № 10. С. 3-16.
5. Панарин А. С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
6. Масаев М. В. Геополитические воззрения А. Г. Дугина в контексте феномена гибридных войн и их трансформации в XXI веке / М. В. Масаев // Политическое пространство и социальное время: стратегический вектор общественного развития в условиях полицентричного мира. Сборник научных

трудов XXXIX Международного Харакского форума.
Симферополь: ИТ «Ариал», 2022. С. 132-137.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мельничук С.В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия», аспирант
E-mail: sergey.melnichuk99@gmail.com*

***Аннотация.** В статье рассматриваются тенденции, характерные для развития украинской националистической мысли в годы, предшествующие Первой мировой войны и в военные годы. Начало XX века стало значимым этапом для развития украинских националистических движений и проблематики украинского самоопределения. Связано это было во многом с процессами, протекавшими в австрийской Галиции, а также с намерением властей Австро-Венгерской империи поддержать украинский националистический нарратив, в рамках противостояния с Российской империей. Развитие данного направления политической мысли во многом оказалось отражено в тенденциях на территории австрийской Галиции. Охарактеризована роль Австро-Венгерской монархии в поддержке украинской националистической мысли. Описаны особенности противостояния украинофильских и русофильских деятелей на территории Галиции. Охарактеризованы идеи Михаила Грушевского, как одного из ключевых общественных деятелей, определивших вектор развития украинской националистической мысли об украинской истории. Описаны тенденции, характерные для Украинской Народной Республики, как значимого этапа эволюции «украинского проекта» Центральных держав.*

***Ключевые слова:** украинский национализм, украинофильство, Первая мировая война, УНР, Галиция.*

CHARACTERISTICS AND EXAMPLES OF UKRAINIAN NATIONALISM DURING THE FIRST WORLD WAR

Melnichuk S.V.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute «Taurida Academy», graduate student*

Abstract. *The article examines the trends characteristic of the development of Ukrainian nationalist thought in the years preceding the First World War and during the war years. The beginning of the 20th century became a significant stage for the development of Ukrainian nationalist movements and the problem of Ukrainian self-determination. This was largely due to the processes taking place in Austrian Galicia, as well as the intention of the authorities of the Austro-Hungarian Empire to support the Ukrainian nationalist narrative in the context of confrontation with the Russian Empire. The development of this direction of political thought was largely reflected in the trends in the territory of Austrian Galicia. The role of the Austro-Hungarian monarchy in supporting Ukrainian nationalist thought is depicted. The features of the confrontation between Ukrainophile and Russophile figures in Galicia are described. The ideas of Mykhailo Hrushevskiy, as one of the key public figures who determined the vector of development of Ukrainian nationalist thought about Ukrainian history, are characterized. The article describes the tendencies characteristic of the Ukrainian People's Republic as a significant stage in the evolution of the "Ukrainian project" of the Central Powers.*

Keywords: *Ukrainian nationalism, Ukrainophilia, World War I, UPR, Galicia.*

Начало XX века стало значимым этапом для развития украинских националистических движений и проблематики украинского самоопределения. Связано это было во многом с процессами, протекавшими в австрийской Галиции, а также с намерением властей Австро-Венгерской империи поддержать украинский националистический нарратив, в рамках противостояния с Российской империей. Развитие данного направления политической мысли во многом оказалось отражено в тенденциях на территории австрийской Галиции.

Закономерным следствием актуализации национального вопроса в преддверье Первой мировой войны стало противостояние двух направлений политических движений в Галиции: украинофилов и русофилов. К. В. Шевченко приводит следующую характеристику данных направлений: «Если активисты украинского движения стремились доказать раздельное существование великороссов и украинцев уже в эпоху Киевской Руси, стараясь вычленить в древнерусской истории и литературе ее «украинский» компонент, то галицко-русские мыслители исходили из изначального единства всех русских земель. Будучи патриотами Галиции, галицко-русские деятели

подчеркивали колоссальную роль галичан в общерусской истории» [1]. Власти Австро-Венгрии стремились противодействовать пророссийским тенденциям на территории Галиции, Волыни и Закарпатья. В этом контексте закономерным стало более активное сотрудничество государственных структур с украинофильскими организациями.

В данном противостоянии значительную роль сыграли региональные СМИ. Так, одним из крупнейших печатных изданий региона была газета «Діло», которая в дальнейшем станет печатным органом Украинского национально-демократического объединения (УНДО). Также в Галиции действовали печатные издания «Світ», «Хлібороб», «Вестник Союза освобождения Украины», которые продвигали украинофильские нарративы. Идеи украинской независимости находили отражение различной степени радикальности в данных СМИ. В то же время работа русофильских СМИ была существенно затруднена. Большая часть печатных изданий к началу Первой мировой войны оказались под запретом либо были закрыты.

О роли государственной поддержки подобных движений В. В. Помогаев отмечал следующее: «Название «галицийские украинцы» стало применяться по отношению к русинам с подачи австро-венгерских властей – по мере сближения с Германией, подготовки к Первой мировой войне они все более активно разыгрывали против России «украинскую карту», утверждая на международной арене мнение о Галиции как об «украинском Пьемонте». Во Львове проводились съезды украинских сепаратистов, издавалась для распространения на Украине соответствующая литература» [2].

Показательно, что в условиях войны украинофильские организации продолжали функционировать. Ярким примером подобного является структура, получившая название «Главная украинская рада», в последствие – «Всеобщая украинская рада». Она была сформирована на базе трех националистских партий: Украинская национально-демократическая партия (УНДП), Украинская социал-демократическая партия (УСДП), Украинская радикальная партия (УРП). Работе данного объединения австро-венгерские власти не только не препятствовали, но и способствовали связям «Всеобщей украинской рады» с воинскими формированиями.

Заинтересованность австро-венгерских властей в существовании подобных объединений была продиктована стремлением к контролю над политической активностью славянского населения Королевства Галиции и Лодомерии. Для этой активности предполагался конкретный

антироссийский путь, из чего следовала целенаправленная популяризация именно украинофильских движений. В особенности ярко проявлялись попытки дестабилизации Российской империи. В отечественной исторической науке было зафиксировано множество проявлений подобных идеологических нарративов. Функционально они были призваны расширить влияние антироссийского украинского национализма с последующей интеграцией в «украинский проект» под эгидой Австро-Венгрии.

И. И. Баринов охарактеризовал так данную тенденцию: «В Галиции стала появляться (а вернее сказать, насаждаться) украинофильская литература на разительно отличавшихся от западного говора киевской и харьковской версиях «малороссийского» языка. Постепенно в обиход вошли идеи польского автора ФрантишекаДухиньского, согласно которым русские вообще не являются славянами, а напротив, представляют собой потомков азиатских кочевников, говорящих на испорченном церковнославянском языке» [2, с. 76].

Особую роль в развитии концептов об украинском народе, как противовесе русскому, сыграли общественные деятели, формировавшие идеологические основы украинского сепаратизма при поддержке правительства Австро-Венгрии. Наибольший вклад в формулировку и пропаганду данного идеологического проекта внесли члены организации, получившей название «Союз освобождения Украины» (далее СОУ). Организация была сформирована на территории Австро-Венгрии и фактически оказывала информационную поддержку этому государству во время Первой мировой войны. Её деятельность находилась в ведении австрийского министерства иностранных дел. За время её существования с СОУ сотрудничали следующие общественные деятели-украинофилы: Степан и Роман Смаль-Стоцкий, Василий Симович, Михаил Возняк, Богдан Лепкий, Михаил Лозинский, Лев Ганкевич, Иван Крипякевич, Степан Рудницкий. Все перечисленные личности в том или ином виде высказывали поддержку идеи формирования отдельного от России украинского государства.

Несмотря на многочисленность участников из числа подданных Австро-Венгрии ключевую роль в работе СОУ сыграли уроженцы Российской империи. В числе таковых в руководство СОУ входили Александр Скоропись-Иолтуховский, Юлиан (Марьян) Меленевский, Владимир Дорошенко, Андрей Жук, Дмитрий Донцов, Николай Железняк. Также многие из членов организации в дальнейшем стали общественными и государственными деятелями Западной Украинской

Народной Республики (ЗУНР) и Украинской Народной Республики (УНР).

Закономерным итогом поддержки украинской идентичности на территориях империи Габсбургов стало образование регулярных воинских единиц, формируемых по национальному признаку из числа населения, склонного причислять себя к украинскому этносу. Ярчайшим примером является «Украинский добровольческий легион», известный также, как «Украинские сечевые стрельцы». Функционально данное подразделение представляло собой не столько военную структуру, сколько фундамент для популяризации вооруженной борьбы украинского этноса против российского государства. Поддержку легион получал не только от государства, но и от ранее упомянутой «Рады».

Ярчайшим представителем украинофильской политической мысли, получившим поддержку от Австро-Венгрии, стал историк, общественный и политический деятель Михаил Грушевский. Считаем возможным обозначить, что именно работы Грушевского внесли наибольший вклад в формирование базиса украинской националистической доктрины. Данная доктрина остается актуальной в среде современных украинских националистов. На наш взгляд, в наибольшей степени взгляды Грушевского отражены в его работах «История Украины-Руси» и «Очерк истории».

В дальнейшем среди идеологов украинского национализма популярность получила концепция европейской идентичности как атрибута украинского самосознания. Данную тенденцию А. К. Дегтярев охарактеризовал следующим образом: «Опасаясь привлекательности позиций панславизма, и, в большей степени, идеи единства украинцев, русских и белорусов под эгидой российского государства, украинская национальная идентичность форматировалась как система ценностей, прав, языка, политических идей, утверждающих чуждость и конфликтность по отношению к России. Было сформулировано положение о том, что базисные ценности украинского народа являются европейскими, возникли в контексте европейской культурной традиции, что выражается в приоритете свободы, ответственности, солидарности, порядка по сравнению с тем, что можно представить, как русский «великодержавный комплекс» с одной стороны, а с другой – традицию рабского сознания. Поэтому культура украинского народа описывалась в качестве фронтальной по отношению к России, ее пограничности к «русскому варварству» и «азиатчине»» [3].

Ход военных действий, а также Февральская и Октябрьская революции привели к тому, что, по итогам мирного соглашения, заключенного между РСФСР и Центральными державами в Брест-Литовске, украинские территории были отторгнуты от России. Одним из требований в адрес советской России было признание независимости Украинской Народной Республики.

С самого момента образования УНР её руководство стремилось укрепить собственную легитимность, опираясь на продвижение украинского национализма. Частью государственной политики стало формирование представлений об украинском этносе в выгодном для себя свете. Так, границы, заявленные делегацией УНР на Парижской мирной конференции, включали территории Крыма, Кубани, Приазовья, современных Белгородской, Брянской и Курской областей Российской Федерации, южных областей Белоруссии, включая города Гомель, Пинск и Брест, а также восточные территории Королевства Польского (сформированного Германской империей на занятых землях Российской империи). В этом отношении важным видится назначение именно Грушевского президентом УНР. Во многом, представления о подобных границах основываются на описываемых Грушевским границах украинского культурного пространства. Его же работы стали фактической основой для пропаганды, направленной на легитимацию.

В отдельных случаях поиски идеологического базиса для нового государства обретали нетипичные формы. В это время зарождаются попытки формирования некой альтернативной религии, которая отличалась бы от традиционного православия. Так, ряд украинских политиков, общественных деятелей и военных стремились сформулировать концепцию языческого вероисповедания, подчеркивающего обособленность украинского этноса. Подобные тенденции Т. Р. Беднарчик охарактеризовал следующим образом: «Обращение к мемуаристике, повествующей о событиях начала XX века, даёт все основания говорить о падении в Украине авторитета православия. Может быть, это не касалось всех слоёв населения, но среди молодых людей церковные догматы и традиции теряли своё значение даже без большевистской пропаганды» [4].

Исходя из вышеописанных контекстуальных особенностей формирования и первоначальной популяризации ранних украинских националистических концептов, считаем возможным констатировать высокую значимость влияния Австро-Венгерского и Германского правительств на данные процессы. Прямая поддержка со стороны властей государства применялась для достижения конкретных геополитических задач. В итоге австро-германское вмешательство

действительно привело к временному поражению большевиков, но обернулось долгосрочным введением иностранных армий на территорию УНР, а также интенсивной экономической эксплуатацией ее территории Германией и Австро-Венгрией.

В дальнейшем судьба УНР и украинского проекта Центральных держав была плачевной. Первая мировая война закончилась меньше, чем через год. С того момента судьбу мира решали победившие страны Антанты, для которых и УНР, и сменившая ее в ходе государственного переворота Украинская Держава, оказались в роли предателя, перешедшего на сторону врага.

На территории западных губерний Российской империи украинский проект не обрел популярности. На наш взгляд, данная тенденция была напрямую связана с тем, что на данных территориях проукраинская и проавстрийская пропаганда не имели перспектив распространения. В отличие от Австро-Венгрии в России не действовали и не пользовались популярностью украинофильские организации. Наиболее значимой причиной роста популярности украинского национализма среди русинского населения Галиции считаем возможным обозначить государственную поддержку подобных тенденций. Именно благодаря лояльному отношению и системной поддержке политических организаций, СМИ, общественных и научных деятелей, распространявших украинофильскую пропаганду, в регионе был сформирован комплексный идеологический нарратив. Помимо поддержки в популяризации, австрийские власти способствовали устранению главных противников данных идеологических течений – русофилов. Идеиный базис, выработанный в годы австро-венгерского управления Галицией, в дальнейшем сыграет роль при применении украинскими националистами.

Список литературы

1. Шевченко К.В. От Галицкой Руси к западной Украине. Галицко-русские деятели об украинском движении в Галиции в XIX – начале XX века. URL: https://russianembassyza.mid.ru/ru/press-centre/news/ot_galitskoy_rusi_k_zapadnoy_ukraine/ (дата обращения: 19.11.2024).
2. Украинская демократия и галицийский национализм. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskaya-demokratiya-i-galitsiyskiy-natsionalizm> (дата обращения: 19.11.2024).

3. Баринов И. И. Украинская доктрина в политике Австро-Венгрии и генезис украинского национализма // История и современность. №1(15). С. 70–89.
4. Дегтярев А.К. Национальная идентичность и перспективы украинской государственности. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-identichnost-i-perspektivy-ukrainskoj-gosudarstvennosti/viewer> (дата обращения: 19.11.2024).
5. Беднарчик Т.Р. Неоязыческая религиозность в армии украинской народной Республики в 1917–1923 годах. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/neoyazycheskaya-religioznost-v-armii-ukrainskoj-narodnoy-respubliki-v-1917-1923-godah> (дата обращения: 19.11.2024).

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭТИКА В ЦИФРОВУЮ ЭРУ

Марина Д. Миятович

Доктор юридических наук

Институт сербской культуры Приштина - Лепосавич,

Республика Сербия, научный сотрудник

E-mail:marina.mijatovic@gmail.com

Аннотация. *Юридическая этика – это набор принципов, которыми руководствуются юристы в своей профессиональной практике. Эти принципы относятся к честности, справедливости, конфиденциальности и другим ключевым ценностям, обеспечивающим этическое функционирование правовой системы. В эпоху цифровых технологий технологии развиваются с невероятной скоростью, принося с собой новые вызовы и дилеммы в области юридической этики. В сегодняшней цифровой среде юридическая этика играет важную роль в создании нормативно-правовой базы и обеспечении защиты как отдельных лиц, так и корпораций в решении проблем, вызванных развитием технологий. В этой исследовательской статье подробно анализируется широкий спектр правовых и этических проблем, возникающих в цифровом контексте, помещая фундаментальные концепции юридической этики в современные рамки технологической революции. Одной из основных областей, рассматриваемых в статье, является конфиденциальность данных и Закон о защите персональных данных Республики Сербия. Мы фокусируемся на конкретных аспектах этого закона, которые касаются согласия физических лиц на сбор и обработку их данных. Мы*

выясняем, какая информация может быть собрана, как она используется и хранится и о каких потенциальных злоупотреблениях данными следует знать отдельным лицам. Кибератаки и нарушения конфиденциальности являются неразрешимыми проблемами, которые все чаще сталкиваются с юридической этикой. Каждый человек использует Интернет-сервисы, такие как поиск, социальные сети или интернет-магазины. Хотя, с одной стороны, это дает большие преимущества, комфорт и удобство, мы также оставляем следы своей жизни и поведения в сети. В эпоху цифровых технологий сохранение конфиденциальности становится все более сложной и важной задачей.

Ключевые слова: право, юридическая этика, Интернет, злоупотребление, цифровая эра, защита.

LEGAL ETHICS IN THE DIGITAL AGE

Marina Mijatović

Doctor of Legal Sciences

Institute for Serbian Culture Prishtina - Leposavic, Republic of Serbia
Research Associate

E-mail: marina.mijatovicc@gmail.com

Abstract. *Legal ethics represents a set of principles that guide lawyers in their professional practice. These principles relate to integrity, fairness, confidentiality, and other key values that ensure that the legal system operates in an ethical manner. In the digital age, technology is developing at an incredible speed, bringing with it new challenges and dilemmas in the field of legal ethics. In today's digital environment, legal ethics play an essential role in creating regulatory frameworks and ensuring the protection of both individuals and corporations in the face of challenges brought about by advances in technology. This research paper analyzes in depth the wide range of legal and ethical issues that arise in the digital context, placing the fundamental concepts of legal ethics within the current framework of the technological revolution. One of the main areas covered in this paper is data privacy and the Personal Data Protection Act of the Republic of Serbia. We focus on specific aspects of this law that relate to individuals' consent to the collection and processing of their data. We investigate what information may be collected, how it is used and stored, and what potential misuses of data individuals should be aware of. Cyber attacks and privacy violations are intractable problems that increasingly confront legal ethics. Everyone uses Internet services such as search, social networks, or online*

shopping. While, on the one hand, this provides great benefits, comfort and convenience, we also leave traces of our lives and behavior online. In the era of the digital age, preserving privacy is becoming more and more challenging and important.

Keywords: law, legal ethics, internet, abuse, digital age, protection

В эпоху цифровых технологий повсеместное распространение технологий и Интернет-экосистем глубоко укоренилось в нашей повседневной жизни. В результате этого неустанного цифрового развития мы практически непрерывно генерируем и делимся огромными объемами персональных данных. Поиск в Интернете, взаимодействие в социальных сетях, переписка по электронной почте, покупки в Интернете — все эти действия оставляют цифровые следы. Эти цифровые данные представляют огромный потенциал для корпораций, маркетинговых агентств и других организаций. Благодаря анализу этих данных можно создавать подробные профили пользователей, персонализированную рекламу и даже влиять на наше поведение. Однако такой уровень сбора и обработки персональных данных вызывает серьезные вопросы, касающиеся конфиденциальности и этики личности.

Цифровизация позволила добиться значительного прогресса во многих аспектах жизни общества, но в то же время создала сложные этические дилеммы. Например, согласно отчету eMarketer, в прошлом году общие расходы на цифровую рекламу во всем мире превысили 400 миллиардов долларов. Эти данные ясно показывают, насколько заинтересованы компании в сборе и использовании персональных данных пользователей для персонализированной рекламы и анализа рынка [10]. Компании используют сложные алгоритмы для сбора и анализа данных, часто без явного согласия пользователей.

Скандал с Cambridge Analytica в 2018 году показал, как данные миллионов пользователей Facebook использовались не по назначению в политических целях, что вызвало глобальную обеспокоенность и привело к ужесточению законов о защите данных, таких как Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза. Помимо законодательных инициатив, этические вопросы, касающиеся цифровых данных, включают ответственность организаций перед пользователями. Население Республики Сербия в основном пользуется онлайн-сервисами и социальными сетями, но многие из них не имеют надлежащего цифрового образования и осведомленности о защите конфиденциальности и безопасности в Интернете. Отсутствие цифровой грамотности может привести к увеличению риска

неправомерного использования данных и других киберугроз. Как найти баланс между деловыми интересами и защитой права на неприкосновенность частной жизни? Как обеспечить, чтобы пользователи знали, как собираются и используются их данные? Как сохранить конфиденциальность личности в этой цифровой среде, одновременно поддерживая инновации и развитие технологий? Ответы на эти вопросы содержатся в Законе о защите персональных данных Республики Сербия, который играет ключевую роль в регулировании сбора, обработки и использования персональных данных. Настоящий закон, согласованный с Общим регламентом защиты персональных данных Европейского Союза (GDPR), обеспечивает рамки и руководящие принципы, гарантирующие, что персональные данные используются прозрачным, ответственным и этичным образом.

Закон о защите персональных данных в Республике Сербия был принят в 2018 году и представляет собой всеобъемлющую правовую основу, защищающую конфиденциальность граждан в эпоху цифровых технологий. Согласно этому закону, персональные данные могут собираться и обрабатываться только с четкого и недвусмысленного согласия человека, а субъекты, обрабатывающие данные, обязаны обеспечить адекватные меры защиты для предотвращения неправомерного использования и несанкционированного доступа. Одним из ключевых элементов закона является право на информацию, а это означает, что люди должны быть проинформированы о том, какая информация собирается, с какой целью, как она будет использоваться и кто будет иметь доступ к этим данным. Прозрачность — это фундаментальный принцип, позволяющий пользователям принимать обоснованные решения о предоставлении доступа к своим данным. Например, компании, собирающие данные в маркетинговых целях, должны четко указать, как эти данные будут использоваться, и предоставить пользователям возможность отказаться от сбора их данных. Помимо права на информацию, закон предусматривает другие права, такие как право на доступ к данным, право на исправление и удаление данных, право на ограничение обработки, право на переносимость данных и право на возражение. Эти права позволяют отдельным лицам контролировать свои личные данные и требовать удаления или исправления неточных, или ненужных данных.

Цель работы — исследование способов сохранения конфиденциальности личности в цифровом мире, обеспечивающих баланс между технологическим прогрессом и защитой основных прав. Вопрос о том, как защитить конфиденциальность при

одновременном внедрении инноваций, требует междисциплинарного подхода. Это включает в себя не только правовую базу, но и технологические инновации, такие как шифрование данных, анонимизация и псевдонимизация, которые могут значительно снизить риск неправомерного использования данных. Кроме того, этические кодексы и руководящие принципы для компаний, занимающихся обработкой данных, могут сыграть важную роль в обеспечении соблюдения прав отдельных лиц. Например, внедрение принципов «privacy by design» и «privacy by default» при разработке программного обеспечения и цифровых услуг означает, что защита конфиденциальности должна быть интегрирована на всех этапах разработки продукта. Наконец, важно подчеркнуть роль образования и осведомленности общественности. Просвещение граждан об их правах в цифровом мире, а также обучение специалистов, занимающихся обработкой данных, имеют ключевое значение для создания безопасной и этически ответственной цифровой среды. Только посредством комплексного подхода, включающего законодательство и правовые нормы, технологические инновации и образование, мы можем достичь баланса между защитой конфиденциальности и поддержкой технологического прогресса.

1. *Этические принципы в цифровом праве.* Этические принципы цифрового права играют ключевую роль в защите конфиденциальности и прав людей в цифровой среде. Прозрачность, конфиденциальность, право на информацию, согласие, ограничение цели, минимизация данных, целостность и точность данных, право на доступ и исправление, право на удаление, безопасность данных, ответственность и контроль, этика ИИ, образование, осведомленность, а также право на переносимость данных являются основными принципами, обеспечивающими этичное и ответственное обращение с данными. Реализация этих принципов помогает сохранить доверие пользователей и защитить их основные права, а также способствует балансу между защитой конфиденциальности и технологическим прогрессом.

Прозрачность является основным этическим принципом в цифровом праве, который относится к обязанности организаций четко и открыто сообщать пользователям о сборе, обработке и использовании их личных данных. Согласно этому принципу, пользователи должны быть проинформированы о типе собираемых данных, цели их обработки, правовой основе обработки, а также о том, кто имеет доступ к этим данным. Прозрачность гарантирует, что пользователи могут принимать обоснованные решения об обмене

своими данными и позволяет им понять, как их данные будут использоваться [11]. Конфиденциальность данных необходима для защиты частной жизни людей. Организации, собирающие и обрабатывающие персональные данные, должны принимать все необходимые технические и организационные меры для обеспечения защиты данных от несанкционированного доступа, неправомерного использования, потери или повреждения. Меры включают внедрение протоколов безопасности, шифрования данных и контроля доступа, с целью гарантирования, что только уполномоченные лица имеют доступ к личным данным, и это известно как картирование данных. Также необходимо информировать пользователей о типе собираемых данных, цели их обработки, продолжительности хранения данных и обо всех третьих лицах, которым данные могут быть раскрыты. Согласие является правовой основой для сбора и обработки персональных данных, которое должно быть предоставлено четко, свободно, конкретно, информировано и недвусмысленно. Пользователи должны иметь возможность дать или отозвать свое согласие в любое время. Собираются только те данные, которые необходимы для достижения определенных целей. Организациям следует избегать сбора и хранения данных, которые не имеют прямого отношения к цели обработки. Целостность и точность данных отражаются в принятии определенных мер для обеспечения точности данных, таких как регулярные проверки и обновления. Если данные признаны неточными или неполными, пользователям предоставляется возможность исправить эти данные, чтобы обеспечить их точность и актуальность. Право на удаление, также известное как право на забвение, позволяет пользователям требовать удаления своих персональных данных, когда эти данные больше не нужны для целей, для которых они были собраны, или когда они отозвали свое согласие. Подотчетность и надзор являются ключевыми факторами обеспечения соблюдения законов и правил о защите данных. Организации должны создать внутренние механизмы контроля и надзора для обеспечения того, чтобы процедуры обработки данных выполнялись в соответствии с юридическими и этическими стандартами [8].

2. *Нормативно-правовая база и этические руководства.* Закон о защите персональных данных в Республике Сербия (ЗЗПД) устанавливает основные принципы и правила сбора, обработки, хранения и защиты персональных данных граждан. Данный закон основан на принципах законности, справедливости, прозрачности, ограничения целей, минимизации данных, точности, честности и

конфиденциальности. Этот закон обеспечивает основу для реализации прав отдельных лиц на информацию, доступ, исправление, удаление и переносимость данных. Термин «персональные данные» определяется законом как «любые данные, относящиеся к физическому лицу, личность которого установлена или может быть установлена прямо или косвенно, в частности, на основе таких идентификаторов, как имя, идентификационный номер, данные о местоположении или идентификаторы в сетях электронной связи, а также на основе одного или нескольких элементов, характеризующих физическую, физиологическую, генетическую, умственную, экономическую, культурную или социальную идентичность этого человека». Для того чтобы некоторые данные считались персональными, должна существовать прямая или косвенная связь с физическим лицом, что исключает применение данного определения к юридическим лицам. При этом не имеет значения, каким образом или каким способом были получены эти данные, или какой тип данных был задействован. Сюда входят, помимо прочего, такие данные, как имя и фамилия, дата и место рождения, адрес проживания, контактная информация, идентификационные или паспортные данные, биометрические данные, медицинские записи, финансовая информация и такие онлайн-идентификаторы, как IP-адрес или куки-файлы. Данные о местоположении, хотя сами по себе могут не идентифицировать лицо, в сочетании с другой информацией, такой как модели поведения или деятельности, могут позволить идентифицировать определенного человека. Аналогичным образом, идентификаторы в сетях электронных коммуникаций, такие как куки-файлы или IP-адрес, могут использоваться для отслеживания и профилирования пользователей Интернета, что также может привести к их идентификации. В контексте правовой защиты важно отметить, что закон требует соблюдения конфиденциальности и защиты персональных данных, а также осуществления адекватных технических и организационных мер для обеспечения того, чтобы обработка данных была в соответствии с принципами законности, справедливости, прозрачности, ограничения целей, минимизации данных, точности, ограничений хранения и конфиденциальности. Закон о защите персональных данных особо подчеркивает права отдельных лиц в отношении: доступа к своим данным, права на исправление неточных данных, права на удаление (права на забвение), права на ограничение обработки, права на переносимость данных и право возражать против обработки данных. Все эти механизмы направлены на то, чтобы предоставить людям контроль над своими личными

данными и защитить их от неправомерного использования. Благодаря адекватному внедрению правовых рамок и этических принципов можно достичь баланса между защитой конфиденциальности отдельных лиц и необходимостью сбора и обработки данных в целях развития и совершенствования цифровых услуг [2, с. 100].

Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) является ключевым регламентом Европейского союза, регулирующий защиту данных и конфиденциальность всех граждан ЕС, а также отдельных лиц внутри ЕС. Общий регламент защиты персональных данных устанавливает строгие правила сбора, обработки и хранения персональных данных, включая право на информацию, право на доступ, право на исправление, право на удаление (право на забвение), право на ограничение обработки, право на переносимость данных и право на возражение. GDPR также вводит концепции «privacy by design» и «privacy by default», которые представляют собой фундаментальные подходы в рамках GDPR, направленные на обеспечение высокого уровня защиты персональных данных на всех этапах разработки продуктов и услуг [6, с. 143]. Согласно положениям GDPR, государства-члены обязаны определить в своем национальном законодательстве вопросы, которые напрямую не регулируются этим регламентом. Что касается законности обработки персональных данных, государства-члены должны гарантировать, что данные могут обрабатываться только с четкого согласия лиц, к которым они относятся, или когда обработка необходима для выполнения или заключения договора, а также для выполнения юридических обязательств обработчика данных. Также запрещена обработка особых категорий персональных данных, таких как данные, раскрывающие расовое или этническое происхождение, политические взгляды, религиозные или философские убеждения, членство в профсоюзах, а также данные, касающиеся здоровья или сексуальной жизни. Обработка данных разрешена только при соблюдении установленных условий. Для постоянного мониторинга и улучшения защиты данных предусмотрено создание рабочей группы по защите физических лиц в отношении обработки персональных данных. Эта рабочая группа имеет консультативный статус и действует независимо. В ее компетенцию входит рассмотрение всех вопросов, связанных с реализацией национальных законов, принятых в соответствии с GDPR, с целью обеспечения последовательного применения этих законов. Группа также предоставляет Комиссии мнения об уровне защиты данных в государствах-членах и третьих

странах и консультирует Комиссию по всем предлагаемым поправкам в законодательном тексте [7, с. 54-55].

Помимо Закона о защите персональных данных в Республике Сербия и Общего регламента защиты персональных данных (GDPR) существуют и другие законы, влияющие на цифровое право в Сербии и за ее пределами. Например, Закон об электронной коммерции регулирует правила и условия ведения электронной коммерции, включая защиту потребителей при онлайн-транзакциях. Закон об информационной безопасности устанавливает стандарты защиты информационных систем и данных от несанкционированного доступа и других угроз. Закон о защите потребителей обеспечивает дополнительную защиту прав потребителей, в том числе прав, связанных с цифровыми продуктами и услугами. Что касается международных правил, следует упомянуть Рекомендации Совета ОЭСР, касающиеся Руководства по защите неприкосновенности частной жизни и трансграничной передаче персональных данных, Рамочное соглашение Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) о защите конфиденциальности персональных данных и стандарты ИСО (Международная организация по стандартизации).

3. *Этика искусственного интеллекта.* Современная цифровая эра предъявляет новые требования и вызовы к концепции защиты персональных данных. Эти проблемы, возникающие в результате быстрого развития технологий и увеличения использования цифровых услуг, требуют соответствующего правового регулирования для обеспечения адекватной защиты персональных данных. В целях сохранения конфиденциальности и предотвращения неправомерного использования данных, необходимо адаптировать законодательную базу к новым обстоятельствам и принять меры, обеспечивающие обработку персональных данных законным, прозрачным и безопасным образом [5, с. 81]. Помимо ежедневного сбора информации о нашем местонахождении, передвижении, состоянии здоровья, интересах, политических и других предпочтениях, покупках, занятости, банковских сбережениях, долгах и собственности, такие данные становятся все более доступными большому количеству учреждений и частных лиц. С ростом использования искусственного интеллекта, который может обрабатывать и анализировать эти данные сложными способами, этические вопросы становятся все более актуальными. Эта ситуация увеличивает риск неправомерного использования персональных данных, подчеркивая необходимость строгих этических стандартов и нормативных актов для защиты конфиденциальности

людей в эпоху цифровых технологий [9, с. 89]. Помимо проблем в определении и понимании концепции искусственного интеллекта, существуют и более серьезные проблемы, связанные с его применением. Хотя искусственный интеллект способствует улучшению и облегчению повседневной жизни, его быстрое развитие и повсеместное применение открывают ключевые вопросы в области безопасности и этики. Развитие и использование искусственного интеллекта порождает ряд этических дилемм, среди которых вопросы взаимодействия искусственного интеллекта и прав человека, таких как право на неприкосновенность частной жизни и вопросы дискриминации. Этика искусственного интеллекта поднимает проблемы, связанные с доверием к этим системам, включая доверие к организациям, которые их эксплуатируют, а также ответственность за решения и действия, предпринимаемые этими системами. Отдельные лица и организации часто выражают сомнения и обеспокоенность по поводу этических аспектов искусственного интеллекта и использования общих данных, что еще раз подчеркивает необходимость установления четких и всеобъемлющих правил и нормативных актов для обеспечения защиты прав человека и предотвращения дискриминации [4, с. 53].

При рассмотрении этических и правовых аспектов применения искусственного интеллекта необходимо, чтобы нормативно-правовая база обеспечивала справедливый баланс между защитой граждан и обеспечением технологических инноваций. Развитие искусственного интеллекта приносит значительные преимущества, а также множество проблем как для отдельных лиц, так и для общества в целом. Ключевые правовые рамки, поддерживающие развитие искусственного интеллекта, касаются регулирования защиты персональных данных. Как упоминалось ранее, в 2018 году Республика Сербия приняла Закон о защите персональных данных, который гармонизирован с Общим регламентом защиты персональных данных (GDPR). Этот закон закладывает основы регулирования обработки персональных данных, обеспечивая законность, прозрачность и безопасность обработки данных. Помимо защиты конфиденциальности, закон также должен способствовать развитию инноваций посредством применения искусственного интеллекта в соответствии с этическими стандартами, чтобы максимизировать преимущества технологий и минимизировать риски [3, с. 6].

Современная цифровая эра приносит с собой многочисленные проблемы и возможности, которые требуют тщательного регулирования и этического подхода, особенно в контексте защиты

персональных данных и применения искусственного интеллекта. Разработка и применение искусственного интеллекта позволяют значительно улучшить различные аспекты повседневной жизни, но также поднимают вопросы безопасности, конфиденциальности и этики. Правовые рамки, такие как Закон о защите персональных данных в Республике Сербия, согласованный с GDPR, закладывают основы для ответственной и прозрачной обработки персональных данных, защищая права граждан и в то же время обеспечивая технологический прогресс. Этические проблемы, связанные с искусственным интеллектом, включают вопросы доверия, ответственности и дискриминации, а также защиту прав человека. Чтобы максимизировать преимущества искусственного интеллекта и минимизировать риски, необходимо установить четкие этические стандарты и нормативные акты, которые обеспечат баланс между инновациями и защитой граждан. Ключевое значение имеет укрепление законодательной базы, совершенствование существующих норм, касающихся защиты персональных данных и применения искусственного интеллекта. Это позволит гарантировать, что законы будут идти в ногу с технологическими достижениями и новыми вызовами. Также повышение цифровой грамотности и просвещение граждан об их правах и обязанностях в цифровом мире будут в значительной степени способствовать повышению осведомленности о важности защиты персональных данных и этичном использовании технологий. Разработка и внедрение этических кодексов для организаций, использующих искусственный интеллект, обеспечит прозрачность и подотчетность в применении этих технологий. Организации должны стремиться к большему проценту прозрачности в отношении сбора, обработки и использования данных, а также к информированию пользователей о том, как используются их данные. Укрепление международного сотрудничества в области регулирования искусственного интеллекта и защиты данных также имеет решающее значение для обеспечения гармонизации стандартов и совместной работы над решением глобальных проблем. Основные цели, которые необходимо достичь, включают защиту конфиденциальности граждан посредством адекватных правовых рамок и нормативных актов. Достижение надлежащего баланса между защитой конфиденциальности и стимулированием инноваций представляет собой ключевую проблему для законодателей и регулирующих органов. Обеспечение законной, прозрачной и безопасной обработки персональных данных при соблюдении этических принципов имеет важное значение для устойчивого

развития искусственного интеллекта и защиты основных прав граждан в эпоху цифровых технологий.

Список литературы

1. Zakon o zaštiti podataka o ličnosti („Sl. Glasnik RS“, br. 87/2018)
2. Andonović, S. Zaštita podataka u elektronskoj javnoj upravi u Republici Srbiji – pravni aspekti, doktorska disertacija, Univerzitet u Beogradu, Pravni fakultet, Beograd, 2019.
3. Budić, M. Na šta mislimo kada kažemo... ETIKA I VI: Etika i stavovi javnosti o upotrebi veštačke inteligencije, Institut za filozofiju i društvenu teoriju, Univerzitet u Beogradu, 2022.
4. Budić, M. Etičke dileme i stavovi prema primeni veštačke inteligencije, Kritika: časopis za filozofiju i teoriju društva, god. 4. br. 1. Institut za filozofiju i društvenu teoriju, Univerzitet u Beogradu, 2023.
5. Diligenski, A. Lice za zaštitu podataka u javnoj upravi, Strani pravni život, god. 64 br. 2. Institut za uporedno pravo, Beograd, 2020.
6. Diligenski, A. , Prlja, D. , Cerović, D. Pravo zaštite podataka GDPR, Institut za uporedno pravo, Beograd, 2018.
7. Đukić, D. Zaštita podataka o ličnosti sa osvrtom na novo zakonodavstvo evropske unije u ovoj oblasti, Pravni zapisi, god. VIII, br. 1, Pravni fakultet Univerziteta Union, Beograd, 2017.
8. Pekić, S. Zaštita podataka o ličnosti. URL: <https://attorney.rs/zastita-podataka-o-licnosti/> Pristupljeno 12.08.2024.
9. Prlja, S. Pravo na zaštitu ličnih podataka u EU, Strani pravni život, br.1, Institut za uporedno pravo, Beograd, 2018.
10. Seosajt URL: <https://seosajt.com/blog/digitalni-marketing/> Дата обращения: 11.08.2024.
11. Žunić Law. URL: <https://zuniclaw.com/zastita-podataka-licnosti/> Дата обращения: 11.08.2024.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Мохов А.В.

Черноморский информационно-аналитический центр, директор

E-mail: chiac@bk.ru

Сенюшкина Т.А.

Доктор политических наук

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
профессор*

E-mail: tsenyushkina@cfuv.ru

Аннотация. Черноморский регион рассматривается в статье в качестве ключевого узла геополитического противостояния между ведущими мировыми и региональными акторами. Исследуются современные тенденции в сфере безопасности, энергетики и транспортных коридоров, анализируются перспективы развития геополитических процессов в регионе.

Ключевые слова: Черноморский регион, геополитика, безопасность, энергетическая стратегия.

GEOPOLITICAL CONFRONTATION IN THE BLACK SEA REGION: THE LATEST TRENDS AND PROSPECTS

Mokhov A.V.

Black Sea Information and Analytical Center,

Director

E-mail: chiac@bk.ru

Senyushkina T.A.

Doctor of Political Sciences

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Professor

E-mail: tsenyushkina@cfuv.ru

Abstract. The Black Sea region is considered in the article as a key node of the geopolitical confrontation between the world's leading and regional actors. The article examines current trends in the field of security, energy and transport corridors, analyzes the prospects for the development of geopolitical processes in the region

Keywords: Black Sea region, geopolitics, security, energy strategy.

Черноморский регион исторически представляет собой зону пересечения интересов мировых держав, а само Черное море можно рассматривать как «стратегический перекресток» [1, с. 45], геополитическая значимость которого определяется уникальным положением на стыке Европы, Ближнего Востока и Кавказа, а также ключевыми энергетическими маршрутами.

Новейшие геополитические тенденции в регионе могут быть охарактеризованы на основе анализа поведения основных акторов. К примеру, Турция в современных условиях пытается балансировать между обязательствами перед НАТО и сотрудничеством с Россией. При этом она активно реализует свои геополитические интересы в Закавказье, поддерживая Азербайджан и выстраивая отношения с Грузией.

Грузинская политика в отношении Причерноморья была изложена в нескольких документах. Прежде всего речь идет о Концепции национальной безопасности, принятой в 2011 г., в которой говорится о стремлении Грузии интегрироваться в НАТО и ЕС. Геополитическая стратегия Грузии формируется в контексте сотрудничества с Украиной и Турцией, при этом Россия упомянута в рамках сотрудничества с целью сохранения и углубления партнерских добрососедских отношений.

В июне 2014 г. правительство Грузии приняло новую Национальную военную стратегию. Она стала обновленной версией Стратегии 2005 г. и во многом базируется на Концепции национальной безопасности. В ней Причерноморье упомянуто всего один раз — в контексте обсуждения необходимости кооперации с другими государствами региона для поддержания безопасности. Сотрудничество в сфере безопасности в Причерноморье грузинские власти по большей части связывают с НАТО и ЕС.

Соединённые Штаты Америки реализуют стратегию сдерживания российского влияния в Черноморском регионе при помощи инструментов НАТО, а также способствуют развитию ВМС Украины, преследуя свои собственные интересы в сфере ВПК. США имеют свою собственную Черноморскую стратегию, в которой основная ставка делается на Румынию, представляющую интерес в качестве страны, которую можно использовать для логистического обеспечения военных операций. На это, в частности, указывают операции США в Афганистане и Ираке, во время проведения которых Румыния использовалась в качестве логистического узла.

НАТО и Европейский союз оказывают военно-техническую помощь Грузии и Украине, а также предпринимают меры для усиления

военной инфраструктуры в Румынии и Болгарии. При этом, как отмечает В.Е. Петровский, «наращивание военного присутствия НАТО в регионе носит асимметричный характер, фокусируясь на высокоточных системах и элементах «умной обороны» [2, с. 38]. В качестве подтверждения сказанного можно указать на регулярные учения НАТО в Чёрном море (Sea Breeze, DEFENDER-Europe) и применение морских дронов.

Конкуренция в энергетической сфере проявляется в санкционных ограничениях на российские углеводороды, а также в развитии СПГ-терминалов в Турции и Румынии. Ожидается, что уже в ближайшие годы список европейских стран по добыче газа возглавит Румыния. При этом следует отметить, что добыча газа в этой стране уже находится под контролем американских компаний.

Одна из новейших тенденций связана с диверсификацией энергопоставок, на что указывает «Инициатива трёх морей» — объединение тринадцати стран ЕС из Центральной и Восточной Европы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Австрия, Словения, Хорватия, Румыния, Болгария, Литва, Латвия, Эстония и присоединившаяся позднее Греция), к которым в 2022–2023 гг. были приглашены присоединиться Украина и Молдова в качестве партнеров [3], что подтверждает стремление ЕС сделать из Украины альтернативный транзитный хаб.

Кроме этого, следует отметить наличие в евроатлантических странах целого ряда исследовательских центров и программ, непосредственно направленных на изучение проблем Черноморского региона. Среди них: Международный центр черноморских исследований в Афинах, Гарвардский университет, американский Германский фонд Маршалла и ряд других научно-исследовательских центров Европы и США. В 2019 году при поддержке Европейской комиссии была разработана Черноморская программа стратегических исследований и инноваций (Black Sea SRIA). В этой связи эксперты РИСИ указывают на увеличение евроатлантической экспансии в регионе и попытку ослабить позиции России [4].

По мнению экспертов РСМД «Черноморский регион переживает системную трансформацию системы безопасности, где традиционные военные инструменты сочетаются с экономическим принуждением» [5, с. 15]. Добавим к этому, что основные геополитические тенденции, характерные для Черноморского региона, связаны также и с гибридными угрозами, в частности, с кибератаками на критическую инфраструктуру (взломы энергосетей),

информационными кампаниями (фейковые новости) и новейшими когнитивными технологиями.

Перспективы региона можно рассматривать в контексте балансирования основных игроков между конфронтацией и сотрудничеством при сохраняющейся противоречивости стратегических интересов каждой из сторон. Наряду с этим, конструктивная составляющая ситуативных взаимодействий может включать многосторонние консультации по безопасности на регулярной основе и «обновление правового режима» [6, с. 63]. Однако наиболее вероятным сценарием, на наш взгляд, является сохранение статус-кво с периодическим обострением напряжённости.

Список литературы

1. Караганов С.А. Геополитика Черноморского региона в XXI веке. — М.: Международные отношения, 2020. — 256 с.
2. Петровский В.Е. НАТО и вызовы безопасности в Черноморском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 5. С. 34-45.
3. Попов Д. Инициатива трех морей: общее будущее без общего прошлого. - URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/initsiativa-trekh-morey-obshchee-budushchee-bez-obshchego-proshlogo/>
4. России необходимо разрабатывать стратегию на Черноморском направлении // РИСИ. Российский институт стратегических исследований. - URL: <https://riss.ru/news/smi/rossii-neobkhodimo-razrabatyvat-strategiyu-na-chernomorskom-napravlenii/>
5. Черноморская безопасность в условиях системного кризиса: доклад РСМД / под ред. А.В. Картунова. М.: РСМД, 2023. 48 с.
6. Ярыгина Т.И. Правовой статус Черного моря в условиях современных вызовов // Московский журнал международного права. 2023. № 1(129). С. 56-70.

КОНЦЕПЦИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ АМАРТИИ СЕН И ОБРАЗОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ

Нешич Б. Невена

*Институт сербской культуры Приштина - Лепосавич,
научный сотрудник-стажер
E-mail: nevena.n.724@gmail.com*

Аннотация. *Равенство, свобода, права и социальная справедливость являются необходимыми компонентами политики, направленной на улучшение положения этнических меньшинств. Амарттия Сен концептуализирует эти компоненты в рамках Концепции возможностей (англ. Capability approach CA). Образование представлено как важная часть концепции возможностей, поскольку оно позволяет достичь социального благополучия, а развитие образовательных способностей может способствовать свободе человека. Это имеет большое значение для личностного развития личности, а также улучшает социальное положение личности и коллективное сотрудничество различных этнических групп. В сфере этнических меньшинств образование является важным фактором сохранения идентичности и интеграции в сообщество. Представляя людей как активных и моральных субъектов, обладающих различными способностями и свободой выбора вести образ жизни, который уважает их конкретные потребности и культурные различия, концепция возможностей может способствовать улучшению образования этнических меньшинств и продвижению мультикультурализма в образовательной политике.*

Ключевые слова: *концепция возможностей Амарттии Сен (Capability approach CA), образование, этнические меньшинства, интеграция, идентичность, социальное обеспечение, мультикультурализм.*

SEN'S CAPABILITY APPROACH (CA) AND EDUCATION OF ETHNIC MINORITIES

Nešić B. Nevena

*Institute for Serbian Culture Priština - Leposavić, Researcher-intern
E-mail: nevena.n.724@gmail.com*

Abstract. *Equality, freedom, rights and social justice are necessary components in policies focused on improving the position of ethnic minorities. Amartya Sen conceptualizes these components within the Capability Approach (CA). Education is presented as an important part of CA because it can achieve social well-being, and the development of educational capabilities can contribute to human freedoms. It is important for the personal development of the individual, and it also improves the social position of the individual and the collective cooperation of diverse ethnic groups. In the domain of ethnic minorities, education is an important factor in preserving identity and integration in the community. By presenting individuals as active and moral subjects who have different abilities and the freedom to choose to live a lifestyle that respects their specific needs and cultural differences, CA can contribute to improving the education of ethnic minorities and promoting multiculturalism in educational policies.*

Keywords: *Sen's Capability Approach, education, ethnic minorities, integration, identity, social welfare, multiculturalism.*

Наблюдая за глобальным обществом, решения создателей и аналитиков по различным социальным и политическим вопросам базируются главным образом на принципах социальной справедливости и равенства между разными людьми и социальными группами. Крайне важно, чтобы все граждане имели полный доступ к личным, гражданским и политическим правам, и чтобы они достигли адекватного уровня жизни без препятствий, основанных на личных характеристиках, таких как пол, религия, раса и этническая принадлежность. В результате политика перенаправляется на разработку нормативных рамок и мер, которые в качестве конечной цели стремятся к социальному благополучию, одному из наиболее важных условий в концепции возможностей, разработанной экономистом Амартией Сеном. Он рассматривает человеческое развитие как процесс расширения реальных свобод, которыми пользуются люди, выраженных в их возможностях [1]. Когда дело доходит до достижения социального благополучия этнических

меньшинств и их реальной свободы, очень важно подчеркнуть важность интеграции, основанной на сохранении идентичности, то есть уважении культуры, обычаев и исторического наследия этнических меньшинств со стороны членов большинства сообщества. Идентичность личности и социальной группы, к которой она принадлежит, можно рассматривать через призму факторов, способных способствовать социальному благополучию [2]. Образование является ключевым моментом в политике, связанной с интеграцией уязвимых социальных групп, и в то же время оно представляет собой центральный компонент концепции возможностей, поскольку оно рассматривается как базовая способность, влияющая на развитие и расширение других способностей, важных для достижения социального благополучия, а развитие образовательных способностей само по себе может способствовать свободам человека [3]. Таким образом, анализ образования этнических меньшинств с точки зрения концепции возможностей представлен в следующих подразделах.

Концепция образования этнических меньшинств

Термин «меньшинство» не имеет общепринятого определения, что может затруднить правовую защиту на международном уровне. Тем не менее определения, представленные в некоторых нормативных документах, направленных на эффективную защиту прав меньшинств, подчеркивают наиболее важные характеристики, определяющие группы меньшинств. Меньшинство – это группа граждан одной страны, которая обычно численно уступает и имеет меньшее политическое влияние по сравнению с остальным населением на этой территории и характеризуется этническими, религиозными или языковыми характеристиками, отличными от большинства населения. Главной характеристикой этнических меньшинств является то, что они проявляют чувство взаимной солидарности, пусть даже неявной, направленной на сохранение своей культуры, традиций, религии или языка, с целью достижения реального или юридического равенства с большинством [4]. Основной потребностью представителей этнического меньшинства является признание их идентичности. «Идентичность определяется как совокупность значимых характеристик, с которыми люди идентифицируют себя, и могут быть религиозными, этническими, национальными, региональными или сочетанием двух и более характеристик» [2, с. 6]. Чаще всего меньшинство в сообществе большинства признается путем гарантирования официального использования языка и права на

образование в качестве основного инструмента расширения прав и возможностей и интеграции групп меньшинств. С одной стороны, образование важно для личностного развития человека, поскольку оно дает возможность приобрести знания, коммуникативные навыки и находчивость, а с другой стороны, оно улучшает положение личности в обществе, подготавливая его к сотрудничеству с социальной средой и увеличивая возможности выбора желаемой профессии, и как таковое является значимым фактором социального благополучия [5].

Принятие и уважение разнообразия и особых образовательных потребностей этнических меньшинств

Начиная с определения способностей личности, которая может использоваться по-разному, и подчеркивая возможности выбора, делается акцент на разнообразии людей, и, таким образом, концепция возможностей расширяет понимание и принятие конкретных качеств и характеристик людей. Сен концептуализирует особенности личности как результат взаимодействия четырех фундаментальных аспектов человеческого разнообразия: личные или внутренние характеристики; внешние факторы; интер-индивидуальные вариации; и интер-энд вариации [3].

Личностные характеристики имеют большое значение, поскольку они подчеркивают неравенство между людьми по возрасту, полу, расе и принадлежности к уязвимым социальным категориям, таким как этнические меньшинства, в то время как внешние факторы относятся к необходимости постоянной социальной поддержки и коллективного благополучия как предпосылки индивидуального благополучия. Они фокусируются на окружающей среде и социальных, политических, культурных и институциональных механизмах, в которых находится каждый человек, подчеркивая важность образовательных механизмов [9]. Сен, как сторонник теории социального выбора, считает, что функционирование человека можно улучшить или уменьшить с помощью выбора других, например, за счет поддержки учеников класса или учителей, а свободы личности зависят от социальных норм и регулирования образовательной политики [5], например, например, о принципах антидискриминации в плане этнического разнообразия [10]

Интер-индивидуальные вариации объясняют индивидуальные различия в способности трансформировать ресурсы в ценные функции [3]. Именно здесь кристаллизуется разница в отношении подходов, основанных на моральном универсализме и продвигающих равенство в образовании для всех, но с течением времени их недостаток

подчеркивается отсутствием понимания различий между людьми, поскольку они не могут признать особые потребности, которые необходимы для выживания некоторых особых групп в обществе [2]. Когда мы говорим о теории справедливости, исходя из идеальной концепции Ролза, справедливость не рассматривается через призму способностей и достижений индивидов, а должна быть нейтральной и стремиться обеспечить справедливость условий участия в жизни общества [7]. Однако дальнейший анализ показывает, что согласно концепции возможности, эта нейтральность не коррелирует с заботой о маргинализованных социальных группах [11]. Теория распределительной справедливости Ролза, которая фокусируется на распределении ресурсов, предполагает, что это обеспечит одинаковую эффективную свободу каждому [12], но, если рассматривать только такой подход, все же можно наблюдать вариации, касающиеся способности разных членов общества, использовать одни и те же ресурсы и достигать одинакового уровня социального благосостояния. Сен указывает, что индивидуальные и конкретные суждения о социальных явлениях и потребностях разных людей более полезны, чем полагаться на конструкции идеального типа, такие как теория справедливости Ролза [13]. Учитывая разнообразие людей, человеку с разными культурными характеристиками и родным языком может потребоваться дополнительная поддержка, чтобы достичь того же уровня образования в соответствии с универсальными стандартами образования большинства сообщества, поэтому необходимо адаптировать систему образования к особенностям представителей этнических меньшинств. Концепция равного доступа к образованию воспитывается, но равенство и социальная справедливость могут быть достигнуты за счет специального совершенствования способностей в тех случаях, когда это необходимо, например, для уязвимых категорий в образовании [8].

Интер-энд вариации описывают индивидуальные различия в концептуализации хорошей жизни и объясняют, почему люди стремятся к разным целям [3], что подчеркивает необходимость уважения различного выбора членов этнических групп в сфере образования, особенно тех, которые основаны на различиях в отношении культуры, религии и других характеристик этнических групп. «Идентичность как раз и означает пространство ценностей и смысл хорошей жизни для разных индивидов» [2, с. 17]. Особая важность концепции возможности отражается в том факте, что, хотя она в целом ориентирована на социальную справедливость, благодаря акценту на способностях, т.е. признанию различных потенциалов

функционирования, она не предписывает один вариант хорошей жизни, что в данном случае часто может означать стремление к образу жизни, характерному для одной этнической группы, но допускает плюрализм в жизненном выборе индивидов [5], уважая специфические характеристики, основанные на этническом разнообразии.

Концепция возможностей подчеркивает способность людей жить той жизнью, которую они сами решают, что включает в себя этическую оценку содержания их возможностей [7]. Подчеркивается обладание нравственным сознанием у личности, где она становится действующим лицом, способным посредством действия способствовать созданию собственного благополучия [2].

Вклад концепции возможностей в инновации в сфере образования

Концепция возможностей способствует критическому мышлению, на основе которого учащиеся могут принять разнообразие между отдельными людьми и социальными группами, поэтому обучение должно основываться на многочисленных ценностях, отношениях и поведении, связанных с правами человека, поощрением толерантности и миростроительством [8]. В соответствии с концепцией возможностей очень важно, чтобы посредством образования приобретались навыки решения проблем, самостоятельность, целеустремленность и социальные навыки [14].

В докладе ЮНЕСКО подчеркивается важность укрепления внутренних возможностей и потенциала для реагирования на вызовы образования [15]. Это способности критического мышления, имеющие решающее значение для расширения прав и возможностей этнических меньшинств и практического применения полученных знаний для достижения лучшего социального положения. Важно работать над навыками самосознания, уверенности в себе и сохранения этнической идентичности, а также развивать чувство принадлежности к группе и уважение к различиям. Когда речь идет о коллективном сотрудничестве, межличностные навыки включают в себя коммуникативные и социальные навыки, необходимые для сотрудничества в социальном сообществе [8].

Многочисленные глобальные политики, стратегии и учебные программы в области образования все чаще включают концепцию возможностей. Равный доступ к основному образованию является обязательным почти в каждом обществе, но идеи и программы, которые должны помочь учащимся приобретать и развивать свои способности и потенциал в полной мере, при уважении их

многообразия, все чаще принимаются. Важно подчеркнуть, что основные постулаты концепции возможности должны быть правильно поняты и применены на практике. Это требует особых форм педагогики, адекватного управления образовательными ресурсами и подготовки профессиональных кадров в сфере образования, основанных на культурной компетентности и осознании различий среди учащихся, а также необходимости адаптации к их конкретным потребностям, основанным на некоторых личностных качествах, включая принадлежность к этническому меньшинству [5].

Концепция возможностей Сена сосредоточена на реальных свободах, с помощью которых люди могут достичь социального благополучия. В образовании этнических меньшинств оно основано на обеспечении равного образования для всех учащихся, независимо от их этнической или культурной принадлежности. В образовательном процессе этнические меньшинства часто сталкиваются с такими препятствиями, как системная дискриминация, нехватка ресурсов и культурная нечувствительность в школах. Решение этих проблем может улучшить их способности. Это означает адаптацию образовательной политики к конкретным потребностям представителей этнических меньшинств и инновационное развитие образовательных программ. Адаптация учебной программы и содержания таким образом, чтобы они уважали самобытность, культурные различия и использование родного языка, может способствовать лучшему пониманию и взаимодействию учащихся с различными этническими особенностями. Все это требует адекватных дополнительных ресурсов, которыми должны обладать образовательные учреждения, таких как программы репетиторства и языковая поддержка. Обеспечение доступа к современным технологиям и информации может помочь группам меньшинств развивать свои возможности. Помимо улучшения результатов образования и расширения прав и возможностей членов этнических меньшинств, концепция возможностей также может способствовать укреплению социальной сплоченности и взаимопонимания между различными этническими группами, а участие всего сообщества очень важно для успешной интеграции этнических меньшинств. Включение местных сообществ в образовательный процесс может повысить мотивацию и связать учащихся со своим культурным наследием, при этом особо подчеркивается важность содействия совместной деятельности с детьми других этнических групп. Также необходимо, чтобы образовательные программы были направлены на повышение

осведомленности о многообразии и на борьбу со стереотипами и предрассудками.

Образование должно, помимо приобретения знаний и академических навыков, быть направлено на приобретение критического мышления и социальных навыков, а также на воспитание моделей поведения, основанных на уважении к другим социальным группам и самоуважении, и на другие социальные, эмоциональные и практические способности, направляющие их к действиям по улучшению социального положения. Учебные программы, поддерживающие эти области, могут помочь учащимся, принадлежащим к этническим меньшинствам, добиться прогресса. Создатели, аналитики и преподаватели образовательной и социальной политики должны применять концепцию возможностей для создания более инклюзивной и стимулирующей образовательной среды, которая признает и развивает потенциал этнических меньшинств, что в конечном итоге приводит к более справедливым результатам и способствует укреплению демократических принципов, толерантности и социальной справедливости в глобальном обществе.

Список литературы

1. Sen, A.K. *Development as freedom*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
2. Juliawan, B. H. *The Question of Identity in Amartya Sen's Capability Approach// Diskursus-jurnal filsafat dan teologi stf driyarkara*. 2012. №11(1). P. 2-19.
3. Sen, A.K. *Inequality Re-Examined*. Oxford: Clarendon Press, 1992.
4. United Nations. *Minority Rights: International Standards and Guidance for Implementation*. New York and Geneva, 2010.
5. Walker, M., Unterhalter, E. *Amartya Sen's capability approach and social justice in education*. New York: Palgrave Macmillan US, 2007.
6. Clark, D.A. *The Capability Approach: Its Development, Critiques and Recent Advances*. Global Poverty Research Group, 2005.
7. Wells, T. *Sen's Capability Approach*. Internet Encyclopedia of Philosophy, 2022.
8. Hoffman, A. M. *The Capability Approach and educational policies and strategies: Effective life skills education for sustainable development*. Paris: AFD, 2006.

9. Terzi, L. Beyond the Dilemma of Difference: The Capability Approach to Disability and Special Educational Needs // Journal of Philosophy of Education. 2005. № 39(3). P. 443 - 459.
10. Robeyns, I. Essays in honor of Amartya Sen: Justice as fairness and the capability approach//Arguments for a better world / Ed. by K. Basu, R. Kanbur. Oxford: Oxford University Press, 2009.
11. Sen, A.K. Collective choice and social welfare. Harvard University Press, 2018.
12. Rawls, J. A Theory of Justice. Oxford: Oxford University Press, 1985.
13. Lowndes, V., Marsh D., Stocker, G. Theory and methods in political science (IV edition). London: Macmillan, 2010.
14. Bernard, B. Fostering resilience in kids: Protective factors in the family, school and community. Portland: Western Centre Drug-Free Schools and Communities, 1991.
15. UNESCO. The Dakar Framework for Action, Paris: UNESCO, 2000.

НЕ-МЕСТА СЕРБОВ ИЗ ОРАХОВАЦА И ВЕЛИКА-ХОЧИ: ПУТЕШЕСТВИЕ «КОНВОЕМ» В КОСОВСКУЮ МИТРОВИЦУ И ОБРАТНО

Александр С. Павлович

Доктор этнологии и антропологии

*Институт сербской культуры, Приштина-Лепосавич, Сербия,
старший научный сотрудник*

E-mail: alek.pavlovic@hotmail.com

***Аннотация.** Концептуальная рамка статьи определяется теоретической концепцией не-места, под которой Марк Оже подразумевает пространства без отношений, идентичности, истории, создающие у человека, а также у более широкого сообщества чувство непринадлежности. В этом смысле акцент в статье делается на попытке осмыслить упомянутую концепцию в контексте нынешнего положения сербов в Ораховаце и Велика-Хоче, двух изолированных сербских островках в сегодняшней южной Метохии с албанским большинством. Как не-места проживания вышеупомянутых сербов, пространства, которые отделяют их среду обитания и места повседневной жизни от Косовска-Митровицы к*

северу от реки Ибар, в основном населенной сербами, города, который со времени агрессии НАТО против Союзной Республики Югославии в 1999 году до сегодня в сознании практически всех сербов из Косово и Метохии, к югу от Ибара, фигурирует как «выход к свободе» и прямая связь со страной, которую они считают своей собственной, то есть со страной Сербия. Изучаемая проблема была рассмотрена с точки зрения феномена так называемого гуманитарного автобусного транспорта, то есть «конвоя», как называют упомянутый транспорт сербы из Ораховаца и Велика-Хочи, которым они пользуются уже четверть века для поездки в Косовска-Митровицу и обратно.

Ключевые слова: не-места, сербы, Ораховац, Велика-Хоча, Косовска-Митровица, Косово и Метохия, гуманитарный транспорт, «конвой».

NON-PLACES OF THE SERBS FROM ORAHOVAC AND VELIKA HOĆA: A "CONVOY" JOURNEY TO KOSOVSKA MITROVICA AND BACK

Aleksandar S. Pavlović

PhD of ethnology and anthropology

Institute for Serbian Culture Priština - Leposavić, Serbia

Senior research associate

E-mail: alek.pavlovic@hotmail.com

Abstract. *The conceptual framework of the work is determined by the theoretical concept of non-place, by which Marc Auger means spaces without relationships, identity, history, which create a feeling of not belonging in the individual, but also in the wider community. In this sense, the emphasis in the paper is on the attempt to reflect on the mentioned concept in the context of the current position of the Serbs in Orahovac and Velika Hoća, two isolated Serbian islands in today's Albanian-majority southern Metohija. As the non-places of the aforementioned Serbs we consider the spaces that divide their habitats and places of daily life from Kosovska Mitrovica north of the Ibar River, mostly populated by Serbs, a city that has been in the consciousness of practically all Kosovo Serbs since the NATO aggression against Yugoslavia in 1999. and Metohija south of the Ibar and figure as a "way to freedom" and a direct connection with the country they consider their own, which is the country of Serbia. The studied problem was considered from the point of view of the phenomenon of the so-called humanitarian bus transport, or "convoy", as the mentioned transport*

is called by the Serbs from Orahovac and Velika Hoča, which they have been using for a quarter of a century to travel to Kosovska Mitrovica and back.

Keywords: *non-places, Serbs, Orahovac, Velika Hoča, Kosovska Mitrovica, Kosovo and Metohija, humanitarian transport, "convoy".*

После вывода сербской полиции и армии из Косово и Метохии и введения международного управления на территории этой провинции Республики Сербия после агрессии НАТО против СР Югославии в 1999 году,¹ Ораховац и Велика-Хоча представляют собой небольшой одинокий сербский островок в преимущественно албанской Южной Метохии. Находясь примерно в пяти километрах друг от друга, статус изолированной среды, населенной сербами, получили два упомянутых поселения благодаря эмиграции сербского населения из Призрена, Джаловицы и других окрестных мест, в том числе нескольких деревень в непосредственной близости от Ораховаца и Велика-Хотчи, Зочишта, Оптеруши, Ретимля, Ратковаца, Братотина и других, произошедших в результате преследований со стороны албанских экстремистов в 1998/1999 годах,² затем сразу после агрессии НАТО, но и несколько лет спустя - во время мартовского погрома 2004 года.³

¹ Поводом для агрессии НАТО, осуществленной без одобрения Совета Безопасности ООН, стало обвинение сербских властей в проведении этнических чисток албанцев в Косово и Метохии, то есть принятие соглашения на конференции во французском городе Рамбуйе, которым НАТО требовала от правительства в Белграде размещения своих сил в районе южной сербской провинции, с правом передвижения по всей территории СР Югославии. Агрессия НАТО, продолжавшаяся с 24 марта по 10 июня 1999 г., завершилась подписанием в Куманово Военно-технического соглашения между международными силами КФОР, с одной стороны, и правительствами СР Югославии и Республики Сербия, с другой стороны, на основании которого произошел вывод сербской полиции и армии из Косово и Метохии и введение международной военной и гражданской администрации на территории провинции под патронажем НАТО и ООН [1, с. 18-19].

² В течение этих двух лет, включая период агрессии НАТО против СР Югославии, в Косово и Метохии действовала албанская военизированная Освободительная армия Косово (ОАК), которая вооруженными средствами стремилась отделить территорию провинции от Сербии. Речь идет об организации, «пробные атаки» которой начались в 1996 г., чтобы с февраля 1998 г. действия этого военизированного формирования переросли в настоящее вооруженное движение [2, с. 17]. ОАК провела большое количество операций именно в районе Ораховаца, поэтому местные населенные пункты, исключая Велику-Хочу и частично Ораховац, уже в 1998 г. были очищены от сербского населения, а с 1998 по 2000 г. на этой территории были убиты или бесследно пропали 84 члена местной сербской общины [3, с. 10].

³ Термин «мартовский погром» относится к волне насилия с 17 по 19 марта 2004 года, когда десятки тысяч албанцев напали на сербское и другое неалбанское население в более обширной области Косово и Метохии к югу от Ибара. Тогда были

До агрессии НАТО против СР Югославии в 1999 году в Ораховаце проживало около двадцати тысяч человек, из которых около шестнадцати тысяч были албанцы, около двух тысяч сербов и столько же черногорцев, турок, цыган и мусульман [7], а в Велика-Хоче незадолго до этого события проживало около полутора тысяч жителей сербской национальности и несколько цыганских семей [8, С. 565]. По неофициальным оценкам, количество сербов, проживающих в Ораховаце четверть века после агрессии НАТО, составляет около 250 человек, в Велика-Хоче - около 450. В то время как Велика-Хоча представляет собой деревню, населенную исключительно сербами, Ораховац сегодня является городом, где, помимо большинства албанцев, сербы живут только в одной меньшей его части, известной как «сербская махала».

Вывод сербской полиции и армии из Косово и Метохии после агрессии НАТО вызвал усиление чувства угрозы среди сербов во всем крае, в том числе среди сербов в Ораховаце и Велика-Хоче.⁴ Хотя вскоре после подписания Военно-технического соглашения в Куманово члены органов международного управления МООНК и СДК были развернуты на всей территории Косово и Метохии, с мандатом предотвращать межэтнические боевые действия, поддерживать порядок и мир, поддерживать работу местных самоуправления и т.д. [1, с. 109–110], сербское население в районе Ораховаца столкнулось с многочисленными угрозами безопасности, особенно с проблемой ограничения свободы передвижения. Из-за страха перед возможными неудобствами, провокациями и даже физическими нападениями со стороны албанцев сербы из Ораховаца и Велика-Хочи, обычно не

разорены многие населенные пункты, сожжены и разграблены 30 православных церквей, изгнано около пяти тысяч сербов, цыган и ашкали [4, с. 182, 184]. Погибло 19 человек, из них одиннадцать албанцев и восемь сербов, ранено 954 человека [5, с. 169]. Поводом для насилия стал слух о том, что трое албанских мальчиков утонули в Ибаре, спасаясь от сербов, однако позже выяснилось, что смерть мальчиков была несчастным случаем, а не результатом нападения [6, с. 230].

⁴ Из-за чувства угрозы и страха репрессий со стороны албанцев за сербской полицией и армией, отступающей к центральной Сербии, последовали колонны сербского и другого неалбанского населения. По данным реестра внутренне перемещенных лиц Республики Сербия, к 2000 году после агрессии НАТО из Косово и Метохии было перемещено 187 129 человек [9, с. 79], а Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) отметило, что с территории края были перемещены 250 000 сербов, цыган и боснийцев [4, с. 123]. После вывода сербских войск многие люди остались совершенно беззащитными и брошены на мейсть членов ОАК или албанских мирных жителей, так что с 12 июня 1999 г. по 7 мая 2000 г. было убито 1011 человек, из них 888 были сербами, а 924 (867 сербов) были ранены и 936 человек (860 сербов) похищены [5, с. 96].

покидали места своего непосредственного проживания, в то время как любое перемещение за пределы населенных пунктов, в которых они жили, влекло за собой опасность угрозы их безопасности. Очень скоро после вывода сербской полиции и армии из Косово и Метохии Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) организовало на территории провинции так называемый гуманитарный автобусный транспорт, состоящий из автобусов, предназначенных для бесплатной перевозки сербов и представителей других неалбанских этнических групп, в речи местных жителей названный термином «конвой». Таким образом, в условиях угрозы безопасности сербы и другие неалбанцы из разных частей края, особенно жители изолированных деревень, смогли получить доступ к основным правам и услугам, таким как образование, здравоохранение и социальная помощь, точно так же, как это давало им возможность добираться до места работы, осуществлять свободу вероисповедания [10, с. 9], но и поддерживать связи с местами происхождения и перемещенными членами семьи [11, с. 3].⁵

Сербы из Ораховаца и Велика-Хочи были связаны гуманитарным автобусным транспортом с северной сербской частью Косовской Митровицы, города, который сразу после агрессии НАТО против СР Югославии в 1999 году был разделен рекой Ибар на две части: южную, населенную албанцами, и Северную, населенную сербами.⁶ Северная Косовска-Митровица, расположенная примерно в восьмидесяти километрах от Ораховаца и Великой-Хочи, для сербов из двух упомянутых поселений представляла собой «выход на свободу» и прямую связь с преимущественно сербской частью Косово и Метохии к северу от Ибара и, следовательно, связь с центральной Сербией,

⁵ Хотя роль гуманитарного автобусного транспорта заключалась в обеспечении свободы передвижения сербов и других неалбанских этнических групп в Косово и Метохии, инциденты безопасности при перемещении конвоев не были редкостью. Инциденты чаще всего включали забивание камнями автобусов и словесные оскорбления пассажиров при прохождении конвоя через населенные албанцами районы [10, с. 12-13; 11, с. 27-30].

⁶ Раздел города произошел, когда с выводом сербской полиции и армии из Косово и Метохии вооруженные албанские формирования приступили к захвату провинции и преследованию сербов и других неалбанцев. Преследование было остановлено в Косовска-Митровице, где сербы с северной стороны Ибра установили контрольно-пропускные пункты и сформировали группы «охранников моста», чтобы предотвратить попытки албанцев перейти указанную реку со стороны южной части города. Проникновение албанцев было остановлено, так что Ибар стал линией, которая, разделяя Косовска-Митровицу, одновременно отделяла центральную и южную часть Косово и Метохии, населенную преимущественно албанцами, от территории к северу от этой реки, населенной преимущественно сербами [1, с. 20–21].

страной, которую они считали своей. Как и все другие линии гуманитарного транспорта на территории провинции созданные УВКБ ООН, колонна-конвой из Ораховаца и Велика-Хочи в северную Косовскую Митровицу в 2007 году была передана в юрисдикцию временных институтов самоуправления Косово и Метохии (Министерство Транспорта и коммуникаций и Министерства по делам общин и возвращения) [11, с. 3].⁷ Спустя несколько лет ответственность за управление его работой взяло на себя местное самоуправление сербов в Ораховаце и Велика-Хоче, с одной стороны, и «Колашин транспорт», частная сербская пассажирская транспортная компания из Зубин-Потока, центра одноименного муниципалитета на севере Косово и Метохии, с другой стороны. Конвой на маршруте между Ораховацем и Велика-Хочей, с одной стороны, и Северной Косовска-Митровицей, с другой, функционирует по сей день. Автобус ходит три раза в неделю по понедельникам, средам и пятницам, ранним утром каждого из трех указанных дней он отправляется в Косовска-Митровицу, откуда возвращается в Ораховац и Велика-Хочу в тот же день во второй половине дня.

С начала работы в 1999 году и по сегодняшний день конвой, соединяющий сербов из Ораховаца и Велика-Хочи с Северной Косовска-Митровицей, движется по магистральным дорогам, проходящим через районы Дреница и Прекорупле, в состав которых входят муниципалитеты Србица, Глоговац и Малишево. Это районы, которые после агрессии НАТО в 1999 году подверглись почти полной этнической чистке со стороны албанцев, так что за последнюю четверть века до сегодняшнего дня они населены фактически только албанским населением, за исключением лишь нескольких деревень в Дренице, из которых сербы не были изгнаны, таких, как деревни Бане, Суво-Грло и Црколез, с населением около 300 человек [13]. Район Дреница особенно известен тем, что в научной и широкой сербской общественности он часто упоминается как «колыбель нового албанского национализма», поскольку именно здесь в 1918 году

⁷ После подписания Военно-технического соглашения в Куманово и прекращения агрессии НАТО против СР Югославии в 1999 году Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1244, гарантирующую СР Югославии суверенитет над Косово и Метохией. Согласно Резолюции, на территории провинции образовывались временные институты самоуправления, мандат которых должен был действовать до принятия окончательного решения о статусе провинции. Однако временные институты самоуправления в Приштине в одностороннем порядке провозгласили независимость в 2008 году, что очень быстро признало большинство стран Запада, в то время как Сербия, Россия, Китай и несколько стран Европейского союза выступили против этого [12, с. 255].

вспыхнуло движение качаков, направленное против вступления области Косово и Метохии в состав государств южных славян после Первой мировой войны [14, с. 19],⁸ так же как после 1945 года, во времена социализма, албанцы здесь практически не признавали центральную югославскую власть, а в конце 20 века члены албанской военизированной ОАК начали отсюда вооруженную борьбу против Сербии. Как и многие другие части Косово и Метохии к югу от Ибара, упомянутые территории остались буквально без сербов в период после агрессии НАТО в 1999 году, а это означает, что здесь этническая чистка албанцами осуществлялась не только таким образом, что местные сербы были физически изгнаны, но и так, что вся территория была фактически «очищена» от следов и свидетельств исторического существования сербов.⁹ Из города Србица, который албанцы переименовали в Скендерай, затем городов Глоговац и Малишево, а также всех других населенных пунктов вдоль дороги, по которой через Дреницу и Прекорулле проезжает конвой с сербами из Ораховца и Велика-Хочи, все сербское было удалено, включая, среди прочего, опустошение сербских памятников, разрушение сербских кладбищ и тому подобное, в то время как, с другой стороны, во многих местах были возведены многочисленные памятники со строго албанской национальной символикой, в том числе особенно символы, связанные с вооруженной борьбой ОАК против государства Сербия в 1998/1999 годах.

⁸ Слово «качак» тюркского происхождения и означает преступника от властей, хайдука, а также бандита, грабителя. Среди албанцев качаки появились в то время, когда Османская империя находилась на закате, однако активизация деятельности качаков началась особенно после Первой мировой войны, когда они приобрели ярко выраженный политический характер, направленный против новообразованного югославского государства и в целом сербов в Косово и Метохии. Движение качаков, целью которого было присоединение Косово и Метохии к государству Албания, продолжалось до 1924 года, когда после длительных боев, в которых погибли его лидеры, оно было нейтрализовано полицией и военными формированиями Королевства сербов, хорватов и словенцев [14, с. 11–12, 295].

⁹ Об исторической преемственности жизни сербов в Дренице и Прекорулле говорит турецкая перепись области Бранковича от 1455 года, согласно которой упомянутые территории в середине XV века были заселены исключительно сербским, православным христианским населением. Нашествие османов принесло большие изменения в сербское средневековое государство, которое в последующие века, особенно в XVIII и XIX веках, приведет к эмиграции сербов из Косово и Метохии и иммиграция скотоводческих племен из Албании, а также обращение в ислам и албанизация части сербского населения. На этнической карте Дреницы до второй половины XIX в. сербы по-прежнему составляли большинство, а названия населенных пунктов, гор, рек и т. д. здесь почти полностью были славянского, сербского происхождения [15, с. 154-155].

Если исходить из предположения, что общественные и частные пространства являются продуктом человеческого взаимодействия, то есть что социальные отношения и социальная практика неотделимы от того, как человек определяет пространство, в котором он обитает и движется, то территорию конвойного движения от Ораховаца и Велика-Хочи до северной Косовска-Митровицы и обратно можно рассматривать с точки зрения восприятия сербов, путешествующих на этом автобусном транспорте, через теоретическую концепцию не-места, под которой Марк Оже подразумевает пространства без отношений, идентичности, истории, вызывающие у человека, а также у более широкого сообщества чувство непричастности. По словам указанного автора, не-места — это пространства, не антропологические и не включающие в себя элементы античности. Это мир сверхсовременности, в котором увеличивается количество роскошных или бесчеловечных транзитных пространств и временных убежищ (гостиничные и торговые сети, клубы отдыха, лагеря беженцев и т. д.), где развивается плотная сеть транспортных средств, являющихся обитаемыми помещениями; это мир абстрактных, несимволизованных пространств, в котором правят одинокая индивидуальность, временность и быстротечность [16, с. 75, 79]. Концепция не-места, как отмечает Оже, определяется двумя взаимодополняющими, но отдельными реальностями: пространствами, строящимися в отношении между двумя «точками» (транспорт, транзит, движение, досуг) и в отношении, которое люди «имеют» с этим пространством. Если места можно назвать антропологическими в том смысле, что они «исконно» социальны и предназначены для какого-то рода деятельности, то это означает, что не места, согласно Оже, можно рассматривать так, как если бы они были созданы молчаливым консенсусом [согласно 17, с. 180].

С 1999 года и по сей день гуманитарный автобусный транспорт сербов из Ораховаца и Велика-Хочи в северную Косовска-Митровицу курсирует, не останавливаясь ни на одной остановке. Это связано с безопасностью водителей и пассажиров, а также с тем, что сами пассажиры воспринимают пространство между пунктами отправления и прибытия прежде всего, как транзит или путешествие по территории, к которой они не испытывают чувства принадлежности и привязанности. Вдоль дороги между Ораховацем и Велика-Хочей, с одной стороны, и Косовска-Митровицей, с другой, буквально не живет ни один серб. Это пространство, которое в восприятии сербов из Ораховаца и Велика-Хочи заполнено «чужими», «враждебными» местами, своей символикой вызывающие у них чувство беспокойства,

угрозы и даже страха. Это места, которые напоминают членам сербской общины из двух перечисленных населенных пунктов не только об их положении в районе Ораховаца, но и о положении большинства сербов в Косово и Метохии за последнюю четверть века, которые практически вынуждены жить изолированно в своей среде, отделенной друг от друга территориями, населенными почти исключительно албанцами. Если концепция не-места Оже применима к пространствам, которые этот автор описывает как «меру нашего века», полагая, что эта «мера» также может быть определена численно если бы все воздушные, железнодорожные и автомобильные маршруты, все виды транспорта, все аэропорты, вокзалы, гостиничные сети, торговые центры, парки развлечений и т. д. были бы добавлены к одной единице [16, с. 76], тогда, вероятно, можно было бы увидеть, что не-места между Ораховацем и Велика-Хочей, с одной стороны, и Косовска-Митровицей, с другой, выражают особую «меру» положения сербов из двух упомянутых поселений за последние двадцать пять лет, учитывая, что эти не-места для них в конечном итоге представляют собой не просто абстрактные транзитные пространства, лишённые реляционных и тождественных значений. То, что не-места никогда не являются таковыми в полной мере, но что они «подобны палимпсесту, в котором постоянно переписывается мрачный механизм идентичности и отношений» [16, с. 76], — это как раз случай сербов из региона Ораховац, учитывая, что поездка конвоем в Косовска-Митровицу и обратно регулярно напоминает о том, *кто* и *что они* сегодня в Косово и Метохии. Тот факт, что конвой не был отменен даже спустя два с половиной десятилетия после агрессии НАТО против Союзной Республики Югославии в 1999 году, и тот факт, что сербы из Ораховаца и Велика-Хочи все еще пересекают около восьмидесяти километров до северной Косовска-Митровицы, чтобы там, в преимущественно сербской среде, получить доступ на различные права и услуги, отражает одно – степень их ощущения (не)свободы участвовать в текущих социальных отношениях в непосредственном албанском окружении.

Список литературы

1. Павловић А. Свакодневица Срба у северној Косовској Митровици. Лепосавић: Институт за српску културу Приштина – Лепосавић, 2021. 352 с.
2. Janjić D. Ogladi o Kosovu. Beograd: Draslar Partner, 2007. 418 с.

3. Рељић М., Новаков А. Сведочење за будућност // Косовскометохијски гласови / О. Радић. Београд: Завод за уџбенике, 2021. С. 9–13.
4. Hofbauer Н. Eksperiment Kosovo: Povratak kolonijalizma. Beograd: Albatros Plus, 2009. 312 с.
5. Јевтић Ђ. Етничким насиљем до статуса. Приштина: Народна и Универзитетска библиотека «Иво Андрић», 2005. 291 с.
6. Рибић В. Неформална политичка мобилизација и нестрпљиви национализам на Косову и Метохији // Етноантрополошки проблеми. 2008. Год. 3. Св. 1 (н. с.). С. 229–242.
7. <https://pescanik.net/izvestaj-o-orahovcu/> [приступљено 30. 10. 2024.]
8. Павловић А. Специфичност Беле виле као елемента нематеријалног културног наслеђа Срба у Великој Хочи // Хронотоп Косова и Метохије у науци и уметности / Ур. Д. Танчић, Ј. Ахметагић, Д. Елезовић. Лепосавић: Институт за српску културу – Приштина, 2018. С. 561–586.
9. Срећковић Јеросимић Ј. Принудне миграције са Косова и Метохије у централну Србију. Београд: Српско географско друштво, 2009. 123 с.
10. Humanitarni autobuski prevoz na Kosovu nakon prenosa na kosovske institucije. Nalazi nadgledanja, Izveštaj br. 5. Organizacija za evropsku bezbednost i saradnju, Misija na Kosovu, 2012. 19 с.
11. Nalazi nadgledanja humanitarnog autobuskog prevoza za manjine na Kosovu nakon prenosa nadležnosti na PIS, Izveštaj br. 2. Organizacija za evropsku bezbednost i saradnju, Odeljenje za ljudska prava, decentralizaciju i zajednice, 2007. 40 с.
12. Павловић А. Прилог разматрању концепта «помирења» Срба и Албанаца на Косову и Метохији: Ставови припадника српске заједнице у Косовској Митровици // Косово и Метохија кроз чињенице, тумачења и симболе. Књ. 2 / Ур. И. Рајовић Женарју, В. Зарковић. Лепосавић: Институт за српску културу Приштина – Лепосавић, 2023. С. 253–281.
13. <https://web.archive.org/web/20131020084152/http://glassrbije.org/clanak/selo-banje-srpska-oaza-u-drenici-na-kim> [приступљено 5. 11. 2024.]
14. Маликовић Д. Качачки покрет на Косову и Метохији 1918–1924. Лепосавић: Институт за српску културу – Приштина; Косовска Митровица: Филозофски факултет, 2005. 353 с.

15. Николић О. Дреница – баштина Бранковића. Приштина: Институт за српску културу, Народна и универзитетска библиотека, Културна манифестација «Глигорије Глиша Елезовић», 1998. 170 с.
16. Ože M. Nemesta. Beograd: Biblioteka XX vek, 2005. 120 с.
17. Milanović N. Mesta, «nemesta» i prilike pijenja: Prostorni i situacijski aspekti kulture pijenja mladih u Beogradu // Antropologija. 2019. God. 19. Br. 2. С. 177–198.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ I СОЗЫВА: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Пашковский П. И.

Доктор политических наук

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
профессор кафедры политических наук и международных
отношений*

E-mail: petr.pash@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются внешнеполитические аспекты деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации I созыва. Охарактеризована специфика основных результатов депутатских голосований данного периода, связанных с международно-политическими реалиями, в контексте их соотношения с концептуальными основами и реализацией внешней политики России. Выявлены особенности состава и характера деятельности нижней палаты российского парламента данного периода. Проанализирована концептуализация внешней политики Российской Федерации. Дана оценка инициативам и решениям Государственной Думы Российской Федерации I созыва в области внешней политики и международных отношений. Показано, что таковые были обусловлены спецификой её персонального состава, где отсутствовали жёсткая фракционная дисциплина и явное преимущество какой-либо политической силы, что определяло необходимость ситуативного взаимодействия. Международно-политические инициативы Государственной Думы I созыва отличались большей реалистичностью и акцентированием защиты национальных интересов от содержания концептуальных документов и проводимого государством внешнеполитического курса. Это происходило на фоне и одновременно с начавшимся процессом*

переосмысления внешнеполитических подходов Российской Федерации, оказал на него значительное влияние.

Ключевые слова: *Государственная Дума Российской Федерации I созыва, внешняя политика, международные отношения, депутаты, голосования.*

MAIN TRENDS IN THE ACTIVITIES OF THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN FEDERATION OF THE FIRST CONVOCATION: FOREIGN POLICY DIMENSION

Pashkovsky P. I.

PhD, Doctor in Political Science,

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

*Professor of the Department of Political Science and International
Relations*

Abstract. *The article considers the foreign policy aspects of the activities of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the First convocation. The specifics of the main results of parliamentary votes of this period, which were related to international-political realities, in the context of their relationship with the conceptual foundations and implementation of Russian foreign policy, have been characterized. Features of the composition and nature of the activities of the lower house of the Russian parliament of this period have been identified. The conceptualization of the Russian Federation's foreign policy has been analyzed. The initiatives and decisions of the State Duma of the Russian Federation of the First convocation in the field of foreign policy and international relations have been assessed. It is shown that these were due to the specifics of its personal composition, where there was no strict factional discipline and a clear advantage of any political force, which determined the need for situational interaction. The international-political initiatives of the State Duma of the First convocation were distinguished by greater realism and emphasis on the protection of national interests than the content of conceptual documents and the foreign policy course pursued by the state. This happened against the background and simultaneously with the beginning of the process of rethinking the foreign policy approaches of the Russian Federation, which had a significant influence on it.*

Keywords: *State Duma of the Russian Federation of the First convocation, foreign policy, international relations, deputies, voting.*

В январе 2024 г. исполнилось 30 лет со дня первого заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации I созыва (11 января 1994 – 15 января 1996 г.) [1], избранной в декабре 1993 г., что актуализирует осмысление пройденного пути. Значение этого возрастает в современных «условиях геополитического противостояния с Западом», реализующим антироссийский курс, когда наша страна «сталкивается с рядом вызовов, одновременно получив ряд новых возможностей, которые могут привести к укреплению её геополитических и экономических позиций» [2, с. 15]. В этом отношении особый интерес представляет опыт внешнеполитической деятельности Государственной Думы I созыва, продемонстрировавший наличие различных инициатив, в том числе решений стратегического характера и патриотической направленности, в известном смысле опередивших своё время [3–9]. Настоящая публикация имеет целью обзорно рассмотреть специфику основных результатов депутатских голосований этого периода, касающихся международно-политических реалий, учитывая их соотношение с формированием концептуальных основ и реализацией отечественной внешней политики.

Специфика деятельности Государственной Думы I созыва определялась отсутствием жёсткой фракционной дисциплины, частыми примерами межфракционных переходов и возможностью представителей исполнительной власти быть избранными в депутаты с сохранением имеющихся полномочий. Отсутствие подавляющего преимущества каких-либо политических сил и размытость фракционных и депутатских подходов открывали перспективы манёвра всем участникам политического процесса [10, с. 16].

Оппозиция исполнительной власти (Президенту и Правительству) составляла порядка 43%, осложняя функциональность нижней палаты парламента. Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) и Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) превратились в примеры парламентских партий, являвшихся «системной оппозицией». Нормальная работа Государственной Думы во многом стала возможной благодаря спикеру И. П. Рыбкину – представителю Аграрной партии России (АПР), - который, вопреки ожиданиям, дистанцировался от левой оппозиции, проявив склонность к компромиссам, постепенно переместившись в центр политического спектра. Фактически перейдя в «команду Президента», Председатель Госдумы содействовал тому, чтобы законопроекты, которые вносились исполнительной властью, имели приоритетное место при рассмотрении [11, с. 373–378].

Примерно 20% состава нижней палаты парламента представляли «партии власти»: «Выбор России» (ВР) и Партия российского единства и согласия (ПРЕС) [12, с. 320]. Их деятельность характеризовалась не столько функцией социального представительства и защитой государственных интересов, сколько выражением интересов группировки власть предержажших [13, с. 126].

Государственная Дума I созыва начала работу в обстоятельствах, когда действовали «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации» [14], утверждённые Президентом 23 апреля 1993 г. Этот документ стал следствием специфики внешнеполитического мышления российского руководства тех лет, сводящегося к акцентированию необходимости позиционирования России как «демократического государства», которое разделяет «общие ценности» с коллективным Западом. Вместе с вполне логичными целями и задачами в «Основных положениях...» обозначались далёкие от объективности оценки роли нашей страны в постбиполярную эпоху и романтические сценарии формирования нового мироустройства, а наиболее актуальные проблемы были изложены обобщённо или совсем не отмечены [15, с. 26–27].

В целом, на содержание доктринальных документов в области российской внешней политики в первой половине 1990-х гг. оказали влияние установки отечественных элит, убеждённых в помощи Запада в решении экономических проблем. В свою очередь, значительные заимствования становились фактором экономического выживания России, что обусловило характер доктринальных документов и особенности осуществления государственного внешнеполитического курса [6, с. 150].

Недостаток реализма в доктринальных установках российской внешней политики того времени отмечали и некоторые западные исследователи. Это, по их мнению, проявлялось в надеждах российских элит на помощь Запада или его лояльность в ответ на стремления России восстановить своё влияние в «ближнем зарубежье» [16, с. 126]. Безосновательность подобных надежд подтверждала реальность, в которой США, чтобы расширить своё присутствие и усилить влияние в данном регионе, взяли курс на «цементирование результатов дезинтеграции» СССР [17, р. 42–43].

Деятельность Государственной Думы I созыва осуществлялась в условиях начавшегося пересмотра курса «демократической солидарности с Западом». Совокупное влияние внешних и внутренних факторов обусловило формирование в российском обществе 1994–1995 гг. следующих установок: рост недоверия в отношении заявлений

США и их союзников о равноправном партнёрстве и учёте интересов России; восприятие планов расширения НАТО в качестве нарушения обещаний Вашингтона и реализации стратегии российского сдерживания; критика односторонних действий Соединённых Штатов и их союзников касательно Югославии; осуждение интервенции НАТО в Боснии; отрицание целесообразности присоединения Москвы к международным санкциям в отношении Ливии и Ирака, введённым по инициативе Вашингтона и нанесшим значительный ущерб отечественной экономике; усиление разочарований ограниченной западной помощью в реформировании российской экономики; признание негативных результатов политики России в отношении бывших союзных республик и т. д. [15, с. 32–33].

На основании проанализированных стенограмм [18] и отчётов [19] заседаний было выявлено, что в период работы Государственной Думы I созыва состоялось 186 голосований, тематика которых связана с международно-политической сферой. Среди них имелись заявления, обращения, ратификации и денонсации международных договоров, а также прочие относящиеся к данной области голосования.

Как показал авторский анализ [20], результаты голосований международно-политической направленности в нижней палате парламента в этот период представляли подчас полярные точки зрения, являясь, тем не менее, более сбалансированными и реалистичными, чем положения концептуальных документов внешней политики России. Это обуславливалось примерно равным распределением ресурсов внутри Госдумы между т. н. «левыми», «правыми», «центристами» и «национал-патриотами», а также наличием «общего блока» вопросов (защита территориальной целостности и суверенитета государства, укрепление обороноспособности, содействие благоприятным внешним условиям для развития экономики и социальной сферы, защита прав и свобод соотечественников за рубежом, поддержка процессов постсоветской интеграции), не вызывающих явных противоречий или способствующих совпадению позиций.

Таким образом, внешнеполитические аспекты деятельности Государственной Думы Российской Федерации I созыва были обусловлены спецификой её состава, в рамках которого отсутствовали жёсткая фракционная дисциплина и явное преимущество какой-либо политической силы, определяя необходимость ситуативного взаимодействия. Более 40% депутатов относились к оппозиции исполнительной власти, а примерно 20% - представляли «партии власти». Функциональное взаимодействие конкурирующих

политических сил не в последнюю очередь установилось вследствие усилий занявшего центристские позиции Председателя нижней палаты парламента.

Осуществляя работу в обстоятельствах сложнейших социально-экономических проблем и колоссального ослабления международно-политических позиций России, ставшей полупериферией в западнцентричноймир-системе, Госдума продемонстрировала значительную активность в инициативах международно-политической направленности, охватывавших широкий спектр актуальных вопросов с видимым акцентом на ситуации в «ближнем зарубежье».

Относительная сбалансированность принятых решений, проявившаяся в учёте позиций разных политических сил, стала производной примерно равного распределения ресурсов и существования вопросов «общего блока». Принятые решения отличались от характера доктринальных основ и официального внешнеполитического курса государства более реалистичным и направленным на обеспечение и защиту национальных интересов содержанием. Подобное совпало с начинающейся в этот период тенденцией переосмысления отечественных внешнеполитических подходов, в том числе касательно взаимоотношений с Западом, во многом предвосхитив последующие события, что увеличивает значение исследования и учёта опыта внешнеполитической деятельности Государственной Думы I созыва в наши дни.

Список литературы

1. История Государственной Думы. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/history/information/> (дата обращения: 19.11.2024).
2. Жильцов С. С. Политика России в условиях глобальной неопределенности: вызовы и возможности // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10. № 1. С. 8–16.
3. Глейзнер Дж., Чейсти П. Российская Государственная Дума: структура, деятельность и эволюция в период 1993–1997 годов; Пер. с англ. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. 68 с.
4. Косачев К. И. Парламентская дипломатия в многополярном мире // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 1 (4). С. 26–31.
5. Морозов О. В. Парламентская дипломатия новой России // Тетради по консерватизму. 2018. № 4. С. 299–315.

6. Пашковский П. И. Внешнеполитическая деятельность Государственной Думы Российской Федерации: генезис, эволюция, перспективы. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2023. 398 с.
7. Chaisty P. The Influence of Sectoral and Regional Economic Interests on Russian Legislative Behavior: The Case of State Duma Voting on Production Sharing Agreements Legislation // *Post-Soviet Affairs*. 2007. Vol. 23. Issue 4. P. 302–328.
8. Sakwa R. Party and Power: Between Representation and Mobilization in Contemporary Russia // *East European Politics*. 2012. № 28 (3). P. 310–327.
9. White D. Re-Conceptualising Russian Party Politics // *East European Politics*. 2012. № 28 (3). P. 210–224.
10. Алескеров Ф. Т., Благовещенский Н. Ю., Сатаров Г. А., Соколова А. В., Якуба В. И. Влияние и структурная устойчивость в российском парламенте (1905–1917 и 1993–2005 гг.). М.: ФИЗМАТЛИТ, 2009. 312 с.
11. Колесников В. Н. Народное представительство и парламентаризм в России: проблемы становления и развития. СПб.: Северо-Западный центр развития парламентаризма, 2007. 432 с.
12. Гаман-Голутвина О. В. Государственная Дума 1993–2003 гг.: эволюция персонального состава // *Парламентаризм в России и Германии: История и современность* / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 307–321.
13. Гаман-Голутвина О. В. Политико-финансовые кланы и политические партии как селекторат в процессах парламентского представительства современной России // *Власть и элиты современной России: Сб. научных статей* / Под ред. А. В. Дуки. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2003. С. 118–131.
14. Концепция внешней политики Российской Федерации. 23 апреля 1993 г. // *Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: Хрестоматия в 4-х т. Т. 4.: Документы* / Сост. Т. А. Шаклеина. М.: МГИМО; РАМИ; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2002. С. 19–50.
15. Внешняя политика России. 1991–2016: [коллективная монография / Т. А. Шаклеина, А. Н. Панов, А. С. Булатов

- и др.; Отв. ред. Е. М. Кожокин, А. Л. Чечевишников]; Под общ.ред. и с предисл. акад. А. В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2017. 538 с.
16. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы; Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2005. 256 с.
 17. Simes D. K. Losing Russia. The Costs of Renewed Confrontation // Foreign Affairs. November/December 2007. Vol. 86. № 6. P. 36–52.
 18. База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы». URL: <http://transcript.duma.gov.ru/> (дата обращения: 19.11.2024).
 19. Система анализа результатов голосований на заседаниях Государственной Думы. URL: <http://vote.duma.gov.ru/> (дата обращения: 19.11.2024).
 20. Пашковский П. И. Внешнеполитические аспекты деятельности Государственной Думы Российской Федерации I созыва (к 30-летию со дня начала работы) // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 1. С. 71–82.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ О СОБЫТИЯХ В КОСОВО 1999 ГОДА В РОМАНЕ ДУШИЦЫ ФИЛИПОВИЧ «МЕТОХИЙСКИЙ СФУМАТО»

Петрович Маша

Кандидат философских наук

*Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, Сербия,
младший научный сотрудник*

E-mail: masapetrovic01084@gmail.com

***Аннотация.** Имея в виду, что с древних времен литература была полем сохранения, трансформации и укрепления коллективной памяти и национального образа прошлого, в настоящий момент литературная критика и широкая общественность рассматривают литературные произведения современной сербской прозы как материал для проведения социологических, культурологических и других междисциплинарных исследований. Выводы, к которым приходят такие учения, должны привести к обобщениям и абстрагированию сообщений, содержание которых говорит о сербском народе, его коллективной и национальной идентичности,*

размышлениях о прошлом и потенциальных действиях в будущем. Цель данной научной статьи — на примере романа Душицы Филипович «Метохийский сфумато», опубликованного в начале 2024 года, пролить свет на то, как и какими художественными средствами в наши дни можно говорить о национальном восприятии военных событий и плохих сербско-албанских отношениях в Косово в 1999 году и о политике памяти похищенных, пропавших без вести, перемещенных и умерших косовских мужчин, и женщин.

Ключевые слова: коллективная память, военные события в Косово, 1999 год, сербско-албанские отношения, роман, Душица Филипович, «Метохийский сфумато».

COLLECTIVE MEMORY OF THE EVENTS IN KOSOVO IN 1999 IN THE NOVEL *METOHJSKI SFUMATO* BY DUŠICA FILIPOVIĆ

Maša Lj. Petrović

Institute for Serbian Culture Prishtina - Leposavic, Republic of Serbia

Junior research assistant

E-mail: masapetrovic01084@gmail.com

Abstract. Bearing in mind that since ancient times, literature has been the scene of preservation, transformation and reinforcement of collective memory and the national image of the past, at the present moment literary criticism and the general public see literary works of contemporary Serbian prose as material for conducting sociological, cultural and other interdisciplinary research. The conclusions reached by such teachings should lead to generalizations and abstraction of messages whose content says something about the people themselves, their collective and national identity, thinking about the past and potential actions in the future. Therefore, the goal of our paper is to use the example of Dušica Filipović's novel *Metohijski sfumato*, published at the beginning of 2024, to shed light on how and with which artistic means nowadays one can talk about the national perception of war events and bad Serbian-Albanian relations in Kosovo in 1999. and the politics of memory of abducted, missing, displaced and deceased Kosovar men and women.

Keywords: collective memory, war events in Kosovo, 1999, Serbian-Albanian relations, novel, Dušica Filipović, *Metohijski sfumato*.

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы НИО по договору, заключенному с Министерством науки,

Коллективная память народа, под которой понимаются особые формы «присутствия прошлого» (традиции, понятия, школьные знания, символы и проч.), формирующаяся и живущая в недрах социальных институтов и коллективов (семья, школа, религия, класс) [1, с. 37–40], сохраняется в литературе через изложение исторических событий, мифов и легенд. Литература каждого народа с древних времен документировала важные моменты прошлого, гарантируя, что они не будут забыты, и позволяя передать их будущим поколениям [2, с. 127]. Фольклор хранит память о героических подвигах и жертвах, сформировавших самобытность народа. Многие писатели также отражают коллективные травмы или триумфы в своих литературных произведениях, позволяя людям обрабатывать важный национальный исторический опыт через художественную форму. Они реконструируют исторические обстоятельства, чтобы возродить прошлое и дать возможность по-новому осмыслить то, что было. Таким образом, литература становится местом критического переосмысления и интерпретации прошлого, что позволяет установить связь с коллективной памятью и обдумать действия в будущем.

В произведениях современной сербской литературы национальное прошлое часто имеет значение контекста для размышлений над актуальными культурными и социальными проблемами. Сербские писатели чаще всего обращаются к изображению военных событий при распаде Югославии и военных конфликтов в Косово в 1999 году, показывая, что современная литература является активной хранительницей культурной памяти, поскольку через нее писатель и читатели поддерживают связь с прошлым и устанавливают отношения с будущим. Одним из таких литературных произведений является роман «Метохийский сфумато» Душицы Филипович, опубликованный в начале 2024 года. Это произведение «ни по содержанию, ни по композиции не является повседневым творением, а повествование таково, что оно находится на границе между поэзией и прозой» [3, с. 468]. Роман – стихотворение, поднимает проблемные вопросы прошлой и настоящей жизни сербского народа в Косово и Метохии. Уважая критическую оценку Марии Ефтимиевич Михайлович, которая утверждает, что «Душица Филипович создала, прежде всего, книгу глубокой преданности Косово, начиная с того, что является ядром или эпицентром всех поисков, включая самый важный путь к самому себе – с детства как

начала каждой личной истории, к конечному началу или цели всех целей (Косову и Метохии)» [3, с. 478–479], поучительно наблюдать, как писательница многочисленными художественными средствами сформировала образ военных событий в Косово в 1999 году и оставила ценные свидетельства о том, «кто мы есть» и «что мы собой представляем», о «в СМИ мало известной жизни косоваров» и «о сербской женщине, на которой все держится» [4].

Рассказчица «Метохийского сфумато» начинает разработку темы коллективной памяти о военных событиях 1999 года с рассказа о воспитании главной героини Джурджи, которая в начале девяностых годов приехала в Приштину изучать сербскую литературу. Но прежде чем она начнет рассказывать о самих событиях, она попытается показать более широкую картину и объяснить почему Косово является неотъемлемой частью личности героини. Вопрос Косово представляет собой часть идентичности Джурджи, потому что она сербка, потому что связь с землей Косово заложена в идентификационном коде каждого серба и каждой сербской женщины, независимо от их происхождения. Она подчеркивает, что эта связь обусловлена тем политическим фактом, что с начала девятнадцатого века Косовский миф, глубоко религиозный, был центральной точкой националистического дискурса и национальной идентичности сербов [5, с. 235].

Затем она выстраивает и мотивирует ее личную связь с Косовской землей и ее жителями, направляя внимание читателей на события в Косово в конце XX века. Однако она не описывает прошлое с целью создать некий идеологический или утопический образ, как это делают рассказчики некоторых иных романов, чтобы сделать повествование наднациональным [6, с. 14], а наоборот, она натуралистично и несколько жестоко раскрывает правду и реальность жизни того времени. Подробными описательными пассажами он изображает, что Косово больше не является территорией, где «сербы и албанцы живут отдельно, как два параллельных общества», а является зоной взаимного конфликта, который прогрессирует ежедневно [5, с. 13]. Описания албанских демонстраций, требующих смерти и одобряющих убийства сербов, происходящие в ночном пейзаже Приштины, подчеркивают жуткую атмосферу и способствуют литературной стилизации состояния беспокойства и страха героини и сербского населения. Так же быстро, как меняются образы в панораме, повествователь меняет картины насилия и страданий: «Демонстрации и слезоточивый газ. Кровавые флаги с черными орлами. Приштина горит. Республика Косово, Республика Косово! I morto Serbi! - кричит

разъяренная толпа. Пробираюсь в поселении через летящие камни, задыхаюсь от слезоточивого газа в здании, меня рвет в квартире. Когда все успокоится, я продолжу работать, как ни в чем не бывало» [7, с. 84].

Этот и другие отрывки из романа служат рассказчице для того, чтобы подчеркнуть обстоятельства, в которых жили сербы до начала открытой войны в 1999 году. Благодаря им она связывает события, разворачивающиеся на глазах героини, с теми, которые являются частью глубокой сербской национальной памяти и касаются 1389 года и битвы между сербами и турками. Тяжелые социальные и исторические обстоятельства, которым приходится противостоять сербам, рассматриваются в романе Душицы Филипович как продолжение Косовской клятвы князя Лазара и его солдат, применение «содержания и послания» Косовского мифа, учащего сербов о себе, своей идентичности и моральных принципах [5, с. 255].

Реальные военные действия на фронте не описываются, но акцент делается на убийствах мирного населения, вторжениях в сербские квартиры, преследованиях и похищениях сербов. В исповедальном тоне один из героев резюмирует всю беду и трагедию исчезновения сербов из Косово: «Я знаю, правда, только одно: сербы движутся. Они убегают. Или их перехватывают, похищают. Они исчезают. ... Последнее, что я увидел в Приштине и с чем оставил ее - ведь жизнь в одночасье стала катушкой без нитки - это ранение и похищение серба прямо возле здания компании Электрокосмет. Они тащат его окровавленного по асфальту, забрасывают его консервными банками и камнями. КФОР за этим наблюдает спокойно» [7, с. 148].

Помимо этого личного признания героя, данная тема нарративуется посредством постмодернистской повествовательной процедуры, которую использовали в сербской литературе великие писатели Данило Киш и Милорад Павич [8]. Это стилистический прием повествовательного параллельного каталога, в котором чередуются разные повествовательные образы. В случае «Метохийского сфумато» имена похищенных, пропавших без вести и погибших косоваров чередуются с описаниями внешнего вида Приштины и сербских монастырей в 2014 году.

С временной дистанции в пятнадцать лет героиня возвращается в Косово и рассказывает о трагических последствиях, которые война оставила для сербского народа на этой территории. На основе ее рассказа читатель ясно видит, что культурная память об исторических событиях часто выходит за рамки официальных данных, подсчета жертв и фактических описаний победителей и проигравших, поскольку

содержит более глубокие, личные истории, отражающие человеческие страдания, борьбу и надежды [9]. Это не просто срез исторических сводок, а живая ткань памяти, построенная из коллективного и индивидуального опыта, из пересказанных семейных историй, передающихся из поколения в поколение. Одна из таких историй — история последней сербки в Приштине Радмилы Зарич, которая умерла в комнате Дома престарелых. Ее похороны на православном кладбище были организованы исламской общиной, а мэр Приштины назвал это событие подтверждением существования межэтнического и межрелигиозного согласия. Однако власти Албании умолчали о том, что она была похоронена как Radmila Zariq. Посредством метафоризации последней буквы фамилии рассказчик говорит о постоянном стирании сербской идентичности в Косово, но также выражает уверенность в том, что история Радмилы станет уроком для новых поколений сербов, которые должны заново открыть Косово и принять его как часть их личности.

«И та последняя буква Q, удлиненная на -чи, вонзенная, как стрела, в тело, закроется землей и снегом. И снова засияет над нами другая звезда в бесконечной ночи тайных столетий. И пронесется она через эту долину, чтобы неизвестно сколько раз уронить нам на грудь слово, произнесенное веками: Косово» [7, с. 232].

Интимный характер культурной памяти о событиях в Косово придает и рассказ Джурджи о Ефке Лакич, женщине, чей сосед албанец заложил кирпичами все окна ее дома в Призрене, потому что она не хотела из него выходить. В воображаемом диалоге Джурджи с этим соседом в поэтически тонкой форме героиня раскрывает настоящую правду о жизни серба на Косовской земле. Риторическими вопросами она указывает на мораль, этику и человечность соседа: «Сосед, почему ты оставил ей дверь, которая больше не ведет ни в сад, ни куда-либо еще? Думаешь: пусть посмотрит на дверь. Пусть она вспомнит, куда ходила. ... Пусть ударится о стену. Пусть пройдет сквозь стену. Пусть упадет, как свеча, Сосед. Не дай ей встать. Заставь ее исчезнуть. ... Пусть стена впитает кровь так же быстро, как гипсовая краска... пусть она... пусть она... превратится в пятно или фреску. И ты, первый сосед, тем не менее покрасишь и пятно, и фреску» [7, с. 291–292].

Эта история — притча об экзистенциальной и духовной тьме, в которой албанцы хотят оставить сербов, а судьба этой героини «не только личная, но повествовательно перенесена в судьбу всего сербского народа, обреченного искать свои корни во мраке истории: искать путь к воскресению в этой живой могиле» [3, с. 476]. Благодаря

этой притче культурная память становится пространством, где каждый человек добавляет свой личный опыт в более широкие исторические рамки [10]. Поэтому в такой памяти есть не только войны, сражения и политические решения, но и интимные признания, свидетельства великих перемен, мужества и (не)человечности.

Каждая личная история становится частью мозаики, которая помогает нам понять не только то, что произошло, но и то, что люди чувствовали в тот момент и как они боролись со своими эмоциями. Важными материальными хранителями этих историй являются семейные реликвии, носящие следы жизни, превосходящие факты и представляющие собой мосты между прошлым и будущим. Таким предметом является крест героини Златы, который становится хранителем «богатой жизненной истории, свидетельствующий о борьбе человека с самим собой, между двумя мирами» [7, с. 246] - между христианским, в котором выросла Злата, и мусульманским, в который она пришла, выходя замуж за Хасана. Решив рассказать свою историю с точки зрения ребенка, того особого повествовательного голоса, который смотрит на мир другими, более честными глазами, Душица Филипович подчеркивает, что именно новые поколения стремятся преодолеть разногласия и построить мост примирения. Описывая подготовку тела Златы к погребению, рассказчица особенно останавливается на описании снятия хиджаба, во время которого из платка падает крест. Именно эти личные моменты способствуют тому, чтобы культурная память не остановилось в официальных учебниках истории, а продолжала существовать через отдельные свидетельства, посредством которых можно понять, что значило историческое событие не только для государства или народа, но и для простых людей, втянутых в водоворот истории [9].

Сопоставляя положительные и отрицательные стороны жизни сербов в Косово, Душица Филипович попыталась взглянуть на сложность исторического прошлого, двойственность и уникальность отношений между сербами и албанцами, а также указать на политические, исторические, социальные и личные обстоятельства, влияющие на коллективную память. Сочетая метафорические и символические элементы с реалистическими, почти натуралистическими, умело маневрируя постмодернистскими стилистическими средствами, писательница подчеркивает эмоциональную и духовную сторону коллективной памяти. Рассказывая историю героини Джурджи и указывая на противоречия и проблемы, с которыми столкнулись сербы в Косово и Метохии в последние годы XX века, она показала, как современная

литературная мысль способна поднимать не очень приятные темы и четко определить себя по отношению к ним. Это подтвердило качество ее литературного творчества и ее способность полностью отобразить сложную и глубоко личную Косовскую идентичность сербского народа. Своим творчеством она оживила исторические события, личные истории и воспоминания и сделала их более доступными, понятными и эмоционально близкими новым поколениям. В то время как история фиксирует цифры и даты, культурная память, воплощенная в литературе, добавляет глубины и нюансов, позволяя нам понять не только то, что произошло, но и то, как нам следует вести себя в будущем.

Список литературы

1. Halbwachs, M. *The Social Frameworks of Memory*. Chicago: Chicago Press, 1992. p. 244.
2. Калер, Ц. Теорија књижевности: Сасвим кратак увод / Пер. с. англ. Д. Илић // Београд: Службени гласник, 2009. с. 172.
3. Михајловић Јефтимијевић, М. САН ЗА ВЕО – ВЕО ЗА ПЕПЕО – Поетика *сфумата* као сликарско-литерарног поступка у роману *Метохијски сфумато* Душице Филиповић // *Метохијски сфумато*. 2024. с. 467–480.
4. Алексић, М. <https://kossev.info/ho-kosovsko-pomoravlje-promocija-knjige-metohijski-sfumato-kosovo-online-najnovije-vesti/> доступ: 27. 08. 2024.
5. Dejjings, G. *Religija i identitet na Kosovu*/ Translated by S. Glišić. i S. Miletić // Београд: Библиотека XX век, 2005. 308 p.
6. Милановић, Ж. Књижевност и идентитет: између потчињености и слободе. Београд: Службени гласник, 2019, 296 с.
7. Филиповић, Д. *Метохијски сфумато*. Нови Сад: Прометеј, 2024. 484 с.
8. Делић, Ј. Кроз прозу Данила Киша: ка поетици Кишове прозе. Београд: Београдски издавачко-графички завод, 1997, 539 с.
9. Albvaš, M. *Kolektivno i istorijsko pamćenje // Kolektivno sećanje i politike pamćenja* / Ed. by M. Sladček, J. Vasiljević, T. Petrović Trifunović. Београд: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2015, p.29–60.
10. Asman, A. *Sećanje, individualno i kolektivno // Kolektivno sećanje i politike pamćenja* / Ed. by M. Sladček, J. Vasiljević, T. Petrović Trifunović. Београд: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2015, p. 71–86.

КОНЦЕПЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО И ГРАЖДАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Петрович Б. Дж.

*Доктор искусствоведения,
научный сотрудник, независимый исследователь, г. Париж,
Франция*

E-mail: boris.djordje.petrovic@gmail.com

Ралович И. М.

*Доктор искусствоведения,
научный сотрудник Института сербской культуры Приштина –
Лепосавич, г. Белград, Сербия*

E-mail: ralovic@gmail.com

Аннотация. *Наша цель – изучить две концепции национализма: первый, гражданский, «западный» национализм и второй, этнический и «восточный» национализм. В этой статье мы сравним эти два национализма с местами их происхождения: первый происходит как из Франции, так и из англоязычных стран - бывших и нынешних колониальных держав – авторой, этнически из стран, не имевших колоний такого масштаба и качества, как Германия (Пруссия, Священная Римская империя) и Россия.*

Ключевые слова: *национализм, колониализм, первый, второй и третий мир, Франц Фанон, Иммануил Валлерстайн, Ганс Кон, Эдвард Саид.*

THE CONCEPT OF ETHNIC AND CIVIC NATIONALISM

Petrović B. Dj.

*Doctor of Philological Sciences, Research Fellow, Research Fellow,
Independent Researcher, Paris, France*

E-mail: boris.djordje.petrovic@gmail.com

Ralović I. M.

*Doctor of Sciences – Art Sciences, Research Fellow, Institute of
Serbian Culture Priština – Leposavić, Belgrade, Serbia*

E-mail: ralovic@gmail.com

Abstract. *This paper aims to examine two forms of nationalism: civic or "Western" nationalism and ethnic or "Eastern" nationalism. We analyze these two models of nationalism in relation to their origins. Civic nationalism, associated with France and Anglophone countries, emerges from contexts shaped by colonial empires, both past and present. In contrast, ethnic nationalism is rooted in countries like Germany (Prussia, the Holy Roman Empire) and Russia, which did not establish colonial systems of comparable scope or nature.*

Keywords: *nationalism, colonialism, First World, Second World, Third World, Frantz Fanon, Immanuel Wallerstein, Hans Kohn, Edward Said.*

Статья подготовлена в результате научно-исследовательской работы Института сербской культуры, в рамках Соглашения, заключенного с Министерством науки, технологического развития и инноваций Республики Сербия №: 451-03-66/2024-03 от 26 января 2024 г.

В качестве общего места кристаллизовалось мнение, что национализм появился на исторической сцене во второй половине XVIII века и получил полное подтверждение благодаря успеху Американской и Французской революций в конце того же века (в 1776, т.е. в 1789 г.), а также в середине XIX века в революции под названием «Весна народов», которая произошла в 1848 году во многих европейских странах. Мы не можем не подчеркнуть, что не все исследователи считают национализм продуктом современности. Йохан Хёйзинга (Johan Huizinga) пишет, поскольку эти концепции более новые (Хёйзинга находит использование французского слова *nationallisme* в 1812 году и *nationalism* в 1836 году как «очень странное, в богословском смысле, название для учения, о котором некоторые народы были избраны Богом») ошибочно заключать, что явления патриотизма и национализма появились недавно, поэтому при тщательном рассмотрении он приходит к выводу, что эти концепции существовали и в более старые периоды, и что со временем они только приобрели более четкие очертания, но остались тем, чем они всегда и были «примитивными инстинктами человеческого сообщества» [1, с. 11]. Также нельзя сразу не отметить, что не все исследователи считают, что национализм следует рассматривать как идеологию, поскольку его корни культурные [2, с. 12] или речь идет о состоянии сознания, а не об идеологии [3, с. 159].

Девятнадцатый век представляет собой эпоху полного утверждения национализма, тогда как следующий век, двадцатый, предлагает серьезный пересмотр и значительное снижение энтузиазма

этой идеологии. Причиной этому, конечно же, является Первая мировая война, и особенно Вторая мировая война - события, которые по праву можно считать не только трагедиями, но и катаклизмическими катастрофами, прежде всего по количеству погибших, искалеченных, травмированных и изменившихся навсегда людей и народов. После Второй мировой войны национализм обсуждается преимущественно критически и отстраненно; это ретроградная, отсталая, очень опасная и подстрекательская идеология: кажется, будто достигнут социальный и академический консенсус, что о национализме следует говорить только критически, отнюдь не утвердительно, и все это снова с учетом опыта Первой и Второй мировых войн. В этом смысле идеологии нацизма и фашизма были взяты в качестве примеров окончательного происхождения национализма. Среди прочего, Фредди Перлман (Fredy Perlman) пишет, что в XX веке национализм «объявлялся мертвым несколько раз», и, кроме падения «после Первой мировой войны, когда Австрия и Турция, последние европейские империи, были расколоты на независимые нации и когда считалось, что, кроме сионистских, все другие националистические устремления осуществились» и за исключением падения «после военного поражения фашистской Италии и нацистской Германии, когда геноцидные последствия национализма были очевидны для всех, что, как считалось, навсегда дискредитировало националистическую программу и практику», Перлман указывает, что национализм мертв и «после большевистского переворота, когда было сказано, что борьба буржуазии за самоопределение была преодолена борьбой рабочего класса, который не является национально детерминированным» [4, с. 3].

Все вышесказанное касается исключительно европейского контекста. Если мы расширим поле размышлений и включим в перспективу весь мир, мы придем к существенно иной, даже кардинально иной картине. Прежде всего, мы приходим к легкому пониманию того, что развитие европейской мысли – включая националистическую идеологию – не происходило в вакууме, полностью отделенном от остального мира. Напротив, речь шла о ситуации, когда «остальной мир» имел решающее значение для европейского развития, особенно если мы говорим о Западной Европе. Мы имеем в виду, прежде всего, колониальные державы, которые разделили большую часть мира на зоны своих интересов, то есть колонии, и добывали людей и ресурсы сотни лет назад: Бельгию, Францию, Великобританию, Нидерланды, Испанию, Португалию.

С этой колониальной точки зрения мы приходим к выводу, что национализм возник именно из-за колониальной динамики мир-

системы (если использовать определение Валлерстайна (Immanuel Wallerstein)). Страны-колонизаторы извлекали богатство из своих колоний и, накапливая ресурсы, получили возможность осуществить промышленную революцию, а затем, используя приобретенные таким образом более совершенные технологии, они получили еще лучшие возможности для эксплуатации своих колоний. В этом смысле национализм стал необходимой как идеологией, так и государственной мыслью, вокруг которой строилась концепция национального государства. По мнению Эрнста Геллнера и Бенедикта Андерсона, необходимо было найти структуру государства, которая наилучшим образом защищает и поддерживает интересы крупного капитала. Национальное устройство государства, националистическая идеология и национальное окружение капитала были необходимы именно в силу международного источника богатства, извлекаемого (в процессе колониальной эксплуатации) из стран колоний в страны колонизаторы. В этом смысле необходимо было установить национальные рамки капитала, в этом смысле необходимо было установить национальные рамки капитала, поскольку необходимо было удерживать и защищать указанный капитал в этих рамках и любой ценой не допускать возникновения петли обратной связи, через которую он мог бы быть потрачен впустую или возвращен в страны своего происхождения.

Более того, двадцатый век был только для Европы периодом серьезного пересмотра или очевидного и временного отказа от идеологии национализма. Западная Европа приняла (вынужденно или добровольно, дискуссия для другой статьи) англосаксонский либерализм, в то время как Восточная Европа приняла (точно также) советскую форму социализма. Только после падения Берлинской стены произошел очень постепенный пересмотр этого отношения, но более серьезные и ясно видимые шаги к подтверждению национализма не будут сделаны до великого мирового финансового кризиса в 2008 году.

Если мы посмотрим за пределы Европы, точнее, стран Западной Европы, и направим ее на страны так называемого второго и третьего мира, мы увидим кардинально иную ситуацию. Двадцатый век – это период деколонизации. Первая мировая война серьезно потрясла мировые державы, которые приобрели этот статус прежде всего и исключительно потому, что они были прежде всего колониальными державами, а Вторая мировая война, казалось бы, добила их. Великобритания перестает быть мировой державой номер один со Второй мировой войной, а Франция перестает быть ее важным и, возможно, самым важным соперником. С окончанием Второй мировой войны всерьез и со значительными темпами начался период

деколонизации. Бывшие колонии восстают и борются за независимость от своих вчерашних колониальных хозяев. Великобритания теряет Индию, Франция теряет Алжир, затем Вьетнам; Куба обретает независимость и т. д. В этом процессе ключевую роль играет поддержка как Советского Союза, так и Движения неприсоединения – и именно в этом контексте возникает совершенно иная форма национализма и идея национального утверждения.

С этой точки зрения национализм рассматривался так же, как он рассматривался в конце восемнадцатого и середине девятнадцатого века, преимущественно в столицах Западной и Центральной Европы, – как утвердительная, прогрессивная и, прежде всего, освободительная сила. Импульс национализма в первую очередь был направлен на свободу как отдельных лиц, так и народов. В данном конкретном случае народы боролись за независимую экономику, часто в социалистическом ключе, но прежде всего за независимость от колониалистического присутствия. В то время как национализм конца восемнадцатого и середины девятнадцатого веков в первую очередь был направлен на создание республики и отмену монархии, то национализмы стран третьего мира в первую очередь были нацелены на свободу от экономической эксплуатации и возможность управлять собой.

В связи с этим необходимо было положить конец не только вассальным, подчиненным отношениям с бывшими «хозяйскими» странами, но и возникшей в этом смысле культурой-отношениями зависимости и подчинения, которые передавались во все сферы и аспекты как каждого человека, так и народа в целом. Речь шла о национализме, стремившемся прежде всего восстановить достоинство поработанного и униженного человека, веками ранее убежденного (опять же, как отдельного человека, так и народа) в своей расовой, этнической, интеллектуальной, культурной и любой другой неполноценности. В этом смысле эта идеология воспринималась существенно иначе. В то время как Европа видела раны Первой и Второй мировых войн, в которых главная вина лежит на этой идеологии, остальной мир, до этого подчиненный европейским державам, колонии, или то, что в рамках политики Движения неприсоединения называли «странами третьего мира», приняли национализм именно как путь к спасению, эмансипации и утверждению как своих индивидуальных, национальных, так и государственных интересов, а также и как вопрос простого выживания. Сталин вводит концепцию «социализма в отдельной стране» [5], придавая ранее интернациональной идеологии социализма

отчетливо национальные особенности. Ким Чен Ир определяет идею Чучхе уже не как вариант марксизма-ленинизма, а как особую и самостоятельную идеологию [6], придающую большое значение именно национальному и националистическому элементу. Хо Ши Мин сделал знаменитое заявление о том, что вдохновил его на борьбу «именно его патриотизм, а отнюдь не коммунизм» [7].

Если говорить о разнице двух национализмов, то речь идет не только о временных рамках (с одной стороны, конец восемнадцатого и середина девятнадцатого века, с другой - вторая половина двадцатого). Мы говорим не только о Второй мировой войне как о переломном периоде, когда один тип национализма (как оказывается, временно) уходит с исторической сцены лишь для того, чтобы на той же сцене появился другой, речь идет о совершенно разных представлениях об этих идеологиях империалистических стран (бывших и нынешних колонизаторов) и их бывших (и нынешних) колониях. Итак, мы говорим о том, что с колонизирующей, атлантической стороны мы называем гражданским, то есть этническим национализмом, в то время как, с другой стороны (принадлежащей странам третьего мира), мы называем это национализмом первого мира или третьего мира. Это совершенно разные точки зрения, то есть мировоззрения.

Если мы говорим об атлантической стороне мира, используемые операционные термины - гражданский и этнический национализм. Речь идет о дихотомии, тесно связанной с той, которая была ранее установлена для объяснения колониального мира (совсем не случайно) конца восемнадцатого и девятнадцатого веков. Страны Западной Европы в этом смысле представляют Дух, а страны остального мира представляют Тело. Одни выделяются умом, остроумием, умеренностью, культурностью, элегантностью мыслей и поступков, другие выделяются телесностью, подчеркнутым эротизмом и чувственностью, порывистым и буйным характером, нерациональными поступками. Эдвард Саид [8] подробно объяснил это явление в своем плодотворном исследовании «Ориентализм». В этом смысле Саид критически следует и деконструирует предпосылку, выдвинутую Гансом Коном [9], важным автором в области исследований национализма, который представил разницу между гражданским и этническим национализмом.

В этом смысле, в русле дихотомии Духа-Тела, работает и дихотомия гражданского и этнического национализма. Гражданский национализм является идейной категорией, поскольку в его основе лежит соглашение, абстрактная концепция справедливости и верховенства закона, свободы личности и ее свободного выбора. В

этом ключе человек становится членом нации посредством своего обдуманного и осознанного решения и как часть национального коллектива действует прежде всего в продвижении этих интересов и ценностей, то есть свободы, равенства, справедливости. Таким образом, принадлежность к нации, рассматриваемая в этом ключе, представляет собой концепцию, основанную на системе правил, которая является прежде всего результатом духовной, а потом и интеллектуальной работы.

На другой стороне находится этнический или, как открыто говорит Ганс Кон, незападноевропейский национализм. В этом ключе понятие нации в первую очередь связано с кровной принадлежностью к племени, родственными связями, семейными и племенными отношениями. Понятно, что все эти вещи даны в крайне негативном и pejоративном ключе. Индивид руководствуется интересами племени, семьи, клана..., то есть интересом крови, который является прямым, иррациональным, по определению бездумным. Принадлежность к сообществу приобретает по рождению и принадлежности к определенному этносу, что подразумевает расу, а значит, расизм и все связанные с ним виды шовинизма, этнической исключительности и нетерпимости. Этнический национализм в этом смысле не только основан на крови, но он и откровенно кровавый, потому что такое отношение очень легко порождает конфликт и, в конечном итоге, войну. Нацистский лозунг «кровь и почва» приходит на ум как пример этнического национализма. На ум приходят также вдохновенные речи нацистских ораторов и возбужденные, столь же вдохновенные массы их слушателей, которые страстно участвуют и бурно реагируют на сказанное. С другой стороны, есть холодная, вдумчивая, трезвая идеология гражданского национализма, не нуждающаяся ни в страстных, вдохновенных ораторах, ни в зажигательных речах именно потому, что она апеллирует прежде всего к разуму и разуму, а не к страстям и упоению.

Опять же, это разделение приобретает совершенно другой смысл, если смотреть с более широкой глобальной точки зрения. После Второй мировой войны и краха нацистской Германии понятие этнического национализма стало применяться к (бывшим и нынешним) колониям, стремящимся к свободе. Речь шла о позиции стран - колонизаторов о том, что эти страны не способны управлять собой, и нуждаются в профессиональном надзоре, советниках, контролерах со стороны стран - колонизаторов, которые управляют сами собой, поскольку они происходят из центров гражданского национализма, в отличие от людей, определяющихся их этнической

принадлежностью, и поэтому они не могут управлять собой или другими. Вторая Югославия является хорошим примером этого эксперимента: в 1990-е годы, когда эта страна разваливалась, евроатлантические страны настаивали на отправке в зоны боевых действий своих солдат, а также членов ООН, поскольку они действовали исходя из предположения, что местные жители, слишком глубоко погруженные в свой этнический национализм, не способны ни управлять собой, ни вести войну по международно установленным правилам. В этом смысле в последнее десятилетие двадцатого века у нас была возможность наблюдать вживую то, что определялось как этнический конфликт с точки зрения стран колонизирующих держав первого мира, т.е. капиталистического Центра в рамках мир-системы, а что с точки зрения стран гражданского национализма само по себе было определено как конфликт, возникший из-за настоячивых требований западного рынка к расширению в социалистическую зону и настаивавший на идейно-экономическом переходе от самоуправляемого социализма к либеральному капитализму.

Необходимо сказать, как бы избыточно это ни звучало, что разделение на первый и третий мир (Франц Фанон, «Проклятые этой земли» [10] гражданский и этнический национализм (Ганс Кон, «Идея национализма» [9], Центр и Периферия (как и полупериферия) (Имануил Валлерстайн, «Современная мир-система» [11] разделение на колонизаторов и колонизированных. Вышеупомянутые авторы подходят к исследованию, каждый по-своему, ограничиваясь выбором сложившегося методического аппарата, и анализируют данные явления. В этом смысле мы не будем принимать во внимание Эрнста Геллнера или Энтони Д. Смита, поскольку они рассматривают возникновение национализма без особой необходимости стратифицировать его или определять в соответствии с той осью, по которой мы его рассматриваем. Таким образом, речь идет о разнице между колонизатором и колонизированным, завоевателем и завоеванным, эксплуататором и жертвой эксплуатации. В этом смысле колонизатор приходит как за материальными ресурсами, так и за телом колонизированного (из которого следует извлечь труд, а значит, и дополнительную стоимость). Как колонизатора интересует только тело и материальное, так он рассматривает подчиненную культуру и побежденный народ исключительно как материю, подлежащую извлечению, — в этом смысле способ организации побежденных народов рассматривается в материальном ключе. Таким образом, для завоеванных народов периферии и полупериферии материальная, кровная, семейная и этническая связь соответственно становится

ключевым аспектом идентификации. Противоположностью этому является захватчик, который определяется именно как противоположность подчиненному и колонизированному субъекту (индивид, а также народ) - он проникнут духом и абстрактными, духовными ценностями и системами, из которых вытекает гражданский национализм.

С этой точки зрения быть патриотом и националистом в гражданском ключе — это благородное стремление, одобряемое и поощряемое. Страны колонизаторов, первого центра и гражданского национализма, нуждаются и должны любить друг друга, потому что они собирают свои ценности в сфере интеллекта и духа. С другой стороны, членам государств, основанных на этническом национализме, не остается иного выбора, кроме как испытывать отвращение и ненавидеть свои народы, общества и государственные сообщества, потому что они были построены на неправильных основах. Быть патриотом в этническом ключе, то есть быть патриотом поработанного народа, греховно, ретроградно, атактично и примитивно. Наоборот, быть патриотом завоевывающего народа — это цивилизованно и цивилизаторски, просвещенно (кроме всего прочего, потому что эти идеи исходят прежде всего из контекста как англосаксонского либерализма, так и французского Просвещения). Одно «запрещено», другое «разрешено».

Конечно, с точки зрения третьего мира все обстоит совсем иначе. Франц Фанон в своих оригинальных произведениях «Проклятые этой земли» [10] и «Черная кожа — белые маски» [12] говорит прежде всего о дегуманизации, унижении, аннулировании как субъекта, так и всего народа как одного из главных рычагов управления этим же народом. Гораздо проще передать оккупацию отдельному человеку, чем постоянно поддерживать ее с помощью военного присутствия и давления. В этом смысле оккупированный индивид (и народ) вынуждены принять свою оккупацию как единственно возможное решение, потому что только так однажды они могут стать цивилизованными. Фанон посвящает всю свою работу раскрытию разделения на первый и третий мир и контекстуализации его, на различным формам восприятия идеологии национализма, а, прежде всего, взаимосвязью злоупотребления, добычи ресурсов и планового уничтожения идентичности и гордости как индивидов, так и народов.

В этом смысле, перспективы третьего мира (Фанон), периферийная (Валлерстайн) и востоковедческая (Саид) необходимы, чтобы полностью рассмотреть феномен гражданского и этнического национализма, и даже за пределами этого разделения, национализма

как идеологию. Этой статьей мы внесли свой вклад в исследование, которые мы намерены продолжить в этом же направлении.

Список литературы

1. Хојзинга, Јохан. Патриотизам и национализам у европској историји до краја деветнаестог века. Нови Сад: Прометеј; Београд: Терсит, 1996.
2. Anderson, Benedict. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Verso/London, New York, 1986.
3. Бодрожих, Ђуро. Нација и држава у времену глобализације. Београд: Институт за политичке студије, 2024.
4. Perlman, Fredy. *Stalna privlačnost nacionalizma*, 1984. Preveo Aleksa Golijanin, 2003. URL: <https://anarhisticka-biblioteka.net/library/fredy-perlman-stalna-privlacnost-nacionalizma>
5. Curtiss, Charles. *The Stalinist Theory of «Socialism in One Country» Soviet Disasters. Defeat of Revolutions Are Fruits of This Theory (22 November 1941)*
6. URL: <https://www.marxists.org/history/etol/writers/curtiss/1941/11/staltheory.html>
7. Cumings, Bruce. *Korea's Place in the Sun: A Modern History*. W. W. Norton, 1997.
8. Stanley Karnow, Ho Chi Minh, April 13, 1998 12:00 am ed, URL: <https://time.com/archive/6598157/ho-chi-minh/>
9. Said, Edvard V. *Orijentalizam*. Prevela s engleskog Drinka Gojković. Beograd: Biblioteka XX vek, Knjižara Krug, 2008.
10. Kohn, Hans. *The Idea of Nationalism. A Study in its Origins and Background*, MacMillan, New York, 1961.
11. Fanon, Frantz. *The Wretched of the Earth*. Translated By Constance Farrington. Preface by Jean-Paul Sartre. *Grove Press*; First Edition, 1966.
12. Wallerstein, Immanuel. *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. University of California Press, 2011 [1974].
13. Fanon, Frantz. *Black Skin White Masks*. Translated by Charles Lam Markmann. *Grove Press*; 1st edition 1967.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АЛЬЯНСЫ: ОТ ЮЖНОГО ПОЛУШАРИЯ К ГЛОБАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

Ратегова Е.И.

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, студент
E-mail: Kaaatya28@yandex.ru*

Научный руководитель: Нурышев Г.Н.,

*доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет
E-mail: g.nuryshhev@yandex.ru*

***Аннотация.** Латинская Америка, богатая культурным и природным разнообразием, активно формирует новые геополитические альянсы, которые влияют не только на регион, но и на глобальную сцену. Исторически регион находился под влиянием США, однако с начала 2000-х годов наблюдается экономический рост и социальные преобразования, что приводит к сотрудничеству с другими странами и регионами. Новые альянсы, такие как Союз южноамериканских наций (UNASUR), Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC), БРИКС, Тихоокеанский союз и МЕРКОСУР, способствуют экономической интеграции и политическому сотрудничеству. Эти альянсы помогают диверсифицировать экономические связи, развивать промышленность и технологические сектора, а также участвовать в глобальных инициативах, таких как борьба с изменением климата. Латинская Америка имеет все шансы стать важным игроком в многополярном мире, если будет действовать целенаправленно и последовательно.*

***Ключевые слова:** Латинская Америка, геополитика, альянсы, UNASUR, CELAC, БРИКС, Тихоокеанский союз, МЕРКОСУР, экономическое сотрудничество, региональная интеграция, международные отношения*

LATIN AMERICA AND NEW GEOPOLITICAL ALLIANCES: FROM THE SOUTHERN HEMISPHERE TO THE GLOBAL STAGE

Rategova E. I.

Saint Petersburg State University of Economics

E-mail: Kaaatya28@yandex.ru

Scientific supervisor: Nuryshev G.N.,

*Doctor of Political Sciences, Professor, St. Petersburg State University
of Economics*

E-mail: g.nuryshev@yandex.ru

Abstract. *Latin America, rich in cultural and natural diversity, is actively forming new geopolitical alliances that impact not only the region but also the global stage. Historically, the region was under the influence of the USA; however, since the early 2000s, there has been economic growth and social transformations, leading to cooperation with other countries and regions. New alliances, such as the Union of South American Nations (UNASUR), the Community of Latin American and Caribbean States (CELAC), BRICS, the Pacific Alliance, and MERCOSUR, promote economic integration and political cooperation. These alliances help diversify economic ties, develop industrial and technological sectors, and participate in global initiatives such as climate change mitigation. Latin America has every chance to become a significant player in a multipolar world if it acts purposefully and consistently.*

Keywords: *Latin America, geopolitics, alliances, UNASUR, CELAC, BRICS, Pacific Alliance, MERCOSUR, economic cooperation, regional integration, international relations.*

Латинская Америка — это регион, который включает в себя более 20 стран, уникальный и разнообразный с точки зрения культуры, истории, экономики и географии, но также характеризуется крайне сложным экономическим состоянием большинства стран. Актуальность исследования новых геополитических альянсов в Латинской Америке обоснована рядом причин. В условиях глобализации и многополярного мира региональные альянсы приобретают все большее значение для устойчивого развития и безопасности. Латинская Америка, обладая значительными экономическими и природными ресурсами, может влиять на мировую экономику и политическую стабильность.

Также изменения в международной политической обстановке, такие как рост влияния Китая и ослабление доминирующей роли США, открывают перед странами Латинской Америки новые возможности для сотрудничества и укрепления своих позиций на международной арене. Новые альянсы позволяют диверсифицировать экономические связи, снижать зависимость от отдельных партнеров и повышать устойчивость к глобальным экономическим вызовам.

Одной из особенностей регионального развития стран Латинской Америки является наличие большого количества стран, каждая из которых имеет свои собственные характеристики и особенности. Например, страны андского региона, такие как Боливия, Колумбия и Перу имеют высокогорные районы, крупные культурные исторические достопримечательности и богатые ресурсы. В то время как страны Центральной Америки, такие как Гондурас, Никарагуа и Сальвадор, страдают от низкого уровня экономического развития, высокой степени коррупции и насилия.

На протяжении XX века Латинская Америка переживала периоды политической нестабильности, экономических кризисов и социальных конфликтов. Большая часть региона находилась под влиянием США, которые стремились контролировать свой «задний двор» через различные политические и экономические механизмы, несмотря на это с наступлением нового тысячелетия ситуация начала изменяться.

С начала 2000-х годов многие страны Латинской Америки начали демонстрировать экономический рост и социальные преобразования. Регион стал привлекательным для иностранных инвестиций, особенно в сфере добычи полезных ископаемых и сельского хозяйства. В этот период усилился интерес к сотрудничеству с другими странами и регионами, что привело к появлению новых геополитических альянсов.

Важным фактором, способствующим этому процессу, стало ослабление влияния США и рост экономического влияния Китая. Китай, в свою очередь, стал одним из крупнейших торговых партнеров Латинской Америки, инвестируя значительные средства в инфраструктурные проекты и добычу полезных ископаемых. На сегодняшний день Латинская Америка активно участвует в формировании новых геополитических альянсов, которые имеют потенциал изменить мировую политическую и экономическую карту.

Союз южноамериканских наций (UNASUR). UNASUR был создан в 2008 году для содействия экономическому и политическому сотрудничеству между странами Южной Америки. Организация ставит перед собой цель укрепление региональной интеграции и

снижение зависимости от внешних сил. Несмотря на временные сложности и разногласия между странами-участницами, UNASUR продолжает играть важную роль в региональной политике.

Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC), созданное в 2011 году, объединяет все страны Латинской Америки и Карибского бассейна. Эта организация выступает за координацию усилий по развитию региона, укрепление экономического сотрудничества и продвижение общих интересов на международной арене. CELAC является платформой для обсуждения и решения региональных проблем, таких как изменение климата, бедность и социальное неравенство.

БРИКС. Участие Бразилии в группе БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) открывает новые возможности для Латинской Америки. БРИКС играет важную роль в международной экономике, стремясь изменить глобальные структуры управления и создать многополярный мир. Сотрудничество в рамках БРИКС позволяет Латинской Америке расширить свои экономические связи и получить доступ к новым рынкам и технологиям.

Альянс Тихоокеанского союза. Тихоокеанский союз, включающий Чили, Колумбию, Мексику и Перу, ставит перед собой задачу создания зоны свободной торговли и укрепления экономических связей между странами-членами. Союз активно развивает сотрудничество с Азией и другими регионами, что способствует росту экономики и улучшению благосостояния населения.

МЕРКОСУР (Общий рынок Южного Конуса) был основан в 1991 году и включает Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай. Впоследствии присоединились Венесуэла (приостановила членство в 2016 году) и Боливия (процесс полноправного присоединения продолжается). МЕРКОСУР стремится создать единый рынок товаров, услуг и факторов производства среди стран-участниц, способствуя экономической интеграции и укреплению торговых связей.

МЕРКОСУР является одним из крупнейших экономических блоков в Латинской Америке и играет важную роль в региональной экономике. Основные цели организации включают:

- Снижение торговых барьеров между странами-членами.
- Координацию макроэкономической политики.
- Создание общего внешнего тарифа.

Экономическая интеграция в рамках МЕРКОСУР способствует росту торговли и инвестициям между странами-участницами, что в свою очередь способствует экономическому развитию региона.

Формирование новых геополитических альянсов приносит как вызовы, так и возможности для Латинской Америки. Среди вызовов можно выделить необходимость согласования интересов различных стран и предотвращения конфликта. Например, конкуренция за ресурсы и влияние может привести к напряженности внутри альянсов. Однако умелое управление этими вызовами открывает возможности для укрепления региональной стабильности и повышения международного статуса Латинской Америки.

Что касается возможностей, то главной является диверсификация экономических связей. Традиционно экономика многих стран Латинской Америки зависела от экспорта сырьевых товаров, что делало их уязвимыми к колебаниям мировых цен. Новые альянсы помогают диверсифицировать экономику, развивать промышленность и технологические сектора.

Помимо этого, участие в геополитических альянсах позволяет странам Латинской Америки активнее участвовать в глобальных процессах, таких как борьба с изменением климата, устойчивое развитие и защита прав человека. Эти инициативы способствуют укреплению международного имиджа региона и привлечению новых инвестиций.

В XXI веке Латинская Америка продолжает развиваться как важный игрок на мировой политической и экономической сцене. Формирование новых геополитических альянсов предоставляет региону возможность выйти из тени и занять активную позицию в глобальных процессах. Однако для достижения этих целей необходимо продолжать укреплять региональную интеграцию, развивать инфраструктуру и инвестировать в человеческий капитал. Сотрудничество с другими регионами мира: Азия, Африка и Европа представляют собой важные рынки и партнеров, которые могут помочь Латинской Америке достичь своих экономических и политических целей.

Латинская Америка стоит на пороге значительных перемен. Новые геополитические альянсы открывают перед регионом широкие возможности для развития и укрепления своих позиций на глобальной сцене. Для достижения этих целей необходимо умело управлять вызовами, такими как внутренние конфликты и конкуренция за ресурсы. Важно продолжать развивать региональную интеграцию, диверсифицировать экономику и активно участвовать в глобальных инициативах. Латинская Америка имеет все шансы стать важным игроком в многополярном мире, если будет действовать целенаправленно и последовательно.

Список литературы

1. Кряжев И. Внешняя политика Аргентины при администрации Хавьера Милея [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/latin-america/vneshnyaya-politika-argentyiny-pri-administratsii-khavera-mileya/?ysclid=ltfiz2m6xx609627560> (дата обращения: 15.11.2024).
2. Охошин О.В. Фолклендские Острова: Между Соединенным Королевством И Аргентиной // Современная Европа. – 2020. – №7. – С. 27-36.
3. A Latin American perspective of the integration processes // Transform. – 2019. – URL: https://www.transform-network.net/fileadmin/user_upload/javier_moreno.pdf (датаобращения: 16.11.2024).
4. Amato J. Argentine Foreign Policy and its Development Model: Reflections on its Relationship with The Sino-US Rivalry // The New Global Order. – 2024. – №37. – URL: <https://thenewglobalorder.com/report/argentine-foreign-policy-and-its-development-model-reflections-on-its-relationship-with-the-sino-us-rivalry/> (датаобращения: 18.11.2024).
5. Argentina: the road behind and the road ahead // Ministry of Foreign Affairs International Trade and Worship. – 2016. – URL: <https://www.cancilleria.gob.ar/en/news/newsletter/argentina-road-behind-and-road-ahead> (датаобращения: 13.11.2024).

АКЦЕНТЫ ТЕОРИИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Романович Н. А.

*Доктор социологических наук,
профессор кафедры политологии и политического управления
РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал),
генеральный директор Института общественного мнения
«Квалитас»*

E-mail: nelly@qualitas.ru

Аннотация. В статье представлены основные акценты теории многополярного мира. Исследуется тип и форма публичной власти на определенной территории, рассматривается её политический статус и структура. Выявляется актор многополярного мира – цивилизация.

Цивилизация представляет собой процесс интеграции разных государств на основе общности культуры, философских установок, исторического бытия, экономических связей, политической стратегии, социальных ценностей и т.д. Анализируется структура акторов и среда международных отношений, которая приобретает новое содержание, отличное от известных концепций: реализма, либерализма, марксизма, постпозитивизма. Делается вывод о необходимости плюральности как ценностных систем, так и политических структур грядущего многополярного мира.

Ключевые слова: *теория многополярного мира, цивилизация, государство, международные отношения*

EMPHASIS OF THE MULTIPOLAR WORLD THEORY

Nelly Romanovich

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Voronezh branch, Professor of Political Science and Political Governance Department, doctor of sociological sciences

E-mail: nelly@qualitas.ru

Abstract. *The article presents the main emphases of the theory of a multipolar world. The type and form of public authority in a certain territory are studied, its political status and structure are considered. The actor of a multipolar world – civilization – is identified. Civilization is a process of integration of different states based on common culture, philosophical attitudes, historical existence, economic ties, political strategy, social values, etc. The environment of international relations is analyzed, which acquires new content. A conclusion is made about the need for plurality of both value systems and political structures in the theory of a multipolar world.*

Keywords: *theory of multipolar world, civilization, state, international relations.*

В русской истории неоднократно наблюдались прецеденты так называемой «скифской тактики». «Скифская тактика» в процессе ведения войн состоит в том, чтобы завлечь противника как можно больше на свою территорию, потом перерезать коммуникации, окружить и победить. Неизменно у противника в процессе военных действий, особенно в их начале, возникала иллюзия победы, потому что одно за другим противник выигрывал свои сражения. Но в итоге выигрыш подряд всех сражений нашими врагами приводил к

проигрышу ими военной компании в целом. Так было в эпоху скифов, так было в наполеоновской войне, также это было во второй мировой войне [1].

Уступая противнику шаг за шагом важно не допустить сдачи ключевых позиций. Пресловутый проигрыш России в холодной войне создал у Запада иллюзию полной победы. Сдача последнего форпоста стала ключевым вопросом в конце 90-х годов. Наступил конец биполярного мира или «конец истории», по мнению Фукуямы. Казалось бы, однополярный мир распростер свое владычество навеки. Но пришедший на пост Президента РФ вместе с началом нового века Владимир Путин установил границы в дальнейшем распаде России. Именно тогда политологи заговорили об «однополярности» как об «однополярном моменте», то есть о временном явлении. «Конец истории» оказался лишь остановкой в пути. Открылась новая дорога, но это дорога ведет в неизвестность. Многополярность сегодня оказывается возможностью, но пока ещё не реальностью.

Судьба однополярного мира в значительной степени зависит от многих переменных:

- а) устоит ли Россия сегодня перед давлением Запада и США;
- б) подтянутся ли к российской позиции другие мировые силы;
- в) претендуют на отстаивание собственных интересов: Китай, Индия, а также Бразилия, Аргентина, выступающие от Латинского континента.

В настоящий момент мы располагаем лишь проектом многополярного мира. У теории многополярного мира есть сходство и различия с основными парадигмами международных отношений: реализмом, либерализмом, марксизмом, постпозитивизмом [2, с. 126-134]. У каждого из теоретических концептов, направлений и школ эта теория что-то берет и преобразует для своих целей.

Для реализации этой теории важно, как можно четче и выпуклее разработать её детали, потому что проект легче реализуется на практике только тогда, когда он имеет законченный вид, и все вопросы по акцентам его реализации имеют конкретный ответ. Рассмотрим некоторые акценты теории многополярного мира.

1. Актор – субъект, полюс, суверенная форма публичной власти на определенной территории.
2. Ценностная система актора.
3. Политический статус актора (субъекта, полюса).
4. Структура акторов и её особенности.

Актор в теории многополярного мира

Многополярный мир – это не шаг назад к концепции реалистов, где каждое государство обладало суверенитетом и могло быть полюсам многополярного мира. В теории многополярного мира актор – это не государство (как у реалистов), не гражданское общество (как у либералов), не класс (как у марксистов), не текст (как у постпозитивистов).

Актором в теории многополярного мира является *цивилизация*. Термин «цивилизация» ввел Сэмюэл Хантингтон в его оппозиции его ученику Фукуяме в своей статье «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» [3].

Цивилизация в теории многополярного мира осмысливается как проект интеграции (объединения нескольких государств) на основании единства стратегического, культурного, религиозного, исторического, экономического, социального характера. Цивилизация вводится как новый актор, и принципиально то обстоятельство, что цивилизация – это процесс интеграции. Европейский Союз является примером мирной интеграции тех стран, которые ранее воевали друг с другом, проливая реки крови (Франция и Германия объединились на основании общих европейских ценностей). Многополярный мир будет представлять собой интегрированные пространства по аналогии с ЕС. Западная цивилизация становится не единственной, а одной из них.

Плюральность ценностных систем как основа отношений между цивилизациями

Цивилизации заведомо различные: с разной степенью открытости, с разной степенью ценностной близости, с разными каналами коммуникации. Никто не считает, что одна цивилизация должна заведомо отрицать все, что утверждает другая. Отношения между цивилизациями основаны на плюральности ценностных систем.

Претензии западной цивилизации на то, что их ценности универсальны, мягко подвигаются к границам Европы и США. Когда одна цивилизация пытается насадить собственные критерии ценностей другой цивилизации – это объявление цивилизационной войны, поэтому неприемлемо.

Политический статус актора теории многополярного мира

Теория многополярного мира – это невозврат к Вестфальскому миру, когда было столько же полюсов, сколько и государств. Вестфальская модель была построена на принципах абсолютного равенства между государствами, которого в настоящее время не существует. Дальнейшая апелляция к понятию суверенитета, сформулированная при других исторических условиях, больше уже не действует. Предлагается принять определение Платона «политея» (греч. Πολιτεία) как политическая единица неопределенной размерности (может применяться к городу-государству, к стране, к империи) [4]. Политея у Платона – неопределенная политическая структура (у Аристотеля она определена как хорошая противоположность плохому демократическому строю). Следует выбрать именно определение Платона, потому что политическая неопределенность в данном случае – это не «минус», а «плюс», поскольку каждый актер выстраивает структуру «под себя». Политея – политический статус с открытым содержанием. Содержание определяется конкретной цивилизацией. Гегемония Запада снимается.

Структура акторов и её особенности

Сколько предполагается акторов в теории многополярного мира? Больше, чем три, но меньше, чем количество национальных государств. Структура акторов – плюральная. Не допускает структурной унификации политического пространства. Политический аспект всегда строится исходя из данного цивилизационного контекста.

Большинство обществ все равно живут не по западным моделям. В исламской республике Иран власть принадлежит Совету Духовной Целесообразности и духовному лидеру (это написано в Конституции). В Израиле демократия – просто политический фасад. В Индии – формально демократия, но в реальности сохраняется кастовый строй. Теория многополярного мира избавляет страну от необходимости прикрываться демократическим фасадом и предполагает многообразие разных политических укладов. Отрицается необходимость единого пути развития общества.

На «Форуме объединенных культур» в Санкт-Петербурге, который проходил в сентябре 2024 года, В.В.Путин так определил российскую ценностную стратегию: «Мы не боремся против чужих ценностей. Мы поддерживаем свои. В этом коренное наше отличие от западного мира» [5].

Теория многополярного мира отображает не то, что уже было когда-то. Она конструирует то, чего ещё не было никогда. Главное достоинство новой реальности международных отношений в теории многополярного мира – это плюральность политического строя и ценностных систем, неприятие любой цивилизации, которая навязывала бы другим свой образ жизни, противоречащий культурным установкам и традиции определенного общества.

Список литературы

1. Мединский В.Р., Мягков М.Ю., Никифоров Ю.А. Военная история России. М., 2018. - 456 с.
2. Романович Н.А. Идеологические школы в международных отношениях: роль государства и восприятие войны // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2024. № 2 (39). С. 126-134.
3. Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Simon&Schuster, 1996. - 367 p.
4. Платон. Государство. АСТ: 2022. – 576.
5. Снегова Д. Путин выступил на Петербургском форуме объединенных культур. 12.09.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/09/12/1061921-putin-vistupil> (дата обращения 15.11.2024).

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ СЛАВЯНОФИЛОВ (И.В. КИРЕЕВСКИЙ, А.С. ХОМЯКОВ) В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПАНАРИНА

Рожковский В.Б.

Доктор философских наук

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России

E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

***Аннотация.** В статье раскрываются ведущие идеи творчества А.С. Панарина, связанные с убеждением в необходимости духовного обновления российского общества через обращение к духовной Традиции Православия и переосмыслением ценностно-идеологической роли российского государства. Показывается, что данные идеи явились органичным развитием философии славянофилов в новом историческом контексте. Они были сопряжены, с одной стороны, с критикой современных западных культурно-цивилизационных*

стратегий мирового развития и их духовных предпосылок, а также попыток отечественного заимствования этих стратегий вXX столетии, а с другой стороны, обоснованиемдуховно-ценностных ориентиров созидания консервативной российской идеологии.

Ключевые слова: философия славянофилов, А.С. Панарин, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, духовная Традиция Православия.

THE IDEOLOGICAL LEGACY OF THE SLAVOPHILES (I.V. KIREEVSKY, A.S. KHOMYAKOV) IN THE WORKS OF A.S. PANARIN

Rozhkovsky V.B.

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

Abstract. *The article reveals the leading ideas of A.S. Panarin's work related to the conviction of the need for spiritual renewal of Russian society through an appeal to the spiritual tradition of Orthodoxy and a rethinking of the value-ideological role of the Russian state. It is shown that these ideas were an organic development of the philosophy of the Slavophiles in a new historical context. They were associated, on the one hand, with criticism of modern Western cultural and civilizational strategies of world development and their spiritual prerequisites, as well as attempts to borrow these strategies from Russia in the 19th century, and, on the other hand, with the foundation of spiritual and value orientations for the creation of conservative Russian ideology.*

Keywords: *philosophy of the Slavophiles, A.S. Panarin, I.V. Kireevsky, A.S. Khomyakov, the Spiritual Tradition of Orthodoxy.*

Творчество известного российского мыслителя Александра Сергеевича Панарина необыкновенно многогранно и одновременно показательно. Настоящая статья посвящена его идейным истокам, заложенным еще старшими славянофилами – Иваном Киреевским и Алексеем Хомяковым.

На протяжении полутора веков отношение к славянофильским идеям многократно менялось в среде отечественных философов, в том числе, политических мыслителей, государственных и церковных деятелей. Претерпело существенную историческую трансформацию социально-политическое и культурное бытие России. Сложилось

новые исторические вызовы. Когда в начале прошлого столетия, еще до революционных событий 1917 года, В.Ф. Эрн заявил о том, что *«время славянофильствует»*, то и этот яркий тезис, по его же словам, не означал признания прямого переноса идей славянофилов в современные ему политические события и социально-политические учения. Тем более, что в дальнейшем случились радикальные трансформации российского социально-политического строя и сыграли большую роль иного характера общественно-политические силы. Действительно, славянофилы не могли учесть в своих учениях сложный и трагедийный российский и мировой опыт XXвека.Какое-то время казалось (во всяком случае, господствовало в общественно-политической мысли) мнение, что самое противопоставление славянофилов и западников как двух противоположных идеологических позиций ушло в прошлое, как и вообще время идеологий и самобытных теократических государственных идеалов). В то же время, несмотря на заявляемую идеологическую нейтральность, ценности и установки именно западничества фактически и как бы по умолчанию принимались в 90-е годы прошлого столетия за единственное основание развития России в рамках мирового сообщества.

Тем не менее, в своих ключевых идеях и оценках славянофилы оказались необыкновенно проницательны, что доказывают современные исторические вызовы, обращенные, в особенности, к России, и к представителям интеллектуально-политической элиты, и к российскому обществу и государству в целом. Во всяком случае, трудно оспорить, что основные темы, заявленные славянофилами, звучат и в современной социально-политической жизни. Они в самом центре дискуссий о духовных основах национальной безопасности России, о необходимости адекватного реагирования на вызовы консервативной государственной идеологии, о защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей перед лицом мирового духовно-нравственного кризиса. Наконец, о необходимости преодоления не просто возникшего церковного раскола православных славян, но и вообще той социальной трагедии, которая разворачивается на Украине. Показательным в этом плане является творчество А.С. Панарина, который едва ли не одиночестве сумел проговорить эти вызовы еще в конце 90-х – начале 2000-х годов.

Может ли А.С. Панарин при этом быть назван именно продолжателем славянофильства, идейным наследником славянофилов в наше время? Заметим с самого начала, что в творчестве А.С. Панарина можно обнаружить все ключевые идеи славянофилов,

остающиеся актуальными и до настоящего времени. И прежде всего можно обнаружить тот же, что и у, в частности, И.В. Киреевского, вектор духовно-творческой эволюции в направлении религиозного самоуглубления и осознания важнейшей роли Православия для судьбы России. Именно из этого вектора рождались все остальные оценки и взгляды.

И.В. Киреевский прошел показательный путь духовно-творческого развития: от симпатий к западным философским системам и мистическим течениям к личному духовному самоуглублению через приобщение к православному аскетическому опыту и патристической традиции. Именно из религиозного опыта рождалась его переоценка истории и философских учений, приведшая его к славянофильской доктрине, в которой определяющей стала не позиция «самобытности» и тем более не идеология позднего «почвенничества», а акцент на универсализме православных ценностей. Центральной идеей его была идея цельности духа – как по своему изначальному смыслу антропологическая и гносеологическая, но при этом имеющая «выходы» в область культуры и социально-политической жизни. Уникальность места И.В. Киреевского в истории русской мысли определялась, с одной стороны, адекватностью православному вероучению и мистико-аскетической традиции, с другой же – выражением специфики христианского духовного опыта в русской православной культуре, выражением, достигшим уровня не только богословской, но и философской рефлексии. Специфика определялась в духовно-интеллектуальном строении или, по его выражению, «складе ума» русского человека, в котором заложена установка на «верующее мышление» и присутствует стремление во всех ликах своей повседневности, во всем объеме социальной и политической жизни воплотить идеал христианского совершенства. По сути, И.В. Киреевский проникновенно говорил о скрытом, недооцененном на уровне философского самосознания огромном антропологическом и гносеологическом духовном потенциале Православия. Анализируя из этих посылок исторический опыт как западноевропейской культуры, по своему генезису определяемой влиянием христианских ценностей, так и западной богословско-философской традиции, он находит в них нецельность выражения христианского идеала, его социально-экономическую «приземленность».

Роль А.С. Хомякова в этой двусторонней славянофильской доктрине состояла в преимущественном раскрытии социального аспекта идеи цельности духа, в результате которого был обозначен идеал соборности, качественные характеристики которого были

транспонированы из богословия Церкви. При этом ни рассуждения об исторической роли крестьянской общины, ни тем более акцент на духовном опыте мистико-аскетической традиции Православия, не делали «старших» славянофилов, как принято теперь выражаться, антигосударственниками, или противниками «сильной» государственной власти, хотя такая точка зрения была свойственна, по-видимому, цензорам их времени. На самом деле позиция И.В. Киреевского, как он доказывал в 1852 году в своей «Записке об отношении русского народа к царской власти», состояла в фиксации опасности смещения акцентов в собственной (официальной) идеологии власти: «Православие. Самодержавие. Народность» в политической практике становилась идеологией «Самодержавие. Православие. Народность». Причиной этого смещения акцентов являлось складывание со времени Петровских реформ образа государя как «сильного», державного правителя, но обладающего при этом европейскими секулярными чертами монарха. И.В. Киреевский же призывал исходить из идеалов такой целостности социальной жизни, которая имеет творческую опору и жизненные силы в духовном опыте русского православия и «любить царя» прежде всего в союзе с любовью к Церкви, Законности и Отечеству [1, с.51], поскольку именно такая опора позволяла России стать в истории самой собой и преодолеть все исторические потрясения и слом отживших форм жизни.

Стоит заметить, что позднее славянофильская доктрина была определенным образом трансформирована в учениях «почвенников» и социальном утопизме системы В.С. Соловьева и его эпигонов, повлиявших, в свою очередь, на становление религиозно-реформаторского движения и отечественных социальных учений начала XX века. В итоге отличными от идейного наследия славянофильства явились не только идеи «христианского социализма», но и доктрины евразийства. «Повестка» славянофилов в ее адекватном виде была подхвачена в предреволюционный период немногими яркими мыслителями и писателями, среди которых можно назвать К.Н. Леонтьева, Ф.М. Достоевского, а также В.Ф. Эрн, заявившего в ходе Первой мировой войны о том, что «время славянофильствует». Не оказали решающего влияния на духовно-интеллектуальные и социально-преобразовательные горизонты жизни государства и церковные мыслители и религиозно-общественные деятели. Так как здесь уже активно реализовывалась и захватывала сознание масс идеология экономического материализма и атеизма. Купированную преимущественно интеллектуальным ландшафтом

жизнь приобрели идеи славянофилов в консервативной традиции русской философии права и государственности в лице Л.А. Тихомирова, П.Я. Новгородцева и позднее (уже в русской эмиграции) И.А. Ильина.

Можно сказать, что намеченные славянофилами претенциозные идеи, соответствующие русским духовным идеалам и внутренней, метафизической логике российской истории, оказались на определенном важнейшем историческом этапе не воспринятыми интеллектуально-политической элитой в ее основной массе. На данную элиту гораздо сильнее действовали иные, во многом противоположные, идеи, в то время как в обществе уже критически накопились социальные противоречия и разрушительные духовно-нравственные тенденции.

А.С. Панарин явился уникальным представителем русской религиозно-философской мысли «после перерыва», сумевшим за относительно короткий период возобновить обсуждение извечных ее тем. Следует отметить, что только на первый взгляд А.С. Панарин предстает в большей степени «государственником», чем славянофилы И.В. Киреевский и А.С. Хомяков. Подобно славянофилам он говорит о том, что Московская Русь до церковного раскола представляла собой «удивительное совпадение и духовных интенций общины, и интенций государственности» [2, с. 297], и государство предстало в образе православной общины во главе с православным царем, фактически это было государство-община. Известное же славянофильское противопоставление общины и государства касается в трактовке А.С. Панарина «административного» образа государства как «внешней понукающей силы», а не как силы прежде всего социально-нравственного характера. А.С. Панарин доказывает, и вполне в согласии с доктриной «старших» славянофилов, что в российском государстве действует «христианская система ожиданий» [3, с.322], связанная с определенными религиозно-нравственными требованиями к власти. Речь идет об архетипической идее «союза священного царя с народом», о которой ранее говорил И.В. Киреевский и которая была в некоторой мере дискредитирована Петровскими реформами. Тем не менее, эта идея, претерпев исторические трансформации, отчетливо отражала понимание того, что государство как таковое в России не антипод гражданских институтов, не «машина для подавления одного класса другим, не составляющая групповых воль и интересов, не «ночной сторож» [3, с.322].

Государство российское – «оружие, стоящее на стороне слабых против сильных», и применение этого оружия «ломает логику

либерального «естественного отбора» [3, с.322], поскольку направлено на парадоксальную победу «нищих духом». В этом смысле государство является естественным союзником Православной Церкви, как хранительницы «материнского архетипа» православного нравственного идеала «мужественной жертвенности». Это государство-община, или иначе - «родина гонимых» за свои христианские ценности, и за сочувствие к своим братьям по духу. Ослабление же государства связано, в противоположность западным либеральным теориям, не с усилением гражданских инициатив, а с узурпацией власти «сильными людьми», в современной транскрипции – олигархами, как «социально безответственным меньшинством» [3, с.323]. В этом состояла идеология «наших новых западников», заложенная в 90-е годы, состоящая в стремлении укрепить позиции привилегированного европейского «одиночества», «внутренних эмигрантов» с другими ценностями – ценностями «рыночного социал-дарвинизма» [4, с.309-311].

А.С. Панарин развивает идеи славянофилов, говоря о неприемлемости морально-нейтральных механизмов политического устройства России [2, с.292], утверждая тезис о христоцентричности всех ценностей и подчеркивая нравственно-религиозную основу российской государственности. А.С. Панарин отмечал, что новые западники следуют и оценивают все происходящее согласно породившей их «лаистской» или «светской» логике, которая отстаивает идею «развития и расширения «нейтральной» сферы, ускользающей от духовно-религиозной цензуры и от максималистских оценок» [2, с.292]. Эта «нейтральная» сфера в социальной, политической, культурной жизни людей, рожденная процессом эмансипации от религиозной веры и связанных с ней ценностей, была вдохновляема только идеей свободы (точнее – освобождения) человека от всех «авторитетов» и «комплексов» ради комфортного устройства на земле. В то же время государственная сила, не лишенная, по словам А.С. Панарина, «религиозно-нравственного вдохновения» [2, с.300] вызывает непонимание и неприятие либеральных элит в современной России. Эти элиты, писал в свое время А.С. Панарин, невозможно перевоспитать «языческой эстетикой» державного величия и силы, избавив от присущего ей нигилизма, апатии, инфантилизма, ибо, как подчеркивает Панарин, «сила как таковая есть элемент языческий» [2, с.285]. В поддержке лаицизма состояла, по А.А. Панарину, ошибка евразийской доктрины [2, с. 292]. В противоположность этому А.С. Панарин придерживался христоцентричного нравственного максимализма славянофилов и включил в содержание своей идеи

«материнского архетипа» учение Ивана Киреевского и Алексея Хомякова о роли православного духовного опыта в истории и культуре России. Опыта, который фундирует и, по сути, является творческим источником неизбывных качеств сострадательности и жертвенности в русском человеке, его тяги к высшей Правде. В сравнении с этим «американизированный либерализм», приобретший форму «социал-дарвинистского тоталитаризма» в отношении других государств и народов [5], имеет в своей основе идеологию, противоположную христианскому мировоззрению. В основе «социал-дарвинистского тоталитаризма» находятся такие идеи, как идея приоритета права «сильного» государства (гегемона) на селекционный отбор других государств с точки зрения соответствия определенным ценностям и цивилизационному пути развития, и идея прогресса (прогрессизма), приобретающего форму отказа от традиционных ценностей».

В России как государстве-цивилизации, призванном опираться на духовную Традицию Православия, способы быть действенными именно христианские ценности. У российского государства, по мысли А.С. Панарина, родственная с Русской Православной Церковью социально-нравственная миссия выражения и отстаивания традиционных духовных ценностей и защиты «гонимых» и универсального архетипа социальной справедливости, миссия, обращенная как внутрь страны, так и по отношению к другим странам как по своему культурному генезису христианским. Фактически, это вселенская миссия Православия. В этом плане большего ожидал А.С. Панарин от реализации социально-нравственной миссии Церкви в 90-е годы. По его мнению, в определенный исторический момент не произошло дистанцирования церковной иерархии от олигархических кланов, руководствующихся лишь собственной материальной выгодой и отбросивших непонятый ими народ в маргинальную область «гонимых» и «отверженных» - по подозрению в иных ценностях и культурных архетипах. Нравственная проповедь Церкви в адрес власти предрежащих не была услышана в достаточной мере. Как и почти не был услышан голос патриотически настроенного ученого сообщества. Однако это время отнюдь не было бесполезным. Происходило накопление необходимого духовно-интеллектуального потенциала в обществе, ярким выражением чего явились творческие идеи А.С. Панарина, который, по сути, развивал славянофильскую парадигму в новых условиях, в то время, когда в общественно-политической действительности и идеологической среде фактически господствовало западничество. В 2000-е годы ситуация стала существенно меняться, что связано с осознанием властью и обществом своего социально-

нравственного и духовного предназначения. Вместе с тем, современные процессы духовного обновления политической и культурной элиты и всего российского общества еще далеки от полнокровного своего воплощения.

Список литературы

1. Киреевский И.В. Записка об отношении русского народа к царской власти // Иван Васильевич Киреевский. Разум на пути к Истине. М., 2002. – 660 с.
2. Панарин А.С. Будущее постлиберальной России. // Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. - 336 с.
3. Панарин А.С. Российская государственность как альтернатива «конца истории» // Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006. – 352 с.
4. Панарин А.С. Социальные противоречия в России накалены до степени расовой несовместимости // Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006. – 352 с.
5. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века. [Электронный ресурс] URL: http://www.patriotica.ru/books/panar_strategy/index.html (дата обращения 20.09.2024).

ЗАРОЖДЕНИЕ ЯПОНСКОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Сайфутдинова Ю.Э.

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, студентка*

Нурьшев Г.Н.

*Доктор политических наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, профессор
E-mail: g.nuryshv@yandex.ru*

***Аннотация.** В статье рассматриваются истоки японских теоретических подходов к международным отношениям. Японский взгляд на теории международных отношений начал формироваться в конце XIX века под влиянием трудов европейских авторов, с которыми японские мыслители начали свое знакомство в период реставрации*

Мэйдзи. Даже заимствуя теоретические идеи из западных школ политологии, философии, права, они закладывают в них свое японское видение, развивая в научных трудах с отражением особенностей японского менталитета, самобытности и характерных черт политической культуры. Так, на свет появлялись самобытные японские концепции теории международных отношений.

Ключевые слова: теория международных отношений, Япония, японское мировоззрение, политология, японская самобытность, культура Востока.

THE EMERGENCE OF JAPANESE THEORETICAL THOUGHT IN INTERNATIONAL RELATIONS

Sayfutdinova Yu.E.

Saint Petersburg State University of Economics, student

Nuryshev G.N.

*Doctor of Political Sciences, St. Petersburg State University of
Economics, Professor*

E-mail: g.nuryshev@yandex.ru

Abstract. *This article considers the origins of Japanese theoretical approaches to international relations. The Japanese view of international relations theories began to take shape in the late 19th century under the influence of the works of European authors, with whom Japanese thinkers began their acquaintance during the Meiji Restoration. Even borrowing theoretical ideas from Western school of political science, philosophy, law, they put their Japanese vision into them, developing them in scientific works with the reflection of the peculiarities of the Japanese mentality, originality and characteristic features of political culture. Thus, distinctive Japanese concepts of international relations theory were born.*

Keywords: *international relations theory (IRT), Japan, Japanese worldview, political science, Japanese identity, Orientalist culture.*

Истоки японского взгляда на теорию международных отношений берут свое начало в конце XIX века. Для Японии конец XIX века знаменуется восстановлением реальной власти императора после долгого правления сегунов из рода Токугава. Реставрация Мэйдзи дала мощный толчок интеллектуальным поискам в Японии. В этот период японские мыслители начали знакомство с трудами европейских ученых, которые стали проникать в Страну восходящего солнца.

Проявление пылкой заинтересованности к пришедшим с Западного полушария социальным учениям и наукам во многом обусловлено твердым амбициям японцев создать могучую державу, не уступающую европейским государствам.

Особенностью формирования японских теоретических подходов к международным отношениям в конце XIX века является симбиоз западных идей и японских философских течений, сочетающие в себе различные дисциплины, такие как, например, международное право, политические теории, международная экономика и дипломатическая история [4]. В японском варианте теории международных отношений включены и такие области, как антропология, философия, колониальные исследования, которые к международным отношениям в западных теориях не относятся.

Период эпохи Мэйдзи характерен необходимостью в реформировании и модернизации всех сфер жизни Страны восходящего солнца. Стоит упомянуть таких японских мыслителей, как Сакума Сёдзан (1811-1864 г.) и Ёкои Сёнан (1809-1869 г.), наиболее часто упоминаемых авторов со значительными познаниями о западном мире, когда речь заходит об идее «Вакон-ёсай» («японский дух–западная наука»). Еще до начала реставрации Мэйдзи сформированная концепция Сакумы и Ёкои считается возможным прототипом принципа «Вакон-ёсай», ставшей широко известной уже при Мэйдзи. Согласно данному принципу суверенитета, Японии необходимо использовать знания, выработанные на Западе, но не дать им пошатнуть японский дух и японский самобытный тип мировоззрения.

Представитель консерваторской стороны, Куга Кацунан (1857-1907 г.), в трактате «Международная теория» («Кокусай рон»), который считают первым трудом в Японии в области теории международных отношений, выдвинул идею равноправия всех государств, что, стоит отметить, не соответствовало японскому патерналистско-иерархичному мировоззрению на тот период. Куга считал, что любое государство должно сохранить свой суверенитет и культуру и писал о предостережениях поклонения Западу.

На границе столетий японскими мыслителями стремительно усваивались основы западных наук о политологии и международных отношениях. Одним из самых известных политологов является профессор Иногучи Такаши (род. 1944 г.), который классифицировал японские теории международных отношений. Японский политолог выделяет четыре основополагающих направления, в которых в Японии

развивались взгляды о теориях международных отношений. Они включают в себя Staatslehre, марксизм, историзм и позитивизм [3].

Staatslehre, или государствоведение, является наукой, которая изучает различные аспекты теории государства, связанные со структурой и функциями государства, его взаимоотношение с гражданским обществом, законы, политику и в целом его природу. Автором считается Герман Хеллер (1891-1933 гг.), являющийся немецким ученым-юристом, философом еврейского происхождения. Теория Staatslehre возникла в Японии в период распространения влияния немецкой науки, так как для Страны восходящего солнца Германия являлась прообразом для построения государства западной модели. Благодаря ее традициям было отведено особое внимание таким сферам, как колониальные исследования и военное дело. Ученые в области политической теории и международного права оказали большое содействие для развития данного направления. Документальная база источников и описательные методы являются характерным маркером в вопросе учения о государстве.

Следующее направление, марксизм, Иногучи Такаши определяет, как интеллектуальное направление, изучающее определенные явления сквозь парадигму диалектики производительных сил, производственных связей, а также их проявлений в политике. Философское, политическое и экономическое учение авторства Карла Маркса и Фридриха Энгельса получает свое распространение после Первой мировой войны. Особую популярность обретает во время зарождения рабочего движения при изучении социально-экономических проблем. В Японии среди профессионалов в экономической дисциплине широкое распространение марксистская трактовка классовой борьбы наступает к 1920-м годам. Причина тому открытие в 1919 году кафедры экономики в двух императорских университетах, Токийском и Киотском. Это, в свою очередь, и придало стимул японским экономистам в изучении марксизма. Однако, из-за осознания японскими властями того, что левые организации обретают реальную политическую силу, марксисты в 1920-е годы подвергаются репрессиям. Ярким примером проводившейся в этот период политики японского правительства является инцидент 15 марта 1928 года. Власти предприняли массовые аресты членов пролетарских партий для того, чтобы подавить среди рабочего класса коммунистическую пропаганду. Из-за подобной ситуации в Японии развитие марксизма как науки было ограничено. Марксистское учение обрело пик своей популярности во второй половине XIX века, а именно после окончания Второй мировой войны. В этот временной период марксизм стал

господствующей идеологией рабочего движения. Но в 1970-е годы марксистская мысль стала терять свои позиции и отходить на второй план политической науки.

Историзм как направление развития японских исследований в области международных отношений после Второй мировой войны оставался доминирующим течением. Впрочем, тот факт, что японские ученые в послевоенное время обратили особое внимание на изучение и исследование причин, которые привели Японию к положению, в котором она находилась на тот момент, неудивительно. Созданная в 1956 году Японская ассоциация международных отношений и занимавшаяся преимущественно на тот момент изучением исторических вопросов объединила политологов-международников страны.

Последнее направление, выделенное Иногучи Такаши, это позитивизм, или американская политическая традиция. Согласно данному учению единственным источником подлинного знания являются эмпирические исследования. Свой пик в развитии оно получило в 1970-е-2000-е годы. Однако, Иногучи Такаши пишет о том, что неверно считать появление позитивистского течения в Японии исключительно плодом влияния Соединенных Штатов, так как в Японии также имеются примеры идей в духе позитивизма. Так, еще в конце XIX века такой выдающийся японский деятель, как Фукудзава Юкичи, написал один из своих самых известных трактатов «Призыв к знаниям», в котором он постулирует, что абсолютно все люди рождены равными, но обеспечить им этого равенства существующее общество не может, и что необходимо исключить в обществе разных сословий и классов социальное неравенство [6].

Нет сомнения, что истоки японского взгляда на теории международных отношений развивались под влиянием западных идей, а конкретно европейских трудов. Развитие теории международных отношений в Японии можно обусловить двумя основными этапами: период до начала Второй мировой войны и период послевоенный. Первый этап характеризуется влиянием европейским, второй, соответственно, развитием американской теоретической парадигмы. В Японии после окончания Второй мировой войны влияние Соединенных Штатов прослеживалось не только в политической сфере жизни гражданского общества, но и во всех остальных аспектах жизни государства.

Подводя итоги, важно отметить, что еще до появления и популяризации в Японии американских политических течений и идей, существовали и собственные самобытные взгляды, и подходы

относительной теорий международных отношений. Они были выработаны японскими мыслителями чаще всего на основе изучения трудов европейских ученых, преимущественно немецких или же британских деятелей. Тем не менее, на заимствованном краеугольном камне европейских авторов еще на раннем этапе японские мыслители придавали большое значение вопросу о восприятии Страны восходящего солнца своей идентичности и самобытности, своей региональной роли и положением на земном шаре между Западом и Востоком, а также осознанию особенности японского менталитета, культуры государства. Таким образом, японская политическая мысль хоть и начала развиваться под влиянием западных идей, но вместе с тем не была ими порабощена, а наоборот, смогла их «японизировать», создав самобытные течения, характеризующиеся фактором культуры.

Список литературы

1. Лебедева М. М. Незападные теории международных отношений: миф или реальность? // Вестник РУДН. Международные отношения. — 2017. — №17 — С. 246-256.
2. Ikeda, S. History of world-system vs. history of East Asia. Review / Fernand Braudel Center. — 1996. — 19(1). — P. 49-77.
3. Inoguchi T. Are there any theories of international relations in Japan? // International Relations of the Asia-Pacific. — 2007. — Vol. 7, № 3. — P. 369-390.
4. Inoguchi T. Why Are There No Non-Western Theories of International Relations? / Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and beyond Asia. Ed. by A. Acharya, B. Buzan. Routledge. — L., N.Y. — P. 51-68.
5. Koga K. The Concept of "Hedging" Revisited: The Case of Japan's Foreign Policy Strategy in East Asia's Power Shift // International Studies Review. — 2018. — Vol. 20, № 4. — P. 633-660.
6. Nguen Thanh Nam, Cao Xuan Long Fukuzawa Yukichi's conception of practical learning in "An encouragement of learning" and its historical significance // AUFKLARUNG, Joao Pessoa. — Vol.10, №3. — 2023. — P. 81-88.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Сенюшкин Е.А.

*Кандидат политических наук,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
доцент*

E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru

Сенюшкина Т.А.

*Доктор политических наук,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
профессор*

E-mail: tsenyushkina@cfuv.ru

Сенюшкин М.Е.

независимый исследователь

E-mail: senyushkm@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена исследованию взаимосвязи искусственного интеллекта и геополитической конкуренции, которая предполагает защиту и экспорт цифрового суверенитета. Рассматривается проблема киберколонизации, которая увеличивает дисбаланс между немногочисленными государствами, обладающими и освоившими новые технологические инструменты геополитической власти и подавляющим большинством стран – потребителей продвинутых технологий. По мнению авторов, дальнейший прогресс в области ИИ может способствовать качественному улучшению и развитию всех сторон жизни человечества, однако в силу острых противоречий современности, наличия влиятельных государственных и негосударственных антисоциальных факторов, количественный и качественный прогресс в развитии ИИ может дать начало различным негативным сценариям.*

Ключевые слова: *геополитическая конкуренция, искусственный интеллект, киберколонизация, цифровой империализм, гонка технологических вооружений.*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A FACTOR OF GEOPOLITICAL COMPETITION

Senyushkin E.A.

*Candidate of Political Sciences,
V.I.Vernadsky Crimean Federal University,
Associate Professor
E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru*

Senyushkina T.A.

*Doctor of Political Sciences,
V.I.Vernadsky Crimean Federal University,
Professor
E-mail: tsenyushkina@yandex.ru*

Senyushkin M.E.

*independent researcher
E-mail: senyushkm@yandex.ru*

Abstract. *The article is devoted to the study of the relationship between artificial intelligence and geopolitical competition, which involves the protection and export of digital sovereignty. The article considers the problem of cybercolonization, which increases the imbalance between a few states that possess and have mastered new technological tools of geopolitical power and the vast majority of countries that consume advanced technologies. According to the authors, further progress in the field of AI can contribute to the qualitative improvement and development of all aspects of human life, however, due to the acute contradictions of modern times, the presence of influential state and non-state antisocial factors, quantitative and qualitative progress in the development of AI can give rise to various negative scenarios.*

Keywords: *geopolitical competition, artificial intelligence, cybercolonization, digital imperialism, technological arms race.*

В условиях обострения геополитической конкуренции, которая сопровождается формированием нового мирового устройства, возникает объективная потребность в более глубоком исследовании ключевых факторов, влияющих на указанные процессы. Одним из таких факторов является искусственный интеллект (ИИ), для которого в современных условиях характерен переход к более сложным формам. При этом технологический прорыв в создании ИИ на качественно

иных принципах становится фактором геополитической конкуренции, которая предполагает защиту и экспорт цифрового суверенитета. В этих условиях актуализируются исследования, посвящённые «комплексному осмыслению проблемы управляемости в условиях формирования нового мирового порядка» [1, с. 222].

Особенность современного этапа развития искусственного интеллекта заключается в том, что сегодня получают быстрое развитие мультимодальные и многозадачные интеллектуальные системы, что является значимым шагом к созданию общего искусственного интеллекта (ОИИ), который, как полагают эксперты, по своим параметрам сравняется и превзойдет возможности современного человека на всех направлениях когнитивной деятельности. Эксперты предполагают, что эффект от появления ОИИ будет сопоставим с созданием ядерного оружия. Победитель в этой гонке может радикально изменить экономический баланс сил на планете в свою пользу [2].

Благодаря быстрому совершенствованию ИИ с новой интенсивностью и скоростью в мировом масштабе проявляется геополитическая конкуренция. В решающей степени это связано с тем, что неявный аспект цифрового империализма нелегко принять во внимание политическим лидерам, и он вряд ли будет интегрирован в коллективное сознание населения именно в силу своего латентного характера. Кроме этого, дестабилизирующие эффекты применения ИИ связаны с ростом его использования в военных целях, разработкой новых вооружений, изменением характера войны, что делает ее более быстрой, смертоносной и непредсказуемой; увеличением киберугроз, повышением рисков дезинформационных кампаний на основе ИИ и другими факторами.

В современных исследованиях, посвящённых этой теме, отмечается появление новых понятий и терминов: гонка технологических вооружений, киберколонизация, цифровой империализм и др. В частности, в книге, изданной в 2001 году под редакцией Босаха Луиса Эбо «Киберимпериализм? Глобальные отношения на новом электронном рубеже» [3], рассматриваются теоретические вопросы киберглобализации, глобальные экономические проблемы, национальная идентичность и массовые движения в киберпространстве. Авторы представляют широкий спектр дисциплин - от политологии, экономики и коммуникаций до социологии, антропологии и философии. Авторы указывают на новую технологию, которая демонстрирует качества, характерные для классического понятия культурного империализма [3].

Новой темой для академических дискуссий можно считать феномен «киберколонизации», которая увеличивает дисбаланс «между немногочисленными государствами, обладающими и освоившими новые технологические инструменты геополитической власти и подавляющим большинством стран – потребителей продвинутых технологий» [4, с. 5].

По мнению Пашенцева Е. Н. «технологии ИИ могут оказать глубокое воздействие на систему международных отношений посредством создания новых, несбалансированных геополитических иерархий. Это растущее воздействие может быть не связано с конкретным кризисом или войной, или ограниченной во времени последовательностью событий, но, тем не менее, иметь долговременные последствия, стирая границы между войной и миром» [4, с. 5]. При этом обостряется «соперничество между геополитическими субъектами за влияние на то или иное пространство, в результате которого одни субъекты получают преимущества, а другие его теряют, что отражается на состоянии их безопасности» [5, с. 28].

Особый ряд рисков связан с транснациональными ИТ-компаниями, которые получают власть и право решать государственные вопросы, например, предоставлять или ограничивать доступ к мобильному Интернету или облачным сервисам. Влияние крупных технологических компаний на геополитику в известной мере подрывает государственный суверенитет, поскольку зачастую государство выпускает из рук контроль за технологиями, либо делегирует его корпорациям.

Рассуждая на тему киберколонизации, Люк Рюбьелло обращает внимание на то, что доля аудитории американских высокотехнологических корпораций (GAFAM: Google, Apple, Facebook, Amazon, Microsoft) во Франции близка к 100%. Именно для борьбы с доминирующим положением этих корпораций во Франции был принят Цифровой пакт за независимость и безопасность интернета. Опираясь на разоблачения WikiLeaks, Люк Рюбьелло предупреждает французов: ваши смартфоны и телевизоры шпионят за вами для американцев. Кроме этого, для въезда на территорию США французы теперь обязаны сообщить свои аккаунты в социальных сетях. Также американская разведка хранит запись всех телефонных разговоров и интернет-переписки французских граждан в крупнейшем в мире дата-центре в городе Блаффдейл в штате Юта.

Люк Рюбьелло указывает еще на одну скрытую угрозу GAFAM, при использовании их технологий в сфере образования, благодаря чему

американские структуры получают доступ к персональным данным юных французов: успеваемость по всем дисциплинам, оценки и примечания учителей, число наказаний т.д. Помимо выявления перспективной молодежи, и, соответственно, «увода» мозгов в США, автор видит в этом еще одну опасность – доступ к частной жизни молодых французов, которые все чаще пользуются технологиями GAFAM. Люк Рюбелло считает, что США осуществляют киберколонизацию Франции, в подтверждение чего он приводит слова одного из «отцов интернета» Луи Пузена: «США уже держат под контролем все рычаги интернета и предлагают свои услуги по всему миру. Речь идет о прекрасно известной еще с XVIII века колониационной системе: ресурсы оккупированной страны перепродаются ей же самой после переработки» [6].

Наряду с этим, ряд экспертов отмечают, что использование ИИ имеет потенциал для повышения геополитической стабильности. Например, ИИ можно использовать для выявления и предотвращения конфликтов на ранних стадиях; содействия сотрудничеству и доверию между странами, облегчая общение, перевод и кросс-культурное взаимодействие; улучшения эффективности принятия решений; управления природными ресурсами и борьбы с изменением климата; и т.д.

Ключ к обеспечению того, чтобы ИИ использовался для содействия геополитической стабильности, а не для ее подрыва, – в ответственном и социально-ориентированном развитии и использовании ИИ. Это означает установление четких правил и норм, а также содействие международному сотрудничеству для предотвращения трудноконтролируемой и крайне опасной гонки вооружений на основе ИИ.

Таким образом, дальнейший прогресс в области ИИ может способствовать качественному улучшению и развитию всех сторон жизни человечества. Однако в силу острых геополитических противоречий, наличия влиятельных государственных и негосударственных антисоциальных факторов, количественный и качественный прогресс в развитии ИИ может дать начало различным негативным сценариям. Для их своевременного предупреждения необходимо усиление методологической составляющей исследования данных процессов, одним из вариантов которой можно считать объединение возможностей системного подхода и синергетики, благодаря чему «мы сможем найти эвристически ценное методологическое основание для анализа политических рисков, которые по своей сути являются отражением нелинейных процессов в

пространстве самоорганизации социальных и политических групп» [7, с. 103].

Список литературы

1. Сенюшкина, Т. А. Критерии и контуры управляемости в условиях формирования нового мирового порядка / Т. А. Сенюшкина // Политическое пространство и социальное время: Стратегический вектор общественного развития в условиях полицентричного мира : сборник научных трудов XXXIX Международного Харакского форума, Ялта, 26–28 апреля 2022 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – С. 220-227.
2. Яковенко А. Мир будущего и технологии искусственного интеллекта. – URL.: <https://forpost-sz.ru/a/2025-01-28/mir-budushchego-i-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta>
3. Cyberimperialism?: Global Relations in the New Electronic Frontier. Bloomsbury Academic, 2001 – 260 p.
4. Пашенцев, Е. Н. Искусственный интеллект и геополитика: доклад / Е. Н. Пашенцев, В. Б. Козюлин; ДА МИД России. – М., 2024. - 72с.
5. Фролов Д., Макеев А. Геополитическая конкуренция в информационном пространстве современного российского общества // Вестник Российской нации. 2012. № 1. С. 234–239.
6. Французы бьют тревогу: страна стала киберколонией США. URL.: <https://rusevr.asia/francuzy-byut-trevogu-strana-stala-kiberkoloniej-ssha/>
7. Сенюшкина, Т. А. Управление рисками как методологическая проблема Российской политической науки / Т. А. Сенюшкина, Е. А. Сенюшкин // XII Южно-российский политологический конвент «Современные риски и кризисы: политический анализ и прогноз»: Материалы Всероссийской онлайн-конференции с международным участием, Ростов-на-Дону; Таганрог, 25–29 октября 2022 года. – Ростов-на-Дону Таганрог: Южный федеральный университет, 2022. – С. 102-104.

ЦИФРОВЫЕ ДЕНЬГИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Сенюшкина Т.А.

*Доктор политических наук,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
профессор*

E-mail: tseyushkina@cfuv.ru

Сенюшкин Е.А.

*Кандидат политических наук,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
доцент*

E-mail: tseyushkina@cfuv.ru

Сенюшкин М.Е.

независимый исследователь

E-mail: senyushkm@yandex.ru

***Аннотация.** С развитием цифровых технологий деньги перестали быть исключительно физическими объектами. Криптовалюты, цифровые валюты центральных банков и другие формы цифровых активов меняют финансовый ландшафт, влияя на экономику, политику и международные отношения. В данной статье цифровые деньги рассматриваются в качестве геополитического инструмента в условиях трансформации финансовых систем и международных отношений. Делается вывод о том, что цифровые деньги, включая криптовалюты и CBDC, стали не просто технологическим трендом, а инструментом перераспределения влияния в мировой финансовой системе.*

***Ключевые слова:** цифровые деньги, геополитика, криптовалюты, финансовые санкции, риски цифровизации финансовой сферы, CBDC.*

DIGITAL MONEY AS A TOOL OF MODERN GEOPOLITICS

Senyushkina T.A.

*Doctor of Political Sciences,
V.I.Vernadsky Crimean Federal University,
Professor*

E-mail: tseyushkina@yandex.ru

Senyushkin E.A.
Candidate of Political Sciences,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Associate Professor
E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru

Senyushkin M.E.
independent researcher
E-mail: senyushkm@yandex.ru

Abstract. *With the development of digital technologies, money has ceased to be solely a physical object. Cryptocurrencies, central bank digital currencies, and other forms of digital assets are changing the financial landscape, affecting the economy, politics, and international relations. This article explores digital money as a geopolitical tool in the context of the transformation of financial systems and international relations. It concludes that digital money, including cryptocurrencies and CBDCs, has become more than just a technological trend; it has become a tool for reshaping the global financial system.*

Keywords: *digital money, geopolitics, cryptocurrencies, financial sanctions, risks of financial digitalization, CBDC.*

В условиях глобальной цифровизации, происходящей на фоне обострения геополитической конкуренции в мировом масштабе, тема инструментализации цифровых валют приобретает особую значимость. В решающей степени это связано с тем, что цифровые деньги, включая криптовалюты и CBDC, стали не просто технологическим трендом, а инструментом перераспределения геополитического влияния.

В современных российских исследованиях на эту тему доминирует мнение, в соответствии с которым разработка цифрового рубля рассматривается как стратегический шаг к укреплению финансового суверенитета, снижению зависимости от западных систем расчетов и интеграции с партнерами по ЕАЭС, ШОС и БРИКС. Кроме этого, отмечается, что санкционная политика Запада, особенно после 2022 года, ускорила процессы дедолларизации и поиска альтернативных платежных механизмов. В целом с этими аргументами сложно не согласиться.

Наряду с этим, ряд авторов, например, Коречков Ю.В. и Сироткин С.А. указывают на «попытку геоолигархии установить полный контроль над человечеством с помощью цифровизации» [1, с.109]. В

подтверждение этого тезиса авторы ссылаются на проект «Цифровая общественная инфраструктура», который включает в себя три действия, условно названных «протоколами»: 1. Сплошная цифровизация документооборота; 2. Цифровизация денежных отношений; 3. Цифровизация социальных отношений. Информация о данном проекте была размещена в американских СМИ, которые сообщили, что Программа развития ООН (ПРООН), Фонд Билла и Мелинды Гейтс, Фонд Рокфеллера при поддержке Европейского союза и Международного валютного фонда (МВФ), а также Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Давосе запускают кампанию по ускорению внедрения к 2028 году в 50 странах мира «*цифровой общественной инфраструктуры*» [2].

Рассуждая в этом направлении, В.Ю.Катасонов ещё более сгущает краски, исследуя финансовые и экономические аспекты становления нового мирового порядка как «цифрового общества всеобщей несвободы», для описания которого он использует понятие «электронный концлагерь» [3].

В целом, несмотря на противоречивость подходов и интерпретаций происходящих процессов в сфере цифровой трансформации, исследование заявленной нами темы является важным для понимания новой финансовой реальности, в которой цифровые валюты становятся инструментом не только экономической политики, но и геополитического влияния.

Криптовалюты изначально создавались как децентрализованные альтернативы традиционным деньгам. Они позволяют пользователям совершать транзакции без посредников, что особенно важно в странах с нестабильной финансовой системой. Кроме этого, цифровые валюты позволяют государству усилить контроль над денежными потоками, снизить зависимость от доллара и создать альтернативные платежные системы, что особенно актуально в условиях санкций.

Наряду с этим, криптовалюты могут представлять угрозу государственному суверенитету. В этой связи Китай полностью запретил криптовалютные операции, в то время как США и ЕС разрабатывают механизмы регулирования для интеграции цифровых активов в экономику. Как отмечает глава ЕЦБ Кристин Лагард, «CBDC — это не просто технологическое обновление, это инструмент геополитического влияния» [4].

По мнению С.Ю.Глазьева, «российской экономике нужны новые, цифровые рубли. Именно их появление способно справиться с таким явлением в стране, как коррупция, ведь их нельзя будет использовать нецелевым образом, или, проще говоря, украсть» [5]. Реально

востребованная сфера обращения цифрового рубля, как считает С.Ю.Глазьев, — это целевые кредиты, госзакупки, сложные контракты, внешнеторговые операции, где нужен контроль и нет возможности использовать банки. При этом «цифровые валюты могут стать основой новой финансовой системы, свободной от западного доминирования» [6, с. 145]. Цифровая валюта, используемая для расчетов, может выступить в качестве замены доллара, например, в рамках Евразийского экономического пространства, а возможно, и шире.

Внедрение цифровых валют требует мощной ИТ-инфраструктуры и защиты от кибератак. В этой связи Китай и США активно инвестируют в блокчейн и квантовые вычисления, чтобы обеспечить безопасность своих цифровых валют, ибо тот, кто «контролирует цифровые деньги, контролирует будущее мировой экономики» [7].

Как российские, так и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что цифровые валюты перераспределяют влияние в мировой экономике. Считается, что страны, которые смогут создать устойчивые CBDC и криптоэкосистемы, получат преимущество. В этой связи Рэй Далио утверждает, что финансовые войны будущего будут вестись не с помощью санкций, а через контроль над цифровыми платежными системами [8]. Поэтому уже в ближайшие десятилетия ожидается усиление конкуренции между цифровым юанем, евро и долларом, а также рост роли криптовалют как инструмента ухода от санкций.

После введения санкций в 2022 году в России ускорилась разработка цифрового рубля и стали активнее использоваться криптовалюты для международных расчетов. Внедрение цифрового рубля (ЦВЦБ) стало для России не просто технологической модернизацией, а стратегическим инструментом геополитического влияния в условиях жестких санкций и реформирования мировой финансовой системы.

В 2023 году ЦБ РФ и Минфин заявили о планах использовать цифровой рубль для международных расчетов с дружественными странами, включая Китай, Индию, Иран и страны ЕАЭС, что можно считать продолжением политики дедолларизации, начатой в 2014 году. В партнерстве с Китаем Россия разрабатывает межгосударственную систему расчетов, основанную на блокчейне, которая должна заменить SWIFT для двусторонней торговли. Первые транзакции в цифровых рублях и юанях были успешно проведены в 2024 году.

В этой связи особое внимание уделяется торговле энергоресурсами: уже подписаны соглашения о расчетах в цифровых валютах за нефть и газ с Китаем и ОАЭ, активно продвигается

цифровой рубль как платежное средство для стран БРИКС+. На саммите в Казани в 2024 году была предложена инициатива создания общей цифровой платформы для взаиморасчетов. Кроме этого, в рамках ЕАЭС цифровой рубль позиционируется как основа для новой валюты товарооборота, что усиливает интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

В контексте достижения технологического суверенитета в условиях обостряющейся конкуренции с Западом в РФ осуществляется разработка собственного блокчейна для цифрового рубля. В ответ на санкции против российской банковской системы ЦБ РФ предусмотрел офлайн-режим для цифрового рубля, что делает его устойчивым к внешним ограничениям.

Правовые основы этого процесса обеспечиваются Указом Президента Российской Федерации от 10.12.2020 № 778 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9].

В 2024 году был реализован пилотный проект по расчетам в цифровых рублях с Китаем в торговле металлами, проведены переговоры с Индией, принят законопроект о приравнивании цифрового рубля к наличным при международных расчетах [10]. По мнению экспертов, успешная реализация проекта цифрового рубля может укрепить позиции рубля как региональной резервной валюты, снизить валютные риски для российского бизнеса, создать прецедент новой модели международных расчетов, независимой от западных финансовых институтов.

Таким образом, можно утверждать, что цифровые деньги оказывают влияние на геополитику, создавая как новые возможности, так и формируя новые риски и угрозы. Государства, которые смогут адаптироваться к этой трансформации, получат стратегическое преимущество в новой финансовой реальности. В этих условиях цифровой рубль становится не просто новым платежным инструментом, а важным элементом российской стратегии формирования полицентричного мира. Его дальнейшее развитие будет напрямую зависеть от успехов России в построении альтернативных экономических союзов и технологических альянсов. При этом на теоретическом и аналитическом уровне следует более предметно изучать риски цифровизации финансовой сферы «с учётом системного понимания и прогнозирования экономических, политических и

социокультурных процессов в России при восточном и южном направлении внешнеполитических взаимодействий» [11, с. 221].

Также следует учитывать, что «сегодня мы являемся свидетелями нового феномена в мировой экономике, когда новые транснациональные компании, уже не представляют Запад, в результате чего формируется принципиально новая система координат. При этом существенно трансформируется мировая система разделения труда» [12, с. 281].

Выводы. Цифровые валюты являются одним из инструментов современной геополитики в условиях трансформации финансовых систем и международных отношений. В этих условиях Россия, активно развивая цифровой рубль, демонстрирует стремление к созданию альтернативной модели экономического взаимодействия, менее зависимой от западных институтов.

Цифровой рубль позволит России снизить риски санкционного давления, обеспечивая устойчивость платежной системы за счет отечественных технологических решений, включая офлайн-транзакции и собственный блокчейн.

В условиях развития взаимодействия России с дружественными странами и их объединениями, такими как БРИКС, ШОС и ЕАЭС, цифровой рубль можно рассматривать в качестве элемента формирования многополярной финансовой архитектуры.

В числе основных рисков можно назвать хакерские атаки, утечки данных и зависимость от технологических гигантов, которые могут подорвать доверие к цифровым деньгам.

Список литературы

1. Коречков Ю.В., Сироткин С.А. Геоолигархия, деньги и геополитические взрывы // Теоретическая экономика. - 2024 - №5. – С.101-113.
2. Протоколы глобалистских мудрецов. Всемирный истеблишмент заявил о планах под эгидой ООН построения к 2030 году на планете полностью цифрового глобального общества // Еженедельник «ЗВЕЗДА». URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/202312131651-CR0a2.html>
3. Катасонов В. Ю. Цифровые финансы. Криптовалюта и электронная экономика. Свобода или концлагерь? – М.: Книжный мир, 2017. - 317 с.
4. Lagarde Ch. The future of money – innovating while retaining trust. – URL:

<https://www.ecb.europa.eu/press/inter/date/2020/html/ecb.in201130~ce64cb35a3.en.html>

5. Сергей Глазьев: Доллары заменят на цифровые деньги. URL: <https://www.if24.ru/sergej-glazev-tsfrovye-dengi/>
6. Глазьев С.Ю. Новый технологический уклад в контексте стратегического планирования. – М.: Книжный мир, 2018. - 352 с.
7. The Future of Financial Systems in the Digital Age. Perspectives from Europe and Japan / Ed. Markus Heckel, Franz Waldenberger. Springer Singapore, 2022. - 190 p.
8. Далио Р. Изменяющийся мировой порядок: Почему одни страны побеждают, а другие проигрывают. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2024. – 450 с.
9. Указ Президента Российской Федерации от 10.12.2020 № 778 "О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012100030>.
10. Законопроект № 270838-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части формирования правовых основ для внедрения цифрового рубля)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/270838-8>
11. Сенюшкина Т. А. Критерии и контуры управляемости в условиях формирования нового мирового порядка // Политическое пространство и социальное время: Стратегический вектор общественного развития в условиях полицентричного мира : сборник научных трудов XXXIX Международного Харакского форума, Ялта, 26–28 апреля 2022 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – С. 220-227.
12. Сенюшкин, Е. А. Риски «Глобального Юга» с точки зрения системного и сетевого подходов / Е. А. Сенюшкин, Т. А. Сенюшкина, М. Е. Сенюшкин // Политическое пространство и социальное время:

цивилизационные модели формирования многополярного мира: материалы XLIII Международного Харакского форума, Ялта, 06–08 мая 2024 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. – С. 278-283.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИТОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Тростиков А.А.

*КФУ им. В.И. Вернадского, Институт «Таврическая Академия»,
философский факультет, направление «Политология», студент
E-mail: andrey.trostikov@gmail.com*

Научный руководитель: Сенюшкина Т.А.,

*доктор политических наук,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
профессор
E-mail: tsenyushkina@cfuv.ru*

***Аннотация.** В докладе рассматриваются электоралистика как интенсивно формирующаяся предметно обособленная область современной политической науки, а также, и сам электорат как особый объект современной электоралистики, в котором сходятся основные силовые линии взаимодействия двух «полюсов» российского электорального поля («субъектного» и «объектного»). Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях современного общества, где политические процессы становятся все более сложными и многогранными, необходимо глубокое понимание механизмов, определяющих электоральное поведение. В последние годы наблюдается значительное изменение в предпочтениях избирателей, что требует новых подходов к анализу электоральных данных. Важно не только изучить существующие теории, но и адаптировать их к новым реалиям, что позволит более точно предсказывать результаты выборов и понимать, как электоральные факторы влияют на политическую стабильность и развитие демократических институтов.*

***Ключевые слова:** электорат, электоральные исследования, электоральные факторы, электоральное поведение, количественный и качественный анализ, опросы, статистические модели.*

ELECTORAL RESEARCH IN POLITICAL SCIENCE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Trostikov A.A.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy
Institute, Faculty of Philosophy, direction "Political Science", student
E-mail: andrey.trostikov@gmail.com*

Scientific supervisor: Senyushkina T.A.,

*Doctor of Political Sciences, V.I. Vernadsky Crimean Federal
University, Professor
E-mail: tsenyushkina@cfuv.ru*

Abstract. *The article examines electoralism as an intensively developing domain of modern political science, as well as the electorate itself as a special object of modern electoralism, in which the main lines of force of interaction between the two "poles" of the Russian electoral field ("subject" and "object") converge. The relevance of the topic is due to the fact that in modern society, where political processes are becoming more complex and multifaceted, it is necessary to have a deep understanding of the mechanisms that determine electoral behavior. In recent years, there has been a significant change in voter preferences, which requires new approaches to analyzing electoral data. It is important not only to study existing theories, but also to adapt them to new realities, which will make it possible to more accurately predict election results and understand how electoral factors affect political stability and the development of democratic institutions.*

Keywords: *electorate, electoral research, electoral factors, electoral behavior, quantitative and qualitative analysis, surveys, and statistical models.*

Электоральные исследования - отрасль социальных наук, занимающаяся анализом избирательных кампаний и их результатов и определяющая причины различий и особенностей электорального поведения в обществе. Электоральные исследования могут иметь сравнительный характер (сравнения различных государств или территорий в составе определённого государства) или концентрироваться на изучении определённых примеров (территории, избирательные кампании, партии и иные участники выборов и т. п.). [1] Электоральные исследования охватывают широкий спектр тем, включая анализ факторов, влияющих на результаты выборов, изучение

предпочтений избирателей и динамику электоральных изменений. Они помогают понять, как различные аспекты, такие как социальные, экономические и культурные факторы, влияют на политические предпочтения граждан. Электоральные исследования также используют разнообразные методы, включая количественный и качественный анализ, опросы и статистические модели, что позволяет исследователям выявлять закономерности и тенденции в электоральном поведении.

Эти исследования имеют важное значение для политологов, так как они помогают формировать представление о том, как функционируют избирательные процессы и как различные группы населения взаимодействуют с политической системой. Понимание электоральных процессов позволяет не только предсказывать результаты выборов, но и разрабатывать стратегии для политических кампаний, а также улучшать механизмы взаимодействия между избирателями и политическими институтами.

Электоральные исследования представляют собой важный инструмент для анализа политических процессов и понимания динамики общественного мнения. Они способствуют более глубокому осмыслению того, как формируются политические предпочтения и как они могут изменяться под воздействием различных факторов [1].

Электоралистика претерпевала изменения на протяжении долгого времени. Возникновение потребности в электоральных изменениях отмечается на ранних этапах развития общества, в частности, в Античности. Идея демократии зародилась в Древней Греции, где Платон и Аристотель обсуждали принципы правления и участия граждан в политической жизни. Однако систематическое изучение выборов началось гораздо позже, в XVIII-XIX веках. В эпоху Просвещения мыслители, такие как Жан-Жак Руссо и Джон Локк, заложили основы теории общественного договора и народного суверенитета, что стало важным вкладом в развитие демократических идей. Но до конца XIX века изучение выборов оставалось преимущественно теоретическим.

С развитием социологии и политологии в первой половине XX века началась систематическая работа над анализом поведения избирателей. Одним из первых крупных исследований стал труд американского социолога Пола Лазарсфельда «Выбор народа», опубликованный в 1944 году. В книге исследовались факторы, влияющие на выбор избирателей. В это же время начали формироваться первые научные школы изучения электорального поведения.

После Второй мировой войны интерес к изучению выборов возрос, особенно в США и Западной Европе. Появляются новые методы исследования, включая опросы общественного мнения и статистический анализ данных. В 1950-х годах Анри Мендрас разработал концепцию «определяющих факторов», согласно которой поведение избирателя определяется социальными характеристиками, такими как класс, религия и регион проживания.

Современный этап развития электоральных исследований ведет отсчёт с 1960-х годов прошлого столетия. В 1960-е – 1980-е годы активно развиваются количественные методы анализа выборов. Важным событием стало создание моделей рационального выбора, основанных на предположении, что избиратели действуют исходя из своих интересов. Также следует отметить теорию партийных систем, предложенную Морисом Дюверже, который исследовал взаимосвязь между количеством политических партий и типом избирательной системы.

Начиная с 1990-х и по сей день современные исследователи продолжают совершенствовать методы анализа электоральных процессов, используя компьютерные технологии для обработки больших массивов данных. Развитие интернета и социальных сетей также привело к появлению новых инструментов для изучения поведения избирателей, таких как анализ больших данных и сетевой анализ.

Современные электоральные исследования охватывают широкий спектр теорий, объясняющих различные аспекты политического поведения, включая голосование, участие в выборах, формирование предпочтений избирателей и функционирование избирательных систем. При этом используются некоторые базисные теории, например, теория рационального выбора, которая предполагает, что избиратели принимают решения на основе собственных интересов и стремления максимизировать свою выгоду. Согласно данной теории, люди голосуют за тех кандидатов или партии, чьи программы наиболее соответствуют их личным интересам. Теоретики рационального выбора считают, что поведение избирателей можно объяснить через экономическую логику, где каждый человек стремится получить максимальную отдачу от своего голосования. Также используются теории социальной идентичности и структурно-функциональные подходы к исследованию, в соответствии с которыми утверждается, что решение избирателей голосовать за определенного кандидата или партию связано с их социальной принадлежностью и культурными факторами. К таким факторам относятся:

- Социальный класс: рабочие классы могут поддерживать левые партии, тогда как средний и высший классы чаще поддерживают правых.

- Этническая принадлежность: люди склонны голосовать за представителей своей этнической группы.

- Религиозная принадлежность: религиозные убеждения часто определяют политические предпочтения.

- Гендер: женщины и мужчины могут иметь разные политические взгляды и предпочтения.

Важным фактором в изучении настроений электората является партийная идентификация. Теория партийной идентификации была разработана в середине XX века и утверждает, что большинство людей формируют устойчивую привязанность к определенной политической партии, основанную на семейных традициях, социализации и личном опыте. Эта привязанность влияет на их поведение на выборах и может оставаться стабильной даже при изменении обстоятельств. Важную роль также играют теории медиавлияния.

Современные теории медиавлияния исследуют роль средств массовой информации и социальных сетей в формировании общественного мнения и политических предпочтений. Эти теории включают:

- ✓ Агрегаторская модель: СМИ предоставляют информацию, которую избиратели используют для формирования мнений.

- ✓ Модель прайминга: СМИ акцентируют внимание на определенных темах, заставляя избирателей оценивать политиков и события через призму этих тем.

- ✓ Фрейминговая модель: Выбор определённых аспектов проблемы для освещения формирует восприятие аудитории [5].

При исследовании электорального поведения используется теорема о медианном избирателе, разработанная Энтони Даунсом, который утверждает, что в условиях двухпартийной системы кандидаты будут стремиться занять позицию, соответствующую предпочтениям большинства избирателей, чтобы привлечь наибольшее количество голосов. Это приводит к тому, что обе партии стремятся к центру политического спектра.

Не менее важным элементом электоральных исследований является теория групп интересов, согласно которой политические решения принимаются под влиянием различных групп интересов, каждая из которых пытается повлиять на политику в свою пользу. Группы интересов могут включать профсоюзы, бизнес-ассоциации, экологические организации и другие общественные движения.

Ну и наконец, отметим теорию общественных благ. Эта теория рассматривает процесс принятия решений в контексте коллективных действий. Она объясняет, почему люди участвуют в выборах, несмотря на то, что вероятность того, что их голос повлияет на результат, крайне мала. Участие в выборах рассматривается как форма получения общественных благ, например, таких как стабильность и справедливость.

Количественные методы анализа данных представляют собой важный инструмент в исследовательской практике, особенно в политологии. Эти методы позволяют исследователям собирать, обрабатывать и интерпретировать числовые данные, что в свою очередь помогает выявлять закономерности и тенденции в поведении различных групп населения, включая избирателей. По мнению Ротмана Д.Г. полномасштабное, комплексное электоральное социологическое исследование, построенное по принципу «от выборов до выборов», представлено тремя самостоятельными и независимыми фазами: предвыборные исследования, исследования в день выборов и послевыборные исследования [3, с. 64]. Одним из основных этапов количественного анализа является сбор данных. Это может происходить при помощи различных методов, таких как опросы, анкетирование или использование существующих статистических баз данных. Важно, чтобы собранные данные были репрезентативными и отражали реальное состояние дел в исследуемой популяции. Для этого исследователи часто применяют случайную выборку, что позволяет минимизировать систематические ошибки и повысить достоверность результатов.

После сбора данных следует этап их обработки. На этом этапе исследователи используют статистические программы для анализа полученной информации. Одним из наиболее распространенных методов является регрессионный анализ, который позволяет оценить влияние одной или нескольких независимых переменных на зависимую переменную. Например, в электоральных исследованиях можно использовать регрессионный анализ для изучения влияния социально-экономических факторов на выборы.

Кроме того, применяются методы описательной статистики, которые помогают обобщить данные и представить их в удобной для восприятия форме. К таким методам относятся вычисление средних значений, медиан, а также анализ распределения данных. Эти показатели позволяют лучше понять, как распределены предпочтения избирателей и какие факторы могут на них влиять.

Важным аспектом количественного анализа является также использование статистических тестов для проверки гипотез. Это позволяет определить, являются ли наблюдаемые различия между группами статистически значимыми или же могут быть объяснены случайными колебаниями. Например, можно проверить, есть ли значительная разница в электоральных предпочтениях между различными возрастными группами или регионами.

Однако количественные методы имеют свои ограничения. Одним из основных недостатков является то, что они не всегда могут объяснить «почему» определенные тенденции имеют место. Например, даже если данные показывают, что молодежь голосует за определенную партию, количественный анализ не даст ответа на вопрос, какие именно факторы влияют на такое поведение. Для этого необходимо использовать качественные методы, которые могут дополнить количественный анализ и предоставить более глубокое понимание электоральных процессов.

Таким образом, количественные методы анализа данных играют ключевую роль в исследовании электоральных процессов и поведения избирателей. Они позволяют собирать и обрабатывать большие объемы информации, выявлять закономерности и формулировать обоснованные выводы.

Когда мы говорим об исследовании человеческого поведения, особенно в контексте сложных социальных явлений, таких как выборы, нам нужно понимать не только цифры и статистику, но и чувства, мысли, мотивации людей. Именно поэтому наряду с количественными методами, которые дают нам возможность увидеть общую картину, важны и качественные методы. Они помогают заглянуть глубже, раскрыть нюансы и тонкости, которые невозможно уловить с помощью чисел.

Один из самых популярных способов – глубинные интервью. Формат такого диалога строится на принципе: исследователь беседует с человеком, задаёт ему открытые вопросы и внимательно слушает ответы, при этом исследователя интересует такая информация, которая поможет реконструировать некоторое событие или же обнаружить закономерность в некотором типе поведения [4, с. 62].

В современных электоральных исследованиях активно применяются фокус-группы. Фокус-групповое интервью основано на использовании реальной групповой динамики в искусственно созданной группе для выявления специфики и особенностей представлений некой социальной группы об объекте исследования. Традиционно родоначальником данного метода принято считать

Роберта Мертона, чья работа «Фокусированное интервью» (совместно с М.Фиске и П.Кендаллом) признана классической [4, с.70]. Фокус-группу можно сравнить с маленьким зеркалом общества: она помогает увидеть, как разные точки зрения сталкиваются друг с другом, как формируются общие настроения и как люди влияют друг на друга.

Ещё один важный качественный метод – контент-анализ, который включает в себя изучение документов, выступлений, статей, постов в социальных сетях и даже личных дневников. Контент-анализ – это метод сбора данных о феноменах политического поля, содержащихся в текстах и документах. Наиболее распространенная и исторически первая техника контент-анализа состоит в определении числа и частоты употребления отдельных слов и выражений в тексте [2, с. 76]. Всё это даёт представление о том, как люди воспринимают политическую ситуацию, какие аргументы используют, какие ценности отстаивают.

Особую роль в электоральных исследованиях играет дискурс-анализ, который рассматривает языковые конструкции и способы выражения мыслей, помогая понять, как формируется общественное мнение. Важно отметить, что все эти методы требуют особой внимательности и чувствительности со стороны исследователя. Нужно уметь слушать, наблюдать и интерпретировать то, что говорится и делается участниками. Ведь каждый человек уникален, и его взгляд на мир может сильно отличаться от общепринятого.

Таким образом, качественные методы позволяют нам видеть за цифрами живых людей с их мыслями, чувствами и опытом. Однако для полноценного понимания сложных социальных явлений важно сочетать количественные и качественные подходы, что обеспечит более глубокий и всесторонний анализ.

Электоральные исследования в политологии сталкиваются с рядом вызовов, которые влияют на их практическую и теоретическую значимость. Наиболее заметные проблемы можно выделить в контексте участия различных социальных групп, особенно молодежи, в электоральном процессе, а также вопросов доверия к избирательной системе и новым технологиям голосования. В последние годы наблюдается существенное падение электоральной активности среди молодежи в России. Во многом это связано с доминированием старших поколений на политической арене, что приводит к разрыву в представлениях о важности участия в выборах и недостаточной информированности молодежи о политических процессах [11].

Также важным аспектом является влияние первых выборов на дальнейшую политическую активность молодых граждан.

Исследования показывают, что положительный опыт первого голосования может значительно увеличить вероятность вовлечения человека в дальнейшие электоральные процессы [1]. Среди главных проблем, влияющих на степень вовлеченности молодежи, стоит отметить недостаточную правовую грамотность, а также отсутствие современных коммуникационных механизмов, способных эффективно достигать и информировать эту аудиторию. Важно учитывать, что новые технологии, такие как электронное голосование, требуют высоких стандартов доверия к организаторам выборов. Комплексный подход к обучению молодежи, включая правовую и электоральную грамотность, может помочь преодолеть существующие барьеры и повысить уровень активного участия молодых граждан в выборах.

Другой аспект, требующий внимания, связан с изменениями в электоральной культуре, которая формируется не только на уровне общественного сознания, но и под влиянием СМИ. Процесс медиатизации приводит к изменению восприятия электоральных событий, когда фиксируются не столько сами выборы, сколько обсуждения и интерпретации общественностью политических и социальных процессов. Это требует от исследователей большей гибкости в выборе методологических подходов для анализа электоральных настроений и поведения избирателей. Применение новых методов анализа, таких как большие данные и искусственный интеллект, открывает новые горизонты для электоральных исследований. Однако они также ставят перед специалистами целый ряд этических вопросов, касающихся конфиденциальности и манипуляций общественным мнением. Определение прозрачных и этически оправданных способствующих условий для использования данных станет важным шагом к дальнейшему развитию электоральных исследований [6].

Наконец, важным остается вопрос о том, как улучшить качество электоральных исследований в условиях быстрой изменчивости политического ландшафта. Для этого необходимо активно интегрировать различные дисциплины, включая социологию, психологию и коммуникационные науки, что позволит глубже понять механизмы электорального поведения и вовлеченности различных групп населения. Важно не только адаптировать методы под современные реалии, но и учитывать культурные и социальные особенности, чтобы исследования оставались актуальными и значимыми. В целом, электоральные исследования требуют гораздо более комплексного подхода, учитывающего изменения в обществе, инновации в технологиях и вызовы, с которыми сталкиваются

современные государства. Обеспечение высоких стандартов доверия к избирательной системе, активное вовлечение молодежи и современные методы анализа будут ключевыми элементами успешного будущего электоралистики.

Рост интереса к электоральным исследованиям обусловлен в первую очередь увеличением политической конкуренции и плюрализма, что необходимо для формирования открытого общественно-политического пространства. В рамках этого процесса важно создать законодательные основы, которые бы не только определяли правовые рамки для электоральных исследований, но и способствовали их реализации на практике [7].

Цифровизация и развитие информационных технологий открывают новые горизонты для электоральных исследований. Эти изменения создают возможность для применения инновационных методов сбора и анализа данных, а также способствуют активизации общественных дискуссий о выборах и избирательных процессах. Важно понимать, что эти технологии не просто изменяют качество выбора представительных органов власти, но и меняют структуру коммуникаций между избирателями и кандидатами. Также стоит отметить важность методологических исследований, которые помогают в переосмыслении классических теорий и в поиске новых подходов к анализу электорального поведения. Текущие исследования часто сталкиваются с трудностями в интеграции различных методологических подходов, что, в свою очередь, сдерживает развитие электоралистики. Существующие парадигмы требуют критического анализа, что становится актуальным в условиях постоянных изменений в политической жизни страны [8].

Особое внимание следует уделить юридическому аспекту, который, как правило, доминирует в российской электоральной науке. Однако игнорировать политический подход невозможно, так как он может предоставить более комплексное понимание электоральных процессов. Безусловно, качественный рост исследований в данной области требует более взвешенного подхода к взаимодействию между юридическими и политическими аспектами. Права и возможности избирателей, а также отношения между ними и политическими субъектами должны стать важной частью электорального анализа [11]. Другим важным направлением является внимание к общественным коммуникациям, которые непосредственно влияют на избирательные процессы. Необходимо осознавать, что изменения в технологическом обеспечении и методах распространения информации приводят к новым форматам взаимодействия в рамках электорального процесса.

Социальные сети и платформы стали важными каналами общения между избирателями и кандидатами, что влияет на результат выборов и на общественное мнение в целом. Рассмотрение этих изменений в рамках электоральной науки может привести к более осмысленным и актуальным выводам [9].

На фоне этих изменений необходимо также рассматривать и внутренние факторы, способствующие развитию электоральных исследований. Важно, чтобы исследовательские группы активно взаимодействовали с законодательными органами и политическими партиями, создавая таким образом общую платформу для дискуссий и улучшения качества исследований. Лишь комплексный подход к изучению этих процессов позволит сформировать более полное понимание динамики электорального поведения и мотивов избирателей. Перспективы развития электоральных исследований в России напрямую зависят от того, насколько активно будут внедряться как инновационные методы, так и современные концептуальные подходы к анализу избирательных процессов. Появление новых форматов и подходов, способствующих анализу и пониманию электоральной динамики, играет ключевую роль в адаптации российской науки к вызовам времени. Успех в этой области будет зависеть от способности ученых анализировать и интерпретировать данные, извлекать практические выводы и предлагать рекомендации, которые смогут помочь в оптимизации выборных процессов и усилении гражданского участия в политической жизни [7].

Список литературы

1. Туровский Р. Ф. Электоральные исследования // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: <https://bigenc.ru/c/elektoral-nye-issledovaniia-38bb42/?v=7897342>.
2. Ротман, Д.Г. Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля / Д. Г. Ротман и др.; под ред. Д.Г. Ротмана, В.В. Правдивца. – Минск: БГУ, 2007. – 139 с.
3. Ротман, Д.Г. Электоральные исследования: сущность и технология / Д.Г. Ротман // Социологические исследования. – 1998. – № 9. – С. 63-68.
4. Ротман, Д.Г. Электоральные социологические исследования / Д.Г. Ротман, А.А. Тарнавский, И.В. Левицкая и др. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 100 с.
5. Гаврилов А.Р. Роль политических медиавлияний в становлении политической культуры молодёжи / А.Р.

- Гаврилов // Международный научно-исследовательский журнал. - 2016. - №10 (52). - URL: <https://research-journal.org/archive/10-52-2016-october/rol-politicheskix-mediavliyanij-v-stanovlenii-politicheskoy-kultury-molodezhi> - doi: 10.18454/IRJ.2016.52.092
6. Ольшин Д. Что же не так с любыми электронными голосованиями? / Ольшин Д. // Хабр [Электронный ресурс] // habr.com – URL:<https://habr.com/ru/articles/579968/>
 7. Корякина В. С. Инноватизация электоральных технологий в России: тенденции и перспективы / Корякина В.С. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 3. С.274-281.
 8. Лаврикова, А. А. Тенденции развития электорального процесса в современной России: содержательные и технологические аспекты / А. А. Лаврикова, О. Е. Шумилова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15, № 1. – С. 15-27.
 9. Кохан А.А. Перспективы электорального образования в России / Кохан А.А. // russia-school.com [Электронный ресурс] - URL: <https://russia-school.com/2007>
 10. Гетман А. А. Актуальные проблемы современных электоральных исследований в странах Запада / Гетман А. А. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. №1 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-sovremennyhelektoralnyh-issledovaniy-v-stranah-zapada>
 11. Черданцева А.Ю. Особенности электоральных исследований в современной России / Черданцева А.Ю. // [Электронный научно-практический журнал «Политика, государство и право»](http://politika.snauka.ru) URL: <https://politika.snauka.ru/2016/05/3870>

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ДИЛЕММА А.С. ПАНАРИНА
В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ ДОСТОЕВСКОГО:
ПРОБЛЕМА ВЫБОРА РОССИИ МЕЖДУ ДВУМЯ
ТОТАЛИТАРИЗМАМИ**

Трухан А.В.

*Кандидат философских наук, доцент,
Ростовское отделение Российского философского общества
Россия, Ростов-на-Дону
E-mail: axioma.maxima@mail.ru*

Аннотация. В статье продолжается реконструкция эсхатологической логики А.С. Панарина в идеократической парадигме, начатая ранее [3]. В качестве исходной точки исследования берется концепт А.В. Карташева противопоставления лаического и евангельского духа в новоевропейской истории, который стал определяющим для всей последующей панаринской мысли. Данное противопоставление рассматривается в контексте проблемы выбора России между двумя тоталитаризмами: тоталитаризмом абсолютной истины и тоталитаризмом лжи, поставленной в легенде о Великом инквизиторе. В рамках данной проблематики актуализируется «экзистенциальная дилемма Панарина» - прогноз о предстоящем выборе России между возвращением к крайне жесткой авторитарно-самодержавной государственности или полным развалом России с установлением американского протектората.

Ключевые слова: эсхатология А.С. Панарина, идеократия, общественный идеал, восточное христианство, лаицизм, кризис Модерна, тоталитаризм, великий инквизитор

**THE EXISTENTIAL DILEMMA OF A.S. PANARIN IN THE
ESCHATOLOGICAL LOGIC OF DOSTOEVSKY: THE PROBLEM
OF RUSSIA'S CHOICE BETWEEN TWO TOTALITARIANISMS**

Trukhan A.V.

*Candidate of Philosophy, Associate Professor
Rostov branch of the Russian Philosophical Society,
Russia, Rostov-on-Don
E-mail: axioma.maxima@mail.ru*

Abstract. The article continues the reconstruction of the eschatological logic of A.S. Panarin in the ideocratic paradigm, begun

earlier [3]. The starting point of the study is A.V. Kartashev's concept of the opposition of the laic and evangelical spirit in modern European history, which became defining for all subsequent Panarin thought. This opposition is considered in the context of the problem of Russia's choice between two totalitarianisms: the totalitarianism of absolute truth and the totalitarianism of lies, posed in the legend of the Grand Inquisitor. Within the framework of this problematic, the "existential dilemma of Panarin" is actualized - a forecast about the upcoming choice of Russia between a return to an extremely rigid authoritarian-autocratic statehood or the complete collapse of Russia with the establishment of an American protectorate.

Keywords: eschatology of A.S. Panarin, ideocracy, social ideal, Eastern Christianity, secularism, crisis of Modernity, totalitarianism, Grand Inquisitor

Предметом нашей эсхатологической интерпретации историософии А.С. Панарина является *восьмая глава книги «Россия в циклах мировой истории»* (1999) [2, с. 240-286]. Глава называется «От вселенского одиночества к вселенской миссии». Мы полагаем, что сформулированные в ней положения получают концептуальное развитие в последующих работах автора, а главный тезис, тихо и незаметно прозвучавший в параграфе «*Планетарная реформация и византийский ренессанс*», приобретает решающее значение для понимания специфики текущего момента мировой истории.

Рассмотрим этот тезис: «Ожидающий нас исторический поворот, вероятно, воспроизведет в каких-то чертах *поворот рубежа античной и христианской эр*. Многое, очень многое свидетельствует о том, что *лаистский*, гедонистически-рационалистический, «господский» *дух позднего Модерна*, давно уже не признающий никаких *нравственно-религиозных резонансов, уходит*. Это – дух «первого мира», задумавшего до конца колонизировать планету, целиком предоставив ее в распоряжение потребительской цивилизации (курсив – наш)» [2, с. 264]. Панарин писал эти строки, когда Россия из «первого мира» была низвергнута в «третий» и ей была уготована участь разделить судьбу глубокой периферии нового мира.

По всей видимости, речь идет об окончании новой эры, вызванной появлением христианского проекта: мы стоим на пороге *исторического поворота завершения христианской эры* в мировой истории, главным признаком которого является *уход духа позднего Модерна*, который оставляет после себя вопрос: *какой дух приходит ему на смену?* На языке христианской мысли это положение имеет смысл свидетельства о приближении апокалиптических времен в

эсхатологической логике истории. Нам остается выяснить, соответствует ли этому пониманию мысль Панарина?

В самой формулировке мы встречаемся с термином «*лаицизм*» (от греч. *λαός* – народ, лат. *laicus* – мирянин), обозначающим движение за секуляризацию общественной жизни, получившее наиболее широкое распространение во Франции, воплощением которого стало принятие Закона о разделении церкви и государства в 1905 году. В *широком смысле* этот термин означает «*секуляризация*», в *узком смысле* его можно толковать как «*законодательное устранение религиозного влияния*».

Термин «*лаицизм*» в последующем не используется автором, но несет в себе указание на тот геном, из которого вырастает вся *поздняя цивилизационная историософия Панарина*. Можно сказать, что этим термином поименована важнейшая характеристика *духа Модерна*. Поэтому, ставя задачу реконструкции эсхатологической логики панаринской мысли, мы полагаем начать наше исследование с определения содержания *лаической* сущности духа Модерна в понимании Панарина.

*«Лаическая» сущность духа Модерна в определениях
А.В. Карташева и А.С. Панарина.*

Термин «*лаицизм*» Панарин берет из статьи А.В. Карташева «*Православие в его отношении к историческому процессу*», под которой стоит дата – *30 мая 1945 г.* (!!!) [1], которая сама по себе представляет замечательное произведение русской историософской мысли. А.С. Панарин цитирует и излагает ключевые положения этой статьи, встраивая их в свое концептуальное видение процесса европейской модернизации, переходящей в западную глобализацию. Мы полагаем, что именно эти положения оказали решающее влияние на формирование *эсхатологического взгляда* Панарина на историю и возвращение его мысли к *биполярной логике интерпретации социально-политического процесса*. Реконструкция этих положений Карташева имеет методологическое значение для реализации главной цели нашего исследования. Поэтому используем в нашей работе полученные ранее результаты [3] в новом контексте.

Базовые положения А.В. Карташева можно свести к *четырем принципам*. Во-первых, он вводит понятие «*лаицизм*» как главное содержание духа Модерна в противоборстве с христианской духовностью – «*лаицизм*» определяется как ценностный дуализм, который противопоставляется аксиологическому монизму

христианства. *Во-вторых*, Карташев определяет базовые принципы христианского отношения к истории, при сопоставлении с которыми можно увидеть полное противопоставление лаическому подходу по всем пунктам. *В-третьих*, из определений Карташева можно сделать вывод, что *целью* распространения и утверждения в общественном сознании *лаической картины мира* является ограничение и полное устранение власти христианского начала из истории. *В-четвертых*, из представленных положений следует, что «*лаицизм*» есть именование *эсхатологического начала*, действующего в духе Модерна.

Данный комплекс положений представляет собой результат нашей интерпретации историософского взгляда А.В. Карташева в *идеократической парадигме мысли*, в рамках которой движущей силой и смыслом исторического процесса полагается борьба между общественными силами за утверждение власти определенного идеала в общественном сознании. Главным результатом нашей реконструкции является определение *сущности исторической эпохи Модерна* как противоборства сторонников *лаического и христианского идеалов* за власть над общественным сознанием.

Поводом для написания статьи А.В. Карташева послужила необходимость дать опровержение получившему широкое распространение суждению А. Гарнака о пассивном и даже аскетически отрицательном отношении Восточного христианства к истории. В своей аргументации ошибочности подобного взгляда автор раскрывает принципиальное отличие в отношениях Западной и Восточной церковью к истории. Карташев доказывает истинность прямо противоположного суждения. *Восточная церковь осознает свою задачу не в отчуждении от истории, а в ее освящении – активном преобразовании всех сфер жизни человека по евангельскому духу.*

Эта позиция А.В. Карташева раскрывается в *шести положениях*, которые определяют *идеократическую структуру восточно-христианского сознания* через задание некоторой системы идеалов.

Первое положение определяет *идеал истории* – «великая мистерия библейской священной истории продолжается» в новозаветную эпоху, субъектом которой выступает новый Израиль – христианский народ с его государством [1, с. 52]. *Второе положение* определяет *политический идеал* – связь церкви с империей имеет идеократическую природу, которая выражена в политическом идеале симфонии «священства и царства», сформулированного в Шестой новелле Юстиниана – «церковь и государство проистекают из одного источника, одинаково установлены самим Богом для блага человечества и служат этому благу, друг другу помогая, как душа и

тело, в полной симфонии» [1, с. 49-50]. *Третье положение* отражает *духовное содержание политического идеала (главную экзистенциальную мифологию)* – идеал симфонии выражает духовную жажду восточного христианства воплотить Царство Божие в земной человеческой истории. *Четвертое положение* обосновывает *социальный идеал* – эта духовная жажда манифестирует себя в «теократической мечте» или «утопии» восточного христианства о «*соборном спасении человечества* как целого – «указать людям не только пути личного спасения отдельных душ человеческих, но и устроить пути коллективного спасения». *Пятое положение* закрепляет *аксиологический идеал* – «восточное христианство примитивно монистично, с точки зрения аксиологии ценностей... Все ценности – христоцентричны» [1, с. 51]. *Шестое* – формулирует *прагматический идеал*: из аксиологического идеала христоцентризма следует определение главного принципа деятельности – «универсальности и тотальности восточного отношения к историческим и культурным ценностям» [1, с. 52] - принцип всеобщей христианизации истории, политики, культуры.

Таково подлинное понимание отношения Православной церкви к историческому процессу в целом и политическому процессу (государству) в частности. Перечисленный комплекс идей составляет *архетипическое основание восточно-христианского идеократического сознания*. Практически по всем перечисленным пунктам мы находим иное и, скорее всего, альтернативное решение в западном типе идеократического сознания. Именно здесь проходит *тектонический разрыв между западным и восточным архетипами христианской идеократической идентичности*, который определил цивилизационное противостояние России и Европы в эпоху европейского средневековья.

А.В. Карташев вводит понятие «лаицизм», противопоставляя его духу первохристианства, которому «чужд *модерный*, захвативший Европу со времени Ренессанса *дуализм ценностей*: светских и духовных, *лаических* и *евангельских* (курсив – наш)» [1, с. 51]. В этом духе «светское» отождествляется с «лаическим» и противопоставляется «духовному» и «евангельскому». *Лаицизм* как духовное явление характеризуется автором как «истинная ересь для Православия», «воскрешенное язычество», «политеизм», «враг, давно побежденный, почти забытый и вот вновь тревожащий церковь». Эти признаки «лаицизма» воспроизводит в цитировании Карташева и А.С. Панарин [2, с. 246].

А.В. Карташев называет этого врага «*дуализмом ценностей*» и противопоставляет его «*аксиологическому монизму*» восточного

христианства, для которого «нет двух категорий добра» и нет ничего этически нейтрального. «Все благое, праведное, святое измеряется единым критерием: Христом. Все, что покоряется Христу, - святится именем Его. Все ценности – христоцентричны» [1, с. 51]. Это противопоставление разворачивается по всем остальным пунктам православного архетипа идеократического сознания с помощью *механизмов отчуждения и инверсии*. *Отчуждение* происходит через отделение и автономизацию отдельных сфер общественного сознания и деятельности, и превращение их в этически нейтральные зоны. *Инверсия* совершается в том, что *идеал светского* начала постепенно начинает доминировать над *идеалом священного*, вытесняя его на периферию общественного сознания.

Таким образом, проводя это противопоставление по всем шести пунктам идеократического сознания восточного христианства, выявленных ранее, мы получаем следующую систему бинарных оппозиций. В *первом пункте* священной истории противопоставляется светская, а перенос внимания лаического сознания на светское начало приводит к «расхристианиванию истории» [1, с. 54] - устранению из истории Христа. В *втором пункте* священная власть противопоставляется царской, а перенос акцента на последнюю приводит к принципу отделения церкви от государства. В *третьем пункте* жажде восточного христианства воплотить Царство Божие в земной истории противопоставляется желание возвращения земного рая без Христа и Церкви. В *четвертом пункте* «теократической мечте» о «соборном» спасении человечества противопоставляется идея религиозного эскапизма и личного спасения. В *пятом пункте* аксиологическому монизму противопоставляется лаический дуализм ценностей. В *шестом* – универсальной и тотальной христианизации противопоставляется партикулярная секуляризация.

Лаицизм духа Модерна проявляет себя в том, чтобы объявить какую-либо область в земной жизни человека неподвластной духовному действию евангельского идеала, методично и неуклонно расширять эту область, *противопоставляя экспансии и тоталитаризму христианского духа, экспансию и тоталитаризм духа Модерна*.

А.С. Панарин дополняет характеристику этого процесса тем, что показывает, как в зонах, огражденных лаистским духом от власти евангельской нормативности, снимаются все скрепы, ограничивающие действие энтропийных сил мирового зла. «Эта лаистская, или светская логика предполагала, что вместе с возрастанием нейтрального пространства будет возрастать и человеческая свобода, а вместе с нею

и комфортное устройство на земле. Однако реальная история показала, что нейтральные пространства, оставленные Духом и отданные на откуп ценностно-нейтральным практикам, подвержены энтропии. Там, где царит озабоченность о правах человека, но ощущается дефицит его обязанностей в отношении окружающего мира, ближнего и дальнего, там неумолимо растет хаос и правит бал тот, кто злорадно тешится беспорядком – «князь мира сего». /.../ Когда все предъявляют свои права, и никто не берет на себя обязанностей, мир на глазах превращается в ад...» [2, с. 247].

Главное противоречие эпохи Модерна, по мысли Панарина, состоит в столкновении двух альтернативных принципов, двух мироустроительных установок. «Одна связана с *технологическими гарантиями* надежных и морально-нейтральных механизмов, другая – с *гарантиями, даваемыми духом* в той мере и степени, в какой он пронизывает политическую материю государственности и всей общественной жизни (курсив наш – А.Т.)» [2, с. 246]. Содержательно это структурное противостояние соответствует противоборству двух идеократических типов сознания: *лаицкого* и *евангельского*, – которое определяет архитектонику цивилизационного и исторического противостояния России и Запада.

Экзистенциальная дилемма А.С. Панарина

Восьмую главу «От вселенского одиночества к вселенской миссии» Панарин начинает словами: «Размышляя о будущей постлиберальной России, надо иметь мужество признать, что либеральное наследие 90-х гг. ставит страну перед столь жесткими дилеммами, каких она не знала со времен Александра Невского и Дмитрия Донского. Первая дилемма, способная привести в содрогание либерально-гедонистический тип сознания, может быть сформулирована так: *либо возвращение к крайне жесткой, авторитарно-самодержавной государственности (не обязательно монархической), либо – полный развал России и установление американского протектората под каким-нибудь благозвучным международным названием*» [2, с. 240].

Выбор, освященный кровью военных побед, закреплен в нашем цивилизационном коде на архетипическом уровне русского идеократического сознания. Сможет ли постсоветская либеральная Россия, поставленная перед жесткой дилеммой Панарина, осуществить свой цивилизационный выбор?

Содержательно этот выбор Панарин нагружает двумя выше сформулированными дилеммами, *во-первых*, - выбором между «технократическими гарантиями» и «гарантиями духа»; *во-вторых*, - выбором между *лаистской* и *евангельской* идеократическими установками. Расписывать структуру каждого из этих выборов сейчас не входит в нашу задачу. Обобщая, можно сказать, что дилемма, перед которой стоит постсоветская Россия в эсхатологической логике истории Панарина, есть не что иное как экзистенциальный выбор между *девиацией новоевропейского идеократического сознания* и *евангельской нормативностью древнерусского идеократического сознания*. Этот выбор представляет собой дилемму двух тоталитаризмов: *с одной стороны*, за лаистской двойственностью и декларациями этической (= религиозной) нейтральности светской культуры Запада скрывается *экспансия тотального зла*, с другой, - *духовный тоталитаризм нравственного идеала совершенной личности Христа*.

В контексте позиции Карташева *универсальность* и *тоталитарность* восточного христианства имеет позитивную коннотацию, которую усваивает и Панарин, противопоставляя ей *тоталитаризм обмана* дуалистической культуры западного христианства, абсолютизирующей индивидуальную свободу личности. Этот спор между двумя тоталитаризмами нашел свое мифическое выражение в легенде Достоевского.

*Эсхатологическое измерение противостояния двух
тоталитаризмов в легенде о Великом инквизиторе*

Данная легенда показывает ситуацию выбора, перед которым окажется человек в апокалиптический период мировой истории. Это будет выбор между двумя тоталитаризмами: «тоталитаризмом Великого Инквизитора» (единства во лжи) и «тоталитаризмом Христа» (единства в истине). Истина Христова – тотальна, а служение Христу – тоталитарно. «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12, 30). Христос задает дихотомию: либо вы принимаете, что Он есть вся полнота истины и подчиняете этой истине всю свою жизнь, либо вы идете путем лжи – третьего не дано. Абсолютная истина – тотальна и тоталитарна. Она требует всего человека. Попытки выделить какую-то часть, независимую от Христа, какую-то нейтральную от требований абсолютной истины Христа зону комфорта, найти свой – «третий путь» оцениваются как вступление на путь лжи. Поэтому борьба либерализма с тоталитаризмом есть не

только борьба гуманизма с насилием над свободной личностью, но, прежде всего, борьба с абсолютной истиной Христа.

Идеал потребительского общества – это и есть тот «третий путь», который предлагает Великий Инквизитор человеку. Имя этому идеалу «всемирное счастье людей». Главный аргумент Великого Инквизитора состоит в том, что Христос возложил на человека бремя неудобноносимое – дар свободы совести. «Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за тобою, прельщенный и плененный тобою. Вместо твердого древнего закона – свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ пред собою». Бремя этой свободы несовместимо с счастьем человека именно потому, что это бремя абсолютной истины. Путь Великого Инквизитора состоит в том, чтобы освободить человека, по природе слабосильного существа, от этого бремени абсолютной истины. «О, мы разрешим им грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволили грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения; позволяем же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя. /.../...знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим». Главный итог легенды: счастье, покупаемое за счет отречения от абсолютной истины, совершается через ложь абсолютизации относительной истины.

Таков будет финальный выбор апокалиптических времен. Он будет не между *абсолютным добром* и *абсолютным злом*. Он будет – между *абсолютной истиной* и *ложной абсолютизацией относительной истины*. Т.е. между тоталитаризмом истины Христа и тоталитаризмом лжи всеобщего человеческого счастья.

Перед этим выбором «экзистенциальной дилеммы Панарина» стоит сегодня постсоветская либеральная Россия. В какую сторону пойдут ее ноги?

Список литературы

1. Карташев А.В. Православие в его отношении к историческому процессу // Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. М.: Пробел, 1996. С. 44-60.
2. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999.
3. Трухан А.В. Идеократическое противостояние России и Запада: эсхатологическая интерпретация

историософии А.С. Панарина // Россия и Европа: общая судьба и альтернативные проекты цивилизационного развития: монография по материалам XVII Международных Панаринских чтений / отв. ред. В.Н. Расторгуев; научн. Ред. А.В. Никандров; Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, филос. ф-т. – М.: Институт Наследия, 2020. С. 282-290.

ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДЕ К ОБНОВЛЕНИЮ МУСУЛЬМАНСКОЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ ПРИВОЛЖСКИХ И КРЫМСКИХ ДЖАДИДОВ

Хамзина Л.Р.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
студент*

***Аннотация.** В конце XIX – начале XX вв. мусульманский мир охватили стремительно развивающиеся процессы модернизации. Одной из сфер, которую затронула модернизация, стала сфера образования, в частности мусульманского образования. Однако Россия большая страна, в которой живут множество национальностей, у которых, очевидно, отличное от других решение сложившейся проблемы. Таким образом получилось, что два центра мусульманского образования в России выбрали принципиально различные подходы. И если в Поволжье упор был сделан на содержательную часть образования, то в Крыму последователи Исмаила Гаспринского сделали упор на необходимость применения нового «звукового» метода образования. Но несмотря на то, что подходы разные, каждый из них обладает несомненными положительными моментами. Однако для достижения лучшего результата современное образование должно гармонично соединить обе эти традиции.*

***Ключевые слова:** религия, ислам, татары, просветительство, образование, джадидизм.*

PRINCIPAL DIFFERENCES IN THE APPROACH TO THE REVIVAL OF THE MUSLIM SPIRITUAL SCHOOL OF THE VOLGA AND CRIMEAN JADIDIDS

Khamzina L.R.

Kazan (Volga Region) Federal University, Student

Abstract. *At the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries, the Muslim world was swept by rapidly developing processes of modernization. One of the areas affected by modernization was the field of education, particularly Muslim education. However, Russia is a large country with many different ethnic groups, each of which has its own unique solution to this problem. As a result, the two centers of Muslim education in Russia have taken принципиально different approaches. While the focus in the Volga region has been on the content of education, the followers of Ismail Gasprinsky in Crimea have emphasized the need for a new "sound" method of education. Despite the differences in approach, both have their own advantages. However, in order to achieve better results, modern education should harmoniously combine both of these traditions.*

Keywords: *religion, Islam, Tatars, enlightenment, education, Jadidism.*

Во второй половине XIX – начале XX в., в татарском обществе получает широкое развитие просветительское движение джадидизм. Джадидизм ратовал за просвещение, развитие науки и культуры, приобщение татарского общества к российским и европейским ценностям. Причиной этого была возрастающая потребность в грамотных и образованных личностях, ведь состояние и содержание образования татарской школы, методы обучения в ней не отвечали требованиям нового времени.

Рассмотрим предлагаемые идеи на примере деятельности известных богословов Крыма и Поволжья, чтобы отчетливо увидеть разницу в содержании идей обновления. В этой связи представляет особый интерес деятельность известного поволжского богослова – Хусаина Фаизхана, который полагал, что прогресс татарской нации возможен только на пути образования, используя современные европейские методы обучения.

В 1862-1863 г. он написал труды «Ислахмадарис» («Школьная реформа») и «Рисала» («Трактат») - основные сочинения, в которых изложен проект реформы мусульманского образования. В «Ислахмадарис» («Школьная реформа») Фаизхан рассматривает

причины отставания татар от русского и европейских народов. Главная причина, согласно его взглядам, состоит в том, что сами татары не стремятся идти по пути прогресса, получения новых знаний и не используют те возможности, которые предоставляет им российское государство. Потому что, по мнению Фаизхана, они боятся христианизации, то есть утери ислама, ассимиляции — утери нации [1].

Решить данную проблему прогресса татарской нации Фаизхан предлагал с помощью открытия специального медресе, где кроме большинства предметов, преподаваемых в гимназии, необходимо преподавать и исламский шариат. Далее он замечает, что преподаватели обязательно должны быть компетентными. Ученый многие беды татарских медресе связывает с копированием бухарской системы обучения. Альтернативой бухарскому типу медресе, по мнению Фаизхана, служит методика обучения в русской гимназии. Фаизхану нравится то, что в русских гимназиях дети за короткое время, за 8 лет получают много знаний. Они два-три урока в неделю изучают свою религию, но кроме того, историю, иностранные языки: латынь, французский, немецкий, греческий, а некоторые и татарский. Они изучают арифметику, алгебру, географию, астрономию, геометрию, логику, различные естественные науки.

По мнению Фаизхана, такая методика обучения должна иметь место в специальном медресе, где обучение будет вестись по-новому, в соответствии с программой. В новом медресе должны преподаваться большинство наук, которые преподают в гимназиях, большое внимание должно быть уделено языкам и религиозным наукам. Кроме того, должна преподаваться медицина, хотя бы на уровне знаний фельдшеров.

В таком медресе шариатские науки, восточные языки, некоторые гимназические дисциплины должны преподаваться на татарском языке, остальные предметы — на русском. Фаизхан отдавал приоритет в сравнении с другими языками татарскому языку, так как считал, что татары не уделяют родному языку достойное внимание.

Что касается русского языка, то необходимость его использования в медресе Фаизхан объяснял тем, что мусульмане-татары, будучи народом, живущим в русском государстве, просто вынуждены знать русский язык. Простой народ - чтобы понимать все запреты и предписания местных властей, чтобы добиваться справедливости в судах. Купцы - чтобы быть в курсе торговых дел, контролировать их. Имамам также необходимо знать русский язык, ведь документация Духовного собрания ведется по-русски.

Проблемы образования занимали важное место и в научных трудах выдающегося татарского богослова Мусы Бигиева (1875– 1949), который на собственном опыте испытал различные подходы и методы обучения, обучаясь сначала в русской гимназии, в казанском медресе, а затем странствуя в «поисках знаний» в течение 9 лет по мусульманскому миру. Однако, как потом во многих своих работах отмечал ученый, он был неудовлетворен и крайне разочарован увиденным положением науки и образования в мире ислама.

Еще не раз в своих последующих научных изысканиях татарский богослов будет так или иначе обращаться к теме исламского образования, однако наиболее полное описание своего видения мусульманской высшей школы им будет представлено в трактате ал-Джами‘а ал-исла‘миййа ал-‘илмиййа («Исламский научный университет») [2].

Признавая передовой уровень развития европейского образования и науки, ученый призывает мусульман получать всестороннее образование. Однако для подготовки нового поколения именно богословов, готовых взять на себя ответственность по вынесению богословско-правовых заключений, отвечающих современным потребностям мусульманского сообщества, Бигиев считает крайне необходимым скорейшее открытие исламского научного университета и предлагает свою концепцию такого научно-образовательного центра. Эта концепция, по сути, содержит в себе краткое описание учебной программы, состоящей из трех блоков дисциплин, последовательное изучение которых выведено татарским ученым в первое общее правило работы университета. Второе общее правило заключается в целостном изучении каждой дисциплины. Ученый считает категорически недопустимым пропуск каких-либо тем или глав изучаемой в качестве учебного пособия книги.

Дальнейшие пункты концепции содержат описание дополнительных дисциплин, которые, по мнению Бигиева, необходимо включить в программу подготовки богословов. В первую очередь, это естественные и гуманитарные предметы, чей объем и содержание в исламском университете не должны уступать светским колледжам.

Таким образом, можно утверждать, что богословы Поволжья делали основной упор на содержательную часть образования, предлагая и обосновывая введение в программу образования светских и религиозных предметов.

Далее мы рассмотрим, что предпринимали татары в Крыму.

Значимую роль в процессах реформирования народного образования крымских татар, а также в развитии педагогической

мысли сыграл Исмаил Гаспринский – видный представитель реформаторского движения в области народного образования.

Так, в январе 1884 г. в Крыму И. Гаспринский открыл начальную школу, методы обучения в которой были совершенно иными по сравнению с принятыми в кадимистских (старометодных) учебных заведениях.

Чтобы каждый желающий мог ознакомиться с его проектом, Гаспринский в 1898 году издает методическое руководство для учителей «Рәһбәрмөгаллимин» («Спутник учителей»), в котором были изложены основные положения его педагогического опыта [3].

Национальная система образования мусульман вплоть до начала XX в. была представлена сетью мектебе и медресе. Они не имели строго определенных программ и сроков обучения, а содержание образования носило конфессиональный характер. Материальное положение учебных заведений также было сложным. При организации процесса обучения не учитывались санитарно-гигиенические нормы и правила, данным требованиям не соответствовали и сами учебные помещения. И. Гаспринский, обеспокоенный созданием той образовательной среды, которая способствовала бы развитию ребенка и сохранению его здоровья, одной из первостепенных задач в организации школьного дела считал благоустройство мусульманских учебных заведений. Гаспринский не оставил без внимания и вопрос оснащения школы необходимыми учебными атрибутами. Речь идет о специальной школьной мебели и черной доске, которые, по словам педагога-реформатора, должны быть в каждой учебной комнате.

В своем методическом пособии для учителей «Рәһбәрмөгаллимин» Гаспринский заявил о необходимости изменений, которые должны были коснуться многих сфер организации процесса обучения: начиная от порядка зачисления в школу и заканчивая экзаменами. Он писал о том, что детей в школу следует принимать в определенное время года, иногда, учитывая особенности отдельных местностей. В школе нового образца санитарно-гигиеническим требованиям должен соответствовать и распорядок дня учащегося.

Однако основополагающим моментом реформ Исмаила Гаспринского стало то, что он предложил буквослагательный метод обучения заменить на прогрессивный звуковой метод.

Педагог-реформатор выступал также за активность и вовлеченность учащихся в процесс обучения, когда на уроке задействован весь класс.

Таким образом, педагогическая деятельность Гаспринского, его просветительские и реформаторские взгляды, стали важным периодом

в истории педагогической мысли тюркских народов. Идеи просветителя спровоцировали коренной пересмотр педагогических традиций, содержания и содержания образования, методов и средств обучения.

Анализируя всю проделанную И.Гаспринским работу, можно сказать, что он сделал основной упор на методы и способы получения образования, а также на оснащение учебного пространства различными необходимыми предметами. Кроме того, он уделил большое внимание санитарным нормам, чтобы повысить комфорт обучающихся.

Подводя итоги, можно сказать, что между системой обновления образования крымских и поволжских татар существуют серьезные различия. Если татары Поволжья делали основной упор на содержательный аспект, то есть на предметы, которые необходимо добавить в программу, на язык, на котором должно идти обучение, на некоторые частные моменты, связанные с религиозными предметами, то в Крыму это был взгляд с совсем другой стороны. Крымские татары предлагали новый «звуковой» метод обучения взамен старому и делали упор на необходимость оснащения классных кабинетов всем необходимым, чтобы повысить качество образования. А также они уделили внимание тому, как дать полноценное образование всем ученикам класса, не забывая про психологические аспекты образования.

Таким образом мы можем сказать, что каждый из рассмотренных выше вариантов обладает своими отличительными и очень важными чертами, но, чтобы мы сегодня могли добиться успеха, пользуясь достижениями прошлого, необходимо гармонично соединить два этих варианта и тогда возможно это станет новым путем, по которому сможет продолжить свое развитие мусульманское образование в России, которое несомненно нуждается в том, чтобы стать еще лучше.

Список литературы

1. Юзеев А. Н. Проект реформы мусульманского образования Хусаина Фаизхана // Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. 2017. Вып. 2. С.165-176.
2. Зарипов И. А. Концепция исламского университета Мусы Бигиева // Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. 2017. Вып. 2. С. 176-182.

3. Абызова Р.Р. Реформа школьного образования в труде Исмаила Гаспринского "Рәһбәрмөгаллимин" ("Спутник учителей") // известия ВГПУ. 2020. №6 (149). С.13-17.
4. Хабутдинов А. Ю. Реформы образования у мусульман Российской империи Нового времени: от Хусаина Фаизханова до Исмаила Гаспринского // Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. 2017. Вып. 2.С.157-165.
5. Имамутдинова З.А. Тенденции просвещения и европеизации в исламском мире. XIX столетие и рубеж XIX–XX веков // Исмаил Гаспринский (1851–1914 гг.) – идеолог, реформатор, просветитель. На переломе эпох. Научная конф. 16-17 октября 2014 г. М.: Институт искусствознания, 2014. С.9-11.
6. Исмәғыйль Гаспринский. Рәһбәрмүгаллимин яки мөгаллимләргәюлдаш // Крымское историческое обозрение.2014. №1. С.197-217.

ОПАЛЫ ЭДВАРДА КАРДЕЛЯ В ЮГОСЛАВСКОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ 1960-Х ГГ.

Шахин Ю.В.

*Кандидат исторических наук
Севастопольский государственный университет, доцент
E-mail:y-v-shahin@yandex.ru*

***Аннотация.** Эдвард Кардель был признанным лидером словенской номенклатуры и ее неформальным представителем на федеральном уровне Югославии. В 1960-е гг. его положение во властных структурах несколько раз оказывалось под угрозой, и словенская номенклатура оказывала ему поддержку, но в конце 1960-х гг., достигнув части своих целей, утратила к нему интерес. В статье будут проанализированы противоречивые данные о колебании статуса Карделя в политической системе Югославии.*

***Ключевые слова:** Югославия, Словения, политическая борьба, номенклатура, Кардель.*

THE DISGRACES OF EDVARD KARDELJ IN THE YUGOSLAV ETHNOPOLITICAL STRUGGLE OF THE 1960S

Shakhin Y.V.

Sevastopol State University, Associate Professor

Abstract. *Edvard Kardelj was a recognized leader of the Slovenian nomenklatura and its informal representative at the federal level of Yugoslavia. In the 1960s, his position in the power structures was threatened several times, and the Slovenian nomenklatura supported him, but in the late 1960s, having achieved some of its goals, it lost interest in him. The article will analyze contradictory data on the fluctuations of Kardelj's status in the political system of Yugoslavia.*

Keywords: *Yugoslavia, Slovenia, political struggle, nomenklatura, Kardelj.*

Автор благодарит проф. Божо Рене за помощь при работе над исследованием.

В 1960-е гг. в Югославии началась довольно ожесточенная политическая борьба между региональными группировками партийно-государственной бюрократии и центральными политическими лидерами вокруг вектора дальнейшего развития страны и направления системных общественных реформ. Большинство республик Югославии было построено по этническому принципу, поэтому данные номенклатурные группировки приобретали этнический характер. В единое целое они объединялись не только должностным положением, но и системами личных отношений, которые в условиях Югославии выстраивались в первую очередь на основе земляческих связей. Выходец из какого-нибудь края или республики, занявший важную должность в центре, становился своеобразным патроном своего региона. Через него шла неформальная политическая коммуникация между региональным номенклатурным кланом и федерацией.

Для Словении с начала 1950-х гг. единственным таким представителем был Эдвард Кардель. Он входил в узкий круг ближайших соратников Й.Броза-Тито, неизменно избирался членом Политбюро, а потом Исполкома ЦК партии, занимал ряд высоких правительственных должностей, выступал в качестве ведущего партийного теоретика. Помимо должностных Кардель поддерживал разветвленные личные связи с руководством Словении. Когда у словенских политиков возникали трения с союзным руководством, они обращались к нему. Но отношения словенского номенклатурного клана и Карделя носили противоречивый характер. Многие современники, среди которых особенно выделяется сербский писатель Добрица Чосич, полагали, что Кардель лоббирует словенские национальные интересы на общегославском уровне [1, с. 217, 222]. Однако по

наблюдениям Милована Джиласа, который тесно работал с Карделем до 1954 г., он всегда ругал словенцев, но в конечном счете всегда их поддерживал [2, s. 193]. А словенский политик Стане Кавчич оценивал Карделя как наиболее жесткого критика словенского национализма, который преувеличивал масштаб проблем. В то же время в силу дальновидности Кардель был способен инициировать реформы, которые Кавчичу как стороннику ослабления федерации были симпатичны [3, s. 550-551]. В Словении 1950-1960-е гг. и вовсе ходило мнение, что словенские руководители, включая Карделя, приносят республике вред и продают ее интересы Белграду [4, s. 402; 5, s. 34].

На наш взгляд, оценка Джиласа и Кавчича ближе к истине, чем все прочие. Партийные документы 1950-х и 1960-х гг. свидетельствуют о жесткой критике словенского национализма и центробежных поползновений со стороны Карделя. И этот же самый Кардель инициирует реформы, которые ослабляют союзный центр, чтобы смягчить недовольство в республике. Таким образом, он мог выступать проводником как республиканских, так и общегосударственных интересов в зависимости от обстановки.

Впервые тучи над головой Карделя сгустились еще в 1956 г. Из воспоминаний бывшего члена узкого партийного руководства Александра Ранковича известно, что в августе 1956 г., вернувшись из Москвы, Тито завел с ним разговор о «ликвидации» Карделя в политическом смысле. Тито был недоволен его позицией по внешнеполитическим вопросам. Ранкович уговаривал не снимать Карделя, чтобы не подорвать международный авторитет Югославии [6, с. 94; 7, с. 126-127]. Он сумел переубедить Тито, так как дальнейших последствий разговор не имел.

К началу 1960-х гг. Кардель в самом деле попадает в опалу. Его влияние в союзном руководстве снижается. Этот процесс связан с обострением борьбы за будущее направление развития Югославии и некоторыми случайными обстоятельствами. Еще в 1960 г. ничто не предвещало тяжелой полосы в его карьере. Он выступил инициатором реформ в системе планирования и поставил вопрос о кардинальном преобразовании всей общественной системы страны. В духе его идей началась подготовка новой конституции, и он возглавил работу конституционной комиссии. В начале 1961 г. была подготовлена так называемая мини-реформа, которая должна была стать предвестником более глубоких экономических перемен. И тут в январе 1961 г. Кардель был тяжело ранен на охоте в Моровиче. Пуля вылетела из ружья руководителя Союза коммунистов Сербии Ёвана Веселинова и рикошетом попала ему в голову. Под влиянием последующих

конфликтов словенского и сербского номенклатурных кланов ходили разные слухи о причинах инцидента, но официальная версия одна — несчастный случай. Кардель выжил, но извлечь пулю из головы врачам не удалось. Он выписался из больницы и в июне-июле 1961 г. уехал на лечение в Лондон с женой и детьми [8, с. 420].

Как раз в это время на 3-4 июля намечались массовые торжества в связи с двадцатилетием начала восстания народов Югославии, их центром стал город Ужице в южной Сербии. Кардель порывался туда приехать, однако ему пришла инструкция продолжать лечение. Находясь в Лондоне, он даже подумывал завершить политическую карьеру и устроиться на работу в Люблянский университет [8, с. 421; 9, s. 27]. Однако в августе 1961 г. он вернулся, и чтобы развеять слухи о его опале в газетах была опубликована фотография, как он направляется на охоту вместе с Веселиновым. Но все-таки ослабление позиций Карделя в 1961 г. имело место. Согласно сведениям историка Й.Пирьевца, в начале 1960-х гг. его встречи с Тито стали настолько редкими, что они восемь месяцев не говорили о серьезных вопросах [8, с. 418]. Имеющиеся данные показывают, что это могло быть только в 1961 г., примерно с января по август.

Кавич впоследствии утверждал, что в 1961 г. произошла значительная поляризация сил в руководстве Союза коммунистов Югославии. Одни хотели остановить идеологическое развитие в духе VI съезда и сдержать социальное расслоение, которое стало следствием расширения рыночных отношений, а другие настаивали на продолжении реформ. Именно поэтому политическая карьера Карделя оказалась под угрозой. Как утверждал в следующем году сам Кардель, он действительно отстранился из общественной жизни. Правда, причины он связывал не с опалой, а со своим добровольным выбором. По его версии он ощущал себя чужаком в охватившей Югославию атмосфере, где все думали не о социализме, а о новых инвестициях [10, s. 196].

Весной 1962 г. влияние Карделя и словенского номенклатурного клана на союзном уровне резко ослабевает. Во второй половине 1961 г. центральное правительство свернуло начатые весной рыночные реформы и не планировало новых. Это привело к обострению разногласий между сторонниками и противниками реформ. Верхушка словенской партийно-государственной бюрократии выступала за их продолжение и даже пошла на прямой конфликт, чтобы обозначить свою позицию. В декабре 1961 г. несколько депутатов-словенцев в Союзной скупщине открыто голосовали против проекта союзного общественного плана на 1962 г., а остальные покинули заседание [10,

s. 81, 84, 97, 108, 236]. Союзные руководители не сомневались, что этот демарш был согласован с высшим руководством республики. После этого впервые обозначились концептуальные разногласия между Карделем и лидером сербского номенклатурного клана Александром Ранковичем. К началу 1962 г. конституционная комиссия во главе с Карделем подготовила проект конституции, где гарантировался полный суверенитет республик. Ранковичу это не понравилось, он обратил внимание Тито, тот возмутился и даже заявил, что если дела так пойдут дальше, то подаст в отставку [11, с. 265].

14 марта 1962 г. по инициативе Тито было созвано расширенное заседание Исполкома ЦК СКЮ, чтобы обсудить причины разногласий внутри партии и восстановить способность к проведению единой внутривластной линии. В кругах сербских провинциальных партийных руководителей с подачи Ранковича в конце февраля пошли слухи, что на заседании наступит конец Карделю, который во всем виноват [12, с. 317]. На заседании Кардель оказался в одиночестве со своим видением политической обстановки в стране [9, с. 41, 44; 10, с. 200; 11, с. 266]. Однако представляется, что на его политическую изоляцию могли повлиять не только концептуальные, но и конъюнктурные соображения. Осенью 1961 г. в процессе работы над конституцией он выдвинул идею ротации, предполагавшую ограничение сроков пребывания на руководящих должностях. Ее поддержали Тито и Ранкович, но не воспринимали широкие круги партийно-государственных руководителей. На мартовском заседании Кардель оказался единственным оратором, который среди источников текущих проблем указал на длительную несменяемость должностных лиц.

Руководство Словении продолжило свою линию на конфликт с югославскими партийными лидерами. 29-30 марта 1962 г. состоялось расширенное заседание Исполкома ЦК Союза коммунистов Словении и обсудило решения расширенного заседания Исполкома ЦК СКЮ. Участники единодушно поддержали проект резолюции, которая осуждала унитаристские тенденции в государстве. Она была воспринята в Белграде как отклонение от его установок, выражение «молчаливого несогласия» и как критика союзной бюрократии, которая якобы тормозит необходимые реформы. Эту резолюцию подвергли критике на Исполкоме ЦК СКЮ 3 апреля. Ударную роль сыграл Ранкович, а потом его поддержали своими выступлениями Тито и другие члены Исполкома ЦК СКЮ, включая Карделя [10, с. 275-277]. Поведение Карделя Пирьевец объясняет тем, что он испугался радикализма соотечественников [8, с. 424].

Затем в апреле-мае состоялась одна или даже две встречи членов высшей словенской номенклатуры с Тито. Президент Югославии подверг их критике, но они проявили сплоченность и заступились за попавшего в опалу Карделя. Столкнувшись с их единодушной позицией Тито отступил, и Кардель был спасен [9, s. 45-46; 11, с. 262; 13, s. 224-225]. Тогда же был достигнут компромисс со словенским номенклатурным кланом. 26 мая Тито изложил план изменений в экономической политике Югославии, призванных учесть потребности данной республики. Со своей же стороны Словения должна без возражений выделять средства на развитие отсталых регионов. В том же духе Тито высказался и 23 июля на IV пленуме ЦК СКЮ [14, с. 255-256, 282]. Еще более показательным, что 24 мая Кардель от имени соратников поздравил Тито с семидесятилетием [14, с. 243-244]. Вероятно, это выступление Карделя призвано было закрепить уже свершившееся восстановление отношений и его политических позиций. Здесь уместно выглядит аналогия с августом 1961 г.

На этом опалы Карделя не закончились. Пирьевец утверждает, что в сентябре 1962 г. Тито пытался убедить руководящих словенских политиков помочь свергнуть Карделя. Однако Кавчич заявил, что возможны только конфликты между Тито и Словенией, а конфликта Тито-Кардель нет [8, с. 427]. Эти сведения по ряду причин выглядят сомнительно и требуют перепроверки.

Новая опала Карделя происходит в самом конце 1962 г. С 3 по 20 декабря Тито и Ранкович находились с визитом в Советском Союзе, а Кардель совершал турне по странам юго-восточной Азии. Общая линия Тито во время визита была направлена на сближение с СССР [15, с. 408-409]. А тем временем Кардель в Джакарте заявил, что Югославия будет твердо придерживаться равной дистанции между западным и восточным блоком. Журналист З.Секулич утверждает, что Тито отправил ему телеграмму с выражением недовольства и после возвращения из Москвы созвал 27 декабря заседание исполкома ЦК СКЮ, где подверг Карделя критике [9, s. 46-47]. Секулич добавляет, что вопрос был поднят до уровня принципиальных разногласий о путях дальнейшего развития югославского общества.

В Архиве Югославии протоколов заседания Исполкома ЦК СКЮ от 27 декабря 1962 г. пока не обнаружено, но историк В.Унковский-Корица выяснил, что упоминания о декабрьском заседании сохранились в протоколах заседаний Исполкомов ЦК Словении и Хорватии. По его мнению, анализ речи Тито на заводе имени Иво Лолы Рибара, произнесенной 29 декабря, также косвенно подтверждает оценки Секулича [16, p. 209-212]. Рассорившись с Карделем, Тито

сделал ставку на Ранковича. В проект конституции срочно включили положение о заместителе президента, который должен помогать главе государства в вопросах внешней политики. Ранкович и занял эту должность в апреле 1963 г. Однако Кардель остался в высшем руководстве.

В июне 1966 г. Тито решил низвергнуть с политического Олимпа своего соратника Ранковича. Эта задача была непростой, но решить ее удалось. На Ранковича возложили политическую ответственность за предполагаемое прослушивание высших руководителей страны, и 1 июля 1966 г. он был отправлен в отставку на IV пленуме ЦК СКЮ. Ранкович ассоциировался с противниками рыночных реформ и сербским этнономенклатурным кланом, который в наибольшей степени им сопротивлялся. Его падение открыло возможности для дальнейших рыночных реформ и глубокой децентрализации югославской федерации, потому его традиционно рассматривают как крупную победу словенского этнономенклатурного клана и лично Карделя. Однако все источники показывают, что Кардель предпочел держаться в тени и прямой атаки на Ранковича избегал, он даже не выступал на IV пленуме.

За исключением Тито в высшем руководстве Югославии теперь не было человека, равного по авторитету Карделю. Но возвышение Карделя именно благодаря триумфу словенского номенклатурного клана оказалось для него пирровой победой. После того, как ушел в отставку Ранкович, и началась глубокая децентрализация югославской федерации, баланс сил в политической системе Югославии изменился. Как отмечал Л.Коэн, в 1960-е гг. изменились референтные группы, на которые равнялись работники союзного ЦК, вышедшие из республиканской номенклатуры. Отныне это были делегировавшие их региональные партийные организации [17, р. 154]. В 1967 г. в результате плановой ротации в Словении пришло к власти младшее поколение партийных руководителей во главе с Кавичем, который сделал ставку на формирование национальной словенской экономики. В связи с возросшей ролью республик в политической жизни федерации эта команда уже не нуждалась в Карделе для отстаивания своих интересов. Кардель утерял источник своей политической мощи, столь ярко проявившийся в 1962 г. Новое словенское руководство перестало с ним советоваться и демонстрировало принципиальное несогласие с бывшим патроном. В изоляции оказался не только Кардель, но и другие представители республики в федерации [18, s. 158, 159, 160].

Однако с августа 1969 г. стал развиваться раскол в словенском руководстве. Меньшинство во главе с первым секретарем ЦК Францем Попитом начало ориентироваться на Карделя в противовес Кавчичу, а в 1972 г. Кавчич был отправлен в отставку по обвинению в либерализме. Аппаратный вес Карделя в словенской номенклатуре восстановился и, насколько можно судить, уже не падал вплоть до его смерти в 1979 г.

Колебания в политической карьере Карделя и более пристальное изучение его взаимоотношений со словенским номенклатурным кланом в 1960-е гг. показывает их непростой характер. Роль Карделя в политической жизни того времени нельзя сводить к функции проводника словенских номенклатурных интересов. Когда было очень нужно, его поддерживали, а когда необходимость отпала, игнорировали. Кардель не был простым исполнителем их воли, она проявлялась независимо от позиции Карделя, а его опалы оказываются связаны как с падением влияния в высшей югославской, так и в республиканской номенклатуре.

Список литературы

1. Ћосић Д. Пишчеви записи, 1951-1968. Београд - Нови Сад: Филип Вишњић - Будућност, 2000. 419 с.
2. Кулјић Т. Tito: sociološkoistorijska studija. Beograd: Institut za političke studije, 1998. 394 s.
3. Kavčič S. Dnevnik in spomini (1980-1987). Druga knjiga // Časopis za kritiko znanosti. 1988. №111/112. S. 341-578.
4. Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest. Zagreb: Golden Marketing, 1999. 830 s.
5. Ivešić T. Jugoslovansko nacionalno vprašanje in ekonomski reforme v drugi polovici šestdesetih: nerazvitost, integracija in delitev presežka dela // Res novae. 2018. №2. S. 19-38.
6. Ковач С., Димитријевић Б., Поповић Григоров И. Случај Ранковић: из архива КОС-а. Београд: Медија центар «Одбрана», 2015. 547 с.
7. Ранковић А. Дневничке забелешке. Београд: Југословенска књига, 2002. 310 с.
8. Пирьевец Ђ. Тито и товарищи. М. - СПб.: Нестор-История, 2019. 632 с.
9. Sekulić Z. Pad i ćutnja Aleksandra Rankovića. – Beograd: Dositej, 1989. 396 s.
10. Početak kraja SFRJ. Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane od 14 do

- 18 marta 1962. godine. Beograd: Arhiv Jugoslavije, 1998. 311 s.
11. Ћосић Д. Лична историја једног доба. Књ. 1. Београд: Службени гласник, 2009. XXV, 365 с.
 12. Končar R., Boarov D. Stevan Doronjski: odbrana autonomije Vojvodine. Novi Sad: Muzej Vojvodine, 2011. 879 s.
 13. Repe B. Utrinki iz bližnjega leta 1962 (2) // Teorija in praksa. 1990. № 1-2. S.224- 231.
 14. Броз Тито Ј. Сабрана дела. Књ.XV. Београд: Култура, 1966. 445 с.
 15. Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946-1980 гг. Т.1. М.: МФД, 2014. 880 с.
 16. Unkovski-Korica V. The economic struggle for power in Tito's Yugoslavia from World War II to non-alignment. L. – NY.: I.B. Tauris & Co. Ltd, 2016. 294 p.
 17. Cohen L. J. The Socialist Pyramid: Elites and Power in Yugoslavia. Oakville, 1989. 499 p.
 18. Repe B., Prinčič J. Pred časom: portret Staneta Kavčiča. Ljubljana: Modrijan, 2009. 239 s.

УСИЛЕНИЕ ПРАВЫХ ПАРТИЙ В ЕВРОПЕ

Боян Н. Шево

Доктор политических наук

*Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,
научный сотрудник*

E-mail: bojansevo78@gmail.com

***Аннотация.** Европа сталкивается с политическими проблемами, связанными с тем, как реагировать на существующие и будущие угрозы, чтобы сохранить свое место в мировом порядке. Судьба, ожидающая Европу, во многом будет зависеть от идеологических и ценностных ориентаций и суждений, которыми она будет руководствоваться при решении стоящих перед ней вызовов. Европейский демократический плюрализм – это способ преодоления внутренних и внешних конфликтов, а правые партии – неотъемлемая часть диалога, способного их амортизировать. Обсуждая правые партии, мы должны подчеркнуть, что они не являются взаимно идеологически монолитными, а представляют собой совокупность политических акторов, которые различаются в своих пониманиях*

внутри самих партий, но также и между родственными идеологическими партиями.

Ключевые слова: правые партии, национальная идентичность, фашизм, Европейский парламент.

THE RISE OF RIGHT-WING PARTIES IN EUROPE

Bojan N. Ševo

PhD of political sciences

Research associate, Institute for Serbian Culture Priština-Leposavić

E-mail: bojansevo78@gmail.com

Abstract. *Europe faces political challenges regarding how to respond to existing and future threats, in order to maintain its place in the global order. The fate that awaits Europe will largely depend on the ideological and value orientations and judgments that will guide it in facing the challenges. European democratic pluralism is a way to overcome internal and external conflicts, and right-wing parties are an integral part of the dialogue that can mitigate them. When discussing right-wing parties, we must emphasize that they are not ideologically monolithic, but rather a set of political actors who differ in their understandings within the parties themselves, but also between related ideological parties.*

Keywords: *right-wing parties, national identity, fascism, European Parliament.*

Общие характеристики правых партий: от консерватизма к фашизму. Европа, столкнувшаяся с угрозами безопасности, экономическими, климатическими и идеологическими угрозами, должна принять вызов быстрой адаптации к неблагоприятным условиям, в которых она оказалась. Снижение экономического роста при возрастающей потребности в импорте рабочей силы за пределами своего культурного пространства воспринимается частью населения как угроза нации, экономике, религии и культурным ценностям европейцев. Различия в идентичности и системе ценностей, разные культуры приводят к резкому расколу внутри общества, особенно во времена экономической депрессии, как это было между двумя мировыми войнами. Неспособность ассимилировать большую часть мигрантов из районов Северной Африки и Ближнего Востока (в основном исповедующих ислам) поставила под сомнение европейскую модель мультикультурализма.

В связи с продолжающейся экономической стагнацией и военными действиями в Европе и вокруг нее следует ожидать увеличения тенденции к миграции и иммиграции в Европу. Отношение к происходящим изменениям климата – это еще одно поле битвы, где сталкиваются мнения левых и правых, с противоположным отношением к возможным решениям. Евроскептицизм является доминирующей определяющей и ценностно-негативной установкой правых партий, которые видят в наднациональных организациях угрозу своей национальной идентичности и суверенитету своей родины. Бюрократическая система Европейского Союза, принимающая решения и законы вне системы национальных государств, ставит под сомнение и создает сопротивление мнению правых партий. Разногласия, возникающие в правом крыле на территории Европы, представляют собой вопрос конфликта на Украине, где наблюдается расхождение в поддержке конфликтующих сторон. В большинстве случаев правые партии, оказывающие поддержку Украине, происходят из стран-членов бывшего Варшавского договора, то есть из Восточной Европы, но Венгрия и Словакия являются исключением из правила.

Название правых возникло во время Французской революции, когда монархисты сидели на правой стороне собрания, представляя традиционные ценности (монархические), то есть противоположные левым. В связи с необходимостью описания партий слева и справа от центра в политическую науку все чаще вводится дополнительная ось либеральная и авторитарная, чтобы более точно позиционировать партии в политическом спектре общества. Надо отметить, что центр оси слева и справа для политических партий не одинаков в каждом обществе или государстве, а специфичен для определенного сообщества, что является результатом конкретных обстоятельств, событий и исторического опыта этого общества.

Обсуждая правые партии, мы должны подчеркнуть, что они не являются идеологически монолитными, а представляют собой совокупность политических акторов, которые различаются в своем понимании как внутри самих партий, но также и между родственными идеологическими партиями. Появление некоторых правых партий возникло из консервативных партий, в то время как другие партии возникли из профашистских движений в период между двумя мировыми войнами (Италия, Германия, Австрия, Венгрия, Испания, Япония). Термин «правые партии» описывает широкий спектр убеждений в политической жизни общества, который включает в себя все, от правоцентристов до крайне правых, входящих в сферу фашизма. Именно происхождение возникновения правых партий

приводит нас к множеству различных ценностных взглядов и ориентаций. Умеренные правые представлены преимущественно в развитых и экономически сильных странах, опирающихся на традиционализм и консерватизм. Общие характеристики умеренных правых в основном включают христианскую традицию, капитализм как наиболее общую форму социального устройства, концепцию парламентской демократии и верховенства закона. Традиционализм и консерватизм, в сфере отношения к социальным явлениям и институтам общества, умеренные правые занимают относительно осторожную позицию и сопротивление крупным социальным изменениям [8].

Близость крайне правых к идеям и элементам фашизма также приводит к обеспокоенности европейского общественного мнения, особенно в странах, которые в недавнем прошлом имели опыт фашизма в политической и общественной жизни. «Значительной характеристикой и источником фашизма является радикальный и авторитарный национализм, а основной целью этих идеологий, партий и движений было установление тотального контроля над всеми формами общественной жизни в интересах нации, чтобы направить весь национальный потенциал на цели, поставленные абсолютистским лидером» [3, с. 317]. Результаты политики фашизма в Европе известны и ужасны. Расизм, антисемитизм, крайний национализм, идеология «чистой» нации и жизненного пространства, крови и почвы остаются фундаментом, на котором правые партии пытаются построить свое видение мира. «В Европе правые партии — это термин, используемый для описания групп, которые известны своей оппозицией иммиграции (особенно из исламского мира) и евроскептицизму» [6, с.18].

Идеологические элементы фашизма и крайнего национализма и сегодня заметны в программах отдельных партий, преимущественно в меньшей интенсивности, но с характеристиками, проявляющимися и зависящими от конкретного политического субъекта (политического или социального сообщества). «Понимание, опирающееся на культ «крови и почвы», настаивающее на общем языке и происхождении, и уникальной традиции и культуре «сообщества с единой судьбой.», отдаст предпочтение чисто этническим концепциям нации и национализма» [4, с. 273]. Упор на крайний национализм, помимо замыкания политического или социального сообщества в однородную группу единомышленников, приводит к аналогичному явлению и возникновению экстремизма в соседних политических или социальных сообществах, с которыми они взаимодействуют. «Огромная сила и манипулятивная ценность национализма заключается в том, что он

является наиболее эффективным средством и способом субституции реально существующих внутренних социальных (классовых) напряжений и конфликтов путем выдвигания на первый план противоречивых интересов во внешнем плане — среди национальных государств, угрожающих друг другу в достижении «исторического закона» [7, с. 719]. С распадом Югославии в 1990-е годы начинается экспансия крайнего национализма, который затрагивает все народы и нации и приводит к гражданской войне за раздел наследия некогда общего государства. Внутренние конфликты в государстве, снижение экономической и деловой активности, сопровождавшиеся внезапной сменой идеологических и рыночных ценностей, привели к резкому росту радикального национализма во всех существовавших республиках Югославии. Политика насилия, проводившаяся во имя соборной нации, исторического права и доминирования, привела к вооруженным конфликтам между крайними националистами и «другими» крайними националистами. Это привело к огромному количеству жертв, материальным разрушениям и массовым миграциям, а также к созданию 6 государств и нескольких «разных» языков на почве бывшего общего государства Югославии. «Настаивать на такой культурно-этнической однородности, которая приводит к исключительному и совершенно закрытому характеру сообщества... следствием этого является то, что отношения друг-враг внедряются на внутреннем и внешнем уровне как базовые отношения, на основе которых оцениваются другие культуры, народы, национальные или этнические группы, социальные или политические субъекты и даже отдельные личности и их ценности и политические ориентации» [5, с. 1389].

Формально признанный плюралистический демократический путь является альтернативой национализму в смягчении внутренних конфликтов и социальной напряженности в обществе и политическом сообществе. «Плюрализм означает существование и взаимную конкуренцию нескольких политических партий (многопартийность) или существование нескольких различных центров политики и политического влияния, ограничивающих друг друга и препятствующих абсолютизму любого политического субъекта, включая государство» [2, с. 819]. Идея плюрализма (множественность) противопоставляется тоталитаризму (один), поскольку представляет собой мнение о том, что человек имеет разные потребности и интересы, которые он пытается удовлетворить внутри разных социальных и политических групп, в то время как тоталитаризм подчеркивает верховенство государства во всех сферах общественной

жизни. «Традиционно политические партии рассматриваются как органы, реализующие связь между гражданами и государством, то есть посредством которых воля народа артикулируется внутри политических институтов» [2, с. 1069]. «В отличие от традиционных партий, они не принадлежат к международным организациям похожих партий и не используют эти термины для описания себя. Правая политика считает определенный социальный порядок и иерархию неизбежными, естественными и желательными». Иерархия и неравенство рассматриваются как естественный результат традиционных социальных различий или конкуренции в рыночной экономике, с особенностями национальных историй.

Выборы в Европейский Паламент. «Европейский Союз можно охарактеризовать как международную организацию с повышенной передачей полномочий от национальных государств или как систему регулирования с элементами государственности, особенно в сфере экономики, а не как международный режим» [2, с. 1068]. Единственными прямыми выборами являются выборы членов органов Европейского парламента, которые избираются непосредственно гражданами Европейского Союза и как таковые представляют «волю народа». «Когда-то Европарламент был маргинален, но сегодня он имеет гораздо большее значение в законодательном процессе, чем в период своего основания. Полномочия парламента можно разделить на 3 группы: 1) право участвовать в принятии органами Союза актов; 2) право осуществлять политический контроль; 3) участие Парламента в процессе принятия решения о бюджете» [9, с. 145]. Выборы в Европарламент в 2024 году были определены составом 720 членов этого органа из 27 стран-членов ЕС, из которых происходят кандидаты на этот пост. Сравнивая результаты выборов в Европейский парламент двух последних созывов, мы получаем более четкое представление об идеологических движениях и политических потрясениях внутри 27 стран-членов ЕС.

Результаты этих выборов являются индикатором идеологических сдвигов, которые мы можем измерить во временных рамках и которые показывают нам волю людей и стран, являющихся членами Европейского Союза, с 360 миллионами жителей, имеющими право голоса. Явка избирателей в 2024 году (51,1%) аналогична 2019 году (50,66 %), а правые партии добились отличных результатов, особенно во Франции и Германии, которые представляют собой основу Евросоюза (экономически, демографически, в военном и политическом отношении). Как и ожидалось, проевропейские партии

по-прежнему доминируют в парламенте, но сдвиг Евросоюза вправо заметен. Особую озабоченность вызывает рост крайне правых партий из-за их радикальных взглядов на решение проблем, стоящих перед Европейским союзом. Крайне правые получили наибольшее количество голосов во Франции 31,5% (Национальное объединение) и Австрии 27% (Австрийская партия свободы), в то время как умеренные правые победили в Италии, Испании, Словакии... Результаты показывают, что произошел большой сдвиг в сторону правого спектра (большее количество правых депутатов в Европарламенте), что приводит к усилению оппозиции, которая решительно выступает против «зеленой» (климатической) идеи и миграционной политики ЕС.

С инаугурацией следующего президента США Дональда Трампа республиканская ориентация будет иметь далеко идущие последствия для будущих движений Европы и правых партий, организаций и политических систем ЕС. Будучи идеологическим союзником европейских правых, политика, которую он будет проводить на внутреннем (США) и внешнем уровне, сформирует характер следующего поколения правых партий и организаций в Европе. И если прогнозировать направление политических действий бывшего и будущего президента США Дональда Трампа пока рано, то имеются намеки, основанные на озвученных кадровых решениях и заявлениях кандидата в президенты в предвыборной кампании. Следует ожидать, что в следующем мандате Дональд Трамп займет более жесткую позицию по ключевым вызовам в США, но и на глобальном, то есть международном уровне. Истеблишменту Трампа остается не только изложить нам свой взгляд на политику «Америка превыше всего», но и ответить на обвинения своих оппонентов из Демократической партии в отношении плана «Проект 2025» (Фонд «Наследие»; англ. Heritage Foundation). Первоначально Трамп отверг эти обвинения, но в ходе предвыборной кампании заявил, что некоторые вещи хороши, некоторые не так хороши, оставив место для спекуляций. В документе поставлены 4 основные политические цели: восстановить семью как центральную часть американской жизни; ликвидировать административное государство; защитить суверенитет и границы страны; и обеспечить «дарованные Богом права личности на свободную жизнь». Эти цели являются основой правого взгляда на мир, но проблема заключается в том, как осуществляется эта политика, а также в степени радикализации методов, которые могут быть использованы для ее потенциального установления. Критерии определения политики, которая будет проводиться, идентичны

диапазону, охватывающему правый спектр идеологических взглядов, от консерватизма до радикального (крайнего) национализма.

Исходя из приведенных заявлений в сфере внешней политики, которую будет реализовывать следующий президент США, ожидается усиление конфронтации с Китайской Народной Республикой, абсолютная поддержка Израиля в возможной конфронтации с Ираном, поиск дипломатических решений для российско-украинского конфликта, давление на Европу, особенно из-за ее недостаточного участия в пакте НАТО. Фокус внешней политики США смещается из Атлантического региона в Тихоокеанский регион, где будет решаться, смогут ли США остановить Китай на пути к сильнейшей экономике мира и глобальному доминированию. Этот конфликт определит мирового гегемона в 21 веке, а также и будущие потоки в международном порядке.

Европа сталкивается с политическими проблемами, связанными с тем, как реагировать на существующие и будущие угрозы, чтобы сохранить свое место в мировом порядке. Судьба, ожидающая Европу, во многом будет зависеть от идеологических и ценностных ориентаций и суждений, которыми она будет руководствоваться при решении стоящих перед ней задач. Европейский демократический плюрализм является способом преодоления внутренних и внешних конфликтов, а правые партии являются неотъемлемой частью диалога, который может их амортизировать. В конечном итоге можно сделать вывод, что правые партии являются тем ключом, который открывает или закрывает процветание Европы. Политические отношения и диалог между левыми и правыми должны найти путь к общим целям, иначе это может привести к общему внутреннему и внешнему конфликту, который может вернуть Европу в темные века, как показала нам история.

Список литературы

1. Мировић А. Политичка ревија / уредник: Живојин Ђурић. Београд 2002.
2. Матић П. Политичка ревија / уредник: Живојин Ђурић. Београд, 2002.
3. Енциклопедија политичке културе / уредник проф. др. Милан Матић. Београд: Савремена администрација; 1993.
4. Дивјак С. Проблем идентитета: културно, етничко и национално и индивидуално // Службени гласник. Београд, 2006.
5. Мировић А. Политичка ревија / уредник: Живојин Ђурић. Београд, 2002.

6. Sharpe M. The long game of European New Right. DaekinUniversity, 2020.
7. Пашић Н. Енциклопедија политичке културе / уредник: Милан Матић. Београд: Савремена администрација, 1993.
8. Равлић С. Свијетови и идеологије: Увод у политичке идеологије. Политичка култура. Загреб, 2013.
9. Вукчевић Фемић Д. Српска политичка мисао / уредник Живојин Ђурић. Београд, 1994:

ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В МАТЕРИАЛАХ КУРСА «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

Широкова М. А.

*Доктор философских наук
Алтайский государственный университет,
профессор кафедры философии и политологии
E-mail: mshirokova1@rambler.ru*

***Аннотация.** Дан обзор различных методологических подходов и теорий, интегрированных в содержании учебного курса "Основы российской государственности" и применяемых современными социогуманитарными науками для анализа общественного развития, его направленности и закономерностей. Новая учебная дисциплина введена во всех российских университетах с 1 сентября 2023 года. Среди упомянутых концепций, по-разному интерпретирующих социальную динамику, выделяются, с одной стороны, линейно-стадиальные подходы, включающие, прежде всего, марксистский формационный подход и теорию модернизации. С другой стороны, говорится о цивилизационных подходах и авторских цивилизационных теориях, в которых понятие «цивилизация» используется как в универсальном аспекте, так и в аспекте уникальности. В материалах курса 2024 года добавлены современные версии цивилизационного подхода. Отдельно рассматривается национальный (конструктивистский) подход.*

***Ключевые слова:** цивилизация, культура, российское государство, образование, цивилизационный подход, общественное развитие, идентичность.*

THEORIES OF SOCIAL DEVELOPMENT IN THE MATERIALS OF THE COURSE "FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD"

Shirokova M.A.

The Altay State University / Professor

E-mail: mshirokova1@rambler.ru

Abstract. *An overview of various methodological approaches and theories integrated into the content of the course "Fundamentals of Russian Statehood" and applied by modern social and humanitarian sciences to analyze social development, its direction and patterns is given. The new academic discipline was introduced in all Russian universities on September 1, 2023. Among the mentioned concepts, which interpret social dynamics in different ways, linear-stage approaches stand out, on the one hand, including, first of all, the Marxist formational approach and the theory of modernization. On the other hand, civilizational approaches and authorial civilizational theories are discussed, in which the concept of "civilization" is used both in the universal aspect and in the aspect of uniqueness. Modern versions of the civilizational approach have been added to the 2024 course materials. The national (constructivist) approach is considered separately.*

Keywords: *civilization, culture, Russian state, education, civilizational approach, social development, identity.*

Модуль «Основы российской государственности» запущен во всех университетах нашей страны с 1 сентября 2023-2024 учебного года. Нынешний год, таким образом, является вторым в процессе апробации данной учебной дисциплины. Могут быть сделаны некоторые выводы и обобщения относительно структуры и содержания курса, его педагогического потенциала в достижении заявленных цели и задач. Особый интерес вызывают, с нашей точки зрения, методологические подходы и принципы, используемые в концепции модуля «Основы российской государственности» для интерпретации процессов общественного развития, а также для обоснования культурно-цивилизационной и социально-политической специфики России. В предыдущей статье мы уже обращались к вопросу о роли цивилизационного фактора в содержании рассматриваемого учебного курса [1] на основе учебных пособий, разработанных участниками проекта «ДНК России» для студентов естественнонаучных и инженерно-технических специальностей (руководитель авторского

коллектива А.А. Ларионов) [2] и для студентов, изучающих социогуманитарные науки – под редакцией С.В. Переверзенцева [3]. Осенью 2024 г. в рамках того же проекта вышел новый учебник (авторы – А.Д. Харичев, А.В. Полосин, А.В. Селезнева) [4], аккумулирующий опыт первого года преподавания образовательного модуля. Далее остановимся на особенностях трактовки теорий социальной динамики в материалах нового учебного пособия.

Прежде всего, авторы говорят о различных версиях универсалистского понимания истории, в качестве которых выделяют цикличность, прогресс и стадиальность. Циклическая картина истории господствовала в культурах многих народов Древнего мира и Средневековья, вплоть до эпохи Возрождения. Такое видение общественно-исторического процесса представляло собой «естественную проекцию бытовых или религиозных взглядов» [4, с. 137], порождающую органицизм как уподобление развития социальных явлений, отношений, институтов развитию организма человека или животного. Человечество, как и отдельный индивид, проходит этапы зарождения, расцвета и упадка. Но, в отличие от жизни отдельного человека, в развитии человечества эти этапы постоянно повторяются, выстраиваясь в череду циклов. Следует добавить, на наш взгляд, что упомянутые циклы в мировоззрении большинства древних народов мыслились как регрессивные, а идея восходящего развития, даже в качестве начального этапа каждого конкретного цикла, прослеживалась далеко не всегда. Авторы пособия отмечают данную закономерность далее, когда речь заходит о прогрессистских взглядах, чрезвычайно редко встречавшихся до начала Нового времени: «Подавляющее большинство как религиозных, так и философских учений древности базировалось на представлении о регрессе, деградации, а не на прогрессивном развитии человека и общества» [4, с. 139]. Подтверждая процитированный вывод, можно сослаться на древнеиндийский миф о «четырёх веках», на античные мифы о «золотом веке» и многие другие примеры. Таким образом, идея прогресса проявилась и тем более получила широкое распространение в общественном сознании гораздо позже идеи регресса. Отсюда – устойчивое представление о том, что «в старину было лучше», характерное как для обыденного, так и для философско-теоретического уровней мировоззрения, а впоследствии, с появлением политических идеологий, повлиявшее на формирование ценностей и установок консерватизма.

Прогрессистское видение истории, как пишут разработчики курса «Основы российской государственности», стало доминирующим в

науке Нового времени, XVIII–XIX вв., но во многом остается актуальным и по сей день. Подобным взглядам «свойствен своеобразный оптимизм, опирающийся на веру в мощь человеческого разума и способность людей линейно совершенствоваться как технологии, так и создаваемый ими морально-этический, социальный порядок» [4, с. 139]. Действительно, прогресс постепенно превращается в своего рода «религию развития», для которой «гипотеза о существовании Бога» отодвигается на периферию структур сознания, а затем и вовсе перестает быть необходимой, приводя многих мыслителей к последовательному атеизму и материализму. В политической мысли следствием прогрессистской картины мира становятся либеральные и социалистические доктрины. При этом социальная жизнь оказывается встроенной в развитие природы и подчиненной тем же закономерностям, представляющим собой неуклонные поступательные изменения от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному, на что указывает, в частности, Бертран Рассел в «Истории западной философии» [5].

Наряду с теорией всеобщего социального прогресса, авторы материалов образовательного модуля выделяют многочисленные стадийные подходы к развитию общества, среди которых названы следующие: триада «дикость – варварство – цивилизация» (А. Фергюсон и другие); философия истории Гегеля; позитивизм О. Конта; технологический детерминизм Р. Арона; наконец, концепция постиндустриального общества Д. Белла. Все версии линейно-стадийного представления об истории, в особенности последняя, подвергаются критике, прежде всего, за игнорирование многообразия путей развития различных обществ. Необходимо отметить, что количество включенных в содержание курса стадийных концепций значительно возросло по сравнению с учебными пособиями 2023 г., где цивилизационным теориям, главным образом, противопоставлялась общая теория модернизации. Вариативность является безусловным «плюсом» с точки зрения методики преподавания курса «Основы российской государственности», но добавим, что хотелось бы видеть более четкую демаркацию универсалистского прогрессизма как такового и авторских линейно-стадийных построений, которым также присуща идея общественного прогресса.

Особое внимание, как и прежде, уделено марксистскому формационному подходу. Его ключевые проблемы, терминология, выделенные им закономерности социального развития освещены достаточно подробно, подчеркивается его сохраняющаяся востребованность в современном обществе. Кроме того, дается

характеристика исторической роли России с точки зрения формационного подхода, а также прослеживается влияние идей марксизма на активизацию политической борьбы в XX веке.

В качестве новации учебника 2024 года можно рассматривать добавление национального (конструктивистского) подхода, базовым понятием которого выступает понятие «нация». Проанализированы различные значения и употребление данного термина в контексте идей примордиализма, «романтического национализма», шовинизма, культурно-исторической концепции «духа народа», представлений о «гражданской нации», сложившихся в период Великой французской революции. Среди современных конструктивистских теорий выделена модель «воображаемых сообществ» Б. Андерсона, идея нации как порождения национализма Э. Геллнера и ряд других. В целом, вывод о наличии двух типов национальных ориентаций: культурной (этнической) и гражданской (политической) нации, – получает в новом учебном пособии дополнительное обоснование.

Упомянуты и отечественные авторы, осмысливавшие концепты «нация» и «национализм» применительно к России, рассматривается переход российского национализма XIX столетия от либерального к консервативно-монархическому политическому дискурсу. Разработчики учебного курса логически подводят читателя к мысли о том, что Россию (а также, например, Китай или Индию) не стоит воспринимать только как национальное государство или даже «государство-нацию»: «Возможно, для стран с глобальной исторической миссией или особым вкладом в мировую культуру подходит принципиально иное решение, как минимум дополняющее наиболее распространенную в современной науке методологию национализма» [4, с. 158]. Далее в качестве такого решения предлагается цивилизационный подход к развитию общества.

Как и в ранее вышедших пособиях, говорится об универсальном аспекте понятия «цивилизация», применяемом с эпохи Просвещения в рамках линейно-стадиальных теорий, а затем – об аспекте уникальности, в соответствии с которым понятие «цивилизация» употребляется во множественном числе, ведь становится ясно, что «в истории человечества существовал не один единственный стандарт организации общества, а множество самостоятельных и самобытных миров» [4, с. 160]. Классические цивилизационные теории представлены взглядами Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера и А. Тойнби. Из российских мыслителей добавлены также В.И. Ламанский и Н.С. Трубецкой. Приведены и замечания П.А. Сорокина относительно многообразия культурно-исторических типов,

хотя отмечено, что социолог дистанцировался от основных положений собственно цивилизационного подхода.

Из современных цивилизационных (или близких к ним) построений упомянуты теория «множественных модерностей» Ш. Эйзенштадта, теория «культурной эволюции» Р. Инглхарта, концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, оригинальные концепции российских философов А.С. Панарина и А.С. Ахиезера и др. Методически верным приемом, на наш взгляд, является анализ разнообразных версий цивилизационного подхода как альтернативных и дополняющих по отношению к линейно-стадиальным траекториям общественных изменений. Однако в новом учебнике практически за рамками исследовательского интереса остаются мир-системные теории, дающие весьма ценный материал для понимания функционирования и динамики современного мирового сообщества.

В завершение обзора цивилизационных теорий формулируются базовые тезисы, в соответствии с которыми для цивилизационного подхода характерен поиск «золотой середины» между универсализмом и конструктивизмом, между «представлением о существовании локальных ценностных оснований, без которых невозможно говорить о многообразии как характеристике существования общества как такового» и «наличием общих технологических и экономических трендов, которые заставляют различные общества схожим образом отвечать на возникающие перед ними вызовы» [4, с. 191-192]. Если же подытожить значение понятия «цивилизация» в общественных науках, то его ценность состоит в возможности предложить как отдельному человеку, так и социальной общности новую модель идентичности, обладающую особенностями и преимуществами на фоне уже имеющихся. Таким образом, мы можем зафиксировать дальнейшую концептуализацию принципов цивилизационного подхода и в методическом, и в научно-теоретическом плане.

Список литературы

1. Широкова М.А. Цивилизационный фактор в содержании курса «Основы российской государственности» // Политическое пространство и социальное время: цивилизационные модели формирования многополярного мира. Сборник научных трудов XLIII Международного Харакского форума 6-8 мая 2024 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сеньюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сеньюшкин] Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2024. С. 323–329.

2. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов естественнонаучных и инженерно-технических специальностей / Авт. колл.: А.П. Шевырёв, В.В. Лапин, С.В. Рогачёв, А.В. Титорский, П.Ю. Уваров, А.А. Ларионов (иеромонах Родион), В.С. Бремин, Н.Ю. Пивоваров, О.А. Ефремов, Е.А. Маковецкий, Е.А. Овчинникова, Д.А. Андреев, В.В. Булатов, О.А. Чагадаева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 252 с.
3. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т.В. Евгеньева, И.И. Кузнецов, С.В. Перевезенцев, А.В. Селезнева, О.Е. Сорокопудова, А.Б. Страхов, А.Р. Боронин / Под ред. С.В. Перевезенцева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 550 с.
4. Основы российской государственности: учебное пособие / А.Д. Харичев, А.В. Полосин, А.В. Селезнева. Москва: РАНХиГС, 2024. 448 с.
5. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. 992 с.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ «ЦЕРКВИ ПОСЛЕДНЕГО ЗАВЕТА» И ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ К ЭТОМУ НАСЛЕДИЮ

Шишкина В. Г.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
студент*

E-mail: oreshik.shish145@gmail.com

Научный руководитель: Горин А. А.

*Кандидат исторических наук,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
доцент кафедры религиоведения*

E-mail: anton-gorin-2009@mail.ru

***Аннотация.** В данном исследовании мы постарались выделить религиозные ценности нового религиозного движения «Церкви Последнего Завета» или «Церкви Виссариона». Данное движение было зарегистрировано в министерстве юстиции в 1994 году, в 2023 году суд принял решение о ликвидации религиозной организации, но*

несмотря на это решение, последователи продолжают жить и верить в миссию Виссариона. За 30 лет деятельности виссарионовцев у последователей родилось не одно новое поколение. Внутри бывшей организации велась, и ведётся активная работа с молодёжью, прививаются те ценности, которые были заложены ещё в первые годы миссионерства Виссариона. Но нас как исследователей интересует вопрос о том, как молодые адепты относятся к тому наследию, которое они получили? Как они сживаются с ним в современном обществе? Разделяют ли они это наследие со своими предками? Это нам предстоит узнать в ходе исследования.

Ключевые слова: религиозные ценности, ценности, «Церковь Последнего завета», новое религиозное движение.

**THE RELIGIOUS VALUES OF THE NEW RELIGIOUS
MOVEMENT OF THE "CHURCH OF THE LAST TESTAMENT"
AND THE ATTITUDE OF YOUNG FOLLOWERS TO THIS
HERITAGE**

Shishkina V. G.

*Kazan (Volga Region) Federal University,
student*

E-mail: oreshik.shish145@gmail.com

Scientific supervisor: Gorin A. A.

Candidate of Historical Sciences,

Kazan (Volga Region) Federal University,

Associate Professor of the Department of Religious Studies

E-mail: anton-gorin-2009@mail.ru

Abstract. *In this article, we have tried to highlight the religious values of the new religious movement "The Church of the Last Testament" or "The Church of Vissarion". The named movement was registered with the Ministry of Justice in 1994, in 2023 the court decided to liquidate the religious organization, but despite this decision, the followers continue to live and believe in the mission of Vissarion. During the 30 years of Vissarionists' activity, more than one new generation was born among the followers. Active work with young people was carried out within the former organization, and the values that were laid down in the early years of Vissarion's missionary work are being instilled. But as researchers, we are interested in.*

Keywords: religious values, values, "Church of the Last Testament", new religious movement.

Прежде чем перейти к основному предмету нашего исследования, необходимо дать определение понятию «религиозные ценности». Одна из работ Камбаров А. А. называется «Религиозные ценности – прочная основа формирования гармоничной личности» [1, с. 78]. Исходя из самого названия статьи, мы можем сказать, что ценности, закладываемые внутри религиозной организации, являются фундаментальными основами для взращивания новых поколений. Религиозные ценности формируются на основе Священного Писания той, или иной религии. В нашем случае мы занимаемся исследованием нового религиозного движения «Церкви Последнего завета», которая наряду с мировыми религиями, пишет свой вероучительный текст, названный «Последний завет».

«Церковь Последнего завета» - псевдохристианская и деструктивная секта, находящаяся с 1993 по 2022 годы под руководством Виссариона (Торопа Сергея). Данная организация объявила о втором пришествии Иисуса Христа (Виссариона) и образовалась в Минусинском районе Красноярского края. Данная организация просуществовала в России более 30 лет, за это время было написано 18 книг «Последнего завета» - ряд вероучительных книг, под авторством Виссариона и Вадима Редькина (одного из последователей, приближённых к Торопу). В этих книгах изложена догматика организации, жизнеописание Виссариона и ответы на часто задаваемые вопросы.

Выше мы отметили, что религиозные ценности лежат в основе любого писания, вероучения. В случае с «Церковью Последнего завета» религиозные ценности сформированы на основании «Последнего завета» и Библии. Исходя из анализа текстов книг «Последнего завета» заметны интерпретации библейских текстов, подстроенных под идеологию «Церкви Последнего завета».

За 30 лет деятельности виссарионовцев у последователей родилось не одно новое поколение. Внутри бывшей организации велась, и ведётся активная работа с молодёжью, прививаются те самые ценности, которые были заложены ещё в первые годы миссионерства Виссариона на основе собственной интерпретации Священного Писания христианской Церкви, частью которой считает себя «Церковь Виссариона».

Первая книга «Последнего завета» - «Книга обращений», знакомит читателя с главными основами вероучения и именно здесь

прописаны основные ценности, которые прививаются молодым adeptам. «1:15-16. Что касается духовной глубины, то любой из вас имеет возможность в чистых помыслах и деяниях своих достичь гораздо больших глубин, чем любое лицо, занимающее наивысшие ступени в духовенстве. Бог чтит благие качества души, а не место, занимаемое плотью в обществе» [2, с. 311]. Выделенный отрывок подводит читателя к мысли о важности иметь чистые сердце и душу, чтобы в них посеялось доброе, что в свою очередь является началом для усвоения ценностей своей религии. На самом деле, общаясь с последователями, мы отметили для себя, что молодые люди, родившиеся уже в семье «воссарионовцев», воспитывались в этом учении, это можно было заметить по манере общения, по способу выстраивания диалога и, по использованным словам, и речевым конструкциям. Так одна из последовательниц общалась с нами довольно доброжелательно, о своей вере ей было сложно говорить, так как для неё: «...тема моего вероисповедания стала для меня очень интимной и сокровенной», поэтому в первый год нашего общения, было сложно выстраивать диалог и получать материал для исследования.

Дальше по книге отмечаются общепризнанные в ряде религиозных организаций ценности. Так отмечается почитание Единого Бога, но важно отметить, что у «Церкви Воссариона» имеется учение о четверице, в отличие от признанной христианской Троицы, но сейчас мы не будем углубляться в догматику, наша цель – изучить религиозные ценности воссарионовцев. Также важной ценностью является почитание и возвеличивание личности Бога Сына. В христианстве это Иисус Христос, в учении «Церкви Последнего завета» это также Иисус Христос, но в лице Воссариона. Последователи ревностно относятся к личности Воссариона. Воссарион глубоко почитаем всеми его учениками, ему поклоняются как одному из ипостасей Бога.

В среде воссарионовцев семья является не только традиционной ценностью, но и религиозной, так как Бог присутствует внутри института. Построение крепкой семьи для последователей Воссариона, как и для христиан, является важным аспектом жизни. Но важно отметить, что построение семьи у adeptов «Церкви Последнего завета» имеет особенные условия и процесс. Так в первые годы формирования учения и устройства «города Солнца», в общине была распространена практика «Треугольников». «Треугольники» подразумевали трёхсторонние отношения, в них входили две женщины и один мужчина. Выстраивался общий быт, и между женщинами устраивались

так называемые «состязания». Победившая сторона оставалась со своим мужем, проигравшая оставляла эту семью, посвящала свою жизнь служению Богу и могла вступить в другое «состязание». Мы видим, что понимание семьи и её построения, отличается от христианской традиции, но наряду с этим семья для виссарионовцев – крайне важная составляющая. Обсуждая этот вопрос с респондентом, мы выяснили, что данная практика отжила своё время, и сейчас это не так распространено.

Дадим ответы на поставленные вначале работы вопросы. Пообщавшись с молодыми последователями «Церкви Последнего завета», мы сформулировали следующие положения: религиозные ценности, заложенные в воспитание детей последователей, укоренились и уже новое поколение продолжает транслировать их во вне, в среде своего пребывания. Адепты Виссариона возвращаются на «рынок религий», продолжают миссионерскую деятельность. Проповедниками зачастую становятся молодые люди, которые родились в конце 90-х годов. Виссариониты преследуют цель привить свои ценности окружающему их обществу, они довольно закрыты, но при этом открыто говорят о том, что для них близко. Они живут по закону и согласно ценностям, к которым были приучены с детства. В современном обществе, не смотря на ослабленную позицию «Церкви Последнего завета», последователи не отрекаются от своей веры, и не впадают в краску, когда слышат в свой адрес оскорбления и недовольство мирян. Таким образом, мы можем заметить, что религиозные ценности, переданные молодым адептам, имеют прочное основание и преемственность. Ещё не одно поколение последователей «Церкви Последнего завета» останутся верными своей традиции. Несмотря на отсутствие духовного лидера (Виссариона), община продолжает жить и изучать своё священное писание.

Список литературы

1. Камбаров А. А. Религиозные ценности – прочная основа в формировании гармоничной личности // Педагогика. Психология. Философия. 2022. № 3(27). С. 78-84.
2. Книга обращений // Последний завет. С. 311-378.
3. Виссарион. Последний завет // Сборник книг Последнего завета.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. - М.: Российское Библейское общество, 2021. – 292с.

МПА СНГ КАК ИНСТРУМЕНТ РОССИЙСКОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Ярмошевич А.А.

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, студент*
E-mail: yaa231003@gmail.com

Научный руководитель: Нурышев Г.Н.,

*Доктор политических наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, профессор*
E-mail: g.nuryshv@yandex.ru

***Аннотация.** Целью статьи является определение роли парламентской дипломатии Российской Федерации на постсоветском пространстве. В статье рассматривается МПА СНГ как ключевой инструмент российской парламентской дипломатии. Выделены основные направления деятельности российских парламентариев в рамках МПА СНГ. Проанализирована концепция внешней политики России и выделен концепт её парламентской дипломатии. Делается вывод, что в условиях беспрецедентного санкционного давления коллективного Запада на Российскую Федерацию, Федеральное Собрание обладает большим потенциалом для недопущения международной изоляции нашей страны, в частности, на постсоюзной территории.*

***Ключевые слова:** парламентская дипломатия, Федеральное Собрание Российской Федерации, Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ, постсоветское пространство, Совет Федерации, Государственная Дума.*

IPA CIS AS AN INSTRUMENT OF RUSSIAN PARLIAMENTARY DIPLOMACY

Yarmoshevich A.A

Saint-Petersburg State Economic University, Student
E-mail: yaa231003@gmail.com

Scientific supervisor: Nuryshv G.N.

*Doctor of Political Sciences, St. Petersburg State University of
Economics, Professor*

Abstract. *The purpose of the article is to determine the role of parliamentary diplomacy of the Russian Federation in the post-Soviet space. The article examines the IPA CIS as a key instrument of Russian parliamentary diplomacy. The main areas of activity of Russian parliamentarians within the framework of the IPA CIS are highlighted. The concept of Russia's foreign policy is analyzed and the concept of its parliamentary diplomacy is highlighted. It is concluded that in the context of unprecedented sanctions pressure from the collective West on the Russian Federation, the Federal Assembly has great potential to prevent international isolation of our country, in particular, in the post-Union territory.*

Keywords: *Parliamentary diplomacy, The Federal Assembly of the Russian Federation, The Interparliamentary Assembly of the CIS member States, The post—Soviet space, The Federation Council, The State Duma.*

Термин «парламентская дипломатия» был впервые употреблен Д. Раском в 1955 году. Однако в международных отношениях парламентская дипломатия как феномен в современной научной мысли и дипломатической практике пока не нашел должного отражения. Поэтому мы делаем попытку восполнить это упущение.

В российском мейнстриме наиболее точно смысл парламентской дипломатии выделил заместитель Председателя Совета Федерации Константин Косачёв. Он определил парламентскую дипломатию как «совокупность международных действий парламента, групп в его составе и отдельных парламентариев с целью законодательного обеспечения внешнеполитического курса» [3]. В этой связи справедливыми будут выводы о том, что парламентская дипломатия в России может реализовываться на личностном и групповом уровнях, или же в форме единого решения всего парламента по любому международному вопросу, проблеме. Таким образом, современный российский парламента обладает характеристиками актора внешнеполитического процесса: участие в реализации национальных интересов и влияние на внешнеполитический курс государства.

Федеральное Собрание – двухпалатный представительный орган: Государственная Дума и Совет Федерации. Его ключевые внешнеполитические компетенции отражены в главном нормативно-правовом акте страны — Конституции [1].

В соответствии с Конституцией к внешнеполитическому функционалу Федерального Собрания относятся следующие положения:

☞ парламент может внести в повестку дня вопросы денонсации международных договоров как самостоятельно, так и через субъекты российского законодательства;

☞ парламентарии принимают федеральный бюджет России, куда заложены расходы на международную деятельность;

☞ в случаях необходимости отстаивания национальных интересов в жесткой форме или защите России от агрессии, Федеральное Собрание обладает правом дать разрешение на использование армии России за рубежом [1].

В ходе исследования мы проанализировали внешнеполитические концепции 2016 и 2023 гг. – документы стратегического планирования России. Критерием анализа выступило отражение феномена парламентской дипломатии в этих нормативно-правовых актах. В документах предпринята попытка осмысления роли парламента во внешнеполитическом процессе российского государства. Отмечается преемственный характер концепций. Это касается, в частности, и парламентской дипломатии. В обеих редакциях написано: «Совет Федерации и Государственная Дума России в рамках своих полномочий обеспечивают реализацию внешнеполитического курса и выполнение задач парламентской дипломатии» [8, 9]. Таким образом, вновь подтверждается, что Федеральное Собрание является актором внешнеполитического процесса России и активно отстаивает наши национальные интересы за рубежом.

Внешнюю политику России, как самобытного государства-цивилизации отличает многовекторность и многоаспектность. Так, на момент 2023 г., ключевыми направлениями современного российского внешнеполитического курса на мировой арене являются: «Ближнее зарубежье; Арктика; Евразийский континент, КНР и Республика Индия; Азиатско-тихоокеанский регион; Исламский мир; Африка; Латинская Америка и Карибский бассейн; Европа» [8].

На данный момент безусловным приоритетом для нашего государства является Ближнее зарубежье, развитие конструктивного диалога и взаимовыгодного сотрудничества с государствами данного региона.

Президент России Владимир Путин в своем выступлении в ноябре 2023 г. отметил высокую степень взаимосвязанности стран бывшего Союза [7]. Не менее важные слова о СНГ были сказаны Председателем Совета Федерации Валентиной Матвиенко в октябре 2024 г.: «здесь нет старшего брата, нет никакого поноукания. Здесь все государства равны...», - заявила Спикер верхней

палаты Федерального Собрания [4]. Такой позитивный посыл в российском политическом дискурсе связан со следующими тремя факторами: с общим историческим и культурным прошлым стран СНГ; с географической близостью государств СНГ от территории России; с позиционированием России как государства, которое целиком и полностью опирается на международное право и дипломатию. Отметим также отсутствие «права сильного» в российской внешнеполитической стратегии, в отличие, к примеру, от США.

На постсоветском пространстве МПА СНГ является главной интеграционной площадкой для парламентариев бывших союзных республик, крупнейшей международной парламентской организацией. Организация была создана сразу после распада СССР - в 1992 г. с целью объединения потенциалов парламентов государств-участников. Ключевые направления деятельности Федерального Собрания отражены на сайте МПА СНГ.

Реализация парламентской дипломатии в МПА СНГ происходит в форме парламентской делегации, возглавляемой Валентиной Матвиенко. Парламентарии принимают участие в заседаниях постоянных комиссий МПА, где обсуждается широкий спектр актуальных внешнеполитических вопросов и участвуют представители всех комитетов Совета. Основная задача постоянных комиссий – обсуждение законопроектов с целью их последующего рассмотрения в совете МПА СНГ. В состав МПА СНГ входит 10 постоянных комиссий, 2 из которых возглавляются российскими сенаторами и депутатами: комиссия по вопросам обороны и безопасности; комиссия по науке и образованию [6].

Только за октябрь 2024 г. было проведено 11 заседаний постоянных комиссий, в рамках которых проводилась подготовка новой концепции общего миграционного пространства, рассматривались вопросы межрегионального сотрудничества, безопасности в сфере экономики, стратегии взаимодействия переводчиков Содружества [2].

Еще одной формой участия российских парламентариев в работе МПА СНГ является модельное законотворчество. Модельный закон – законодательный акт, содержащий рекомендации и возможные варианты правовых решений. Таким образом, модельное законотворчество направлено на разработку правовых решений и, впоследствии на гармонизацию и унификацию законодательства в определенных сферах сотрудничества, где лейтмотивом этого процесса выступает парламент.

Так в 2021 г. в сфере экономики и финансов Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам при сотрудничестве с Секретариатом организации разработал план по упрощению системы налогообложения, модельные законы «о цифровых финансовых активах»; «о цифровых правах»; «о цифровом пространстве, его инфраструктуре»; «о государственных закупках» и многие другие. Активное сотрудничество парламента в сфере цифрового развития связано с бурным технологическим ростом в течении последнего времени.

Не меньший интерес для Совета Федерации представляет и военное сотрудничество. В 2024 г. Комитет Совета Федерации по вопросам обороны и безопасности разработал модельный закон «о мобилизационной подготовке и мобилизации», «о навигационном обеспечении» и «о территориальной обороне». Данный вектор особенно актуален для российского государства ввиду нестабильной и непредсказуемой международной политической обстановки, санкционного давления и односторонних угроз.

В дополнение к сказанному отметим, что комитеты верхней палаты Федерального Собрания участвуют в разработке планов и модельных законов в сфере социальной и аграрной политики, права, науки и образования, государственного строительства. В рамках нашего исследования был проведен сбор статистических данных с сайта МПА СНГ по общему количеству принятых модельных законопроектов с участием российских парламентариев и сферы их деятельности. Временная локализация: 2021-2024 гг. Результаты представлены в форме таблицы (см. Таблицу №1).

На основании представленных результатов можно сделать следующие выводы: за период с 2021 по 2024 гг., разработано или находится на стадии разработки 72 модельных законопроекта [5]. Самое большое количество модельных законопроектов было принято в области права – 18, экономики и финансов – 16, аграрной политики и экологии – 14.

Сфера государственного строительства и местного самоуправления, военное сотрудничество – наименее приоритетные направления на сегодняшний день: за 3 года принято всего 5 модельных законов (7% от общего количества). Делая вывод, можно констатировать, что модельное законотворчество – основной вектор деятельности российского парламента в МПА СНГ.

Таблица №1. Количество и сфера принятых модельных законопроектов с участием российских парламентариев в МПА СНГ [5].

Сферы принимаемых модельных законопроектов	Количество/процент
Общее количество модельных законов	72/100%
Экономика и финансы	16/22%
Социальная политика	7/9,7%
Гуманитарная сфера	5/6,9%
Аграрная политика и экология	14/19%
Военное сотрудничество	3/4,2%
Право	18/25%
Наука и образование	7/9,7%
Государственное строительство и местное самоуправление	2/2,8%

Не менее значимый исследовательский интерес, кроме сайта МПА СНГ, представляет журнал «Вестник межпарламентской ассамблеи» [10]. На данный момент доступен выпуск за 2023 г. Изучив журнал, мы выделили еще одну форму деятельности Федерального Собрания на полях МПА СНГ – международные конгрессы и круглые столы. В мае 2023 г., по инициативе Совета Федерации был проведен X Невский международный экологический конгресс, в ходе которого обсуждались проблемы экологического туризма, сохранения леса, повышения экологической грамотности и культуры, предотвращения пожаров, экологического мониторинга. Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко представила основные российские природоохранные проекты: «Эколята», «Молодые защитники природы» [10]. Как видим, государственная экологическая политика представляет значительный интерес для Совета Федерации и является одним из главных направлений в структуре парламентской дипломатии России.

Подводя итоги, можно отметить высокую роль парламентской дипломатии России и МПА СНГ на постсоветском пространстве. На данном направлении российская парламентская дипломатия отличается своей многоаспектностью и транспарентностью. Депутаты и Сенаторы Федерального Собрания принимают активное участие в разработке модельных законопроектов в ключевых сферах общественной жизни.

Особый акцент сделан на медийном продвижении парламентской дипломатии России на площадке МПА СНГ. Сайт организации и её журнал представляет читателям большой объем актуальной и действительно интересной информации.

Таким образом, можно утверждать, что, благодаря деятельности российского парламента в рамках МПА СНГ у зарубежной аудитории, в первую очередь граждан бывших союзных республик, формируется позитивный внешнеполитический имидж Российской Федерации. Несомненно, в условиях жесточайшего санкционного давления стран коллективного Запада деятельность российских парламентариев не позволяет окончательно изолировать и «выдавить» нашу страну из системы современных международных отношений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: в новейшей действующей редакции, 2022. – М.: Эксмо, 2022. – 96 с.
2. Комиссии МПА СНГ. Новости / Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2024. URL: https://iacis.ru/novosti/postoyannye_komissii/10 (дата обращения 10.11.2024).
3. Косачев К.И. Парламентская дипломатия в многополярном мире // Диалог: политика, право, экономика. – 2017. № 1(4). С. 26 – 31.
4. Матвиенко: в СНГ нет старшего брата, понукания и диктата // Смотрим. – 2024. URL: <https://smotrim.ru/article/4182381> (дата обращения 07.11.2024).
5. Перспективный план модельного законотворчества. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2024. URL: https://iacis.ru/deyatelnost/modelnoe_zakonotvorchestvo/ppmz_v_sng_na_20232025_gg (дата обращения 10.11.2024).
6. Постоянные комиссии Межпарламентской Ассамблеи / Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2024. URL:
7. Путин: РФ всегда будет уделять внимание общей культуре на постсоветском пространстве / ТАСС. – 2023. URL: <https://tass.ru/kultura/19315827> (дата обращения 07.11.2024).
8. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации / Президент России. – 2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения 07.11.2024).

9. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016., № 640 об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации / Президент России. – 2016. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения 07.11.2024)
10. https://iacis.ru/ob_organizacii/struktura_mpa_sng/postoyannie_komissii_mpa_sng (дата обращения 10.11.2024).
11. X Невский международный экологический конгресс // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. – 2023. № 2 (№ 102). С. 3 – 15.

СОДЕРЖАНИЕ

Аблеев С.С. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ОСВЕЩЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В ВЕДУЩИХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ.....	4
Арап С.Л. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ ТЕОРИИ – К ПРАКТИКЕ	10
Асейкина А. К. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ БАЗОВЫХ ФЕНОМЕНОВ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	15
Афонина А. А. «ГИБРИДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» В ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАПАДНЫЙ ПОДХОДЫ	21
Баранецкий А.Н. ПРОГНОЗ О СИНТЕЗЕ ВСЕХ ВИДОВ СОЦИАЛЬНОГО ЗЛА: ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРЕТЕНЗИИ СОЗДАТЕЛЕЙ «ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА», ПСИХОДЕЛИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ОТЧУЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ ОТ ПРЕДКОВ (РИМЕЙК ДОРЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ ПАЛЕОЛИТА КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОДЕЛИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ).....	29
Баранов А.В. ВОСПРИЯТИЕ МОЛОДЁЖЬЮ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ МИГРАЦИОННЫХ ВОПРОСОВ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ	35
Баранов Н.А. ОСОБЕННОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АГЛОМЕРАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	42
Букетов А. А. ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ИСТОРИОСОФСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ПОСТИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ.....	49
Величко О. В. ЯДЕРНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ФЕНОМЕН: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РЕАЛИСТИЧНОСТИ УГРОЗЫ	58
Милена М. Видосавлевич ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.....	64

Вилкова Д. В. ФАКТОР АККУЛЬТУРАЦИИ КРЯШЕН И НАГАЙБАКОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИСТОРИИ ЭТНОСА И СУБЭТНОСА ...	71
Воронин А.В. КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПОСМЕРТНОГО ТВОРЧЕСКОГО БЫТИЯ	76
Вулич Сিনিша КРИЗИС ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЮГОСЛАВИИ И ФРАНЦИИ В 1962 ГОДУ	83
Гаврилюк А.А. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО И ТОРГОВЛЯ: ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	88
Гаффаров И.З. КОНЕЦ ИСТОРИИ ИЛИ ПРОСТРАНСТВЕННО-СМЫСЛОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА.....	94
Гашков В.О. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ НА ГОСУДАРСТВЕННО- ГРАЖДАНСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: АНАЛИЗ ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ	99
Герасимович В.А. МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ И СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ В ГЕРМАНИИ	107
Головинский А.Г. РОЛЬ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ	111
Горин А. А. ИЗМЕНЕНИЕ ДОКТРИНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ВЕРОУЧЕНИЯ КАРАИМОВ ИУДЕЙСКИМИ БОГОСЛОВАМИ И ИСТОРИКАМИ XIX-XXI ВВ. ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ	117
Григорьев К.О. ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА	122
Гузельбаева Г.Я. ОПЫТ МУСУЛЬМАН – БЫВШИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ – В ПРАКТИКЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ С КРИМИНАЛЬНЫМ ПРОШЛЫМ	128
Дас Прити Д. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	133

Денисов А.Е. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ	140
Звездана М. Елезович ПОЛОТНА ЗОРАНА ФУРУНОВИЧА И ЗОРАНА ЙОВАНОВИЧА ДОБРОТИНА	144
Кадралинов А.А., Калыбек Ж.Ж., Конысбек Н.Д. ЛОББИРОВАНИЕ КАК ФОРМА ВЛИЯНИЯ ВЛАСТНЫХ И НЕВЛАСТНЫХ ГРУПП НА ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВА	150
Каленова Т. С., Каленова А. С. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА «ИНФОРМАЦИОННЫЙ КАЗАХСТАН – 2020».....	155
Когут В.Г., Нурышев Г.Н. ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	162
Коробкина Е. Н. СЛОВО О РУССКОМ ВРАЧЕ. СЛУЖЕНИЕ СЕРДЦЕМ. ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ БОТКИН.	166
Лыхойда Е.С. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	171
Маркович А. ПРАВО НА ВОССОЕДИНЕНИЕ СЕМЬИ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ И СЕМЕЙ В ПЕРИОД МИГРАЦИИ	180
Масаев М. В. ЕЩЁ РАЗ О ФЕНОМЕНЕ НОВОМУЧЕНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИОСОФСКОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА ПРИМЕРЕ НОВОМУЧЕНИКОВ БЕРДЯНСКА (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: НЕСТОР (ДОНЕНКО), ЕПИСКОП. НЕ МИР, НО МЕЧ. НОВОМУЧЕНИКИ БЕРДЯНСКА: СВЯЩЕННОМУЧЕНИКИ ВИКТОР КИРАНОВ, МИХАИЛ БОГОСЛОВСКИЙ, АЛЕКСАНДР ИЛЬЕНКОВ, ПАВЕЛ ВОЙНАРСКИЙ, МУЧЕНИКИ ПАВЕЛ И АЛЕКСЕЙ КИРЬЯН. – СИМФЕРОПОЛЬ: Н. ОРИАНДА, 2022. – 576 С.)	189
Масаев М. В. ФЕНОМЕН ПРАВСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ СУДЕБ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ	199

Мельничук С.В. ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	205
Марина Д. Миятович ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭТИКА В ЦИФРОВУЮ ЭРУ	212
Мохов А.В., Сенюшкина Т.А. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	224
Нешич Б. Невена КОНЦЕПЦИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ АМАРТИИ СЕН И ОБРАЗОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ	228
Александр С. Павлович НЕ-МЕСТА СЕРБОВ ИЗ ОРАХОВАЦА И ВЕЛИКА-ХОЧИ: ПУТЕШЕСТВИЕ «КОНВОЕМ» В КОСОВСКУЮ МИТРОВИЦУ И ОБРАТНО	236
Пашковский П. И. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ I СОЗЫВА: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	246
Петрович Маша КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ О СОБЫТИЯХ В КОСОВО 1999 ГОДА В РОМАНЕ ДУШИЦЫ ФИЛИПОВИЧ «МЕТОХИЙСКИЙ СФУМАТО»	253
Петрович Б. Дж., Ралович И. М. КОНЦЕПЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО И ГРАЖДАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА	261
Ратегова Е.И. ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АЛЬЯНСЫ: ОТ ЮЖНОГО ПОЛУШАРИЯ К ГЛОБАЛЬНОЙ СЦЕНЕ	271
Романович Н. А. АКЦЕНТЫ ТЕОРИИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА	276
Рожковский В.Б. ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ СЛАВЯНОФИЛОВ (И.В. КИРЕЕВСКИЙ, А.С. ХОМЯКОВ) В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПАНАРИНА	281
Сайфутдинова Ю.Э., Нурышев Г.Н. ЗАРОЖДЕНИЕ ЯПОНСКОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	289
Сенюшкин Е.А., Сенюшкина Т.А., Сенюшкин М.Е. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ	295

Сенюшкина Т.А., Сенюшкин Е.А., Сенюшкин М.Е. ЦИФРОВЫЕ ДЕНЬГИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ	301
Тростников А.А. ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИТОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	308
Трухан А.В. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ДИЛЕММА А.С. ПАНАРИНА В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ ДОСТОЕВСКОГО: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА РОССИИ МЕЖДУ ДВУМЯ ТОТАЛИТАРИЗМАМИ	320
Хамзина Л.Р. ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДЕ К ОБНОВЛЕНИЮ МУСУЛЬМАНСКОЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ ПРИВОЛЖСКИХ И КРЫМСКИХ ДЖАДИДОВ	329
Шахин Ю.В. ОПАЛЫ ЭДВАРДА КАРДЕЛЯ В ЮГОСЛАВСКОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ 1960-Х ГГ.	335
Боян Н. Шево УСИЛЕНИЕ ПРАВЫХ ПАРТИЙ В ЕВРОПЕ	343
Широкова М. А. ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В МАТЕРИАЛАХ КУРСА «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»	351
Шишкина В. Г. РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ «ЦЕРКВИ ПОСЛЕДНЕГО ЗАВЕТА» И ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ К ЭТОМУ НАСЛЕДИЮ	357
Ярмошевич А.А. МПА СНГ КАК ИНСТРУМЕНТ РОССИЙСКОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ.....	362

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА»**

**Сборник научных трудов XLIV Международного
Харакского форума**

(Ялта-Симферополь, 21-25 ноября 2024 г.)

Под общей редакцией Т.А. Сеньюшкиной

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 21,85. Тираж 500 экз. Заказ № 06А/31.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, зд. 31а,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, зд. 31а,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru